

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
эрбпринц

Ричард Длинные Руки —
эрбпринц

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ригард Длинные Руки
 Ригард Длинные Руки — воин Господа
 Ригард Длинные Руки — паладин Господа
 Ригард Длинные Руки — сенешаль
 Ригард де Амальфи
 Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
 Ригард Длинные Руки — виконт
 Ригард Длинные Руки — барон
 Ригард Длинные Руки — эрл
 Ригард Длинные Руки — граф
 Ригард Длинные Руки — бурграф
 Ригард Длинные Руки — ландлорд
 Ригард Длинные Руки — пфальцграф
 Ригард Длинные Руки — оберлорд
 Ригард Длинные Руки — коннетабль
 Ригард Длинные Руки — маркиз
 Ригард Длинные Руки — гротграф
 Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
 Ригард Длинные Руки — майордом
 Ригард Длинные Руки — маркграф
 Ригард Длинные Руки — лаутграф
 Ригард Длинные Руки — фрейграф
 Ригард Длинные Руки — вильдграф
 Ригард Длинные Руки — раугграф
 Ригард Длинные Руки — конунг
 Ригард Длинные Руки — герцог
 Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
 Ригард Длинные Руки — фюрст
 Ригард Длинные Руки — курфюрст
 Ригард Длинные Руки — гротсфюрст
 Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
 Ригард Длинные Руки — гранд
 Ригард Длинные Руки — князь
 Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
 Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
 Ригард Длинные Руки — принц
 Ригард Длинные Руки — принц-консорт
 Ригард Длинные Руки — вице-принц
 Ригард Длинные Руки — эрпринц
 Ригард Длинные Руки — курпринц

Ригард Длинные Руки —
 эрбпринц

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
эрбурини

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован
рисунок *В. Коробейникова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — эрбпринц : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-63221-3

Все опаснее и тревожнее дорога крестоносцев в северные земли. Битвы с армиями Мунтвига чаще, расходятся взгляды с великим инквизитором на церковь и ее роль, лорды полны решимости наконец-то женить Ричарда, а ему подошел день, когда нужно нести службу в покоях королевы эльфов...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-63221-3

© Орловский Г.Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Часть первая

Глава 1

Лорды гурьбой выходили из шатра, с лязгом и скрежетом сталкиваясь стальными плечами в узком проеме.

Последним покинул совещание Норберт, единственный, кто не в металле. От его темных лат из толстой кожи, как всегда, ни звяка, и даже в лунную ночь ни отблеска, бесшумный, как горный волк, но такой же смертоносный.

На выходе остановился и учтиво придержал полог, пока порожек с той стороны переступает Аскланделла. Дочь императора сегодня в багровой короне и в платье цвета пурпурного заката.

Я не сижу, так что подниматься в знак приветствия не пришлось, как и кланяться.

Она вошла во всем блеске молодости и великолепия. За спиной мелькнул сопровождающий ее любезный принц Сандорин, но благо-разумно остался по ту сторону.

Норберт выпустил из пальцев край полога, тоже исчез, мы с Аскланделлой остались одни. Полная спеси и надменности, с прямой спиной и не такими уж узенькими плечиками, как ожидаем от болезненных принцесс, вообще у нее плечи весьма, она взглянула на меня в упор удивительно светлыми глазами, настолько по-

хожими на горный лед, что даже густые черные ресницы, длинные и загнутые, не сумели бросить тень.

В отличие от большинства женщин, у которых брови тонким шнурком, нередко вообще едва заметные, у этой густые, черные и какие-то грозные, почти сросшиеся над переносицей, из-за чего я поглядывал на них чаще, чем на ее резко очерченную грудь.

— Ваше высочество, — произнес я наконец, чувствуя, что ей рот открыть первой можно только на дыбе, — надеюсь, ваша прогулка верхом была... удовлетворительной.

Она произнесла ровным голосом:

— Весьма.

— Я как бы рад, — сказал я любезно и ощутил, что злость сковывает мне челюсти, вот-вот заскрежещу зубами. — И... ах да, счастлив.

— Принц Сандорин был очень любезен, — сообщила она тем же холодным ясным голосом. — Вот уж не думала, что на далеком развращенном Юге еще сохранилась любезность!

— Сохранилась, — подтвердил я светски. — Почему-то. Ага.

— Но, видимо, он такой единственный.

— Ваше высочество, — сказал я протокольным голосом. — Позвольте вас проводить к креслу.

Она милостиво позволила, я проводил ее целый шаг, усадил, не прикасаясь к укрытым пурпурным атласом плечам даже кончиками пальцев, а как бы помавая в полудюйме от них, этикет соблюдаю, и отступил с поклоном.

— Позвольте прояснить обстановку, — сказал я таким голосом, каким говорило бы дерево, — вы неосторожно обронили у Мунтвига, что мы, южане, вовсе не

черти с рогами, на что там обиделись, а Мунтвиг в благородной вспышке гнева... у нас, правителей, все благородное!.. тут же отправил вас взад. В смысле, не к отцу, а ко мне.

Она слушает с таким видом, что не поймешь, западает ли хоть слово в ее розовые ушки, это не просто злит, а бесит, и я договорил, едва не лязгая зубами от злости:

— Уверен, он уже пожалел о своей вспышке!.. Жаль, у него не такие свободные и раскованные военачальники, перечить и советовать одуматься не посмели. Поэтому мы сделаем все для вашего счастья... это значит, со всей незамедлительностью постараемся вернуть вас вашему жениху. Будьте спокойны, у нас все получится.

Она произнесла хрустальным голосом:

— Во всяком случае, это у вас получится.

Я окинул ее гневным взглядом, прямая, чтоб сиськи заметнее, и в то же время надменная, чтоб зелен виноград, да, грамотные. Взгляд устремлен перед собой, и неважно, что там, главное — все равно интереснее, чем этот раздраженно вышагивающий прынец, возмнивший себя способным тягаться с ее женихом.

А «это» выделила нарочито, как будто все остальное у меня прям рушится.

— На это время вам выделяют отдельный шатер, — сообщил я. — Не самый роскошный, у нас вообще таких нет, но и не солдатскую палатку.

Она впервые повела в мою сторону глазами, я ощутил себя так, будто по моей морде стегнули свежей крапивой.

— Спасибо за любезность, принц.

— Господь создал Адама, — пояснил я с холодной любезностью, — а его забота о женщине сделала из него мужчину. Мы лишь продолжаем традицию.

— Принц...

— Если нужна особая помощь, — сказал я сквозь зубы, — вам помогут женщины. Если захотят, конечно.

Она подняла на меня взгляд, жжение исчезло, взамен кожа ощутила приятное тепло.

— Женщины?

— Благородные женщины, — уточнил я. — Правда, почти все остались в той армии, что перекрывает дороги в наши королевства, но в нашей ударной тоже есть.

Она переспросила с таким видом, что вот сейчас поймает меня на лжи:

— Женщины в армии?

Я хмыкнул.

— Видели бы вы, как эти беззащитные создания, как мы говорим, сражаются!.. Мужчины говорят, нельзя становиться на пути у носорога и беззащитной женщины. Так что, все мы, может быть поневоле, но к женщинам относимся не только с восхищением, как к красивым коням, павлинам или сорокам, но и как бы с уважением.

Она произнесла с холодком:

— Не знаю, почему вы мне это говорите.

— Дык я ж дурак, — воскликнул я бодро, — во всяком случае, в вашей интерпретации. А вы не красавица, как на мой взгляд искушаемого знатока и ценителя с линейкой в мозолистых руках труженика и принца-строителя флота. Нет, вообще, строителя, так значимей! Можно с прописной. Даже лучше! Тот, кто уверяет вас в обратном, просто брешет в надежде на пряник в виде благосклонного взгляда... или прочих благосклонностей, кто знает нравы имперских дочерей...

— Императорских, — поправила она спесиво.

— Да хоть кайзеровских, — ответил я гордо с видом удельного горного князька, который в своих соплеменных никого не боится и поплевывает сверху. — Так что можете успокоиться! Мне от вас ничего не надо, и нравиться я вам не собираюсь и не стараюсь.

— Еще как не стараетесь, — сказала она ядовито.

— А это значит, — заметил я, — можете не опасаться моих поползновений на вашу... эту, как ее... ага, женскую честь!

Она поправила с достоинством:

— Девичью.

— Девичью? — перепросил я и с подчеркнутым недоумением смерил ее взглядом. — Это же сколько же вам лет... С виду вы вроде бы, гм... Ах да, у женщин многое не спрашиваем, оберегаемся... Так что, принцесса...

— Аскланделла, — напомнила она.

— Это значит, — перепросил я, — можно по имени? Тогда в качестве громадного жеста любезности взад, я — Ричард.

— Принцесса Аскланделла Франкхаузнер, — уточнила она высокомерно. — Мое Императорское Высочество!

— А-а-а, — сказал я с подчеркнутым разочарованием. — Ну тогда я принц Ричард Загребущие Руки. Ладно, насчет конечностей опустим, достаточно и принца Ричарда. Остальные титулы можно тоже оставить, я скромный до бесстыдства.

— Предельно скромный, — подчеркнула она. — До невозможности.

Я смотрел на нее, гордо выпрямившуюся и предельно высокомерную, не желающую уступать ни в чем, как же, дочь императора, ничем ее не смутить, разве что предложу вот прямо сейчас показать ей пенис... но она, зараза надменная, может и тут не отступить, а сказать: «Показывай!» — и тогда даже не знаю, хватит ли у меня нахальства сделать следующий шаг, женщины, уж если упрутся...

— Ваше высочество, — произнес я церемонно и, поклонившись, сделал шаг назад, утешая себя тем, что великие полководцы отступают заранее, не давая вовлечь

себя в опасные ситуации. — Желаю вам... отдохнуть. Обед сейчас принесут. Вас кормят с ложечки?

Она не пошевелилась, женщины такого ранга не отвечают на поклоны; лицо неподвижное и величественное, на мое двусмысленное пожелание тоже не ответила, дочери императора все позволительно даже по этикету.

Мне показалось, что в ее холодном взгляде таится насмешка триумфа победительницы, но, вообще-то, хрен разберешь, что в глазах женщины.

Снаружи яркое солнце, мужские голоса, запах горелого дерева, покрытые пеплом костры с редкими углями и множество людей у шатров и палаток.

Зигфрид молча указал взглядом своему напарнику на полóg, Скарлет кивнула и сразу же проскользнула вовнутрь.

Альбрехт беседует с сэром Норбертом, а когда я появился из шатра, оба поспешили ко мне с озабоченными лицами.

— Ваше высочество?

— Где черновик? — спросил я злым шепотом.

— Вчерне готов, — сказал Альбрехт поспешно.

— Давайте!

— Так вчерне же, — ответил Альбрехт опасливо, — мы же только вычисляли формулировки, как вы предпочитаете, когда появилась принцесса... Но все в голове, все ваши чеканные определения, щемящие слова, полные гневного отпора и пламенного призыва...

Я спросил с подозрением:

— Вы о чем? Ладно, пойдемте в чей-нибудь шатер, а то меня из моего, как зайчика из норки, деликатно выперли пинком в область копчика... Бумагу нужно составить немедленно и тут же передать в любые воинские части Мунтвига!

— Все сделаем, — заверил Альбрехт, — только дышите глубже, думайте о прекрасном... эльфы для вас еще как?.. или уже на зеленое тянет?..

Норберт сказал вполголоса:

— Его высочество — человек с размахом, он наверняка уже о рыбах подумывает.

Принц Сандорин, завидя нас издали, ринулся навстречу.

— Ваше высочество?

Норберт сказал мне вполголоса:

— У него просторно.

— Мы к вам в гости, принц!.. — заявил я светло. — Нет-нет, вина не надо, никакого пира!.. Но чернильница и бумага не помешают.

Сандорин вскрикнул в удивлении:

— Разумеется, есть! Я же грамотный...

Он поспешил вперед и распахнул в стороны вход в шатер, роскошный до безобразия, внутри все в золотистом шелке, масса золотых украшений, в углу скрепленные церемониальные копья, тоже в золоте, но, к счастью, посреди не роскошная кровать, а все-таки стол, прекрасный рабочий стол с чернильницей, стопкой гусиных перьев и двумя листами бумаги.

Правда, ложе все-таки роскошное, но сдвинуто к стенке, дескать, принц — воин-крестоносец, а не сластолюбец, смотрите и запоминайте.

— Ваше высочество, — воскликнул Сандорин с энтузиазмом, — чем могу?

Я кивнул и молча сел на стол. Память сразу же выдала придуманное утром начало: «Ваше императорское Величество, при всем желании не могу принять этот бесценный, без всякого сомнения, дар, ибо это у пчел можем красть мед и не чувствовать стыда, но незаконно присвоить женщину, принадлежащую другому, это нечестно...»

Альбрехт, опасаясь, что забыл, подсказал:

— Вы зачеркнули «нечестно» и написали «не по-христиански и не по-мужски», а дальше увязли в болоте умничанья ваших советников. Потому никого не слушайте, дорогой сюзерен.

— Когда дело касается женщины, — буркнул Норберт, — нельзя слушать даже себя.

Сандорин смотрел ошалело.

— Что? Снова стараетесь избавиться от принцессы Аскланделлы?

— А вы против? — спросил я свирепо. — А как же Лиутгарда?

Он поперхнулся, промямлил жалко:

— Ну... дело ж в этикете...

— Вот и помогайте, — рыкнул я, — составить письмо со всеми учтивостями этикета, но твердое, как слово сэра Растера, и гибкое, как совесть нашего графа Альбрехта!..

Через полчаса из шатра Сандорина почти выбежал сэр Норберт со свитком в руке, опоясанным красными шелковыми шнурками и в багровых сургучных печатях.

Я вышел следом и успел увидеть, как лихо взметнулся в седло один из самых быстрых гонцов, сухо простучала дробь копыт, и вскоре оба с конем исчезли из виду.

Альбрехт оглянулся, прислушался.

— Ого, нас догоняет обоз?.. Здесь привал?

— Никаких привалов, — отрезал я. — Нам еще трое суток двигаться на восток к границам Пекланда, где и остановимся на недельный отдых! Никаких отклонений от плана, ясно? Постоянство внушает людям уверенность.

— Гм, почти верно...

— И никаких приключений по дороге, — сказал я наставительно. — Все они — от дурости, несообрази-

тельности и непредусмотрительности!.. Все приключения от «приключилось», а хорошее не приключается, дорогой сэр Альбрехт. Потому вперед и с песней!

Он улыбнулся с едва заметной насмешкой.

— Это мы умеем. Вперед и с песней. Да еще если выпить...

Глава 2

Земля отзывается тревожным гулом от топота тысяч и тысяч конских копыт, а от ударов сапог на двойной подошве дрожит и недовольно стонет.

В слабом рассвете стальные доспехи блестят пугающе незнакомо, словно на берег выбралась из моря масса чудовищ в прочном хитине с головы до ног, с которого еще бежит вода.

Кони, укрытые кольчугами до середины бедер, где всего три отверстия: для репицы хвоста и для глаз, кажутся чем-то хищным, а за конницей бредут пехотные части, все с белых плащей с красными крестами на груди. На этот раз над головами нет леса копий с блестящими жалами, я распорядился везти их отдельно на повозках, выделенных специально для этой цели.

Таким образом, копейщики налегке проходят в сутки на милю больше, а привалы для отдыха можно делать короче.

Идут всё так же по шестеро в ряд, плотно, почти касаясь друг друга локтями, а со стороны вообще выглядят стальной рекой. С утра все мрачные, но за спиной на востоке уже покраснело небо, защелкали птицы, и вот-вот кто-то из самых голосистых и молодых воинов запоет походную песню, под которую сердце стучит часто и радостно, а ноги словно сами убастрывают шаг.

Местные о приближении нашей армии узнают не раньше, чем мы оказывались рядом, потом в панике бегут в леса, бросая все нажитое, но самые отважные остаются и не прогадывают: мирное население я велел не трогать, разве что забирать для нужд армии запасы зерна, которые те не успели спрятать или увезти.

Но дальше деревни и села тянутся абсолютно пустые, даже собак увели, а в мелких городах остались только священники. Усадьбы лордов обезлюдели, из леса иной раз доносится тоскливое мычание коровы или собачий лай.

Норберт часто исчезает далеко впереди. Его конники идут небольшими отрядами, к тому же выпускают еще и разьезды по три человека, а он старается везде побывать и за всем уследить, благо самые быстрые кони у него и его людей.

Я видел, как он пронесся вдали, похожий на низко летящего над озером стрижа, потом резко свернул в мою сторону, а я с удовольствием смотрел, как они с конем быстро укрупняются и растут в размерах.

Он понял мой взгляд, сказал со сдержанной гордостью:

— Мчаться на хорошем коне — все равно что мчаться по небу.

Я оглянулся на мелькающего далеко в кустарнике леса Бобика, понизил голос до шепота:

— Собаки наши лучшие друзья, но пишут историю кони.

Он улыбнулся, поняв.

— Коня дают нам крылья, которых у нас нет... Ваше высочество, разведчики нашли идеальное место для ночного отдыха.

— Отлично, — сказал я. — Пусть указывают дорогу, если это не слишком в сторону.

— Почти прямо, — заверил он. — Только на полмили дальше. Прибудем затемно.

— Дольше поспят, — решил я. — А что вон там за туча? Слишком она какая-то... необычная.

Он проследил за моим взглядом, посерьезнел, лицо стало строже.

— Думаю, ваше высочество, то место стоит обойти стороной.

— Да что там?

— В той стороне монастырь, — ответил он, — куда, если верить слухам, ушел император Карл замаливать грехи.

Я нахмурился, враз захотелось помчаться туда, вытащить бывшего императора и предать лютой смерти, такой вот из меня милосердец, но взял чувства в кулак и сжал посильнее.

Кони наши идут быстро, из-за невысоких холмов поднялись башни монастыря, туча стала видна во всех подробностях: огромная и темная, в ней сверкают белые злые молнии, а на землю обрушиваются тяжелые удары грома.

Норберт сказал со скупой усмешкой:

— Крестьяне, что живут в деревнях вокруг монастыря, истолковывают по-разному, но все равно каждый уверяет, что за душу такого великого грешника идет ожесточенная борьба. Дескать, дьявол прислал своих из ада, чтоб утащить в преисподнюю, а светлые силы отстаивают, мол, человек покался, замаливает грехи.

— А сами крестьяне, — спросил я с интересом, — не хотят разгромить монастырь и вытащить оттуда Карла?

Он покачал головой.

— Говорят, благодаря молитвам такого великого грешника у них скот начал давать двойной приплод! Саранча вовсе исчезла... а как там дальше пойдет, будет видно. Старые люди говорят, что иногда верх одержи-

вают светлые, иногда — темные. Если победят светлые, грешник останется в монастыре, если темные — то сразу заберут с собой, они не больно церемонятся.

Я выслушал, кивнул.

— Как и мы. Вообще, похоже на схватку адвокатов с прокурорами. Одни доказывают вину и настаивают на тяжелом наказании, а другие приводят доводы в защиту.

Он спросил с интересом:

— Ваше высочество, а вы за кого?

Я коротко взглянул на небо.

— Знаете ли, барон, лучше такие вопросы не задавать.

— Почему?

Я посмотрел на него зверем.

— Не прикидывайтесь овечкой, сэр Норберт. На некоторые вопросы отвечать трудно, потому что надо выбирать между «мне так хочется» или «я так считаю» и менее приятным «так надо».

Он вскинул брови.

— Все равно не понял. Вы мне на пальцах, ваше высочество. Для доступности.

— Что вам все еще непонятно?

— Непонятно, — спросил он голосом кроткой овечки, — хочется вам как?

Я огрызнулся:

— Сами знаете, как мне хочется. Как всем нам хочется!.. Мы же человеки, недавние питекантропы!

— Ваше высочество, — спросил он испуганным шепотом, — а это кто?

Я буркнул:

— У отца Геллерия могли бы спросить, ленивец. Это та живая и разумная глина, что жила, охотилась и размножалась, пока Господь не вдохнул в нее душу.

Он пригнул голову, будто Господь вот-вот погладит его молотом между ушей, спросил еще тише:

— А разве Господь не в тот же день вдохнул душу... ну, как слепил из глины?

— Конечно, — ответил я высокомерно, — в тот! Но что для нас тысяча лет — для Господа меньше одной доли секунды!.. Думаете, он сотворил мир за семь наших дней? Ну вы и наглец...

— Ваше высочество!

— А кто вы есть, барон, если возомнили, что Господь должен мерить свое божественное время презренными земными сутками?.. Ага, поняли?.. В общем, Господь сотворил Адама, а через пару минут, полюбовавшись на творение своих рук, вдохнул в него душу. Но Адам за это время успел наплодить тысячи таких же неотесанных, что разошлись по свету.

Он пробормотал в затруднении:

— Но... как? Евы тогда еще...

Я вздохнул.

— Дикий вы человек, барон. Господь Еву создал из ребра Адама потому, что все остальные попытки сделать женщину из глины... и не только из глины, проваливались. Потому и не засчитывались. А вы что, всех женщин помните, что обрюхатили за время нашего похода?

Он сказал с сомнением:

— Да почти всех... а вот за прошлые... гм...

— Вот-вот, — сказал я с укором, — тоже неандертальцев наплодили! А то и питекантропов.

Он в задумчивости посмотрел на монастырь, над которым продолжает грохотать небесная буря, а слепящие молнии разрывают тучи в лохматые клочья.

— Думаете, черти его все-таки заберут?

Я пожал плечами.

— Я только «за», но смутно начинаю постигать, что над справедливостью есть еще и так называемое милосердие. И хотя оно мне все еще противно... ну не понимаю, не понимаю, почему оно должно быть выше!.. но

верю, что смысл в нем какой-то есть... даже высокий смысл. Потому обойдем этот монастырь стороной, не тревожа его обитателей.

Он кивнул, сказал с сочувствием:

— Ваше слово, ваше высочество, и ни одна нога не ступит к стенам монастыря ближе, чем на полет стрелы. Хотя понимаю, как вам жаждетесь вытащить это чудовище на свет божий и повесить на дереве так низко, чтобы он чуточку касался земли кончиками ног!

Я сказал люто:

— Что? Так мало? Да я в мечтах тысячу раз сажал на кол!.. Сдирал с живого кожу по дюйму в день!.. У меня с ним старые счета еще с Зорра!.. Он виноват не только в гибели сотен тысяч ни в чем не повинных людей... да хрен с ними, а в смерти двух-трех лично мне знакомых, которых глубоко уважал.

— И все же?

Я тронул Зайчика и молча послал по дороге, оставив монастырь слева, и больше не смотрел в его сторону. Над головой некоторое время еще грохотало, земля иногда вздрагивает, затем впереди мир озарился ярким солнечным огнем, и сталь доспехов в колонне рыцарей засияла радостно и победно.

Господь и сам иногда что-то делает, мелькнула мысль, а не только все сложил на таких вот еще сопливеньких. Его решение, конечно, красиво и весьма изящно, да только вот не стало Карла — появился Мунтвиг.

И надо искать решения, красивые или нет — неважно, но такие, чтобы карлы и мунтвики не появлялись вообще.

В свое время Альфонс Мудрый, король Кастилии, пытаясь понять астрономическую систему Птолемея, сказал со вздохом, что, случись ему присутствовать при

сотворении мира, он бы дал Господу кое-какие советы по части лучшего устройства мироздания.

Мироздание — хрен с ним, все эти горы, моря и океаны меня не волнуют, зато много чего насоветовал бы по части лучшего устройства общества. Увы, уже понимаю, что как человек в утробе матери проходит через все стадии жизни, от амебы к червяку, рыбе с жабрами и ящерице, так и общество должно расти, как человек, усложняться, уметь и созреть для следующей ступени, а не так, чтобы из младших классов школы сразу к диплому или ученой степени.

Но ладно, если нельзя само общество тянуть за уши, то можно — науку и технику. Пока это только простая механика, понятная и Архимеду, но если ее достижения внедрить повсеместно, то мир изменится кардинально...

Слева в мою сторону несутся двое всадников, впереди Бобик, а то как же без него, один закричал издали, спеша опередить товарища:

— Ваше высочество!.. Пополнение!

— Кто? — спросил я.

Они осадили коней рядом, второй всадник сердито блыкнул глазами на первого.

— Ваше высочество, — произнес он почтительно, — к нашему войску присоединились два больших отряда ирамских лордов! Это впервые за весь Ирам.

— Состав? — спросил я.

— Кроме четырехсот рыцарей, — доложил он, — с ними пять тысяч тяжелых панцирных всадников, а также обученные копейщики и лучники.

Меня догнал Норберт, прислушался, кивнул с довольным видом.

— Уступают нашим, — заметил он, — однако на безрыбье и рак рыба. Как только перейдем границу с Пекландом, вот там и разгуляются!

— На границе с Пекландом большой привал, — напомнил я. — Местные наверняка поспешат нам навстречу. Кто с изъявлениями дружбы и даже покорности, а кто-то заявит, что согнет нас в бараний рог и вообще сотрет в порошок, если посмеем ступить на их земли и топтать их кур.

Норберт кивком указал разведчикам, что свободны, возвращайтесь к своим обязанностям; те сразу развернули коней и умчались, а Бобик некоторое время бежал с ними, потом вернулся и смотрел искательно: давай что-нить натворим?

— Это уж точно, — согласился Норберт. — Бароны почти все такие. Но, думаю, это не слишком повлияет?

— Надеюсь, — ответил я. — Нравятся мне эти самоуверенные дураки. Сразу себя таким умным рядом с ними чувствуешь!

Он покосился на меня с некоторым подозрением во взоре, но я смотрю вперед чисто и открыто, сам вроде самоуверенного дурака, решившего осчастливить мир, хотя не в состоянии осчастливить себя самого.

— Из Пекланда, — поинтересовался он, — в Сакрант или в королевство Эбберт?

— Надо подумать, — пробормотал я. — Сакрант на северных границах Пекланда, а Эбберт — на южных... Вообще-то, нам в Сакрант, там резиденция Мунтвига в столице Генгаузгуз...

— Но вам жаждется отомстить королю Харбиндеру, — продолжил он, когда я запнулся. — Вполне понятное чувство, ваше высочество, но можно ли простыми желаниями руководствоваться в таких великих делах?

Я покачал головой.

— Нельзя, вы правы, дорогой друг... Однако здесь целый клубок возможностей, нужно только выбрать правильно.

— Ваше высочество?

— Отомстить Харбиндеру, — сказал я, — можно под знаменем общей защиты высших христианских ценностей. Дескать, я наказываю короля и его народ, что гнали нас через всю страну, не давая ни крошки хлеба, ни глотка воды!.. Это бесчеловечно, это противно всем божеским законам. Если это правильно подать, то еще и выиграем на своей жестокости, что будет воспринята, как необходимая кара, а мы — как орудие божественной воли... Вон как судьба Содома и Гоморры, вроде бы и жестоко, все-таки погибли не только содомиты, но и их жены, и дети, но... народ считает, что Господь поступил верно?

Он помолчал, посмотрел на меня несколько странно, после паузы сказал:

— Тогда проиграем с Сакрантом.

— Почему?

— Пока будем драться с Харбиндером, Сакрант готовится к обороне.

Я ответил со вздохом:

— Столицы всегда защищены хорошо. Как стенами, так и войсками. А весть о нашем приближении уже долетела к сакрантцам. Как бы ни двигались мы быстро, гонцы скачут быстрее, чем наши волы тащат обоз.

— Тогда...

Я понизил голос:

— Если повернем на Эбберт и начнем долгую войну с королем Харбиндером, в Сакранте несколько успокоятся.

Он подумал, кивнул.

— Понимаю. Но... в чем наша выгода?

— Эбберт, — сказал я, — Эббертом, но главная наша цель — Сакрант. А в Сакранте — Генхаузгуз.

Он сказал медленно:

— Если захватить столицу, удельные лорды Сакранта поднимут головы? И объявят свои владения самостоятельными?

Я зло ухмыльнулся.

— А когда было иначе?

Он поинтересовался с беспокойством:

— Но нам же такое на руку?

— В данном случае, — ответил я мрачно.

— Ваше высочество?

Я покачал головой.

— Прости, мне трудно думать о Мунтвиге и его непокорных лордах, если уже летом Багряная Звезда всю поверхность Земли превратит в потоки кипящей лавы!

Он вздохнул и замолчал.

Глава 3

Днем редко удастся ускользнуть от телохранителей и обязательной свиты, зато ночью случается поптеродактель всласть, хотя, конечно, не злоупотребляю. Только разведка, только вид с высоты, поиск вражеских армий, плюс уточнения для карты: вот там проход в горной цепи, вот там слишком широкие и точно непроходимые ущелья, а вон та дорога, по которой идем, почему-то упирается в обширное болото, откуда только и взялось, и почему без моего ведома...

Сегодня ухитрился умчаться на Зайчике в сопровождении Бобика днем, их спрятал в овражке, а сам взлетел и жадно направился в сторону Пекланда, осматривая его, как орел, и запоминая, где что расположено.

Само по себе королевство гористое, а это значит, множество независимых от короля кланов, баронств, графств, и вообще владений, лорды которых забрались достаточно высоко в горы и контролируют единствен-

ную к ним дорогу от любого захватчика, будь это собственный король или чужеземные войска.

Ирам в плане дорог тоже не подарок, мы и там проходили по узким ущельям и преодолели вброд сотни мелких рек, топали по берегам больших озер, удивительно чистых и прекрасных, пробирались через болота, если мне удавалось высмотреть участки, где рациональнее замостить срубленными деревьями, чем обходить огромные пространства.

Примерно то же самое и в Пекланде, да и почему должно быть иное, даже люди те же, точно так же прячутся, а воинственные бароны заперлись в своих горных замках и объявили, что будут драться до последнего.

Норберт посмеивался, очень они нам нужны, это же прекрасно, что все убираются с дороги, как только видят, что у нас не отряд, не войско, пусть даже большое, а целая армия.

За ночь земля ощутимо подмерзает, утром зеленая трава блестит не от росы, а от инея, что вскоре истает, но воздух остается сухим и холодным. Колеса, правда, все так же увязают в грязи, но скоро грянут настоящие морозы, а здесь они суровее, чем у Большого Хребта. Тем более на той его стороне.

В Пекланд вступили без боев, и так же без них удалось миновать почти треть королевства. Это еще и потому, что я сам всячески избегал проходить вблизи крупных городов, но вскоре Норберт доложил, что в неделе пути нам дорогу загромождавает большая армия.

— А обойти?

Он покачал головой.

— Там практически одна дорога. Справа и слева горы, и так почти сотню миль.

— Пекландцы?

Он снова покачал головой.

— Разведка сообщила: вооружение обычное для армии Мунтвига... С другой стороны, откуда у пекландцев что-то особое?

— Значит, — сказал я, — ядро армии шло нам навстречу из Сакранта...

— Или из краев, — согласился он, — что за Сакрантом. Конечно, пекландские войска тоже здесь все. Во всяком случае, королевские.

— Это не слишком много, — заметил я, — если бароны решили воздержаться.

— Кто-то воздержался, — ответил он осторожно, — кто-то нет... Но сражение нам предстоит серьезное.

— Мы успеем подготовиться, — ответил я твердо, хотя сердце тревожно застучало. — Чуть притормозим, чтобы подтянулась пехота Макса. Обоз, надеюсь, мунтвиговцы оставят себе на сладкое.

Он кивнул, придержал коня, давая мне возможность остаться с государственными мыслями, но на его месте тотчас же очутился Зигфрид, за ним держится его немногословный оруженосец Скарлет.

Я посмотрел на нее, спросил у Зигфрида:

— Слушай, а как принцесса?..

— Аскланделла? — спросил он.

Я поморщился.

— Слава богу, у нас только одна.

Он торжествующе улыбнулся.

— Есть еще Лиуттарда!

— То свой человек, — отрезал я. — А эта... как она обходится без тысячи фрейлин и служанок?

Его улыбка перешла в ухмылку.

— Плохо вы знаете принцесский быт, ваше высочество!.. Их с колыбели учат, как не уронить себя в глазах всех прочих. В том числе обучают простейшей магии, чтоб в случае необходимости обходиться без слуг вообще. У них фрейлины больше для важности.

Я спросил недоверчиво:

— И что, в самом деле обходятся?

Он ответил снисходительно:

— Нет, конечно. Я ж сказал, в случае необходимости.

— Ну слава богу, — сказал я с облегчением. — Камень с души. Не люблю мучить животных. У нас эта необходимость будет постоянно.

Он ответил мирно:

— Она это знает.

— И не ворчит? — спросил я. — Ах да, она не унижится до таких примитивных изъятий... Говорят же, притворяйся вежливым — и привыкнешь.

Ночью на привале, как мне показалось, пришла было Санегерийя, но налетел огненный ураган, завывала буря, с неба грозно и страшно сверкали исполинские молнии, каждая ветвистая, как дерево со светящимися корнями, и огромная, как материк.

Я сжимался в комок от первобытного ужаса, вздрагивал и чувствовал, как эти горы валятся на меня, сейчас раздавят и расплющат, как мелкую букашку, вот-вот в мою нежную незащищенную плоть вопьются острые грани скального массива, и задерживал инстинктивно дыхание, будто вот так сумею противостоять давлению.

Проснулся, дрожа и вздрагивая, с шумом выдохнул воздух и торопливо набрал в грудь чистый, оказывается, и в самом деле задерживал дыхание, потому и проснулся.

По стенкам шатра пробегает быстрая дрожь, слышится посвист ветра, а в далекой высоте погромыхивает, хоть и не так ужасающе, как во сне, раскатистый гром, что значит: гроза вообще-то проходит стороной.

Я натянул одеяло и тут только ощутил, что сплю голым. И хотя это моя давняя привычка, но от нее при-

шлось избавиться ввиду постоянных сквозняков в замках и даже королевских дворцах, резких перепадов температуры из-за слабого отопления каминами, так что ложился спать в доспехе Нимврода, он из кольчуги превращался в рубашку из толстой мягкой материи...

Первым движением было вскочить, одеться и забраться под одеяло, но страшноватая мысль, что кто-то вот так ночью вошел и раздел меня, показав свое могущество, заставила скрутиться в позу эмбриона и снова задержать дыхание.

Утром я так и не отыскал доспех. Подозрение, что некто все-таки явился и украл, росло, крепло, наконец превратилось в несокрушимую уверенность.

Наши маги, что двигаются с армией, на такое не решатся: я для них единственный защитник в этом злом мире, каждый из них готов отдать свою рубашку, только бы мне было комфортно, так что, это кто-то пришел новый и очень сильный...

Военачальники начали подходить с утра, с каждым часом приближаемся к загородившей дорогу армии Мунтвига, у всех свои оригинальные предложения на счет того, чтобы выхватить из ножен мечи и ринуться на врага с безумной отвагой.

Я выслушивал вежливо, люди все самолюбивые, дураками никого не стоит называть в лоб, а только иносказательно. Последним был принц Сандорин, с ним проблем больше всего, рвется в бой, но оберегать его приходится особенно: единственный наследник короля Вендовера Буркхарта Третьего, случись с ним что, династия Буркхартов прервется...

— Принц, — сказал я державно веско, — вы постоянно рветесь в бой, но я постоянно мешаю вам проявить свою безумную отвагу и безрассудное мужество...

Он выпрямился, сказал с надеждой:

— Ваше высочество?

— Даю вам под начало пять тысяч панцирной конницы, — сказал я, — это, конечно, не сравнимо со всей армией королевства Вендовер, которую пришлось оставить защищать границы Юга, однако побольше, чем отряд ваших телохранителей.

Он воскликнул воспламененно:

— Ваше высочество! Все, что угодно! Только прикажите!

— Вот и приказываю, — ответил я, — смотрите на карту. Вот здесь вы отважно вступите в бой, затем дрогнете и отступите...

Он вздрогнул, щеки побледнели.

— Отступим?

— Не просто отступите, — пояснил я, — а броситесь в бегство.

Он побледнел уже смертельно, выпрямился, как туго натянутая струна, задрожал всем телом и вскрикнул прерывающимся голосом:

— Мы потеряем лицо!

— Подберете на обратном пути, — оборвал я. — Когда проскачете с милю, мы ударим с фланга. Тогда можете прекратить... гм... запланированное отступление и перейти в контратаку.

Он смотрел на меня отчаянными глазами.

— Ваше высочество... Род Буркхартов никогда ни на шаг не отступал на поле боя!..

— Нам нужно выиграть войну, — сказал я, — но мы не обязывались выигрывать каждую мелкую схватку. В бою применимы любые приемы, в том числе и обманные.

— Но...

— А это прием для целых армий, — отрезал я. — Выполняйте, принц, иначе я усомнюсь в ваших качествах будущего короля, который должен быть уметь гибким, и поставлю другого военачальника. Я не должен угова-

ривать, вы еще не поняли? Вы сейчас не принц, управляющий своей личной дружиной, а мой военачальник, которому временно доверено командовать третьим корпусом тяжелой конницы!.. Но вы можете отказаться.

Он откинул голову, мне показалось, что даже сейчас до него не совсем дошла новая и простая истина, все-таки эти лорды по происхождению слишком уж уверовали в свое право единолично распоряжаться, а уж принцы так и вовсе, пусть даже я передал под его управление совсем не вендоверцев.

— Ваше высочество, — проговорил он мертвым голосом. — Я все исполню. С тяжелым сердцем, но исполню в точности.

— Спасибо, принц, — сказал я искренне. — Поверьте... в данном случае ваш отец, великий Буркхарт Третий, сказал бы, что я прав.

Он хмуро усмехнулся.

— Не сомневаюсь. Потому я и желаю батюшке долгих лет жизни, чтобы оставаться... всего лишь принцем.

— Вы не поверите, — произнес я негромко, — но мне тоже очень хотелось бы, даже жаждется вот прямо шас, кому-то пожелать долгих лет, чтобы вот так тоже...

Он взглянул как-то странно, помедлил, затем во взгляде я впервые увидел сочувствие.

— Не получится, ваше высочество.

Он не добавил, но я прочел в его глазах, дескать, это плохо для вас, но хорошо для всех нас, так что тяните воз, ваше высочество, мы туда сложили все наши вещи, а сейчас вот еще и сами сядем.

А не дурак, мелькнуло в голове удивленное, хоть и принц. Впрочем, отец натаскивает править королевством, так что уже сейчас должен знать и уметь больше других.

Противник дожидается нас в самом удобном для себя месте, я такое уже встречал, когда дорога идет по узкой долине между вытянутых гор, и войско затыкает собой горловину, встречая врага с защищенными флангами и лагерем с обозом за спиной.

Макс со своим войском уже подтянулся, но вперед я его пока не выдвигал, там гарцуют конники Норберта, создавая видимость, что у нас все такие вот легкие и без тяжелых доспехов, а которые в хороших панцирях — это все богатые лорды.

Мунтвиговцы некоторое время ждали атаки, но я не начинал, наконец они в нетерпении выдвинули вперед три тысячи лучников, что понятно — при таком обилии стрелковой мощи всегда есть соблазн тучей стрел расстроить наши ряды.

Это правильно и оправданно, там явно грамотный военачальник, любой другой бы привычно и стандартно повел в атаку рыцарскую конницу.

Этот молодец, лучники тучей стрел внесут смятение, а тяжелая конница мощным ударом завершит разгром. Они уже выстроились за лучниками в полном боевом порядке, грозные ряды могучих рыцарей, закованных в такую же броню, как и их кони. На щитах и доспехах победно горят изображения львов, тигров, медведей, вепрей, орлов, драконов, саламандр и еще чего-то грозного и даже страшного.

Альбрехт проговорил рядом сдержанно:

— Я уважаю достойных и талантливых полководцев, но почему это с каждым годом все больше предпочитаю глупых противников? Разве с возрастом человек не умнеет?

— Умнеет, — подтвердил я.

— Точно?

— Абсолютно, — согласился я. — Я вот в десять лет был точно умнее себя пятилетнего. А сегодня умнее вчерашнего!

— В случае же, — договорил он, — если нам удалось бы устоять перед градом стрел, и мы сами перешли бы в наступление, их лучники успеют отступить под защиту тяжелой конницы...

— Потому, — сказал я, — нам и нужно сохранять тайну наших дальнобойных луков.

— И тяжелых стрел.

— Да, и тяжелых стрел, — согласился я. — Пусть они не пробивают панцири, однако где у мунтвиговцев хорошие доспехи? А кожаные латы проткнут, как гнилую холстину.

Наша конница выстроилась широкой цепью для атаки, а из-за их спин начали выходить лучники, такие неприметные среди огромных рыцарских коней и внушительные впереди, так как для стрелков композитных луков требуется добавочная сила, что обычно связана и с ростом.

Макс выехал вперед на прекрасном белом коне, тот призывно ржал, предчувствуя свирепый бой, приседал на всех четырех, как дикий барс, готовый к прыжку.

Сам Макс весь с головы и до пят в блестящих доспехах дивной вестготской выделки, молодой и красивый, такие обычно оказываются редкостными дураками, он и не старался выглядеть мудрым, зато тщательно промерял взглядом расстояние до лучников противника, а своих выпускал и выпускал, но в какой-то момент крикнул:

— Стой!.. Дальше ни шагу!

Альбрехт пробормотал:

— Хороший глазомер у парня. Дальше, да, опасно. Те могут достать стрелами.

— У вас, граф, — сказал я, — тоже глазомер?.. Давайте просто понаблюдаем. У нас все дебюты записаны, неразбериха начинается в миттельшпиле.

Он посмотрел на меня искоса.

— Слова-то какие непонятные. Образованность показываете?

— Люблю повыпендриваться, — сказал я нервно. — Смотрите!

Макс, выждав, когда все лучники выйдут на позицию, взмахнул рукой. Те разом вскинули руки, с силой натянули тетивы, даже я услышал скрип сгибаемого дерева.

Лучники противника наблюдают с вялым интересом, посмеиваются, что и понятно, ни одна стрела не долетит, что за дураки...

— Начали! — крикнул Макс страшным и веселым голосом.

Глава 4

Стрелки разом выпустили тучу стрел. Та взвилась так плотно, что небо посерело и показалось каким-то трепещуще нереальным. И даже теперь лучники противника не встревожились: кто-то глазел на эти стрелы, кто-то глумливо хихикал над дураками, что вот так напрасно...

Стрелы, описав дугу, обрушились на противника. Там поднялся крик; люди падали, не просто пораженные стрелами, многие были сразу убиты, но еще никто не пытался броситься в сторону, а Макс снова взмахнул рукой.

Теперь его лучники стреляли как можно чаще, пока противник не опомнился и не разбежался. Тяжелые длинные стрелы убивают наповал, если попадают в головы, остальные ранят тяжело.

Поле начало покрываться телами павших. В рядах их конницы затрубил рог. Я видел, как там один привстал на стременах и прокричал команду, а во вскинутой руке заблестел обнаженный меч.

Вся масса колыхнулась и пошла медленным шагом, затем перешла на грунь, а следом на рысь. Уцелевшие из их лучников пытались убраться из-под копыт, но разъяренные рыцари уже не смотрели на чернь, так позорно проигравшую начало битвы, и торопились реабилитировать славу своей армии.

Земля загудела под тяжестью копыт. Я даже услышал, как ветер шелестит полотнищами знамен, а тысячи голосов красиво и торжественно запели псалом «Дева Мария, радуйся».

Я с тревогой оглядывался на группу блестящих рыцарей, во главе которых принц Сандорин, а за их спинами пятитысячная конница.

Альбрехт оглянулся тоже.

— Страшновато?

Я огрызнулся:

— А вам?

— Выдержит, — сказал он, но без особой уверенности. — Раньше бы, не знаю, но когда принц увидел, как блестяще Макс убрал весь отряд лучников...

— Я в самом деле, — сказал я, — дал принцу слишком трудное задание. Трудно заставить себя бежать, имея такую силу! Я сам бы на месте принца возражал...

— Нет, — сказал Альбрехт, — нет...

Принц выхватил меч, вскинул над головой. Я услышал его вопль, но не понял, то ли за Вендовер, то ли за Лиутгарду, у нас всегда борьба личного с общественным, и вся масса конницы устремилась навстречу противнику.

Они сшиблись почти с равной скоростью, нет, мунтвиговцы разогнались шибче, однако бой долгое время

шел на равных. Я начал беспокоиться, наконец увидел взмах руки Сандорина, он первым повернул коня и начал выбираться из гущи схватки.

За ним пошли его военачальники, а следом двинулись и остальные рыцари, хотя я и на таком расстоянии видел их злые и расстроенные лица.

Конница противника с громкими победными криками начала преследование. Принц поспешно уводил свое войско из-под удара, однако рыцари противника, разогнав коней, начали настигать убегающих, и когда наиболее отставшие пали, пораженные в спину, дикая радость охватила мунтвиговцев: нет слаще зрелища, когда враг убегает, а его рубишь и рубишь вдогонку, устилая трупами землю!

Я сцепил челюсти и ждал, затаив дыхание. Сандорин кричит на скаку и раздает команды, я все страшился, что вдруг решится нарушить приказ и повернет рыцарей в бой, однако он всего лишь велел рассредоточиться...

Мунтвиговцы все набирали скорость, как вдруг на месте промчавшейся мимо конницы отступающих поднялись пешие воины, разом уперли длинные толстые копья тупыми концами в землю, а острия направили в сторону скачущего на них противника.

Второй, третий и четвертый ряды успели встать следом и выставить копья, когда лавина мунтвиговской конницы обрушилась на копейщиков. Первый ряд оказался смят, хотя рыцарской коннице это обошлось очень дорого, но копейщиков встало уже десять рядов в глубину, а кони ржали дико, поднимались на дыбы и сбрасывали всадников.

Наступило замешательство, а из-за стены копейщиков поднялись арбалетчики в одинаковых кожаных латах и хладнокровно всаживали стальные болты, что с такого расстояния пробивают стальные панцири, словно те из тонкой ткани.

Альбрехт сказал с сожалением:

— Это уже не война, а бойня...

— Не поймешь вас, граф, — сказал я.

Зайчик уловил мое желание, пошел рысью с холма.

Я крикнул весело:

— Ребята, вы знаете, что нам нужно!

Пока основные силы, как принято считать, брошены в сражение, опытные военачальники обязательно приберегают резерв для последнего решающего удара. Иногда им даже не пользуются, иногда именно он приносит победу, но сейчас этот отряд лучший из лучших находится на вершине небольшого пологого холма, откуда удобно и наблюдать за битвой, и самим бросаться в атаку, нанося удар на большой скорости.

Мы ударили со всей яростью, однако они на какой-то миг остановили нас и почти отбросили назад, там не только лучшие из лучших, но и вооружены почти как мы, выучка у них настоящая, рыцарская, копья отбросили сразу, бой шел грудь в грудь мечами и топорами.

Слева от меня движется Зигфрид, стараясь прикрыть от каждого удара, справа могучий Сулливан, чуть дальше слышу зычный рев Клемента и вижу блеск его огромного меча.

Под их страшными ударами рыцари падают вместе с конями, на поле битвы стоит неумолчный грохот мечей и топоров о щиты, доспехи, шлемы. Многие рыцари валятся с коней, расставаясь с жизнью раньше, чем коснутся земли.

Уже пали в грязь знамена защищающихся, мы снесли несколько рядов рыцарей, наши кони топчут раненых и переступают через трупы; я время от времени оглядывался, пробившись вперед дальше всех, но мои герои пока все на конях, только Сулливан в крови с головы до ног, но ревет страшно и ломит противника, как могучий кабан камыши, да Клемент отбросил руко-

ять сломанного меча и торопливо сорвал с седельного крюка огромный боевой топор.

Они продолжают ломиться вперед, свирепые и неотомимые, и я обратил внимание на кучку богато одетых рыцарей, что горячат коней на самой вершине холма, удерживая их от понятной жажды ринуться в схватку.

Донесся крик Альбрехта:

— Не упустить!

Я понял, что он тоже обратил на них внимание, и начал прорубаться к вождям противника. Целый отряд отважно бросился защищать предводителей.

Мы с удвоенной яростью ломились на вершину холма. Я сцепил челюсти и мрачно наносил удары, уже выбрав себе цель: высокого с черной бородой и мрачным лицом, он с самым уверенным видом сидит на черном жеребце, вокруг него с десяток телохранителей, словно он сам император, лицо его показалось мне очень неприятным, однако знакомым.

Мы встретились взглядами, на его лице впервые мелькнуло беспокойство.

Я указал на него мечом.

— Этого гада взять!..

— Живым? — крикнул Альбрехт.

— Зачем? — заорал я. — Зарубить! Сразу!

Чернобородый подобрал повод, услышал мой крик и понял, что, да, в плен ради выкупа брать не будут, в религиозных войнах деньги — ничто, главное — вера!

Справа на холм прорубается могучий, как стадо туров, Сулливан, и чернобородый, слышав его звериный рев, вздрогнул, повернул коня в противоположную сторону и пустил в галоп.

Я заорал злее Сулливана, даже Клемент вздрогнул и посмотрел на меня с опаской. Зайчик, ощутив, что сейчас можно больше обычного, пошел намного бодрее,

опрокидывая рыцарей с конями, словно игрушечных, а я рубил остервенело направо и налево.

Рыцари противника старались держаться, сомкнули щиты и стойко принимают удары, но, несмотря на их отвагу и мужество, то один, то другой вскрикивает и падает, обливаясь кровью.

Зигфрид рубится рядом со мной остервенело, однако Зайчик продолжал ломиться вперед, и мы прошли через тройную рыцарскую цепь, как кабаны через камыши.

Я указал вслед группе всадников, что уносятся во всю мочь, настегивая коней.

— Догнать!.. Покончим с поджигателями войны!

Заслышав за спиной грозный стук копыт, они лишь пригибали головы, укрываясь за конскими гривами. За нами с Зайчиком я слышал нарастающий конский топот, у норбертовцев лучшие из лучших кони, да и у военачальников, у того же Клемента, Сулливана, Мидля и еще у десятка наиболее знатных, те самые знаменитые кони Ришара, которыми он так гордится.

Я догнал самого последнего, взмахнул мечом. Лезвие рассекло шлем вместе с головой, несчастный молча повалился на гриву своего коня. Остальные начали пугливо оглядываться, некоторые пытались уйти в сторону, но справа неприятный косогор, не всякий конь одолеет, а слева, в полете стрелы, довольно крутой берег реки, за которым поднимается каменная стена, потому все лишь отчаянно настегивали коней и кололи шпорами, даже не пытаясь метнуться в сторону.

Я рубил сперва только тех, кто пытался отмахиваться мечом или закрывался щитом, потом вошел в раж, мой меч то и дело с хрустом врубался в спины, шеи, рассекал головы вместе со шлемами.

Зверское чувство, густое и нехорошее, начало заполнять меня все сильнее, погружая в сладкую тьму глубже и глубже.

Двое, ощутив неминуемую гибель, в отчаянии развернули коней и ринулись с поднятыми мечами. Один удар я принял на щит, мечом парировал взмах другого, и в этот момент увидел смазанное движение третьего, который с пяти шагов отпустил до предела натянутую стальную тетиву арбалета.

Среагировать я не успел, острый наконечник с силой саданул в оголенную кисть руки. Стиснув челюсти, я задержал дыхание, заранее представив, как стальной клюв пронзит руку и весь болт наполовину высунется с другой стороны, а трехгранный наконечник будет торчать с этой...

...однако стальная стрела отскочила, будто ударилась в крепостную стену. Я от изумления едва успел уклониться от клинка, с трудом опомнился, одного рыцаря достал в плечо, со вторым едва успел обменяться двумя ударами, тут же на него налетел Зигфрид и сшиб вместе с конем в пыль.

Я крикнул:

— Да ладно, не сверкай глазами!.. Все хорошо... больше не полезу...

— Мы здесь закончим сами! — заорал Зигфрид взбешенно.

— Все-все, — заверил я торопливо. — Возвращаюсь... Кстати, пленные нам ни к чему.

Зигфрид рявкнул командным голосом так, словно он сержант, а я первогодок:

— Возвращайтесь!

Он с двумя десятками воинов продолжал преследование, затем повернул коня и последовал за мной на некотором расстоянии, а я, все замечая, как в тумане, продолжал осторожно ощупывать руку в том месте, куда со страшной силой ударил болт... а я почти не ощутил боли.

По идее, мне должно было пронзить руку, после чего я, кривясь и постанывая от боли, выдернул бы покрытое моей драгоценной кровью стальное острие и поспешно залечивал бы рану.

Однако ощущение такое, что моя кожа просто не позволила. Словно обрела некие свойства.

Я украдкой оглянулся, Зигфрид в пяти шагах сзади, до поля битвы еще с четверть мили, вытащил нож, огляделся, и, задержав дыхание, не выношу крови, легонько чиркнул по пальцу.

Плотная кожа спружинила. Я надавил чуть сильнее, но острое лезвие снова не просекло кожу. Я чувствовал, как становится страшно, регенерация регенерацией, но уже режу так, что кончик пальца совсем отвалится... а вдруг не отрастет?

Наконец в самом деле резанул с таким усилием, будто старался перехватить ножом не палец, а древко стальной булав.

Лезвие, к счастью, не затупилось, однако кожа осталась неповрежденной, хотя чуть-чуть и прогибается под давлением. Правда, прогибается одинаково при слабом нажатии и при очень даже сильном...

Господи, промелькнуло в мозгу испуганное, если это то, что я думаю, то... как насчет ударов?

Пальцы дрожат, я ударил рукоятью ножа чуть-чуть, потом сильнее, сильнее и наконец так, что кровью забрызгало бы стены и потолок, а от кончика пальца остался бы только ноготь...

...однако я чувствовал лишь прикосновение, а мягкая подушечка пальца пружинит одинаково сильно при любой силе удара. Значит, доспех Нимврода, в котором я последнее время ложился спать, на мой ночной кошмар откликнулся по-своему, уловив мою панику и жажду стать понеуязвимее.

Похоже, в ту грозовую ночь мне в самом деле снилось что-то особенно страшное. Нам всегда что-то снится, только утром помним разве что жалкие обрывки, так вот этот доспех выполнил, как смог, то, что принял за очень настойчивый приказ.

Похоже, он растекся или даже растворился в моей коже настолько незаметно, что даже я не чувствую, а уж другие тем более не увидят. Только бы не мешал коже выполнять ее основные функции: отгонять микробов, дышать, выводить всякое ненужное вместе с потом...

Навстречу несутся пятеро всадников; я принял подобающий вид и гордо выпрямился.

Принц Сандорин на полном скаку осадил коня, забрало поднято, со шлема снесен султан, на стальном наплечнике две свежие и довольно глубокие зарубки.

— Ваше высочество! — крикнул он обвиняюще. — А вы сами?

— Точно по плану, — возразил я. — Принц, позвольте вас поздравить! Я обязательно сообщу вашему отцу и его советникам, что вы вели себя как настоящий полководец, который умеет смирять чувства в угоду разуму и политической необходимости. Это весьма!

Он ответил польщенно:

— Спасибо, ваше высочество. Батюшке будет слышать такое приятно... Но все-таки вы...

— Вступил в бой, — подсказал я, — в той фазе, когда уже все было решено. Битва заканчивалась, от меня ничего не зависело. Хотя, признаюсь, можно было и без этого...

Я хотел сказать «мальчишества», но он сказал раньше:

— Рыцарства?.. Да, но вы решили поддержать репутацию отважного воина, что бросается сломя голову на целый отряд! Это не очень разумно, однако рыцари такое ценят.

Зигфрид подъехал ближе, сказал брюзжащим голосом:

— Ваши высочества, в лагерь лучше вернуться незамедлительно. Здесь могут прятаться среди камней те, кто уцелел. Не хотелось бы, чтобы у кого-то сохранился лук.

Сандорин сказал бодро:

— Они даже шапки бросали, удирая, чтобы коням было легче... ха-ха!

Мы возвращались бодрые и торжествующие, уже понятно, что и эта армия Мунтвига перестала существовать, сокрушенная подавляющей мощью моей, более современной... да что там скромничать, намного более продвинутой!.. и дело не только в композитных луках или длинных копьях, но и в гибкой тактике, нацеленной на победу, а не на красивые поединки, эффектные, пусть и бесполезные атаки, когда всякий лорд, игнорируя соседей, стремится показать именно личное мужество и боеспособность своей дружины.

Сандорин, веселый и раскованный, болтал всю дорогу с Зигфридом, как с равным, а я думал о том, что как-то должен совмещать в себе черты просвещенного государя-рыцаря, уважающего права свободных лордов, и в то же время быть чингисханом, что смешивал племена, а отряды разбивал на сотни, тысячи и тумены вне зависимости от того, сколько там из разных племен.

Он же ввел азиатскую систему, когда отрядами ставил командовать не по знатности, а по воинским талантам. И хотя пришлось немало знатных голов срубить, но его армия стала самой грозной в мире и завоевала для него несметные территории, перед которыми меркнут все достижения Александра Македонского, Цезаря или любого другого успешного завоевателя.

Ну... а я умею учиться у всех.

Глава 5

Лагерь мы разбили на краю поля битвы, я велел оставаться до тех пор, пока снова не будем готовы к походу, а это значит — раненых всех в обоз, на поле собрать все ценное, а тут полегло немало знатных лордов, полководцев Мунгвига и просто богатых рыцарей.

Вечером при свете факелов устроили пир: военачальники в трех больших шатрах, сдвинутых вместе, простые воины — у костров, куда они стащили все вино и окорока, захваченные во вражеском обозе.

Принц Сандорин явился, к общему удивлению, с принцессой Аскланделлой, по обыкновению величественной и надменной, усадил ее в кресло вроде бы рядом с собой, намереваясь ухаживать весь вечер. Так она оказалась между ним и мной, что единственно верно и не ущемляет ее статуса, так как я хоть и ниже ее по титулу, однако в этой армии главный все-таки я, потому она обязана сидеть во втором по важности кресле, но ни в коем случае не третьем или четвертом.

За нашим отдельным столом, что на небольшом возвышении, расположились помимо нас троих наиболее знатные и прославившиеся: герцоги Мидль, Клемент, Сулливан, графы Макс и Альбрехт, а также Палант, Норберт и епископ Геллерий.

Альбрехт, как самый сладкоречивый и умеющий складывать слова в красивые букеты, гордо поднялся, окинул всех сияющим взглядом и сказал звучно:

— Нельзя просить у Господа победы в кавалерийском сражении тем, кто не умеет ездить верхом! Но мы доказали, что умеем усмирять самых норовистых и диких коней!.. Так выпьем же, чтобы это умение нас никогда не покинуло!

Все поднялись, закричали «ура» и сдвинули над столом кубки, лихо расплескивая красное вино на белую скатерть.

Аскланделла не поднялась и не взяла кубок; Сандорин с галантными ужимками накладывал ей на широкое блюдо всякие лакомства, а она поинтересовалась у него, не глядя в мою сторону:

— Значит, вашего... этого, как его, курцпринца, не считают организатором этой победы?

Принц бросил в мою сторону пугливый взгляд и ответил шепотом:

— Принц Ричард у нас жутко стеснительный. Зато он любит, когда хвалят его полководцев.

Она произнесла насмешливо:

— Вот как? А я думаю, это оттого, что его заслуги никто не видит... А вот вы поступили удивительно мудро с этим притворным отступлением! Это смешало ряды армии герцога Келленгтона, когда конница без приказа ринулась вас преследовать...

Принц бросил на меня робкий взгляд, его щеки чуть зарделись.

— Да, хотя это и было трудно...

— Но мудро, — утешила она. — Вы поступили как полководец, а не мальчишка, что рвется в драку.

— Вы чрезмерно добры ко мне, — пробормотал он и посмотрел на меня уже совсем виноватыми глазами. — Я не настолько... хорош.

— С такими мудрыми полководцами, — произнесла она почти нежно, — вашему вождю можно вообще ничего не делать. Никто и не заметит, что он... ну, ничего не умеет.

Принц уже сидит как на иголках, то и дело бросает на меня умоляющие взгляды, но я сделал вид, что целиком поглощен беседой с сидящим с другой стороны от

меня Альбрехтом, хотя мое ухо, обращенное к Аскланделле, увеличилось в размерах почти вдвое.

Неожиданно поднялся с кубком в руке герцог Мидль. Все сразу умолкли, смотрят заинтересованно. Герцог обычно держится несколько скованно, в беседы и споры вступает редко, а сейчас вот готов сказать тост...

— Жена, — произнес он в тишине, что нарушается только пьяными выкриками со стороны лагеря, — принимает в супружестве имя мужа, подобно тому, как победитель принимает имя битвы, им выигранной. Мы все знаем, что страшный удар рыцарской конницы был остановлен нашим дорогим Максимилианом фон Брандесгертом, которого мы все любим и с легкой руки нашего сюзерена зовем просто Максом!.. Вот он сидит, молчит, краснеет, как девушка, и вот-вот спрячется под стол. Предлагаю отныне присовокупить к имени графа Максимилиана почетное звание Строльмхольского, по имени этой битвы!

Все закричали «ура» и подняли кубки. Макс поднялся, весь красный, уши вообще полыхают, как факелы, поклонился, сел, снова вскочил и начал кланяться во все стороны, не зная, что делать с кубком в руке.

Аскланделла смотрела на него с явной симпатией.

— Это настоящий рыцарь, — произнесла она, ни к кому не обращаясь. — Образец скромности и рыцарских добродетелей.

И хотя можно ответить и мне, но я демонстративно смолчал, не такая уж она и цаца, чтобы я хватался за любую возможность заговорить с нею, ах, какое это счастье, да что вы говорите... в гробу я видел такую галантность, я из поколения небритых героев.

Сандорин сказал учтиво:

— Пожалуй, он единственный, чье имя любой рыцарь может произнести раньше своего и не ощутить себя ущемленным.

— И ему не завидуют? — спросила она.

Он покрутил головой.

— Выше высочество... его все любят. В самом деле, а не на словах. Он влюблен в свою работу, а не в почести. Уверен, сюда на пир его привели под конвоем по приказу его высочества.

Она бросила на меня беглый взгляд.

— Да уж, достойное обращение с героем!.. Вообще-то, на мой взгляд, вам удалось победить герцога Келленгтона лишь потому, что вы воевали в немалой степени... нечестно, как многие знатоки военной науки могут сказать.

— Принц, — сказал я, обращаясь к Сандорину, — если вам кто-то будет пороть какую-то глупость, то можете дать в морду, но если дурь порет женщина — что они еще могут? — улыбайтесь и кланяйтесь, улыбайтесь и кланяйтесь. Они очень уж умные, как же! Не знают еще, что любая война — нечестное дело. Но если она там восхочет вам брякнуть, что быть опытным военным стратегом плохо... ну, у женщин на все есть свое особое и единственное верное мнение, молчите и улыбайтесь.

Аскланделла помедлила, повернула голову, под ее холодным взглядом я ощутил себя по макушку в про-руби.

— Ваше высочество, — произнесла она с нескрываемым презрением, — если у вас считается приличным разговаривать через голову женщины, то среди нормальных людей...

— Так то среди нормальных, — ответил я, — а мы — лучшие! Мы во всем выше серой унылой нормы, ваше высочество. Вам повезло оказаться среди избранных. Вы превосходите только титулом, но это, признайтесь, не ваша заслуга?

Она бросила на меня косой взгляд и снова занялась содержимым тарелки.

— Я могу гордиться и заслугами родителей, — произнесла она после паузы с надлежащим холодком, — не находите?

— Только если ваш отец, — ответил я, — стал императором из простых, скажем, графов. Нет, еще лучше — баронов! Но если и родился сыном императора...

Она умолкла, затем спросила язвительно:

— А вы?

Я указал взглядом на скромно обгрызающего утиную лапку Макса.

— Мы с ним встретились на одном из турниров, оба были простыми рыцарями. Даже безбаннерными. Но мы прошли много земель, завоевали много королевств, в том числе и массу причудливых... Знаете ли, что у Макса в собственности земли не только виконств и графств, но и целое королевство далеко по ту сторону Большого Хребта? На берегу бескрайнего южного океана?

Ее веки чуть дрогнули и приподнялись, глаза стали крупнее, можно бы даже залюбоваться их чистотой, если кому нравится арктический лед.

— Королевство?

— Да, — ответил я с тихим злорадством. — Но строить ему глазки напрасно, ваше высочество, даже не пытайтесь. Он видел столько прекрасных женщин юга, настоящих женщин, но даже они не тронули его сердца и не привлекли взора.

Она чуть искривила губы.

— А они пытались?

— Даже королевы, — соврал я, не моргнув глазом. — Настоящие женщины понимают, что мужчин нужно измерять не титулами.

— Королевы? — переспросила она. — Это безнравственно.

— Незамужние королевы, — уточнил я.

Она взглянула на меня с насмешкой.

— Принцессы, вы хотели сказать?

— Королевы, — повторил я. — У нас на Юге все равны, хотя мужчины, конечно, равнее. И на тронах частенько попадают женщины, что управляют королевствами не хуже мужчин. А то и лучше.

Она поморщилась.

— Ваше высочество, не унижайтесь до вранья.

— Умолкаю, — ответил я.

Рыцари все громче требовали, чтобы тост сказал сюзерен. Я поднялся с кубком в руке, сказал ясным голосом:

— Я пришел, увидел, а бог победил!

И только когда я осушил кубок, до всех дошло, что тост сюзерена краток и разящ, как удар его же меча. Закричали «ура», потянулись друг к другу через стол чокаться, а я скромно сел и наблюдал за пиршеством.

— Господь на нашей стороне, — сказал мощным голосом Сулливан, — он это показывает нам каждый день.

— Потому наши победы, — согласился с ним Альбрехт, — самые легендарные. Ну, как будет сказано в летописях.

Все довольно загудели, я видел поднимающиеся кубки и чаши, доносилось чоканье, как и чавканье, мир прекрасен, его не могут испортить даже женщины, потому что, к счастью, другие женщины в состоянии украсить.

Я ушел с пира не то чтобы рано, но для государственного мужа повод всегда найдется, и должен находиться. Мы обязаны выглядеть важными, а на челе постоянно должна быть дума о стране, народе, его нравах и благополучии, если верить церкви и древним летописям.

В лагере веселье, я еще раз посетил ту часть обоза, что отдана под лазарет, пообщался с ранеными, кого похлопывая по плечу, кому трогая горячий лоб, а когда озноб начал пробираться даже в кости, вернулся в свой шатер, где укутался в медвежью шкуру с толстым мехом и с жадностью поел жареного мяса прямо с углей, после чего запил подогретым вином.

Зигфрид заглянул в шатер, на лице беспокойство, только он один понимает, чего мне стоит пообщаться с ранеными в таком количестве.

— Ваше высочество?

— Все в порядке, — успокоил я. — Дважды два уже четыре, а скоро будет еще лучше.

— А-а, — сказал он, ничего не поняв, — ну тогда мяса хватит?

— Не-ет! — вскрикнул я. — Давай еще, только пусть прожарят лучше. Я не дикарь, чтобы жрать с кровью.

Он переступил с ноги на ногу, сообщил зачем-то:

— Там принцесса покинула пир, прогуливается...

— В сопровождении, — сказал я понимающе, — Сандорина?

— Еще бы, — ответил он с ухмылкой.

— Ну и хорошо, — сказал я, — пусть присматривает за этой цацей.

Он появился, сказал немного смятым тоном:

— Она частенько посматривает в сторону вашего шатра.

— Наверное, — предположил я, — покрой понравился. Или цвет. Что еще эту дуру может заинтересовать?.. В общем, неси мясо. Да побольше!

Он исчез, я сбросил шкуру, но передернул плечами и натянул снова, стараясь укрыть и зябнувший загривок. Руки тоже холодные, жабы позавидуют, а во внутренностях айсберг тает очень уж медленно.

Зигфрид принес мясо прямо на прутьях, я жадно хватал еще шкварчащее и брызгающее сладким соком, пожирал, как лев на арене Колизея девственниц, и тепло постепенно проникало в застывшее тело.

По ту сторону слышался голос часового:

— Зигфрид, выгляни...

Зигфрид исчез; я торопливо расправлялся с остатками мяса, наконец он вернулся и буркнул:

— В нашу сторону едут какие-то.

— Мунтвиговцы?

— Вроде бы нет, — ответил он нехотя. — Похоже, местные лорды.

Я поднялся, не снимая медвежьей шкуры, выглянул в щель. В сторону нашего лагеря движется на рысях небольшой рыцарский отряд с развернутыми знаменами. Ветер дует строго от нас, потому рассмотреть гербы не удастся.

Конские накладки по здешней моде длинные, едва ли не до копыт, хороши для парада, но не для армейских переходов, а сами всадники одеты чересчур ярко и пышно.

Я вернулся к столу; Зигфрид смотрит с вопросом в глазах, я отмахнулся.

— Разреши. А там посмотрим.

В шатер вошли двое, рослый военачальник свирепого вида и его помощник, сразу же остановились, иначе можно счесть нападением, оба в удивлении уставились на меня, дрожащего и кутающегося в медвежью шкуру.

— Лорды, — произнес я.

Первый не сводил с меня взгляда, второй зыркнул быстро и отвернулся, но я успел увидеть коротко подрезанные светлые волосы, быстрый взгляд темных, как лесное озеро, глаз, ястребиный нос и запавшие щеки под выступающими скулами.

Он показался молодым, рассерженным и бесшабашным, но заговорил первый, который старше и выглядит злее.

— Ваше высочество, — сказал он с легким и весьма небрежным поклоном, — я герцог Стефан Строуд, дядя Его Величества короля Ринненкампа Твердозубого.

— Ричард, — ответил я, — Длинные Руки. Чем обязан?

Он выпрямился, сказал резко:

— Вы вторглись в земли королевства Пекланд!

— Да, — ответил я, — и что?

Он побагровел, произнес еще резче, уже задыхаясь от ярости:

— Вы топчете наши земли!.. Вы вводите свои порядки!.. Вы отбираете у людей зерно и продовольствие!

— Потому что вы, — пояснил я, — как королевская власть, не удосужились выйти навстречу и помочь нам в справедливой войне с Мунтвигом. Хотя бы фуражом. Потому и берем сами.

Он почти прошипел:

— Но никто не смеет... Только король...

Я отмахнулся.

— Бросьте, дядя... как вас там. Законное правительство — это я.

Молодой посмотрел на меня со злым интересом, но смолчал, а старший отшатнулся, глаза расширились.

— Это... почему же?

— Моя армия сильнее вашей, — пояснил я. — Вам что-то непонятно еще?

Побледнев, он несколько мгновений смотрел со злостью, наконец проговорил лязгающим голосом:

— Теперь... все... понятно...

— Вот и прекрасно, — ответил я.

Он отступил на шаг, вскинул голову и сказал напыщенно:

— Его Величество король Ринненкампф Твердозубый... как и все лорды королевства... верен императору Мунтвигу!

— Прекрасно, — повторил я. — Второй за сегодня камень с моей души.

Он уже отступил к пологу и собирался переступить на ту сторону, но не удержался, спросил:

— Почему?

— Пришлось бы обращаться, — пояснил я, — как с капризным союзником, а так все проще: грабь и насилуй, страна противника... Доброй дороги, герцог!

Он вышел, за ним отступил и его странный молодой спутник. Зигфрид сказал тихонько:

— Может быть, эту медвежью надо было сбросить?

— Так львиной же нет, — ответил я.

Зигфрид тоже пошел к выходу, но там оглянулся с озабоченным видом:

— Второй какой-то не такой...

— Принц, — ответил я с усмешкой. — Судя по повадкам. Наследник Ринненкампфа.

Он сказал тихо:

— Может... захватить его в плен?

Я покачал головой.

— А что нам и весь Пекланд?

По ту сторону стенки шатра слышались знакомые голоса; Зигфрид тут же выскользнул, я услышал его грозный рык, что вскоре стал мягче, потом еще и еще.

Через минуту полог отлетел в сторону, он сунул голову и спросил страшным шепотом:

— К вам Аскланделла! Пустить или в шею?

Я сказал со скорбным вздохом мученика:

— Разве таких прогонишь? Они вхожи везде, у них право... Впусти, чего уж там. Не то терпели.

Аскланделла вошла, царственная и величавая, как жирафа среди простых зебр, сразу с интересом посмотрела на шкуру, в которую я продолжал кутаться, как гусеница, наматывающая себе кокон.

— Это у вас какой-то ритуал?

— Магический, — согласился я. — Прошу вас, ваше императорское высочество, садитесь, куда вам будет угодно, хоть мне на голову.

Она окинула взглядом меня с головы до ног, словно в самом деле решала, не сесть ли на голову, потом поинтересовалась:

— В чем смысл такого ритуала?

— Вот посижу еще чуть, — объяснил я, — смогу вас помогать без всякого сопротивления с вашей стороны!

Она поморщилась.

— Надо бы знать, дочерей августейших особ учат с колыбели противостоять любым домогательствам.

— А мне это надо? — спросил я нагло.

Она надменно приподняла брови.

— Но вы же...

— Так я всех помогаю, — объяснил я. — Подряд! Подумаешь, в одном из тысячи случаев не сработает!.. Если вас одеть во что-нить попроще, скажем, в обычный костюм простой рядовой графини или баронессы... думаете, кто-то увидит разницу?

Она сузила глаза.

— Ваше высочество, я зашла узнать, какие меры вы предпринимаете, чтобы вернуть меня императору Мунтвигу?

— Уверяю вас, — произнес я с жаром, — самые неотложные. И экстренные. Кстати, вам нужно было проявить больше... гибкости, когда чем-то рассерженный Мунтвиг решил отправить вас сюда!

Она посмотрела на меня свысока.

— Вы полагаете, я должна была так поступить?

— Уверен, — сказал я, — он уже безумно сожалеет. И потому можно ожидать вскоре от него гонца и почетный эскорт для вашего императорского высочества! Соответствующий вашему статусу. Или даже превосходящий.

Она вскинула на меня надменный взгляд.

— Превосходящий? Что вы имеете в виду?

— Да то и имею, — ответил я нагло. — Да садитесь же, а то вы, как служанка перед господином, ожидающим интимных услуг. Еще перепутаю...

Она фыркнула, однако высмотрела стул почище, брезгливо смахнула с него несуществующую пыль и царственно села.

— Полагаете, — осведомилась она холодно, — существует титул выше императора?

— Ессно!

Она спросила полным яда голоском:

— Какой?

Глава 6

Я подумал, наши взгляды встретились, она смотрит насмешливо и победно, я открыл было рот для веского и пространного ответа, видно по моему вдохновенному лицу с заблестевшими глазами, но выпрямился и ответил гордо:

— Знаю, но не скажу. Для себя приберегу. Для остальных же императорский — это и есть потолок! Даже, простите за выражение, крыша. Только я могу прыгнуть выше. В общем, со дня на день жду гонцов от Мунтвига и тут же передам им вас. Про доплату умолчу, не при дамах будь сказано, но будет агромадная!.. С моей стороны, как вы хорошо понимаете.

Она чуть наклонила голову.

— Разумеется, понимаю. Не по вашему рангу принимать у себя особу столь высокого положения.

— Точно, — согласился я. — Мы тут все простые, дикие, пришли на просвещенный Север и сразу раскрыли рты на его чудеса. У вас тут и доспехи лучше, и оружие, и коровы толще, и снег белее...

Она произнесла чарующим голосом:

— Наслаждайтесь видами наших красот, пока вас не перебили. Полководец из вас, как я уже поняла, никудышный. Вам просто везет.

— Значит, — согласился я, — вот такой я счастливый.

— Такое везение не длится долго, — напомнила она холодно. — Как уже сказала, вы никудышный полководец.

Я ответил довольным голосом:

— Как мне повезло!

— Повезло?

— Я всегда мечтал быть хозяйственником, — объяснил я. — Лучшим из управителей.

Она произнесла с нескрываемым презрением:

— Могу доверить вам управлять моей псарней. Той, что поменьше.

— А мне нужней побольше, — ответил я мирно. — Намного больше, принцесса.

Она умолкла; кожа на скулах напряглась, словно в самом деле уловила, что я имею в виду под псарней не только королевство или даже империю, а нечто большее, хотя и трудно представить, что может быть крупнее. Однако по моему виду заметно, что я представляю достаточно отчетливо.

— Принц Сандорин подтвердил, — заговорила она после паузы, — что вы в двух королевствах оставили на тронах женщин?

— Не солгал, — согласился я, — хотя надо бы.

— Зачем?

— Женщинам всегда лгут.

Она окинула меня презрительным взглядом.

— И вы?

— Конечно, — ответил я убежденно. — А как же? Представьте, что я не солгал, а сказал вам о вас правду? Да это немыслимо!.. Такое дикое оскорбление...

Она поморщилась.

— Так что, с женщинами на троне?.. Разве это допустимо?

Я помедлил, что-то она слишком настойчиво добивается ответа на такой простой вопрос, ответил с некоторой осторожностью:

— Господь Бог доминантом назначил человека... в смысле, мужчину. Но это тяжелая обязанность, некоторые пытаются увильнуть от такой почетной ноши. Согласно салическому закону, трон не может занимать женщина. Это было основой всех законов во всех королевствах, не так ли? Ну вот, знаете, кто бы подумал... Однако законы пишутся и принимаются людьми. Оставив этот закон в основе, я ввел некоторые исключения, при которых женщина может занимать трон: до совершеннолетия своего сына, до замужества...

Она переспросила:

— До замужества?

— Ага, — сказал я, — уловили? А вы не совсем дура, ваше высочество, хоть и красивая. Вообще-то, я целиком за то, чтобы трон занимали только мужчины, однако помню, что в одном крупном и сильном королевстве некая Елизавета, временно занявшая трон ввиду отсутствия у отца сыновей, должна была там находиться, пока ее не выдадут замуж, понимаете? Ага, понимаете... Однако путем хитрых уловок избегала замужества... тоже понимаете? Избегала почти пятьдесят лет... позвольте, поддержу вас, а то у вас каблук подвернулся.

Она отмахнулась.

— Пустяки. Это у вас стол с кривыми ножками, хотя что у вас не кривое? Продолжайте свое вранье.

— Ее правление, — сказал я голосом школьного учителя, — было названо «золотым веком». За это время ее королевство стало великой державой, одолело прежнюю правительницу мира, разбив ее Неисчислимую Армаду... в общем, ни один король не сумел сделать для величия своей страны столько, как та женщина.

Аскланделла не отрывала от меня задумчивого взгляда прозрачных и словно бы светящихся изнутри, как жемчужины, глаз.

— Это... правда?

Я пожал плечами.

— А для других известных нам земель золотым веком стало царствование принцессы Софии Августы Фридрики Анхальт-Цербстерской, что сменила веру католической ветви христианства на апостольскую, приняла имя Екатерины Второй, сделала страну великой державой, раздвинув границы на запад и юг, где на южных морях закрепила страну навечно, настроив городов и крепостей. Честно говоря, очень мало мужчин, которые сумели бы сделать все так же хорошо. Особенно трудно в это поверить, потому что у политики нет сердца, а есть только голова.

Она сказала презрительно:

— Вы смешны!

— Сила, — ответил я кротко, — никогда не бывает смешной. А та София Августа, имея вот такое сердце... нет, вот такое!.. и не только сердце, простите за намек, а то бы вы его не уловили, умела демонстрировать и силу. Так что я с вами согласен, мы настолько дикие народы, что женщины у нас пользуются теми же свободами, что и мужчины... ну, почти всеми.

Она слушала внимательно, на этот раз в самом деле внимательно, наконец обронила величественно:

— Вы правы, это наверняка из-за вашей крайней отсталости... Впрочем, я рада услышать, что вы предпринимаете известные меры, чтобы связаться с императором Мунтвигом.

— На предмет, — уточнил я.

— На предмет, — согласилась она и грациозно поднялась. — Ваше высочество...

Я автоматически вскочил и учтиво поклонился.

— Ваше высочество.

Она вышла, высокая, прямая, с широкими плечами и тонкой талией, шлейф длинного платья выгреб за порог мусор, что нанесли гости с утра.

Зигфрид заглянул, спросил опасливым шепотом:

— Ну как?

— Пока не была, — сообщил я.

Он вздохнул с облегчением.

— Слава богу...

Я перекрестился.

— Думаешь, пронесло?

— Она может и вернуться, — сказал он и оглянулся. — Да вот вроде бы...

Я прислушался, сказал раздраженно:

— Я тебя, за такие шуточки над собственным лордом!

Он сказал тем же шепотом:

— Девка — огонь! Хотя и лед. Такая в самом деле может.

— Может, — согласился я. — У меня уже кости болят и кровоподтеки во всему телу, а это ж только смотрела не совсем благосклонно.

Он проворчал:

— Да кто их знает, когда и как они смотрят. Бывает, мы думаем так, а оно не так, а когда так, то и вовсе не

совсем, потому что, да, с вывертом. Мы на сколько здесь задержимся?

— Спроси у епископа, — предложил я. — Если раненные могут вынести тряску, то выступим хоть завтра. Если нет, задержимся на пару дней. Но не больше.

Он вышел, а через минуту порожек неслышно перешагнул Норберт, строгий и подтянутый, остановился, словно на приеме во дворце.

Я пояснил досадливо:

— Сэр Норберт, давайте без церемоний.

Он пояснил сдержанно:

— Время от времени нужно проверять...

— Разве я меняюсь?

— Титулы сменяются быстро, — напомнил он, — а с ними обычно меняются и люди.

Я сказал со вздохом:

— Это верно, растут обязанности. Но отношения с друзьями чего вдруг будут меняться?.. Теперь о деле. Начнем готовить операцию, прямо сейчас. Тайно. В такой огромной армии, как у нас, обязательно найдется кто-то.

— Найдется, — согласился он. — Я приму меры, ваше высочество.

— Начнем с того, — сказал я, — что везде распустим слухи, дескать, огромная и несокрушимая армия южан под руководством разъяренного принца Ричарда неуклонно продвигается к королевству Эбберт. У этого Ричарда с королем Харбиндером личные счеты, а какие — спросите у короля. Знаем только, что Ричард вот-вот обрушится на него со всей яростью.

Норберт кивает, слушает внимательно, спросил тихо:

— А на самом деле отправимся куда?

Я тоже понизил голос:

— В Эбберт.

Он чуть отодвинулся, взглянул с недоверием.

— В Эбберт?

— Да.

— Тогда, — пробормотал он, — зачем такие слухи? Если мы туда и пойдем? Это что, рыцарство, которое в больших битвах вы сами полагаете неуместным?

— Не совсем, — сказал я еще тише. — Барон, давайте... вторую часть плана пока оставим на потом. Нам нужно, чтобы сработала первая.

Он пожал плечами.

— А что тут сбавывать? Мы объявляем во всеулышание, что идем на Эбберт. А после этого идем... на Эбберт!

— Но постарайтесь, — сказал я, — чтобы это слухи были самыми убедительными. Дескать, весь этот поход затеян только для того, чтобы злобный и мстительный принц Ричард, наконец-то набравший сил, смог отомстить обижавшему его королю Харбиндеру! Он весь пышет яростью, спать не может, пока не заставит Харбиндера заплатить за все пережитые унижения!

Он подумал, кивнул.

— Это может сработать.

— В смысле?

— Народ в Эбберте начнет роптать, — пояснил он, — что король из-за своих прихотей подвергает разорению всю страну. А удельные лорды, как мы знаем, тут же попытаются этим воспользоваться.

— Вряд ли, — сказал я с сомнением. — Харбиндер крут, держит всех в кулаке... Хотя кто знает, что стрясется, когда границу перейдет наша ударная. Действуйте, сэр Норберт!

Глава 7

Через три дня отдыха армия снялась с привала и продолжила путь в глубь Пекланда. Народ там уже настороже, торопятся убраться с дороги в леса, в то время как справа и слева деревни и города живут своей жизнью, даже не подозревая, что в королевство вторглась чужая армия.

Я в нетерпении выезжал вперед, всматривался с жадностью в открывающиеся дали.

Когда человек на уровне крестьянина или даже простого рыцаря, он ходит и ездит не по землям, а по земле. Для него самые значимые ориентиры и авторитеты, выше которых ничего нет, — это вон тот замок на высокой горе и всемогущий лорд, обитающий там.

Замки и лорды — это реальность, с ними приходится считаться, учитывать, а как называется королевство... да и королевство ли это или просто земли, где люди корчуют леса, засыпают болота и распахивают целинную землю?

Вот и я в свое время ехал здесь, свободный и счастливый, как теперь понимаю, и даже не интересовался, какому королю что принадлежит, потому что эти знания какие-то неуместные и ненужные. Сегодня принадлежат одному королю, вернее — королевству, завтра другому, это зависит не столько от войн, сколько от династических браков. В приданое обычно отдаются огромные области с сотнями городов и замков, но жители даже не замечают, что сильные мира сего время от времени перекраивают карту вселенной.

А вот лорды земель — да, это вечное, несокрушимое, важное. Однако вот сейчас, когда за мной движется огромное войско, я уже смотрю не на лордов, а целиком на королевства, и пытаюсь определить: мое Амальфи в королевстве Пекланд или Сакрант?

Правда, сейчас это чисто умозрительное, но остро нахлынули воспоминания, я начал в нетерпении оглядываться. Позади в грозном блеске доспехов мои отборные телохранители, во главе несокрушимый Зигфрид, а рядом с ним его миниатюрный оруженосец, Скарлет... Удачное вообще-то имя, мужское и женское одновременно...

Сперва у меня был план, хотя это не столько план, как смутная надежда, что из Бриттии пройду по краю Зорра, где его воинственное рыцарство, закаленное в боях с Карлом, присоединится ко мне, но пришлось отказаться от соблазнительной идеи.

Генгаузгуз, столица Мунтвига — на западе, нельзя терять ни дня, потому просто послал в Зорр гонцов с сообщением, что моя армия идет на преемника Карла, который причинил им столько зла, зову принять участие в священном походе возмездия и христианского воздаяния око за око, зуб за зуб, да еще и сторицей, как уточнил гуманный и всепрощающий Иисус.

За спиной простучали копыта, Альбрехт догнал на молодой горячей лошади, что всего пугается, зато, как говорят, самая быстрая в армии. Воздух прохладный, осенний, да еще встречный ветер при скачке, так что теплый свитер под плащом вполне к месту.

Я сказал требовательно:

— А доспехи?

Он покачал головой.

— Нам сюзерен подает пример, как обходиться без них.

— Дурной пример, — сказал я сварливо, — не стоит ему следовать. Ваш сюзерен руководит битвами с вершины далекого холма, а вы все лезете в самое пекло...

— А что видно сейчас с высокого холма? — поинтересовался он. — Мы вроде бы планировали идти на столицу Сакранта?

Я сказал язвительно:

— Граф, я не знаю, что вы там планировали, но мы двигаемся к Эбберту. И никаких других планов!

Он сказал озадаченно:

— Ну... если такова стратегия... Будем брать королевство Эбберт?

— Возьмем или не возьмем, — пояснил я, — но в его окрестностях хоть малость отдохнем и отъедемся. Второй месяц с коней не слезаем, а они тоже не железные. Людей Макса уже ноги едва несут.

— Надеетесь на местных баронов?

— Только не в Эбберте или Сакранте, — сказал я. — В Эбберте на троне все еще Харбиндер, сейчас он, надеюсь, просыпается в холодном поту, когда слышит мое имя, а Сакрант всегда принадлежал Мунтвигу. Там ему верны и гордятся его успехами и славой.

Подъехал Клемент, прислушался и прогудел, как колокол, размером с дом:

— Обойдемся и без них. Вашими усилиями, ваше высочество, создана такая армия, что я даже и не знаю, чего она сделать не в состоянии!

— Нашими усилиями, — поправил я значительно. — Все мы вносим посильную лепту... интересно, что это?.. в создание высокой обороноспособности нашего великого Отечества, чтобы оно могло наносить оборонительные удары в глубоком тылу вероятного и маловероятного противника!..

Клемент заметил весело:

— Что мы и делаем... га-га-га!

Дорога пошла под каменной стеной, что поднимается чуть ли не до облаков, очень опасные места для тех, кто внизу: одним камнем можно сшибить несколько человек.

Норберт уже послал туда два отряда, чтобы прочесали гребень, да не спрячется враг, я подумал, пустил За-

йчика следом. Зигфрид чертыхнулся, но повернул коня и понесся за нами.

Бобик даже взвизгнул от радости, вот уж не думал, что ему нравится лазить по горам. Через несколько мгновений его толстый зад замелькал впереди, быстро поднимаясь на кручу, и вскоре огромные глыбы скрыли его из вида.

Зайчик вознес меня довольно бодро, хотя шел под таким углом, что я держался за луку, а иногда и обхватывал его за шею, чтобы не сползти на круп.

Вид с высоты несколько странный, вот так едешь по самому краю пропасти, а в голову невольно лезут всякие мысли, самые разные, раньше всех их озвучил Иисус, когда облек свои раздумья в форму разговора с искушавшим его дьяволом.

Люди Норберта обшаривают все места, где может затаиться человек, надолго их это не займет, гребень не только высок, но и узок — спрятаться нигде.

Я то и дело прямо с седла засматривался вниз, где уже показались передовые части шателленцев, впереди герцог Мидль под двумя развернутыми знаменами: королевства Шателлен и своим личным.

Вообще-то, на то, чтобы ехать впереди — шансов было больше у принца Сандорина, но ему пришлось выбирать между этим почетным правом и галантной обязанностью служить даме в облике принцессы Аскланделлы, а ее нужно везти в самом безопасном месте.

Зигфрид подъехал ближе, лицо напряженное, проговорил жутко трезвым голосом:

— Ваше высочество!

Я оглянулся.

— Чего?

— Не следует, — напомнил он непривычно строго, — так смотреть вниз. До земли не меньше сорока ярдов. А то и все пятьдесят.

Я фыркнул.

— Что? Уж не думаешь ли, что собирался броситься вниз головой?

— Да, в общем-то, — буркнул он, — вид у вас был именно таков. Хотя никогда не понимал дури этих бросальщиков.

— Ну да, — сказал я саркастически, — вид у меня, ага, внизголовный. Весь мир и так стоит на голове!

Он все еще рассматривал меня в упор, во взгляде подозрение, а я повернулся к нему спиной и вперил взгляд в даль, где расположен проклятый Эбберт.

По телу пробежала запоздалая дрожь, все-таки это идиотизм даже подумать, что можно бы спрыгнуть и остаться живым после удара о землю.

Благодаря доспеху Нимврода снаружи все останется целым и невредимым, но внутри превратится в кровавое месиво. Уж не знаю, настолько ли моя регенерация всемогуща, чтобы собрать все заново... даже с учетом того, что и она за последнее время ускорялась и крепла.

Нет, рисковать не буду. Я вообще не рисковый, даже и не знаю, пригодится ли мне еще эта кожа Нимврода, что вообще-то совсем не нимвродья, да и вообще-то вряд ли что-то такое уж мифическое, как прилепленное к нему имя...

На привале я нарочито не стал собирать большой совет, просто велел Зигфриду позвать к моему костру герцогов Клемента, Мидля и Сулливана, а также графов Альбрехта и Макса.

Зигфрид взглянул вопросительно:

— А принца?

Я отмахнулся.

— Сандорина пока не жди.

— Развлекает Аскланделлу?

— Как видишь, — сказал я довольно. — А ты говорил, зачем он в походе, зачем в походе! В большом хозяйстве даже принцы пригождаются.

Он посмотрел на меня с непонятым восторгом.

— Ох, ваше высочество, ну и свинья же вы! Всех умеете приспособить, чтобы самому и пальчиком не шелохнуть.

— Правильное руководство, — сказал я гордо, — это всех расставить на нужных местах! И кому в руки лопату, кому меч, кому кнут...

— Кнут?

Я кивнул:

— Ты прав, кнут никому не отдам.

Он исчез, а спустя четверть часа из разных концов лагеря показались военачальники. Подражая мне, отмахиваются от сопровождающих, как велит их ранг, и пришли поодиночке.

Я сказал бодро:

— Можете сесть, господа, хотя здесь вообще-то не на чем. Потому буду краток, хотя поговорить люблю. Говорить — это не работать... В общем, слушайте внимательно. Через два дня армия остановится на недельный привал, и я тогда вообще взбешусь от безделья!.. Потому, дабы не, я изволю. Ну, вы поняли.

Они собрались по ту сторону костра не плотной кучкой, лорды такого ранга в толпу никогда не сбиваются, но ощутимо дружной группой, когда защищают себя и соседа с одинаковым рвением, потому что угроза общим интересам.

На меня поглядывают с неодобрением; Клемент первым прогрохотал тяжелым, как весь наш обоз, голосом:

— Вперед в одиночку?

— Недалеко. — заверил я. — У меня было озарение... ну, это такое видение насчет того, что впереди нет се-

рьезных воинских сил. Вплоть до самого Вифли. Это та-
кой город в Эбберте.

— А крепости? — спросил Мидль вежливо.

— Крепости мы и так обходим, — напомнил я. —
Придет время, сдадутся. Еще как сдадутся.

Герцог Сулливан окинул меня с головы до ног при-
дирчивым взглядом.

— А смысл в вашей поездке?.. В одиночку битвы не
выигрывают. Просто показать удаль в отдельных схват-
ках?.. Я никогда не сомневался в личном мужестве ва-
шего высочества, более того — мне самому были даны
убедительные доказательства, однако...

Он умолк, подбирая слова, граф Альбрехт произнес
снисходительно:

— Задача государей не выигрывать битвы, для этого
есть армии, а крепить устои королевства, завязывать
прочные связи с соседями, искать могучих союзников...

Макс сказал застенчиво:

— Его высочество уже не раз, увы, демонстрировал
свое умение решать некоторые конфликты без войны.

— Это не тот случай, — проворчал Сулливан и мах-
нул рукой, — но это у меня не возражение, а так... непо-
нимание. Во всяком случае я посоветовал бы взять хоро-
шую охрану.

Я покачал головой.

— На своем коне я могу удрать от кого угодно, а с
охраной надо оставаться и принимать бой. В общем, ре-
шено! Каждый из вас знает, что делать. Кто забыл, могу
повторить.

Альбрехт сказал быстро:

— Нет-нет, никто ничего не забыл, нам лишние
трупы не нужны. Но все-таки не забирайтесь далеко,
ваше высочество... вы ведь уже ваше высочество!.. а это
накладывает, как вы сами упоминали.

- Налагает, — поправил я строго.
Он чуть поклонился.
— И возвращайтесь поскорее.

Глава 8

Лагерь остался позади, довольный Зайчик понес меня по узкой долине, постепенно набирая скорость. Пусть мои лорды думают, что я просто фанфароню, выезжаю вперед от юношеского нетерпения и жажды приключений, такие мысли для них безопаснее и никому не испортят аппетит, тем более никого не лишат сна.

Меня же буквально трясет при мысли, что с каждой ступенькой по лестнице титулов проблем становится только больше. Рискнув вторгнуться в глубь территорий, подвластных Мунтвигу, я расположил основную часть армий на границе с Варт Генцем, дав им строгий наказ удерживать наступающие орды и не дать прорвать оборону.

В Мезине также осталась часть моих войск, но хватит ли их для поддержания там нашего присутствия? Что в Ламбертини? Она для нас жизненно необходима!.. Какие позиции сейчас занимают Барбаросса и Найтингейл?..

Что с Орденом Марешаля? Герцог Готфрид уехал и как сгинул... Никого это не тревожит, не их дело, эти государственные заботы должны вызывать язву у меня, сюзерена быстро разрастающихся подконтрольных областей.

Потому вот, не показывая вида, надо стараться побывать хотя бы там, где возможно. Государи вообще не показывают вида, когда им хреново, ибо это чревато потрясением основ государства, волнениями, слухами и бунтами.

Я натянул повод и воровато огляделся. Сейчас мне достаточно и того, что пара лесистых холмов поднялась между мной и лагерем, толстые и надменные, как две большие важные жабы, готовые отгородить от всего мира.

Бобик прыгает вокруг в нетерпеливом недоумении, арбогастр понимающе фыркнул, когда я начал расстегивать сумку справа от седла. Нужно завести еще одну и слева, для симметрии, а то эта уже безобразно раздувается от новых вещей.

Зеркало Горных Эльфов позволяет видеть только те места, где уже побывал, остальное скрыто «туманом войны», но это раньше было бы интересно подсматривать, что народ делает, когда думает, что их никто не видит, но сейчас злое нетерпение сжигает меня с такой силой, что руки задрожали, когда начал растягивать эту странную раму вверх и в стороны.

То ли это чутье, которым наделили «предки» в крепости Брабанта, то ли я такой умный и догадливый, но еще там, у горных эльфов, заподозрил кое-что еще на счет этого зеркала, скрытое, возможно, и от самих эльфов.

Собравшись с духом, я коснулся кончиками пальцев холодной поверхности. Гладко и твердо, но когда провел по этому идеально ровному льду, создалось ощущение, что слегка прогибается.

Бобик подбежал наконец, понюхал и, обернувшись, посмотрел на меня жутко красными глазами.

— Не бойсь, — заверил я. — Мы вместе!

Он замахал хвостом и оглянулся на арбогастра.

— И его возьмем, — добавил я неуверенно. — Если, конечно, сумеем.

Я старательно представлял те уединенные места, где превращался в птеродактиля, в зеркале возникают до тошноты одинаковые мелкие овраги, только пару раз

мелькнуло нечто с камнями, затем снова лес, руины зданий, вершина башни какого-то замка, уединенное место во дворце Геннегау... прекрасно, как-нибудь воспользуюсь, но не сейчас...

Сейчас и опасно, напомнил себе, вдруг Кейдан сосредоточил в своих руках всю власть в Сен-Мари, меня тут же зарежут, да и планы у меня сейчас более приземленные.

Бобик то принюхивался, то нарезал круги, наконец я постарался представить себе вид с большой высоты, чтобы хоть как-то привязаться к знакомым ориентирам, все же здесь видел, когда птеродактилил...

После одинаковых гор и долин внизу проступила знакомая горная гряда слева, а от нее в полумиле должна идти дорога, по которой как раз и смогу...

— Есть, — сказал я с облегчением. — Это местечко помню.

Рама скрипела и отчаянно сопротивлялась, мои мышцы начали потрескивать, наконец я ощутил, что все, больше не раздвину, хоть лопни. Поверхность зеркала ощутимо подрагивает, а когда коснулся ее снова, пальцы погрузились, как в желе.

Сердце колотится, словно пойманная в клетку птичка. Оглянулся на Зайчика, он хоть и гигант, но, если согнет ноги в коленях, гм... а мы с Бобиком уж точно суемеем.

— Ждите здесь, — велел я.

Поверхность зеркала напоминает вставшее вертикально горное озеро, только вода температуры жидкого азота.

Я задержал дыхание, закрыл глаза и, взявшись за раму, начал вдавливать в это мерзкое желе. Холод пронзил до костей, а потом и до мозга костей.

Почти сразу теплый воздух коснулся лица, я поднял веки со слипшимися от внезапного мороза ресницами.

Ура, я на этой стороне, пальцы правой руки все еще стискивают край рамы, из-за чего почти превратились в ледышки.

Когда я поспешно отдернул руку, зеркало осталось на месте, огромное, уродливое и перекошенное, ну не эстет я, не эстет, мне лишь бы работало.

С той стороны заглядывает озабоченный Зайчик, затем мелькнула морда Бобика с отчаянными глазами и обвинением во взгляде.

— Ко мне, — сказал я. — Бобик, ко мне!

Он сунулся носом, с визгом отпрыгнул, обиженно потер морду лапой, а на меня посмотрел с немым укором, подозревая грубую шутку.

— Бобик, — сказал я виновато, — я люблю тебя. Если не придешь ко мне, то пойду дальше один.

Он взвизгнул оскорбленно, ринулся в раму, как в холодную воду. Я едва не упал, когда он бросился мне на грудь, заледенелый, как глыба антарктического льда, жадно лизнул в лицо.

— Подожди здесь, — велел я. — Боюсь, Зайчик не решится... он же все-таки этот... ну, арбогастр, а они звери довольно пугливые.

Говорил я громко, Зайчик должен был услышать и устыдиться, однако он лишь отступил на шаг. Я стиснул челюсти, проломился через холод на ту сторону, ухватил его за узду и потащил с силой.

— За мной!.. Не отставай!.. Родина в опасности!.. Враг у ворот!

Рама тряслась, когда я сумел перетащить его на эту сторону. В самом деле пришлось ползти на коленях, а здесь уже Бобик напрыгивал, радуясь, что снова все вместе.

Я торопливо и довольно легко сузил размеры Горного Зеркала до прежних, когда легко спрятать в седельной сумке.

— Все, — сказал я, вздрагивая от холода и возбуждения. — Сделаем вид, что мы тут и живем. Погулять вышли!

Едва я вскочил в седло, Зайчик без подсказки пошел гордым галопом в сторону дороги. Бобик сделал вокруг нас два расширяющихся круга, как оса, запоминающая место своей норки, и ринулся на поиски приключений.

— Далеко не уходи! — крикнул я вдогонку.

На дороге легкое облачко пыли, но с большим отрывом от него, позади вся равнина накрыта серым одеялом призрачно легкой пыли, как всегда за большим конным отрядом.

Насторожившись, я послал Зайчика наперерез. Бобик посмотрел на меня, вздохнул и пошел мерными скачками рядом. Вскоре я рассмотрел группу скачущих всадников в пышных одеждах, именно в пышных: они придают такую значительность и величавость даже мужчинам. Хотя, конечно, и холодный климат виной, да и встречный ветер на просторах дорог весьма неприятен, но все-таки широкие и объемные одежды не только лучше сохраняют тепло, но и придают ощущение власти и огромности, что так важно в нашем мире силы и brutального натиска.

Мы сближались молча, Зайчик и то насторожился, а у меня тревожно стучит сердце при виде грозного зрелища скачущего отряда неизвестных всадников, у которых видны только стальные доспехи и длинные копыта над головами.

Земля дрожит и стонет под ударами железных подков, в каждом движении конного отряда чувствуется звериная мощь и ярость. Быстрая скачка заставляет вскипать кровь, все мы становимся зверями, а мысли в таких случаях носятся быстро и хаотично, когда слишком быстр и неуловим переход от радости к ярости, от слез к гневу.

Во главе переднего отряда красиво и со спесью скачет высокий, плотно сбитый рыцарь с сухим и явно подвижным телом. В глаза бросились широкая нижняя челюсть с выступающими в стороны углами да дерзкие глаза, что стремятся сломить встречный взгляд.

Даже одет холодно-сдержанно, что больше пристало бы конникам в разъезде, тем не стоит, чтобы их замечали издали, но это рыцарь из знатной семьи, вижу по сложному гербу с символикой древних эпох.

В левой ладони повод, правая свободно лежит на бедре, но рядом с рукоятью меча, а по бокам, чуть приотстав, двое таких же молодцев, похожих на старшего, как капли воды.

Мы с Зайчиком рысью подъехали к дороге и остановились на обочине. Всадники начали придерживать коней, воззрились с изумлением.

Старший вздрогнул, глаза расширились, торопливо соскочил на землю и преклонил колено.

— Ваше высочество!

Я милостиво наклонил голову. Эти трое братьев кажутся смутно знакомыми, хотя понимаю, что никогда их не видел. У всех троих странные и настолько светлые глаза, почти белые, что по спине пробежали мурашки. В тени или на свету одинаково остро и пронизывающе горят черные зрачки, крохотные, как маковые зерна, не расширяясь и не суживаясь.

Где же я видел эти холодные и расчетливые взгляды, эти немигающие глаза, где ни голубизны, ни серого оттенка, а только эта белизна, когда радужки как будто и нет вовсе...

Два брата последовали за старшим, остальные всадники остались в седлах; они не удостоены чести преклонять колена перед сюзереном.

Я заставил себя широко улыбнуться, раскинул руки в самом приветливом жесте, словно встретил старых друзей, с которыми так много общего.

— Приветствую птенцов славного рода Хорнблауэров!..

Они все трое смотрят все так же немигающе, но я наконец-то увидел в их взглядах удивление, переходящее в изумление.

Я сделал знак, чтобы поднялись. Старший первым воздел себя на ноги и произнес с отчетливой ноткой удивления:

— Ваше высочество?.. Неужели правда, вы можете видеть больше... других людей?

Я засмеялся, стараясь, чтобы голос звучал как можно естественнее и дружелюбнее:

— Ваша сестра пользовалась при королевском дворе бешеным успехом и не случайно стала королевой рыцарского турнира.

Они смотрели все так же в ожидании, я улыбнулся еще шире и закончил:

— А вы все трое явно из одного гнезда с вашей милой Хорнегильдой!.. К тому же она упоминала, что у нее трое братьев.

Старший произнес почтительно:

— Мы бесконечно признательны, что вы запомнили такой пустяк, как случайно оброненные нашей сестрой слова.

— Она ничего не роняет случайно, — заметил я.

— Спасибо, ваше высочество...

— Как она сейчас?

Старший сказал почтительно:

— По дороге мы как раз сделали небольшой крюк, чтобы проехать мимо крепости герцога Сулливана, ее супруга.

— Он со мной, — заверил я. — Сражается красиво и достойно. Стяжал великие подвиги, можете гордиться таким родственником!

Он ответил с поклоном:

— Да, и когда мы узнали, что герцог ушел к вам, то поспешили по его следам... Меня зовут Арнольдус, я граф Гогенбергский.

Второй сделал шаг вперед и церемонно поклонился.

— Барон Витториус, ваше высочество! Располагайте мной и моей жизнью!

Третий, самый молодой, тоже шагнул быстро и порывисто, воскликнул юношеским голосом:

— Ваше высочество!.. Сэр Тири, баннерный рыцарь, целиком и полностью в вашем распоряжении! Как и все наше войско!

Я сказал одобрительно:

— Видно издали, войско отменное. И вооружение отличное, чувствуется работа сен-маринских оружейников. Дорогие друзья, вам осталось не больше пяти миль до расположения войск герцога Меганвэйла. Там вы познакомитесь с множеством знатнейших лордов и рыцарей из королевств Вендовер, Варт Генц, Скарлянды, Шателлен и Турнедо!.. Это расширит ваш кругозор и поможет завязать нужные знакомства!.. Езжайте, я догоню попозже.

Они торопливо повскакивали в седла, чувствуя радостное возбуждение от внезапной встречи с великим завоевателем, о котором начинают распространяться причудливые легенды о его странностях, когда он путешествует только в обществе коня и собаки.

Сэр Тири рискнул спросить:

— Ваше высочество! Может быть, вы нас и поведете? Это же такое счастье — прибыть в воинский лагерь под вашей дланью!

Я засмеялся, сказал с сожалением:

— Я бы с охотой, но столько дел... Еще увидимся!

Они едва успели головы повернуть, как арбогастр набрал скорость, и мы все трое исчезли в облаке пыли.

На самом деле мы промчались не больше двух миль: я уже заметил в стороне от дорог обломки копий и обрывки одежд, но трупов нет, это значит, Меганвэйл велел окрестным крестьянам закопать тела мунтвиговцев, а их добро взять себе в уплату.

Постоялый двор на том же месте, хоть с чего он переместился бы, здесь столетиями ничего не меняется, если не пожар или Волна Трансформации.

Ворота гостеприимно распахнуты, во дворе несколько телег, три повозки и одна коляска, а также с полдюжины верховых коней, чьи поводья просто наброшены на крюки, торчащие из стены.

Бобик двигался рядом с арбогастром и всячески старался казаться чем-то вроде кролика, но все равно народ отпрыгивает в стороны с воплями и руганью, кто крестится, кто хватается за крест, а самые разумные просто замирают на месте.

Я оставил Зайчика у коновязи, мужик привязывал рядом своего коня, на Зайчика покосился с неуверенностью на лице.

— Господин, ваш конь... моего не загрызет?

— Если твой не начнет первым, — заверил я.

Он вздохнул.

— Спасибо, что предупредили. Мой вообще-то драчливый. Кобыл обожает, а с жеребцами всегда задирается.

— Тогда смотри сам, — сказал я.

Он снова оценивающе посмотрел на арбогастра.

— Нет уж, ваша лошадка и десяток моих стопчет, не почешется.

Он увел своего коня подальше, а я пошел к крыльцу. Со стороны ворот донесся мощный стук копыт, конское

ржанье. Во двор въехал рослый рыцарь на огромном гнедом жеребце, доспехи на всаднике из хорошей стали, но все-таки многовато зарубин и царапин, за плечами выгоревший плащ почти серого цвета, кожаные штаны плотно обтягивают толстые сильные икры, сапоги из хорошей кожи сидят в широких стремянах так плотно, как будто стали их частью.

Сам рыцарь выглядит не просто бывалым воином, а очень бывалым и очень опасным.

Он поймал мой взгляд, проехал, я все еще смотрел ему в спину и не успел отвести взор, когда он быстро оглянулся. Наши взгляды встретились.

Я не успел сдвинуться, как он моментально перенес ногу через седло и соскочил на землю. Я напряг мышцы, когда он быстро пошел ко мне, рослый, поджарый, налитой настоящей мужской силой, что уже сейчас просит выхода.

Глава 9

Я чувствовал приближение опасности и в то же время непонятное возбуждение: где-то уже видел это лицо со множеством шрамов, короткие седые волосы, что спускаются по краям головы, захватив щеки почти до самых глаз, а дальше это все называется уже бородой.

Он заговорил издали:

— Мое почтение, сэр... Меня зовут Родут, барон Родут. Мне показалось ваше лицо знакомым.

Голос его звучал сильно, звучно и тоже странно знакомо. Я всмотрелся в его лицо, а он остановился и ждал с нетерпением в глазах. Шрамы и шрамики все мелкие, но чувствую, вовсе не потому, что острое железо едва касалось его лица. Он весь как будто вырезан из старого крепкого дуба... если не крепче.

— Странное чувство, — признался я, — но у меня тоже такое же... Хотя могу сказать твердо, мы с вами никогда не виделись.

Он чуть наклонил голову.

— Да, сэр, я бы вас тоже не забыл... Но, может быть, вы меня видели как-то где-то, а потом забыли?

Я покачал головой.

— Нет, такого рыцаря я бы не забыл. Кроме того...

— Сэр?

— У меня прекрасная память, — сказал я нехотя. — Запоминаю все.

Он кивнул, не сводя с меня взгляда.

— Сэр, позвольте угостить вас в этой таверне? Может быть, за чашей хорошего вина, если такое отыщется, мы все же разгадаем суть этого странного ощущения.

Бобик проскользнул следом за нами в харчевню, помещение наполовину пусто, зато густо и смачно пахнет бараньей похлебкой. Народ занят жратвой и вином, все насыщаются спокойно, но с рассчитанной осторожностью, как принято в незнакомых местах, где останавливается множество проезжающих: не орут, не откидываются на спинку сиденья и не разглядывают вызывающе входящих или сидящих за другими столами. Так можно делать только в своей деревне, где знаешь каждого, как облупленного, а здесь могут попасться такие, что сразу и с большим удовольствием собьют рога.

Потому мы прошли к свободному столу, не особенно привлекая внимание, хотя два таких рослых воина, пусть и в затрапезной одежде, всегда находятся на перекрестье взглядов.

Бобик сразу же устроился под столом, а барон Родут тяжело опустился на лавку, всхрипнул, как конь, явно недовольный, что перед ним не выстроились слуги.

Я не успел слова сказать, он повел ладонью над столом, там появились две тарелки, два кубка и большой ломоть черствого хлеба.

Я дернулся в изумлении, а барон в нетерпении оглянулся в сторону кухни.

— Ползают, — прорычал он злобно, — как черепахи... Сжечь бы их всех...

Его руки уже ломали хлеб, посыпали крупной солью, а пожирал он с жадностью, словно неделю питался только водой из ручья.

— Не обращайтесь внимания на пустяки, — ответил я и, тоже проведя ладонью над пустыми тарелками и кубками, сосредоточился изо всех сил. — Люди... есть люди.

Он не охнул, но застыл на мгновение и вперил взгляд в ломти мяса на тарелке, а затем осторожно взял кубок с вином.

Я улыбнулся, вскинул свой на уровень глаз, отпил до половины и поставил обратно.

— Сэр, — сказал он пораженно, — не зря я на вас обратил внимание.

Бобик под столом ухватил брошенный ему кусок мяса, довольно заурчал.

Вино в кубке барон осушил до дна, ни мало не беспокоясь, что оно волшебное или может быть вообще отравленным. Лицо чуть порозовело, а глубокие складки тревоги малость разгладились.

Я посматривал на него время от времени, стараясь вспомнить, кого же напоминает его лицо. Странное ощущение, где-то уже видел, но где, где...

Он ухмыльнулся.

— Вижу, вы тоже...

— Барон?

— Я присматриваюсь ко всем в пути, — объяснил он, — и научился непростых людей отличать от простых быстро.

— Все мы непростые, — пробормотал я, — хотя иногда становимся проще некуда.

Он тяжело вздохнул.

— Я так надеялся, что хоть на этот раз мне повезло.

— В чем, дорогой барон?

— Что вы узнаете меня, — ответил он. — Хотя на самом деле, конечно, не меня... Ваше здоровье!

— Барон?

— У меня есть брат, — объяснил он. — Брат-близнец. Я пытаюсь разыскать его вот уже пятьдесят четыре года.

Я тихонько охнул.

— Ничего себе? Сколько же вам, барон?

— Семьдесят четыре, — ответил он с мрачной гордыней. — Из них пятьдесят лет в седле.

— Это достойно, — ответил я. — Я еще не встречал такую любовь к брату!

Он недовольно дернул щекой.

— Здесь не любовь... Какая любовь, если я его вообще не видел? Нас разлучили во младенчестве. Говорят, еще когда лежали в колыбели, то могли, забавляясь, двигать мебель по комнате! Однажды я перенес корову на вершину колокольни всего лишь силой желания.

Я дернулся, представив себе такую мощь.

— Прирожденный маг?

Он отмахнулся.

— Нет, просто у нас есть сила. Одна на двоих.

— Господи, — сказал я искренне, — никогда о таком не слышал!

Он поморщился.

— Если бы мы тогда не были младенцами и умели скрывать свои умения!..

— И что случилось?

Он со злостью ударил кулаком по столу.

— Как только взрослые поняли, что наша сила возрастает стократ, когда мы рядом, нас тут же разъеди-

нили. Уже потом я узнал, что вот так прямо в колыбелях обоих развезли на противоположные края света!.. И теперь уже нет в живых тех, кто это сделал.

Я спросил с сочувствием:

— И вы начали искать брата?

Он ответил с яростью:

— Возможно, он тоже меня ищет!..

— Барон, — сказал я с сочувствием, — но вы все равно владеете огромной мощью! Вы сильны и абсолютно здоровы, а другие в вашем возрасте уже не покидают кресла с теплым пледом... А еще ваша способность творить посуду и пищу... Уверен, это не все...

Он отмахнулся.

— Конечно, не все! Но это жалкие крохи. Будь мы с братом, я смог бы двигать горы, поднимать дно морей, а любые армии превращать в пепел одним движением мизинца!.. Потому я так страстно добиваюсь... Но удалось так мало!

— Но все-таки добились?

Он отрезал хрипло со сдержанной яростью:

— За эти долгие годы надежд и страданий я выработал и развил в себе только повышенную сверхчувствительность. Теперь смутно ощущаю, в какой стороне находится мой брат!..

— Ого, — сказал я, но ощутил по спине холодок. — Поздравляю.

— В таких случаях поворачиваю коня в ту сторону, — сказал он со злым нетерпением, — и мчусь галопом.

— Вот и решение! — сказал я. — Поздравляю, барон! Вы своего добились.

Он прорычал утомленно:

— Только вот эта незримая связь иногда исчезает!

— Подумать только, — сказал я. — Брат от вас закрывается?

— Это как? — спросил он, потом покачал головой. — Нет, от такого не закрыться. Он — это часть меня. Просто... как бы исчезает! Вообще. Был — и нет. Я бешусь, бросаюсь на стены, деревья и скалы, крушу все вокруг в ярости... но через несколько дней, недель или месяцев незримая ниточка возникает снова.

— Может быть, — предположил я, — он исчезает только из этого мира?

Он посмотрел злыми глазами.

— А что, есть... Э-э, мне такое в голову не пришло... Значит, мы можем завоевать еще и тот мир?.. Я бы продал душу дьяволу, только бы тот помог мне отыскать брата!

— Не делайте такого, — предостерег я. — Плата всегда оказывается выше оказанной услуги.

— Я бы это сделал, — прорычал он.

Ел он быстро, лесной пожар не так споро уничтожает сухие кусты, как он очистил блюда, а когда хозяин принес наконец заказанное мясо, взялся и за него, но уже без такого азарта.

— У вас прекрасный конь, — сказал он с одобрением. — Как и этот пес, что чавкает под столом. Я что-то слышал о таких... Если он из тех, конечно.

— У меня хороший конь, — согласился я.

— Я возьму его, — сказал он просто, как о решенном деле, — а вам оставлю своего. Он тоже хорош, а еще в седельной суме найдете немало золота. Как видите, я беспримерно добр и щедр.

— Но конь мой, — возразил я. — И отдавать не хочу!

Он сжал в кулаке кубок, смяв, как листок бумаги, затем небрежно загладил выступы, словно это мягкий воск, и движением ногтя отправил шарик по всей столешнице на мою сторону.

Холодея, я взял шарик в ладонь. Еще горячий, так металл сопротивлялся насилию, тяжелый.

— Впечатляет, — признался я.

Он неприятно искривил губы.

— Как видите, мне лучше не перечить.

— Уже готовитесь в короли мира? — спросил я.

Он взглянул на меня с надменностью верблюда на ползущего у переднего копыта навозного жука.

— Я уже давно готов.

— Вас остановят, — сказал я.

— Такого еще не родилось, — произнес он надменно. — И не родится.

— Ох, барон, — ответил я с сильно бьющимся сердцем, — не рискуйте...

Он поднялся, по виду — злой, давно ему не перечили, я тоже встал и посмотрел ему в глаза.

Он не ударил, а отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Удар пришелся кистью в мою грудь, для видимости укрытую поверх доспеха Нимврода еще и кольчужой.

Острая боль пронзила мне внутренности, кровь брызнула из рта и ушей. Меня пронесло, как брошенное полено, через все помещение, шарахнуло в стену.

Бревна рассыпались, мое тело выпало наружу. Я хрипел и выл, такое ощущение, что кости переломанной грудной клетки срastaются с жуткой болью, темнеет в глазах, хотя, умом понимаю, незримый доспех не уступил внезапному удару, это внезапное ускорение швырнуло меня, а кровь осталась было на месте...

Я поднялся на четвереньки, руки подломились в локтях. Только и увидел, как барон Родут легко вышел из таверны, на ходу доедая гусиную лапу.

За ним выбежал с криком трактирщик, Родут щелчком отправил наполовину обглоданную кость ему прямо в лицо. Трактирщик отшатнулся, колени подогнулись, он начал валиться лицом вниз. Я с омерзением увидел

торчащую из его глаза кость, что наполовину погрузилась в мозг.

Родут, не обращая внимания на испуганные крики, подошел к коновязи. Зайчик всхрапнул, вскинул голову и посмотрел на него дикими глазами.

— Теперь ты мой, — сказал ему Родут.

Я собрался силами и прохрипел:

— Зайчик... ко мне.

Он повернул голову, снова всхрапнул и... там исчез, а передо мной появился с такой скоростью, что меня качнула тугая стена воздуха.

Родут повернул голову в нашу сторону. Лицо начало разгораться даже не гневом, а удивлением и бешенством.

Я ухватился обеими руками за стремя.

— Вперед!

Я успел увидеть, как из глаз Родута плеснуло безумие, он ринулся ко мне, даже не вскочив в седло своего коня. Зайчик послушно пошел скачками.

Меня потащило по траве, доспех Нимврода послушно спасает от ударов и царапин, за нами задрожала земля. Я вскрикнул в ужасе, Родут, увеличиваясь в размерах, гонится за нами, делая шаги все шире и двигаясь все быстрее.

— Прибавь! — закричал я.

Воздух засвистел в ушах, я подтянулся по путлищу и взобрался в седло. Родут, уже огромный, как дерево, мчится за нами, пригибаясь от ветра, но и Зайчик прибавил еще и еще, я трусливо оглядывался, наконец чудовищный великан начал отставать и вроде бы уменьшаться в размерах.

Мы мчались до тех пор, пока он не исчез на горизонте. Рядом с Зайчиком несется Адский Пес, в глазах мука и немой вопрос: ну почему нельзя было перегрызть ему горло?

— А вдруг он тебе сам перегрызет? — ответил я. — Знаешь ли, я все-таки тебя люблю и дорожу тобой, шеник мой толстолапый.

Он посмотрел на меня внимательно, чего это я называл толстолапым, а не привычно толстозадным. Зайчик тем временем спустился к ближайшей реке, где мы долго двигались вниз по течению, а когда выбрались на берег, я заставил еще и перескочить глубокое и настолько широкое ущелье, что у самого сердце екнуло, когда задние копыта Зайчика едва не сорвались с края.

— Ну все, — прошептал я, — успокойся, принц... Ты ему не нужен, это он так... со злости. Зайчик, все в порядке, отсюда поворачиваем уже к нам... Что, страшно было?.. Мне тоже...

Бобик помахал хвостом, уверяя, что а вот он абсолютно бесстрашен, с ним можно не бояться и двум таким отчаянным трусам, как мы с арбогастром.

Глава 10

Через несколько минут арбогастр взбежал на вершину знакомого холма. Я заранее настроился на благостный лад, сейчас откроется головной лагерь герцога Меганвэйла...

...и охнул, увидев только серые пятна выгоревшей земли на месте костров, дыры в земле от шестов для шатров и палаток, протоптанные дорожки, что ровной сетью остались там, где совсем недавно был лагерь.

Бобик весело гавкнул, я повернулся, в той стороне, куда он указывает мордой, тянется пыльное облачко за удаляющимся отрядом.

— Туда! — велел я Зайчику. — Посмотрим...

Он не успел разогнаться, как я начал притормаживать, всадники уже увидели меня и развернулись в мою сторону.

Один тут же ринулся навстречу.

— Ваше высочество!

Я узнал одного из сотников Норберта, которого тот оставил с отрядом для связи с основным войском.

— Что случилось?

— Все хорошо, — заверил он, — но часть войск слегка сдвинулась вперед, там позиции для боя как раз! Мы сами подбирали.

— Но за рекой уже Бриттия?

Он кивнул.

— Да. Но герцог сказал, что теперь и Бриттия под вашей рукой, а оборону удобнее занять между Нердером и Акхартом, туда сходятся все дороги. Здесь нас обошла одна армия Мунтвига с фланга, но, к счастью, наткнулась на армию стальграфа Мансфельда...

Я перевел дыхание.

— Прекрасно! Стальграф Мансфельд — опытный военачальник. Значит, теперь герцог Клемент перехватывает всех со стороны Севера?..

— Да, ваше высочество!

Я сказал с облегчением:

— Отлично. Новости настолько хорошие, что уже начинаю оглядываться, откуда-то да шарахнет по голове.

Разведчик заулыбался, счастливый, что всемогущий лорд откровенничает с ним.

— Ваше высочество, вы всегда все рассчитываете правильно!

— Хотелось, — сказал я с надеждой. — Хорошо, лагерь Меганвэйла, значит, между Нердером и Акхартом?

— Возле Нердера, — ответил обстоятельно разведчик. — Возле Акхарта войско Шварцкопфа, а также все остальные, начиная с вендоверцев и шателленцев.

— Хродульф и прочие лорды?

— С Меганвэйлом, естественно, ваше высочество!

— Естественно, — повторил я задумчиво. — Хорошо, спасибо. Бобик, не приставай!..

Я тронул Зайчика коленями и едва успел услышать завистливый вздох, как мы уже были за четверть мили и уходили все дальше и быстрее.

По дороге встретил еще два разъезда, один из разведчиков, Херн Ринне, оказался не только словоохотливым, но немало знающим о самом войске, лагерной жизни и взаимоотношениях между военачальниками.

Я слушал внимательно и думал с изумлением, что Норберт собирает, как муравей, сведения отовсюду, даже из такой дали, вдруг да пригодятся. Как сообщил Ринне, все полководцы, следуя примеру Меганвэйла, верховного командующего Южного фронта, днем и ночью находятся среди воинов.

Если Шварцкопф, Геллермин или Зигмунд Лихтенштейн с братьями и так обычно спали на голой земле у костров, не говоря уже о ко всему привычном сэре Растере, то теперь и высшим лордам Варт Генца: Хродульфу, Хенгесту, Леофригу и даже Меревальду пришлось, чтобы заслужить репутацию, вместе со всеми переносить дождь, ветер, холод по утрам и пыльные бури в полдень.

Единственное, что все лорды делают без зубовного скрежета, — это отважно водят свои дружины на врага. Хродульф, надеясь на своих телохранителей, с полдюжины раз бросался в бой без доспехов, что льстило видевшим это воинам, но был трижды ранен стрелами и один раз мечом, но, к счастью, все легко.

Хорошо показал себя даже Меревальд, а уж про Хенгеста и Хродульфа говорить нечего: эти живут и дышат сражениями.

Зигмунда с братьями и его небольшим войском я не обнаружил, что удивило, но оказалось, что он, заскучав в однообразных боях, заявил, что признает командование над собой только сэра Ричарда или герцога Клемента, и углубился далеко вперед, а потом от него пришло известие, что попытается догнать армию принца Ричарда.

Прогремел стук копыт, в мою сторону мчится с развевающимися знаменами отряд блестящих рыцарей в дорогих одеждах. Впереди Меганвэйл, за ним, почти-тельно отстав на корпус коня, графы Арнубернуз, Фродвин и Буркхарт, с ними же и барон Хельмут, все такой же гигант и на своем странном коне, что с виду битюг, рожденный таскать тяжелую телегу, но я сам видел с какой балетной легкостью идет галопом.

Меганвэйл быстро соскочил с коня, выказывая, что еще не стар, красиво и с достоинством преклонил колени.

Я торопливо ухватил его за плечи и поднял с чувством неловкости, все не привыкну, что передо мной преклоняют колени люди намного старшие по возрасту.

— Герцог, прекратите! Прежде всего, мы друзья!

Он с улыбкой на суровом лице всматривался в меня, высокий и весь блестящий в доспехах из вестготской стали, глаза все такие же беспощадно ярко-синие, а голос прозвучал отечески сурово:

— Ваше высочество, я безмерно польщен дружбой с вами, но дисциплина дисциплиной. Все должны видеть, что я преклоняю колени. Это обязывает и приучает!

— Да у нас, — возразил я, — и так вроде бы дисциплина...

— Ее надо поддерживать, — сказал он наставительно, как старший младшему.

— Да-да, — согласился я со смущением, — вы правы, герцог.

С коней слезли и стоят в почтительном молчании барон Эванс, правая рука Меганвэйла и его лучший стратег, Арнубернуз, Фродвин, Буркхарт и Хельмут, подсказали приотставшие Габрилас, Елиастер, Фитцуильям, я узнал еще Айвариказа и Дитвольфа, Николаса Бэрбуна, Харли Квинна и Джизеса Крайста, Дарси Блэйка...

Все они поспешно покидали седла и преклоняли колени. Я оглядел их с отеческой улыбкой и величественным жестом велел подняться.

— Рад вас видеть, друзья, — сказал я тепло, хотя подумал, что слишком много у Меганвэйла его верных военачальников в одном месте, жизненно важно под разными предложениями разбросать их по разным армиям. — О, здесь даже сэр Герард, сын доблестного барона Валдуина!.. Помню-помню сражение при захвате пограничной крепости, где я впервые увидел этого отважного героя...

Юный Герард покраснел густо, как молодая стыдливая девушка, я улыбнулся ему и всем тепло и ласково.

— Встаньте и порадитесь хорошим новостям!.. Наша ударная армия уже прошла королевства Бриттию, Ирам и победно вторглась в Пекланд!

Они поднялись, радостно зашумели. Меганвэйл спросил на правах старшего:

— До Сакранта рукой подать?

— Неделя пути, — заверил я. — А теперь, друзья, небольшой пир, где расскажете новости, а я расскажу свои, и решим, какие у нас будут следующие шаги.

Меганвэйл подошел, повинувшись моему жесту, я взял его под руку и повел впереди, остальные, тихо переговариваясь, двинулись на дистанции следом.

Я поинтересовался:

— Как на новом месте?

Он сказал с неловкостью:

— Ваше высочество, послушавшись вашего приказа, мы слегка углубились в земли Бриттии, зато какое стратегическое преимущество!

— А результат? — спросил я.

— Удалось остановить три армии Мунтвига, — доложил он гордо. — Сражения были, честно скажу, жестокие. Вооружение у них намного хуже, доспехи никакие, но отваги не занимать. Пока половину армии не вырубил, как кустарник, остальные и не думают отступить!

Я вздохнул.

— Что делать, религиозные фанатики... Каков финал?

— Остатки их армий, — сказал он, — рассеяны, но часть, видимо, попытается пробраться дальними тропами в Варт Генц. Хотя что это им даст?.. В Варт Генце осталось достаточно войск. И будут ли еще армии?

— Будут, — заверил я. — Но не больше двух. Вышла и еще одна, но, думаю, вскоре повернет взад.

— За вашей ударной?

— Да.

— Значит, — произнес он с восторгом, — вы их там потрепали здорово!

— Да уж старались, — ответил я уклончиво. — Я смотрю, теперь у вас в самом деле армия, а не собрание войск?

— Армия, — заверил он. — В боях все перековываются заново. Тем более успешных!

— Где сэр Растер?

— Он со своими троллями, — объяснил Меганвэйл с кривой усмешкой, — предпочитает... иную тактику.

— Партизанскую?

Он кивнул.

— Да. Троллей не обучить сражаться в строю, зато эти зеленомордые бесподобны в ночных атаках.

— Они ночью видят, — напомнил я, — как мы днем.

— Это я не сразу понял, — признался он. — Не поверите, от какого-нибудь отряда в сто человек... гм, ста этих морд, бегут и тысячные войска!

Я зябко повел плечами.

— Еще бы! Когда среди ночи просыпаешься и видишь рядом огромную зеленую харю с вот такими клыками...

Он странно посмотрел на меня.

— Отважный вы человек, ваше высочество. А меня бог миловал...

— Да ладно вам, — сказал я скромно, — вы же в походе.

Он перекрестился.

— Нет-нет, ваше высочество, здесь нам с вами не тягаться. Я уж лучше, как святой Антоний... Кстати, тролли за Растером в огонь и воду! С ним такая добыча достается... Особенно когда нападают на обозы. Все-таки тролли — народ очень бедный... Кстати, ваше высочество, хочу предупредить...

Голос его стал очень серьезным, я насторожился.

— Граф?

Он сказал шепотом:

— Прибыл отец Дитрих, архиепископ Сен-Мари и верховный инквизитор!

Я ощутил предостерегающий холодок на спине.

— Ого!

— Появился внезапно, — сказал он удрученно и все еще шепотом, даже огляделся по сторонам, — с ним двое священников, тоже на мулах... Никогда не думал, что мулы могут бегать так быстро!.. Или они у него с крыльями, как жуки? Он же из Сен-Мари?

— Да, — пробормотал я, — но, наверное, святая молитва хорошо надувает паруса.

— Церковь, — сказал он, — светлая сила, но темная штука.

— История мидян, — согласился я, — темна и непонятна. Где он сейчас?

— Поехал объезжать лагерь, хочет убедиться в нашей стойкости против влияния церкви противника.

Я поморщился.

— Как будто простые воины, даже лорды, отличают одно религиозное течение от другого. Хорошо, дорогой друг, я сейчас переговорю с ним, а потом прибуду к вам. Нам есть что обсудить.

Он поклонился.

— Ваше высочество, всегда к вашим услугам.

Глава 11

Зайчик бодро пронес меня по лагерю, но отца Дитриха ни следа, хотя все уверяют, что святой отец был здесь только что. Бобик повел носом и пробежал немного, оглядываясь на меня.

— Давай, — согласился я. — Веди!

Бобик взыграл и ринулся через стену кустарника, где и стадо слонов не проломится. За ним остался узкий пролом, который мы с арбогастром расширили, не давая себя поцарапать. Я заметил, что даже сапоги остались целы, хотя острые и крепкие колючки чиркают по ним с такой силой, будто стараются вспороть и добраться до моих бедных косточек.

Дорога повела, как понимаю, в Акхарт. Его высокие башни увидел на возвышенности раньше, чем расположившийся внизу большой воинский лагерь с прямыми

дорожками и поставленными по шнурку шатрами и палатками.

Первыми меня увидели конные разъезды, но я проскочил мимо них, как намыленная молния, а часовые на въезде в лагерь только и успели ахнуть, как я остановился перед ними.

— Смирно!.. Ладно-ладно, вольно... Отец Дитрих здесь?

Оба все еще таращили на меня глаза, одного одолела икотка, но второй сумел выдавить:

— Ваше высочество, вы так не только до икотки... Отец Дитрих выехал в поле.

— Чего вдруг?

Он объяснил обстоятельно:

— Там легкие конники дурной воды попили, пять человек слегло, мучаются страшно! Вот он и поспешил.

— Спасибо, — сказал я. — В какую сторону?

Он кивнул на Бобика.

— Ваш кабан знает, аж визжит, что вы его не слушаете.

— Молодец, — сказал я. — Наблюдательный! Лови за прилежание в службе.

Я бросил ему золотую монету; арбогастр развернулся и ринулся вслед за Бобиком.

Два больших шатра мы увидели издали, а вокруг них не пять человек лежит, стена, а расположился целый лазарет, по которому ходят как лекари, так и священники.

Я сразу разглядел отца Дитриха, пустил коня в его сторону. Он увидел меня издали, поспешно прервал разговор с монахом и заторопился навстречу.

Я одним прыжком покинул седло, преклонил колени и поцеловал ему дряблые сухие пальцы.

— Отец Дитрих!

— Встань, сын мой, — сказал он торопливо, — у меня важные новости. И незамедлительные! Пойдем в шатер, есть разговор.

Я подхватил его под локоть, даже не представляю, как в таком возрасте пускаться в подобную дальнюю дорогу, но у церкви свои тайны. Стражи почтительно распахнули перед нами полог, оттуда пахло теплым воздухом.

В шатре уютно, в большой черной жаровне тлеют огромные угли. Стол завален бумагами, словно Меганвэйл живет здесь годы, на спинках кресел тоже разбросана одежда в великолепной мужской небрежности повелителей мира.

Когда все убрали и нас усадили за стол, я подождал, провожая взглядом последних уходящих стражей и лордов, спросил тихо:

— Отец Дитрих?

Он ответил так же негромко:

— Тебе стоит знать, что герцог Готфрид, будучи избран верховным магистром Ордена, развернул кипучую деятельность. Идет прием новых членов в Братство, а из старых уже сформирован первый отряд в тысячу благороднейших рыцарей высокого происхождения... и уже отправлен на помощь в борьбе с Мунтвигом.

Я спросил быстро:

— Куда?

— К тебе, — пояснил он. — А как иначе?

— Да кто герцога знает, — сказал я опасливо. — Он и раньше был не в моем подчинении, а сейчас тем более...

Он внимательно смотрел, как перед ним появляется большая чашка с горячим кофе.

— Спасибо, сын мой, — сказал он просто, — это очень кстати. Да, ты прав, ибо верховный магистр Ордена равен принцу крови... да не королевскому, а импе-

раторскому! Он не подчинен даже королям, а только Его Святейшеству, да и то опосредованно.

— Ну вот...

Он взял чашку, некоторое время с наслаждением грел о ее выпуклые бока ладони, медленно отхлебнул.

— Его рыцари, — произнес он, — все будут под твоей рукой и под твоим командованием. Вторая новость, сын мой, похуже, увы...

— Отец Дитрих?

Он задержал чашку на полдороге, из груди вырвался вздох.

— Кейдан изо всех сил укрепляет свою власть! А еще старается перетащить на свою сторону и тех лордов, что получили земельные угодья от тебя, сын мой.

— Гад, — сказал я коротко. — Что с флотом?

Он сделал глоток, от удовольствия зажмурился. Я сделал и себе чашку побольше, припал к ней, как голодный паук к молодой толстой мухе.

— Работы продолжаются, — ответил он минуту спустя. — Новые корабли Кейдан вряд ли будет закладывать, но начатые закончит, иначе было бы бесхозяйственно.

Я вздохнул.

— Надо закладывать и новые!.. Океан велик.

Он сказал кротко:

— Надо. Тем более доходят тревожные вести с морей... Пока многое неясно, но ощутимо, что некто собирает огромные силы.

Я стиснул челюсти, но смолчал, ругань приносит облегчение только простолюдинам. Он продолжал пить кофе мелкими осторожными глотками.

— Об этом «некто», — спросил я, — так ничего и нельзя узнать?

Он покачал головой.

— Увы.

— Возможно, это ни некто, а нечто?

Он ответил со вздохом:

— Верно. А как твои успехи?

— Все по плану, — заверил я бодро. — Отец Дитрих, вот что очень важное я все хочу сказать вам, да как-то либо время не выберу, чтобы вас не слишком беспокоить, то слов не насобираю правильных...

Он посмотрел с удивлением.

— Сын мой, в твоём голосе тревога. Что случилось?

— Святой отец, — сказал я смиренно, — вы благословили меня на печатание Библии, дабы по экземпляру было в каждой церкви, а потом и в каждом селе...

Он улыбнулся.

— Сын мой, теперь верю, что когда-то осуществится и твоя заветная мечта насчет Библии в каждом доме!

— Спасибо, святой отец, — сказал я, — теперь чертежи по устройству типографий пошли из Геннегау по всему Сен-Мари! А оттуда и по королевствам. Этот процесс уже не остановить...

Он переложил чашку в левую руку, перекрестился правой.

— Во славу Господа!

— Аминь, — сказал я. — Наше христианство, как все больше думаю, — это не столько вера в Бога, уж простите меня, отец Дитрих, сколько вера в человека! Вера в то, что можно раздуть искру, которую вдохнул Господь, в бушующее пламя. И человек станет... скажем мягко, намного ближе к Богу.

Он поерзал, проговорил морщась:

— Сын мой, ты говоришь так... как мы, иерархи церкви, говорим между собой в узком кругу. Но крестьянам такое не объяснишь. Пройдут не годы, столетия, пока...

— Книгопечатание, — прервал я, воспользовавшись неторопливостью его речи, — поможет ускорить созревание.

Он медленно кивнул.

— Да, это должно помочь. Поможет ли, не знаю, но должно бы помочь.

— Должно, — ответил я. — Однако же, отец Дитрих, в этом есть и некоторая опасность... Вообще-то не совсем некоторая, это я по природной трусливости сглаживаю.

Он посмотрел на меня в благостном удивлении, неторопливо взял печенье и с явным удовольствием ощутил его нежный изысканный вкус.

— Сын мой! Ты о чем?

— Грядет потеря монополии, — объяснил я, — на толкование церковью тех или иных положений в Библии.

Он посерьезнел, но смотрел все так же спокойно.

— Разве это чем-то грозит?

— Немногим, — ответил я скромно. — Церковь за века существования создала довольно грамотную, хоть и громоздкую настройку на фундаменте Святого Завета. Толкования тех или иных слов Иисуса зашли настолько далеко, что новые толкования опираются на старые толкования, соглашаются с ними, спорят или опровергают...

— Ну-ну?

— А теперь, — закончил я, — впервые широкие массы священников возьмут в руки экземпляр Библии и прочтут, так сказать, подлинник. Подлинник, а не толкование!

Он подумал, посерьезнел еще больше.

— Полагаешь, возникнут ереси?

— Обязательно, — согласился я. — Боюсь, вам стоило бы в какой-то мере предусмотреть эту возможность. Я даже вижу места, что дадут основание для ересей.

В его глазах появилось и начало разрастаться изумление.

— Сын мой... неужели ты настолько хорошо изучил Святое Писание? Я тебя ценю высоко...

— Спасибо, отец Дитрих.

— ...но все же недооценивал, — закончил он и добавил с улыбкой: — Ты умеешь, оказывается, не только создавать этот божественный напиток и эти удивительные лакомства...

Я перекрестился и сказал благочестиво:

— Как христианский государь и правитель, я должен хорошо и ясно видеть путь, по которому поведу людей. Да, святой отец, я в самом деле вижу такие места... Пусть смутно, как в тумане, но все-таки... Думаю, их больше, чем вижу. Уверен, вы узрите еще и еще, которые пропустил я.

Он неспешно допил кофе, поставил чашку на стол и только тогда пробормотал:

— Намекаешь, что я должен перечитать Библию... под таким углом?

Я поклонился.

— Я даже не смею о таком и думать дерзновенно.

— Но указал довольно недвусмысленно, — заметил он сухо и тут же раздраженно отмахнулся. — Да не извиняйся, тобой движет забота о нашей церкви, а это прощает абсолютно все!.. Хорошо, сын мой, я заново и очень внимательно перечитаю Библию.

Я сказал виновато:

— Простите, отец Дитрих.

Он отмахнулся.

— Ты прав, прав. Эти экземпляры, что пошли в народ, заставят священников строже относиться к своим обязанностям. Вопросы могут быть самые неожиданные!

Я поднялся, поклонился.

— Спасибо за понимание, отец Дитрих. Можно мне еще одну крохотную просьбу?

— Можно, — буркнул он, — только в самом ли деле она крохотная?

— Совсем крохотнейшая, — заверил я. — Прочтите как можно внимательнее именно Ветхий Завет.

Он спросил настороженно:

— Почему?

— Некоторые священники, — ответил я очень дипломатично, — несколько увлеклись Новым Заветом. Они совершенно забыли, что он весь базируется на Ветхом. Или должен базироваться, как это подчеркивал сам Иисус Христос. А народ, читая Библию заново, это заметит...

Он не сводил с меня острого взгляда.

— Даже так?

— Увы, отец Дитрих.

Он проговорил с некоторым недоверием:

— Выходит, ты это заметил сам?.. Отец Келений, принесите мне экземпляр Библии!.. Немедленно!

Я вскочил, поцеловал ему руку и, кланяясь, отступил к выходу.

— Ваше преосвященство...

На входе почти столкнулся со священником, что стремглав неся в шатер с таким видом, словно все готов сокрушить на своем пути, а к груди прижимает отпечатанный и переплетенный в толстую зеленую медь экземпляр Библии весом примерно в пятнадцать-двадцать фунтов.

Глава 12

Наши вартгенские лорды, раз уж воинский лагерь оказался так близко к процветающему городу, который они, можно сказать, спасли от разграбления дикими ордами Мунтвига, почти сразу завели себе там резиденции, хотя в лагере все равно показываются часто, едят у костра вместе с воинами жесткое мясо, а иной раз спят вот так, прямо завернувшись в плащ и положив под голову конское седло.

Я пустил Зайчика к городским воротам; местные стражники не признали в здоровенном воине в простом кафтане того самого грозного Ричарда, только на коня уставились с благоговейным восторгом, а Бобик проскользнул за их спинами и понесся крупными скачками в город.

Горожане, судя по всему, от появления армии южан, какими считаемся мы, просто в восторге. Не столько потому, что вот явились защитники, все они одинаковы, но при таком обилии народа оживляется торговля, все эти военные продают за бесценок награбленное и добытое в боях, а взамен им можно всучить залежалый товар, дескать, в дороге пригодится.

Хродульф и остальные верховные лорды, как мне сообщили в их резиденциях, только что отбыли в ратушу на пир, устроенный отцами города в их честь.

Я поколебался, затем трезво подумал, что вартгенские лорды при всем своем могуществе не играют особенной роли в этой военной кампании, как не сыграют и потом, когда пойдет речь о будущем самого Варт Генца, потому мне можно, так сказать, оставить сообщение, что принц Ричард был, заходил, хотел пообщаться, но не застал, увы, и отбыл...

От резиденции Меревальда, мрачного массивного дома в три этажа, я прошел напрямик через двор, запад-

ная часть отдана саду, там двигался между деревьями, тщательно выстраивая в уме доводы и стараясь подготовиться получше к будущим диспутам насчет реформации церкви.

Пугающе темные деревья расступаются неохотно, узкая дорожка петляла недолго, впереди выросла приземистая каменная громада.

Я сразу узнал склеп, явно здесь похоронено не одно поколение благородных лордов. Двери нет, склеп все-таки заброшен, я остановился у входа, там глубокая тень, а внизу всего один каменный гроб на постаменте.

Все стандартно, такое видел много раз, хотя здесь, внизу, рядом с постаментом громоздится темная глыба необработанного камня, похоже, гранит, словно его притащили для какой-то цели и забыли.

В черепе продолжают сталкиваться доводы о реформе, что при удаче может дать мне больше, чем даже перестройка армии на новый лад. Не сразу услышал легкий перестук каблучков, между деревьями показалась женская фигурка. В лунном свете холодно блеснули черные как уголь волосы, но с металлическим блеском, платье подолом собирает опавшие листья, что тащатся некоторое время следом и нехотя остаются по краям дорожки.

Я замер в тени, женщина прошла совсем рядом, почти задев меня длинным рукавом, я только и успел заметить гордый профиль и вызывающе высокую крупную грудь.

Она исчезла в темноте склепа, только легкий стук каблучков по камню сообщает, что спускается в темноте достаточно уверенно, словно видит все отчетливо.

Нет, не видит, там внизу вспыхнул слабый огонек и разлился по темному помещению. Я осторожно вытянул шею. Женщина в глубине склепа поставила свечу, прикрывая ладонью от движения воздуха, в чашу све-

тильника, под которым воск ровными волнами расплылся по каменным плитам на половину ярда, там его не меньше сорока фунтов.

Женщина подошла к постаменту с каменным гробом, лицо из надменно-гордого стало жалобным и виноватым. Я не успел глазом моргнуть, она грациозно вскинула руки, платье соскользнуло с такой легкостью, словно тело мраморное, и я невольно задержал дыхание.

Ей лет тридцать, если не больше, очень красивое сильное тело здоровой зрелой женщины, что уже раздевалась при мужчинах и знает, насколько хороша, но все равно высокая и четко очерченная грудь привлекает внимание: должна бы обвиснуть хоть чуть, но нет, на гравитацию внимания не обращает, а красные соски смотрят не вниз, а прямо перед собой.

Она выдернула пару шпилек из башни волос, те свободно рассыпались по спине и плечам, но грудь так и не сумели закрыть. Я смотрел, задерживая дыхание, как она села прямо на пол, грудью легла на глыбу черного камня и, обхватив его нежными обнаженными руками, опустила на него и голову, прижавшись щекой.

На мой взгляд, поверхность там грубая, с острыми выступами, даже пару мгновений на такой глыбе вот так пролежать — мука, а эта прижалась роскошнейшей грудью, обняла крепко и, похоже, не собирается подниматься.

— Прости, — донесся до меня тихий жалобный шепот. — Я сделаю все... я буду стараться!.. Я принадлежу только тебе... Ты должен это видеть...

В ночной тиши со стороны замка доносится музыка, веселые голоса, расппевающие песни, а эта вот в склепе возлежит, упиваясь непонятной мне скорбью.

Не мое дело, сказал я себе твердо. Я, так сказать, народами повелеваю! По крайней мере армиями, а отдельные люди для меня — статистика.

Женщина все так же лежит обнаженная на этом камне в склепе, куда уже намело листьев и нанесло земли. Свеча горит ярко, еще я рассмотрел в углу нечто блистающее красным золотом вроде непомерно раздутого в нижней части кувшина с тремя поясами чеканки, фигурки отсюда не вижу, а кверху утончается грациозно и тоже фигурно.

С другой стороны от женщины в подрагивающем свете видна раскрытая книга, толстая, вот-вот рассыплется от ветхости, я бы такие велел переписать, но беда в том, что это будет мертвый слепок, те заклęcia точно не сработают, нужно именно вот отсюда, куда сам чародей вписывал, вкладывая в каждую букву и значок некую силу, помимо чернил, оставляя ее незримым...

Я тихонько перевел дыхание, еще не решив, показаться или уйти незаметно. Эмансипация женщин не просто желательна, она необходима. Если женщинам не давать равенства, они свою кипучую энергию начинают реализовывать вот так...

Конечно, большинство женщин — равнодушные коровы, но огромную массу человечества всегда двигало в ту или иную сторону меньшинство. Именно так, в ту или иную сторону.

Если женщинам не давать право хоть немножко рулить миром, они начинают реализовывать свою кипучую энергию в магии. А если учесть, что у женщин всегда эмоций больше, чем ума, то понятно, что у них за магия.

Я начал поворачиваться, чтобы уйти, под ногами зашелестело, одна из каменных плит резко просела, словно подземные воды вымыли небольшую каверну. Я рухнул вместе с плитой чуть ли не до пояса в рыхлую землю, тут же начал выбираться обратно...

...над головой прозвенел дикий вскрик, на плечи с силой обрушилось гибкое тело.

Лицом я больно ткнулся в мраморный край дверного пролета, извернулся, захватил женские длинные волосы и сдернул с себя, а затем скатился с нею по ступенькам и там остался, подмяв ее своим тяжелым мужским телом.

Она бешено дергалась, пытаясь освободиться, я держал крепко, она начала задыхаться от усилий.

— Хватит, — прошипел я. — Замри и не двигайся! Это самая правильная позиция. Миссионерская!.. В такой позе миссионеры приобщали туземцев к высокой культуре христианства.

— Ты, — выдавила она с трудом, — сволочь...

— Правда? — спросил я с сомнением. — Хотя кто знает...

Она помотала головой, словно не желая встречаться со мной взглядом. Грудь ее чуть приподнялась, будто меня можно вот так сбросить, ага, как же, да еще с вот такой пышной.

Я продолжал удерживать ее тело, наконец она процедила сквозь зубы:

— Чего ты хочешь?

— Ага, — сказал я, — засомневалась?

— Вообще-то, — ответила она с ненавистью, — ты такой же... как и все.

— По реакциям, — согласился я, — а ты бы не была обижена... даже оскорблена, если бы я не среагировал на твои прелести?.. Господи, что за грудь, с ума сойти!..

Она наконец-то перестала избегать моего взгляда, глаза темные и блестящие, как созревший чернослив, а тело слегка расслабилось.

— Вот так-то лучше, — сказал я, — расслабься и постарайся... нет-нет, я не в том смысле!.. Просто я заметно сильнее, не вырвешься. Хотя я и не собирался ничего, это ты на меня набросилась... Господи, а вдруг ты меня хотела изнасиловать?

Она прошипела люто:

— Размечтался!

— Мечты, — сказал я, — это... ладно, обойдемся. Я сейчас слезу, хотя и очень не хочется этого делать, а ты постарайся не набрасываться на меня, хорошо?.. Хотя если хочешь изнасиловать, то я и сопротивляться не буду так уж сильно. Ну, разве что малость, для виду, я такой застенчивый...

Она смотрела на меня ненавидяще, но и с недоумением.

— Слезай!

Я сполз очень медленно, вздыхая и жадно щупая взглядом каждый дюйм ее прекрасного тела, но, если честно, это больше для удовлетворения ее самолюбия, на самом деле видывал и получше фигуры, я ж почти Гильгамеш.

Она быстро зыркнула по сторонам, но единственный выход из часовни находится с моей стороны — не выскочить, вздохнула и произнесла уже контролируемым голосом:

— А ты почему здесь?

— Просто не спалось, — ответил я честно.

— Ты кто? По одежде не скажешь, но по манерам явно из знатных.

— Все мы знатного рода, — ответил я уклончиво, — ибо от Адама... ну, от Адама не все, конечно, но от Евы точно. А зовут меня Ричардом. Пока ты голая, прости, обнаженная, можешь звать меня Ричем.

Она спросила хмуро:

— А когда оденусь?

Я ответил со вздохом:

— Его высочеством.

Она вздрогнула, посмотрела дикими глазами.

— Что?.. Тот самый Ричард?

— Вот она слава, — пробормотал я. — Есть минусы, но есть и плюсы. Ну, раз уж ты уже раздетая, то с моей стороны будет оскорблением...

Она поспешно села и отодвинулась.

— Нет-нет, я не хочу.

Я сказал по-мужски благодушно:

— Да не обращай внимания...

— Нет! — сказала она резче. — Не расстегивайте там ничего... ваше высочество.

— Сама расстегнешь?

Она отодвинулась еще чуть.

— Ваше высочество! В вашу постель мечтают по-пасть тысячи женщин, что я вам?

— Ладно, — сказал я другим тоном. — Почему ты здесь? Что за обряд? Что случилось? По натекам воска видно, жжешь в этой часовне свечи не первый год... Что тебе это дает?

Я спрашивал требовательно, голосом владетельного лорда, что не только строг и вопрошающ, но и в самом деле может решать проблемы подданных: где словом, где взглядом, а где и кнутом.

Она вздрогнула, выпрямила спину и ответила послушно:

— Ничего не дает. А обряд для другого...

— Чего?

— Другого человека, — объяснила она так же покорно. — Знаете, я бы оделась, если вы не очень против.

— Еще как против, — сказал я горячо, — но здесь в самом деле прохладно, даже холодно, а согреть себя моим телом почему-то не хочешь.

Она торопливо оделась, на меня посматривает со смешанным чувством страха, любопытства, уважения и непонимания.

Затянув потуже пояс, так что грудь стала еще отчетливее под платьем, она сказала торопливо:

— Мне можно уйти?

— Можно, — ответил я, — хотя могла бы и ответить, почему ты здесь, а не на празднике? Кто погребен под этой плитой? Почему ты хранишь этому человеку верность?... И вообще... там погребен человек?

Ее передернуло, вскинула голову, я видел, как с языка вот-вот сорвется пыльное объяснение, но почему-то скосила глаза на свою высокую грудь и закусила губу.

— Ваше высочество...

— Ладно, — сказал я недовольно, — иди. Хотя и не люблю загадок. И вообще... Может быть, я чем-то мог бы помочь.

Она торопливо направилась к выходу, но на ступеньках замедлила шаг, оглянулась.

— Правда?

— Не обещаю, — ответил я сурово, — я же не знаю проблему.

На ее щеках выступил румянец, она сказала поникшим голосом:

— В вас есть сила, я ощутила. И магия на вас не действует, я пробовала.

— Кое-что есть, — согласился я. — Ну?

Она опустила голову и произнесла едва слышно:

— Это не камень.

— А что? — поинтересовался я.

— Это, — ответила она упавшим голосом, — человек. Чародей Твидлер... Он... был очень силен...

— Ну да, — сказал я саркастически.

— Правда, — заверила она. — Просто... он не ожидал от меня подлости. И не принял защитных мер.

Я всмотрелся в ее отчаянное лицо внимательнее.

— Тогда зачем?

Она ответила плачущим голосом:

— По ошибке!.. Я его не так поняла! Я пришла в ярость... и произнесла это заклинание. Я слабая колдунья, но этого хватило... Вернее, он все силы отдал мне, а я так вот...

Я покрутил головой.

— Погоди. А если не намеками, а возьмешь и расскажешь?

В ее глазах заблестели слезы.

— Не могу!

— Почему?

— Это... это стыдно...

Я перехватил ее взгляд, брошенный на ее высокую грудь, спросил быстро:

— Говори, но только не ври: это связано с твоими сиськами? Не ври, я же сейчас не мужчина, а просто лекарь.

Уговаривать, настаивать и теребить пришлось долго, наконец из отрывков начала складываться картина. Ее зовут Лингерина, она еще в юности начала изучать тайны магии, и все потому, что у нее единственной из всех подруг не росла грудь, оставаясь плоской, как у ребят, из-за чего ее дразнили как девочки, так и мальчики.

Другая бы смирилась, люди смиряются, особенно женщины, но у нее жажда настоять на своем и доказать всем оказалась сильнее. На изучение магии ушло десять долгих мучительных лет. За эти годы добилась возможности превращать воду в вино, освещать весь замок по шелчку пальцев, убирать прыщи и родимые пятна, но грудь все не росла.

Однажды сюда заехал по дороге, спасаясь от сильнейшего ливня, известный чародей Твидлер. Она, жутко стесняясь, но доведенная до крайности отчаянием, рассказала о своей беде. Он оглядел ее и согласился, что молодой женщине с ее неплохими формами недостает только соответствующей груди.

Она сказала, что согласна на любые муки, на все, что угодно, но только бы вырастить свою плоскую грудь хотя бы до обычных размеров. И тогда чародей, гнусно ухмыляясь, предложил свой вариант...

Она согласилась, он тут же овладел ею прямо здесь, в склепе, и всю ночь наслаждался ее телом. Наконец она исхитрилась и в ярости превратила его в камень.

Я дослушал до этого момента, спросил с пониманием:

— А утром грудь выросла?

Она сказала, вся в слезах:

— Да!

— Великолепные сиськи, — сказал я искренне. — Просто чудо! Глаз не оторвать. Он, вообще-то, молодец, знает толк. Тебе пришлось шить новые платья?

Она всхлипнула:

— Что платья? Как мне вернуть его к жизни?

Я подумал, спросил в непонимании:

— А что, такое возможно? Гм, надо будет спросить моих колдунов и чародеев. Вообще-то, у меня много друзей в этом мире, скопом можно что-то и придумать.

— А я буду всю жизнь ночевать здесь, — заверила она горячо, — пока он не вернется к жизни! Он чувствует, я знаю! Это не искупит мою вину, но... хоть немножко, ну чуть-чуть...

— Чуть-чуть, — согласился я. — Ладно, я дам задание нашим магам.

По возвращении велел созвать лордов на военный совет, а сам пока заглянул к отцу Дитриху. Он давал указания троем священникам, но едва увидел меня на входе в шатер, сразу властным жестом отправил прочь, и все трое смиренно опустили головы и, не выразив ни малейшего протеста — вот бы мне таких лордов! — гуськом и неслышными шагами быстро потянулись к выходу.

Отец Дитрих выждал, когда за последним опустится полог, указал мне на кресло напротив. Лицо его оставалось утомленным, строгим и очень невеселым.

Я медленно сел и, выпрямившись, ждал с неподвижным лицом. Он посмотрел испытующе в мои полуприкрытые верхними веками глаза.

— Сын мой, я очень тщательно перечитывал Библию. Должен сказать, к своему удивлению, в самом деле обнаружил некоторые моменты... гм... которые истолкованы нашей церковью...

Он запнулся на миг, я сказал торопливо:

— В духе времени, ваше преосвященство! В духе времени.

Он вздохнул с некоторым облегчением, очень уж не хочется произносить слово «неверно».

— Да-да, в духе времени.

— Мир развивается, — сказал я, — потому и церковь должна была развиваться! Иначе ей гибель. Как погибнет та апостольская ветвь, что уже перестала питать себя живительными соками. Как хорошо для нас, что нечестивый Мунтвиг принадлежит именно к той угасающей!

Он вздохнул.

— Сын мой, что именно задело тебя?.. Мы не сможем закрыть все бреши в один день по мановению руки. Но если ты давно обратил на это внимание...

Он сделал намеренную паузу, сердце мое екнуло, вот тот момент, к которому я давно подводил, и я сказал со всем смирением:

— Ваше преосвященство...

Он поморщился.

— Ты знаешь мое имя.

Я снова уже привычно сделал нам по большой чашке горячего сладкого кофе, наполнил под его взглядом вазу печеньем.

— Отец Дитрих, — сказал я чуть жарче, но только чуть, — в нашем обществе назрел подспудный конфликт, который пока что не выходит наружу в силу бедности населения, постоянных войн и лишений, но как только общество станет чуточку благополучнее...

Он медленно взял чашку и снова задержал ее в ладонях, согревая старческую кровь.

— Продолжай.

— ...а общество станет богатым и благополучным, — сказал я с жаром, — пусть для этого мне придется истребить всех несогласных... Я имею в виду еретиков, несогласных с железной поступью прогресса. Конфликт в том, что церковь, провозглашая наличие души только у человека, заранее лишила весь остальной мир каких-либо прав на существование, если это только не по милости самих людей.

Он вскинул брови, взгляд стал острее. Мне показалось, что он даже дыхание задержал, слишком уж я покусился на основы основ.

— Отец Дитрих, — сказал я горячо, — я еще в первые дни в Зорре изумился, что даже ревностные христиане поддерживают торговые связи с гномами и прочими нечеловеками... если это крайне важно для человека!

Он сделал глоток, удовлетворенно кивнул, я угадал как по крепости, так и по сладости, но сказал строго:

— Это все запрещено.

— Для человека благочестивого, — согласился я, — или просто совестливого — это мучительно! Никто из нас не желает поступать «неправильно», пусть даже и в интересах дела. Потому крайне важно утвердить доктрину, что все эти гномы, эльфы и даже тролли — это тоже люди, только заблудшие, одичавшие и озверевшие порой, однако им не закрыт путь в Царство Небесное, ибо велика милость Господа!

Он нахмурился, отпил чуть, подумал.

— В Библии нигде не сказано, что Господь дал души и этим существам. Не так ли?

— Он дал душу Адаму, — напомнил я. — Но люди воевали, сражались за существование, многие не выдерживали тягот и зверели, опускались, превращались в животных... или почти животных. Господь устроил всемирный потоп, чтобы погубить вместе с грешным человечеством нефелимов, стоккимов и прочих гигантов, что развратили людей... но все-таки он дал возможность людям раскаяться в своих грехах, повелев Ною посадить кипарисовую рощу, чтобы из деревьев, когда те вырастут, построить ковчег. На это потребовалось сто двадцать лет, как мы помним из Библии. Почти все смеялись над Ноем, но кое-кто на всякий случай начал готовиться по-своему: углубляли пещеры в горах, готовились их плотно закупорить, если в самом деле вода поднимется так высоко...

— Вода поднялась выше самых высоких гор, — сухо напомнил отец Дитрих.

— И потому погибли великаны-нефилимы, — согласился я, — что намеревались дожидаться конца потопа, стоя на вершинах гор. Однако спаслись те, кто укрылся в пещерах и закупорил вход.

Он задержал чашку у рта, покачал головой.

— На это нет указаний.

— Но нет и отрицания, — возразил я. — Это вполне могло быть! Я уверен, такое толкование потопа возникнет. Оно должно возникнуть, что разрешит нам общаться с гномами, эльфами и прочими существами, уже и забытыми, что они тоже... гм... люди.

— Это слишком радикально, — возразил он. — Нет-нет, церковь на это не пойдет.

— Не всегда идут добровольно, — ответил я.
Он насторожился, глаза блеснули гневом.

— Что?

— Бывают обстоятельства, — напомнил я, — когда нам приходится соглашаться с... реальностью. Когда начнется реформация церкви...

Он сделал два глубоких глотка, в наслаждении закрыл глаза, а после паузы ответил мирно:

— Если начнется!

Я ответил почтительно:

— Мы сами ее начали и подбрасываем в ее костер дровишки, продолжая печатать Библию. Потому со всей почтительностью должен заметить, все-таки не «если», а «когда». Самое большее, на что можем рассчитывать, — это чуть-чуть скорректировать курс... раз уж первыми поняли, где именно прорвет дамбу.

Он слушал, иногда чуть-чуть кивал, словно соглашался, что да, именно так и нужно будет говорить будущим реформаторам церкви, а я сделал голос совсем сладким и закончил почти льстиво:

— Отец Дитрих, я просто уверен, что ваш авторитет в церкви заставит остальных иерархов церкви прислушаться к вашим словам насчет некоторых уязвимостей в современном строительстве Церкви. Если она сама не реформирует себя сверху, народ реформирует ее снизу. И тогда мало не покажется!..

Он поморщился.

— Народ?

— Я имею в виду простых священников, — уточнил я. — Они постоянно среди простого народа, потому они народ тоже. Папа Римский когда видел простой народ? Раз в году с высокого балкона?.. Да и то на площади собирався не народ, а ради такого случая вся знать королевства.

Он покачал головой.

— Я постоянно перечитываю Библию. И да, вижу, где нужно кое-что поправить. Но это поправки, а не реформы!

— Править придется очень много, — сказал я настойчиво. — Ваше преосвященство, я обращаю внимание, что когда народ возьмется вносить поправки сам, то мало не покажется. Он сам не знает, где остановится, и будут гореть церкви и костелы, священников начнут убивать, как только увидят, монахинь насиловать, разрушат монастыри и разобьют типографские станки...

Он вздрогнул, перекрестился, а на меня посмотрел с ужасом.

— Ты предрекаешь скорый приход Антихриста?

Я пробормотал:

— Что такое Антихрист... Боюсь, он в каждом. Из Египта мы еще не вышли, каждый день выходим... и должны выходить! И не должны выпускать Антихриста.

Он помолчал, затем сделал некий ограждающий знак, словно бы закрыл нас двоих особым святым щитом со всех сторон.

— Сын мой...

Голос его звучал несколько необычно, сердце мое заколотилось в ожидании чего-то важного.

— Отец Дитрих?

Он понизил голос и произнес, как мне показалось, с некоторой неловкостью:

— Я архиепископ церкви и легат, это все, что известно мирянам и даже священникам. И что известно

также и тебе. Но то, что скажу сейчас, должен хранить в тайне.

— Отец Дитрих, клянусь!

Он допил кофе, почти не прикоснувшись к печенью, хотя одобрил, даже похвалил, и сказал совсем шепотом:

— Дело в том, что я еще и... кардинал *in pectore*.

Я тихохонько охнул:

— В груди, в сердце... ах да, в тайне! Вы — тайный кардинал?

Он чуть наклонил голову; в глазах оставалось смущение.

— Его Святейшество, — произнес он, — слишком высоко оценивает мою деятельность в Сен-Мари и... других королевствах, куда вас привела жажда справедливости.

Я уже пришел в себя, возразил довольно бодро:

— Ничего подобного!.. Я не знаю, чем заняты остальные кардиналы, но вы, отец Дитрих, восстановили на этих землях римскую церковь и упрочили ее власть и влияние!.. Его Святейшество лишь воздает вам по справедливости!..

Он наклонил голову, я понял, поцеловал ему руку и покинул шатер в почтительном смирении. Новость, в самом деле, весьма... То, что Папа Римский назначил отца Дитриха втайне от других кардиналов и вообще церковников *in pectore* кардиналом, хорошо и плохо.

Хорошо — понятно, мы дружим, несмотря на разницу в возрасте и положение, а плохо то, что как кардинал, отец Дитрих, будет вынужден крепить устои римской церкви даже там, где их надо расшатывать.

Лучше всего пашут новички, а отец Дитрих окажется в том кардинальнике именно тем, на кого взвалят всю работу. И очень не хотелось бы, чтобы он укреплял то, что нужно разрушить, и боролся против того нового, что должно прийти на смену.

Возможно, отец Дитрих является даже одним из папабилей, хотя это и маловероятно в силу удаленности от двора Его Святейшества.

Правда, папабильство не дает никаких преимуществ на трон папы. В истории столько же папабилей, избранных папами, как и неизбранных, а еще больше непапабилей, что к изумлению всех получили большинство голосов на конклаве и заняли трон Его Святейшества...

— Хватит! — сказал я вслух резко. — Разумничался!.. Ишь, образованность все хотят показать. И ты туда же...

Полдня я потратил на объезд в быстром темпе войск, выдвинутых на защиту Варт Генца, а вместе с ним и всех дорог на юг, теперь уже наших, переговорил с военачальниками, рассказывая новую диспозицию и сегодняшние требования, а потом вспрыгнул, не касаясь стремени, в седло, развернул арбогастра в сторону своего шатра, его поспешно установили, как только я появился.

Он бодро донес меня к цели, я соскочил на землю, намереваясь войти в шатер, но Бобик насторожился, быстро-быстро завилял хвостом и ринулся навстречу всаднику, что вскачь мчится в мою сторону на красивой белой лошади с пышной гривой.

Я охнул, узнав Бабетту. Все такая же сочно-зовущая, яркая и смеющаяся, осадил коня на полном скаку, я протянул руки, и она без колебаний упала мне в объятия.

Свежий аромат ее сочного жаркого тела охватил меня с такой силой, что я непроизвольно и жадно сдал ее в руках.

Бабетта счастливо пискнула, я задержал на груди и с великой неохотой поставил задними лапками на землю.

— Что ж так традиционно? — спросил я. — На коне...

— А что, — спросила она, смеясь, — обязательно на метле?

— Ты ведьма высшего класса, — напомнил я, — обязана... соответственно. На метле, в ступе, на большом нетопыре...

Она смеялась, в глазах вспыхнули звезды, а на щеках и подбородке появились умильные ямочки.

— Рич, разве я ведьма? — протянула она лукавым голоском.

— Все женщины — ведьмы, — изрек я, — а ты лучшая из женщин, значит...

— Ну спасибо, — почти пропела она, но звезды в глазах разгорелись ярче, — умеешь, гад, говорить такие изысканные грубости, что ни один светский щеголь не додумается... Ох, Рич, как я счастлива тебя видеть снова!

— Ага, — сказал я понимающе, — вот так мчалась через лес и вдруг — я!.. Случайно так это наткнулась. Даже как бы удивляешься, верно?

— Неверно, — возразила она, — мое чуткое и нежное сердце тянется к тебе, как цветок к солнцу, потому я чувствую тебя издали.

— Хорошее объяснение, — согласился я. — Бабетта, против кого дружим на этот раз?

Она сделала огромные глаза.

— Рич, я здесь просто на отдыхе!..

— Я тоже, — сказал я саркастически. — Что на этот раз сожжешь: Рим, Персеполис или Александрийскую библиотеку?

Она сказала с негодованием:

— Библиотеки я не жгу!.. А Персеполис... гм... что-то помню, но это, как мне кажется, было так давно? И вроде бы не совсем библиотека?

— У женщин короткая память, — согласился я. — Да и зачем вам долгая? От нее морщины. Бабетта, хотя ты

приносишь бури, но я тебе все равно рад. И все еще не готов удавить.

Она сделала большие глаза.

— Почему?

— Красивая ты, — сказал я искренне.

Она бросилась мне на шею.

— Ой, Рич! Никто не говорил мне таких комплиментов.

Я отстранился, спросил с недоверием:

— Быть такого не может.

— Правда, — заверила она. — Начинают заворачивать такие сложные конструкции, что и сами в них запутываются, а у меня раздражает рот зевота...

— ...шире Мексиканского залива, — сказал я автоматически. — Да это я так, мысли вслух. Умные, значит.

— Умные умеют выражать мысли просто, — возразила она. — Вот как ты. «Красивая»!.. И ничего лишнего. Рич, ты просто необыкновенный! Какой комплимент, подумать только...

— А это комплимент мне? — спросил я. — Женщин нельзя обезоружить комплиментом, мужчин — да. В этом разница... Но я ее знаю!

Она возразила:

— Умной женщине комплименты служат для оценки мужчин, глупой — для самооценки! Потому уже по стилю твоих комплиментов ты выше всех мужчин.

Комплимент, подумал я, обязательная ложь и почти всегда обязывающая, вон как улыбается, играет глазами и голым плечиком, намекая на сползающую лямку платья, это у нее коронный номер.

— Погоди-погоди, — сказал я и выставил руку, не давая ей снова броситься мне на шею, а то, чувствую, еще раз прижмется горячей грудью и этим вот отзывчивым телом, моя стальная несокрушимость станет мягче воска на жарком солнце. — Пойдем в шатер, там тебя

покормим... ты еще есть не разучилась?.. а потом признаешься, с какой целью, почему, кто послал, какие пароли, отзывы, явки, спецзадание, контакты с местной агентурой, особые задания...

Она слушала с улыбкой, но во взгляде — напряженное внимание, сказала с одобрением:

— Раньше не замечала, что ты и в этих делах знаешь... много.

— Так и ты приоткрывала раньше только сиськи, — напомнил я, — но не секреты императорской Тайной Службы.

Она улыбнулась.

— А если откроюсь еще больше?

— Откроюсь и я, — пообещал я. — Или думаешь, я вот так все сейчас и выложил?

— Мужчины так и поступают, — сообщила она. — У этих петухов ничто не держится. А вот ты — орел!

— Что деревья клюет, — согласился я. — Понял, понял, не разжевывай. Бабетта, грустно признаваться, но, чем выше я поднимаюсь, тем недоверчивее становлюсь.

Ее улыбка чуть померкла, в глазах проступило сочувствие.

— Рич, это у всех. Только у других растягивается на всю жизнь и заметно не так остро. Ты же изменился быстро и... очень сильно.

— Серьезно? — спросил я. — Ну-ну, давай говори!

— Что?

— Обожаю, когда говорят обо мне и хвалят, хвалят... ты же будешь хвалить?

Она сдержанно улыбнулась.

— Конечно, тебя попробуй не похвали! В этом ты все тот же, а так, в целом, изменился. Это не просто заметно... даже бросается в глаза! Но в какую сторону?

— Помудрел, — объяснил я обстоятельно, — стал красивше... Я же стал? А вот так, если в профиль?.. Ну

вот, видишь! Я всегда был совершенством, пусть и недоделанным, но сейчас пообтесался еще больше и почти сверкаю самобытными и редкими талантами.

Она засмеялась.

— Ты и раньше сверкал!

— Раньше, — объяснил я, — они были полускрыты, я же скромный, а теперь вот я как бы весь нараспашку, как дурак какой.

Глава 14

Она улыбалась, понимая и принимая мое нежелание говорить серьезно. Я распахнул полог в свой шатер, его добросовестно установили и здесь точно на самом высоком и видном месте.

Бабетта переступила порожек, сказала, что у меня все очень мило, никогда не пойму, что женщины вкладывают в это понятие, потому что мило у них может быть все, от букета цветов на столе до крокодила возле кровати.

Усадив ее за стол, я постарался блеснуть, создавая лакомства праздничного ужина. Бабетта смотрела с восторгом, и я верил, что восторг неподдельный, даже у императора может быть только лучшее из того, что бегают, летает и плавают, но не больше. Даже простейшее мороженое его повара вряд ли умеют делать, а все эти деликатесы с морского дна, так и вовсе...

В шатер заглянул часовой, им кланяться не положено, сказал ровным голосом:

— Ваше высочество, военачальники собрались.

— У Меганвэйла? — спросил я.

— Да, как вы и велели.

— Сейчас иду, — ответил я, он исчез, я повернулся к Бабетте: — Извини, ужинай пока одна. Я вернусь к десерту.

Она сделала большие глаза.

— Пусть подождут!

— Неприлично, — пояснил я.

— Но ты же принц!

— Да будь хоть сверхимператор, — ответил я, — у нас боевое братство, милая! Вам, тиранам и деспотам, не понять. Как не понять и того, почему мы победим.

Я чмокнул ее в щеку и вышел.

Издали увидел красочную толпу лордов вокруг шатра Меганвэйла, оттуда пулей выметнулся Бобик, исчез на мгновение, а через секунду уже мчится обратно с булавой в зубах. Понятно, военачальники развлекаются, кто дальше забросит булаву, а счастливый Бобик тут же приносит ее обратно и тычет в руки, умоляя зашвырнуть еще дальше: собаки обожают служить и счастливы, когда их хвалят.

Заприметив меня, подъезжающего солидно и неспешно, развернулись ко мне лицом. Я показал кулак, запрещая преклонять колени, торопливо спрыгнул и пошел обнимать и прижимать к груди, чувствуя, что в самом деле соскучился.

Впереди осанистый Хродульф, самый богатый магнат Варт Генца, рядом с ним Хенгест Еафор, гигант с лошадиным лицом, чуть победнее Хродульфа, земель тоже меньше, да и родни такой огромной и разветвленной, как у Хродульфа, тоже не имеется, а вот третий из верховных лордов, Леофриг, по праву гордится самой крупной, мощной и закаленной в боях дружиной, которую вместе с ним водят его два старших сына.

Четвертый, Меревальд, что больше похож на купца, чем на воинственного лорда, в отдаленном родстве с одним из древних великих королей, но, конечно, верховным лордом стал за богатства, которые скопил умом и хитростью.

Я обнял всех поочередно, всем сказал добрые слова, следом подошли Геллермин и Шварцкопф, я обнял их и упрекнул, что прячутся за спинами, а они же сыграли едва ли не самую решающую роль в битвах, когда чаша весов уже клонилась на сторону противника.

Последними подошли трое братьев Хорнегильды: Арнольдус, граф Гогенбергский, барон Витториус и сэр Тири, совсем юноша, но уже не оруженосец, а баннерный рыцарь.

— Приветствую, — сказал я, — птенцов гнезда Хорнблауэров!.. Уверен, вы еще покажете себя и прославите свои гербы великими подвигами. Сэр Меганвэйл...

Меганвэйл сделал шаг вперед и сказал быстро:

— Столы для пира уже накрыты!

— Тогда приступим, — ответил я. — Жаль, нет благороднейшего Зигмунда Лихтенштейна с братьями...

Меганвэйл напомнил:

— Сейчас он идет по вашим следам, ваше высочество, догоняя прославленную ударную армию!

— И Растера, — сказал я со вздохом.

— С троллями, — пояснил Меганвэйл с улыбкой. — Он охотится за мелкими отрядами противника, что пытаются пробраться в Варт Генц. Они делают мир чище!

Для успешного пира, как я заметил, пришлось сдвинуть два шатра, убрав разделяющие их стенки, столы тоже сдвинули, слуги и оруженосцы быстро натаскали вина и жареного мяса, в походе обходимся без изысков.

Я дважды провозглашал здравицы, слушал ответные, улыбался, потом перевел разговор на будущие действия, все-таки любой пир для людей простых — повод

нажраться и напиться, а для лордов — это возможность обсудить свои дела и отыскать новые возможности для их улучшения.

Для меня пир — это военный совет, где в непринужденной обстановке можно поговорить и на темы, которые на трезвые головы избегают, выяснить настоящие настроения, стремления, осторожно вызнать, в каких отношениях кто с кем, прикинуть, на кого можно положиться, а на кого можно положиться почти во всем...

Снаружи опустилась ночь, когда простучали копыта, грубые голоса часовых потребовали, кто и чего, затем полог отлетел в сторону, вошли два рослых немолодых и чем-то похожих лорда в доспехах вестготской работы.

Я вскочил, шагнул к ним с распростертыми объятиями.

— Рейнграф, стальграф!.. Ну, наконец-то!.. Что так долго?

Филипп Мансфельд сказал виновато:

— Мы свои армии расположили в десяти милях отсюда.

— Там есть тропы, — добавил Чарльз Мансфельд, рейнграф и отныне владелец земель королевства Сильверланд в Гандерсгейме, — надежнее их держать перекрытыми. Ваше высочество, мы безумно рады видеть вас в добром здравии и на пиру среди обожающих вас соратников!

Я повернулся к сидящим за столами.

— Все знают стальграфа Филиппа Мансфельда, командующего ударной армией, так блестяще зарекомендовавшей себя в битве за столицу Сен-Мари Геннегау?.. Кто не знаком, пользуйтесь случаем пообщаться с героем... у которого впереди еще более великие подвиги!

Я толкнул сэра Филиппа к столу и повернул лицом к пирующим сэра Чарльза.

— А кто еще не знаком с командующим велико-
лепной и боеспособной армией рейнграфом Чарльзом
Мансфельдом, спешите пообщаться с героем!.. Его вой-
ска способны совершать длинные переходы и вступать в
сражение, не теряя боеспособности!

Он смущенно улыбался, я усадил его за стол, им
сразу налили вина и положили в тарелки мясо прямо с
углей, а я посидел еще малость и тихонько удалился, со-
славшись на государственную необходимость.

Судя по звездам, уже полночь, я вернулся в своему
шатру, там Бабетта, нимало не смущаясь, рассматривает
на моем столе карты.

Увидев меня на пороге, светло улыбнулась.

— Кто бы мог подумать, что у варваров могут быть
такие точные карты!

— Можешь воровать, — разрешил я, что делать,
если уже своровала, — пусть на диком Юге ахнут нашей
картографичности и скрупулезности, что свойственна
только продвинутым.

Она сладко зевнула, без всякого стеснения показы-
вая свои возможности и зовущий красный влажный рот.

— Что-то устала в дороге...

Набывчившись, я смотрел, как она без всякого стес-
нения разделась и устроилась в моей постели, а там под-
рыгала ногами, расправляя одеяло.

— Ложись, — пригласила она по-хозяйски, — пока я
тепленькая.

— А потом какая будешь? — поинтересовался я.

— Горячая, — сообщила она страшным шепотом. —
Обжечься можно.

— Любопытненько, — сказал я.

Она тут же откинула край одеяла, приглашая лечь
поближе, пока там еще не испарилось ее тепло.

Я сбросил одежду, не к месту подумал о доспехе
Нимврода, но эта штука, выполняя мой панический

наказ во сне, отныне прячется где-то под кожей или в коже, проявляясь только в опасные мгновения.

Бабетта чуть подвинулась, когда я ложился, но едва распростерся на спине, тут же чисто женским движением закинула ногу мне на пузо и положила голову на мое плечо.

От нее пошло сладкое тепло, наполняя тело истомой. Я расслабился и позволил себе погрузиться в океан покоя, когда все хорошо, безопасно и защищенно, а с тобой верная, преданная и любящая тебя женщина, которая гладит тебя и чешет в самых нужных местах, именно там, где у нас чешется чаще всего.

Она наблюдала за моим лицом, спросила заинтересованно:

— О чем думаешь?

— Да так, — ответил я лениво, — фантазии... Когда мозг засыпает, можно такое себе нагрезить...

— Ты мечтал о чем-то очень приятном, — сказала она знающе. — У тебя было такое лицо... словно ты наткнулся на блюдечко с теплым молоком.

— Фантазии, — сказал я. — Грезы... это не мечты, которые можно реализовать хотя бы в принципе. Мы с тобой ворочаем реальными делами, Бабетта!.. Не думаю, что ты о чем-то грезишь вот так глупо и непродуктивно.

Она ответила после паузы:

— Не думаешь?.. Ну и не думай, а то твой упорядоченный мир рухнет. Если время от времени не погружаться в грезы, то можно вообще с ума рухнуть.

Я посмотрел на нее в удивлении.

— Что, и ты?

— Увы...

— Я думал, — проговорил я чуть обалдело, — ты так прекрасно устроилась в жизни, что тебе не нужны никакие грезы. У тебя все есть, все сбылось!

— Откуда ты знаешь, — спросила она, — о чем я грезил? Ага, то-то же. Может быть, я очень грезливая... ну, мечтательная и романтическая дура?

— Почему дура? — спросил я с неудовольствием.

— А вы все дур больше любите, — сказала она обвиняюще. — Ты тоже такой! Потому я с тобой всегда дура!

— Если это дура, — сказал я опасливо, — то какая тогда умная?

— Не отодвигайся, не отодвигайся, — сказала она. — Это дуры кусаются, они ж дуры. А я умная, с первой нашей встречи влюбилась, потому что мы, женщины, чувствуем внутренностями... дай руку!.. вот этим местом чувствуем настоящих мужчин, и тогда у нас все становится таким податливым, на все согласным...

— Ну, — пробормотал я, — не так уж далеко я с того дня и ушел. Так, барахтанье. Количественный рост, но не качественный.

— Качественный тоже есть, — сказала она знающе. — Только ты слишком строг к себе. И придиричив!.. А вот не придирайся к моему Ричу! Ты знаешь, сколько он успел за это время сделать?

Я слушал, слушал ее милый щебет, а она смотрела на меня и говорила все серьезнее и медленнее.

— Как силен, — проговорил я задумчиво, — был бы мужчина, если бы Господь сотворил его из ребра Евы!.. И как бы много сделал...

Улыбка нехотя сползала с ее лица, а веселые глаза потемнели.

— Рич?..

— Бабетта, — ответил я с тоской, — о чем ты щебечешь?.. Лучше меня знаешь о приближении Багровой Звезды. Не пройдет и года, даже меньше, как этот Маркус зависнет в небе и сожжет все, зачем-то сперва набрав в трюмы людей.

Ее лицо помрачнело.

— Рич...

— Говори.

— О Маркусе знают, — проговорила она, — и на этот раз готовятся заранее. Лучше, чем все прошлые разы.

— Как?

— Накоплен огромный опыт, — ответила она сдержанно. — Уже ясно, что Маркус сжигает все на поверхности, но в глубоких пещерах сохраняется жизнь...

— Погоди, — прервал я. — Насколько я слышал, мощи Маркуса достаточно, чтобы вызвать движение тектонических плит. А это значит, по всем землям, как сказано в летописях, горы будут проваливаться, моря закипят, а твердь взволнуется, аки гладь морская... И, разумеется, растечется по земле кипящей лавой, закупоривая все щели.

Она пробормотала, мрачней все больше:

— Это учтено. Однако на этот раз все спустятся в самые глубокие пещеры, которые отыскиали за последние столетия. И плотно закупорятся изнутри. Сейчас туда спускают зерно и муку, которые для этой цели запасали несколько последних лет.

— А вода?

— Там подземные реки, — ответила она, в ее голосе я уловил скорбь и надежду. — В этот раз из пещер поднимутся не дикие шахтеры, как бывало в прошлые разы!..

— А что насчет подводных городов? — спросил я.

— Каких?

— Я слышал, — объяснил я, — на дне морей сохранились города, построенные еще до первого прибытия Багровой Звезды.

— Я тоже слышала, — ответила она. — И все слышали эти легенды. Но это только, увь, мечта и надежда, что кто-то из рода людского уцелеет в любом случае... Так что, Рич, хотя все наши усилия вроде бы тщетны, однако никто не опустит руки и не скажет: «Прекратим

войны! Все равно Багровая Звезда испепелит любые плоды победы».

Я пожал плечами.

— Возможно, нежелание человека принять реальность и ведет его от победы к победе?.. Хотя не проще ли было бы оставить наши дрязги... все равно мир после Багровой Звезды станет другим!.. чтобы...

Она сказала едко:

— Чтобы вернуться к ним, когда Маркус отбудет с добычей?

— Да, — ответил я.

Она покачала головой.

— Рич, я консультировалась... со многими, скажем так, не называя ни имен, ни титулов. И каждый уверен, что, когда поднимутся на поверхность разрушенного мира, все отношения сохранятся, все прерванные прилетом Маркуса споры нужно будет все равно решать... Потому то, что делается, самое правильное из того, что возможно.

Лицо ее было милым и печальным, как у женщины, вдруг ощутившей, что не все проблемы мужчины могут взять и решить, что-то придется делать самим, и это «что-то» далеко не самое легкое и приятное.

— Неужели никто никогда не задумывался, — спросил я с тоской, — как дать бой этой проклятой Багровой Звезде?

Она поморщилась.

— Что за наивный вопрос... Конечно же, задумывались. И не единицы, а... даже не знаю, мне кажется, отпор хотели бы дать все.

— А церковь?

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Сложный вопрос. Церковь говорит насчет кары Божьей за грехи людские. Примерно так Господь сжег Содом и Гоморру, но в то же время церковники перета-

скивают в самые глубокие пещеры все свои сокровища, книги, готовят места для священников и монахинь.

— Гм, а если бы вдруг Маркусу дали сдачи?

Он искривил губы.

— Церковь заявила бы, что Господь позволил человеку отвести занесенный над его головой меч.

— В общем, — сказал я мрачно, — все в руках человека. Но, что бы он ни сделал, все окажется деянием Господа.

Она улыбнулась.

— Рич, ты такой серьезный...

— Сам удивляюсь, — согласился я. — Совсем же недавно был веселым и беспечным идиотиком, для которого мир был так прост и понятен!

Она улыбнулась и, обняв меня, прижалась всем телом, горячим, нежным и податливым.

— Я и сейчас такая... А ты?

— Я умный, — ответил я. — Но в горизонтальном положении мозг не выше других органов.

Глава 15

Оставив ее тихонько посапывать, я бережно укрыл ее одеялом и поднялся. Когда оделся и выскальзывал из шатра, между лопаток ощутил ее взгляд, но едва быстро оглянулся: она все так же мирно спит в той же счастливой позе, разбросав по широкой подушке роскошные золотые волосы и забросив одну руку за голову.

Бобик поднялся, сонный и недовольный, я взглядом указал ему на место, он поморщился, но послушно лег и тут же заснул.

Ночь достаточно темная, хоть на востоке тучи раздвинулись, пропустив несколько звезд, луна едва-едва

угадывается по светлому пятну на туче, в лагере светло вокруг костров, но дальше — черная вязкая тьма.

Сразу двое телохранителей бесшумно возникли рядом. Я сказал шепотом:

— Будьте здесь. Я изволю побыть в одиночестве.

— Ночью опасно, — буркнул один.

— Вот пусть и не попадают, — ответил я.

— Ваше высочество!

— Я не просто опасен, — буркнул я, — а когда зол... сам себя пугаюсь!

— Я пойду на расстоянии, — предложил второй, — чтобы не мешать вашим возвышенно-опасным мыслям.

— Все равно помешаешь, — отрезал я. — Дальше не ходи, я сказал!

Он послушно замер, а я привычно вышел из лагеря, используя незримность, в ближайшем овражке, густо заросшем высокой травой, перевоплотился в птеродактиля и взмыл к небу.

То ли чудится, то ли перевоплощение да и сам полет даются все проще. Насчет полета подозреваю помощь доспеха Нимврода, он усиливает мои мышцы, словно мощными сервомоторами, а перевоплощение... гм... наверное, просто насобачился.

Внизу поверхность темной земли так и осталась бы темной, если бы не умел смотреть иначе, уж и не знаю, что за диапазон, только и того, что никаких красок, зато все проплывает отчетливо и разборчиво: серый лес, что продолжает уменьшаться и вот-вот станет похожим на мшистое болото, тоже серые, заросшие лесом холмы, одинокие и сбегавшиеся в стайки горы, а то и вытянутые цепочкой...

Пролетев всего ничего, перевалил через небольшую горную цепь, там напряг зрение: с одной из высоких гор тянутся вниз две странные серебряные нити.

Когда облетел на большой высоте вокруг, обнаружил с той стороны горы еще одну, такую же тонкую и блестящую.

Странные ручейки вытекают именно из высокого кратера. Верхушка горы, как понимаю, разлетелась вдрезг от страшного удара изнутри и сейчас разбросана мелкими камнями на мили вокруг.

Ручейки не багровые, как положено любой лаве, а этого странного цвета, словно в самом деле там, в глубине, плаваются несметные запасы серебра.

Я нарезал круги, снижаясь все больше. Ручейки похожи на серебро, но явно не серебро. Смахивает и на воду, но тоже не вода, хотя к ней ближе, чем к серебру...

Почти у самого подножия копошатся человеческие фигурки в длинных плащах. Напрягая свои птеродактильи крылья, я рассмотрел закапюшоненные головы, но дождя нет, как и сильного ветра, так что такая одежда — в данном случае ритуал, форма, чего не люблю, любая секта — это нечто неприятное...

Я спустился еще ниже, стараясь крыльями помогать как можно бесшумнее, хотя иногда пролетал почти над их головами, но все, занятые делом, меня не замечали, а только старательно набирали в медные фляжки этот серебряный раствор.

Я увидел, как светятся их руки, во мгновенном озарении понял все. Они продолжали работу, а я взлетел повыше, перебрался на соседнюю гору, где превратился в огромного дракона.

С огромным камнем в когтистых лапах я с трудом долетел до вершины горы с открытым верхом, глыба выскользнула, огромная, как двухэтажный дом, с силой ударила в воронку.

Я надеялся, что закупорит, однако она всей тяжестью проломила тонкие стенки и просела глубже, еще глубже. Там, снизу, раздалось клокотанье, глыба дважды

дрогнула, чуть шелохнулась, укладываясь поудобнее, и все затихло.

Тонкие серебристые нити оборвались. Внизу не сразу поняли, что все кончено, а я за это время вернулся в личину человека и пошел к ним, сильно топая сапогами.

Ближайший ко мне вздрогнул, торопливо вскинул голову. Капюшон от резкого движения свалился, худые руки тут же взметнулись, чтобы вернуть его на место, но я уже рассмотрел и голый череп, и худую цыплячью шею, и желтое лицо с испуганными глазами.

— Насколько сильна та магия? — спросил я.

Он вздрогнул, руки бессильно опустились. Только сейчас, глядя на меня, заметил, как укорачиваются сбегające с горы серебряные нити.

— Магия? — спросил он торопливо. — Это не магия... Это надо еще обработать, добавить травы, выпарить, только тогда можно... Но почему все кончилось?

— Разве не к счастью? — спросил я. — Дармовщине конец, теперь все своим трудом, своими руками.

Остальные, не обращая внимания на незваного пришельца, торопливо собирали последние нити этой свешившейся слизи, а человек с голым черепом сказал жалко:

— Но исчез великий источник, что кормил и защищал нас! Наши два села могли бы несколько поколений жить в довольстве, не заботясь о завтрашнем дне.

Я подумал, кивнул.

— В том-то и дело.

Он спросил настороженно:

— Что?

— В том все и дело, — повторил я. — А что потом?

— Когда?

— После того, — напомнил я, — как минуют эти поколения.

Он сказал со вздохом.

— Будут жить, как все.

— Не смогут, — сказал я. — На даровой энергии всяк человек, даже самый стойкий, расслабляется, живет, не работая... или самую малость. А если еще с самого детства... В общем, здесь люди превратились бы в животных.

Он испуганно перекрестился.

— Господи! В самом деле?

— В самом что ни есть, — сказал я. — Человек, только потому человек, что тяжело трудится. Пока другого пути не придумано. Да и потом... не вижу. Ладно, добирайте последние капли. Расходуйте бережно и сразу же учитесь работать. Победителем станет тот, кто будет работать больше и лучше других.

Уже не обращая на них внимания, я зашел за гору, а оттуда взметнулся птеродактилем. Воздух взревел, меня швырнуло, как стрелу гастрарафета, нацеленную в небо.

Я с трудом унял колотящееся сердце. Доспех Нимврода старается уловить мои невысказанные желания, исполнить. Я только подумал ускориться, а он уже, поблескивая звездными искрами, с нептеродальтильной мощью рассекает воздух, уже не птица, не рептилия с крыльями, а нечто вообще, даже и не знаю, нечто махолетного типа.

На картах, составленных в Варт Генце, Бриттии и самом Ираме, эти королевства обведены жирными красными линиями, дескать, здесь наша власть, кто переступил черту — враг, но здесь, по земле, никто не догадался провести такие линии, и где кончился Ирам и начался Пекланд, вряд ли смогли бы вот так с высоты сказать даже их короли.

Границы обычно проходят по рекам, естественные рубежи, но крупные далековато, а мелкие внизу проплывают в изобилии...

Я попытался поморщиться, но не получилось — птеродактиль морда против таких глупостей. Вообще-то, какая разница, где именно граница?

Крылья несут настолько легко и мощно, что я возликовал, одно только смутно тревожит: надеюсь, доспех Нимврода берет энергию из альтернативных источников, более надежных, ну там, из воздуха или сияния звезд, а не тепла моего тела, а то как-то неуютно от одной мысли, что могу превратиться в ледышку.

Быстро миновав Бриттию, некоторое время летел над Ирамом, затем углубился в воздушное пространство Пекланда, теперь уже точно Пекланда. Вот так можно и дальше переть прямо, в неизвестные дали... или же резко свернуть на север, где в соседях королевство Сакрант, либо так же резко на юг, где с Пекландом граничит Эбберт, проклятое королевство, где меня унизили, гнали, как дичь, насмеялись, нигде не давали куска хлеба и глотка воды...

Уничтожить, начала стучать в голове злая мысль. Уничтожить!.. Королевство Эбберт должно ощутить всю мощь моего гнева, ибо я в данном случае не совсем я, а оружие божьего возмездия, что в примерно такой же ситуации сожгло пять городов, хотя в народе обычно упоминают только два.

Уничтожить, повторил я, однако повернул на север и летел довольно долго, делая широкие зигзаги, чтобы охватить взором самые главные дороги, ведущие в сторону Юга.

Вернулся я под утро, успев многое, осенью ночи вдвое длиннее летних, вышел к ошалелым часовым и сообщил, что в Багдаде все спокойно.

Пока они в ступоре старались понять насчет Багдада, я прошел через лагерь к своему шатру. Телохранители вздохнули с облегчением, хотя старший все еще продолжал сопеть зло и бросать в мою сторону недовольные взгляды.

— Как наша гостья? — спросил я.

Он ответил утрюмо:

— Все еще спит...

— Прекрасно, — ответил я.

Он чуть помялся.

— Ваше высочество...

— Ну-ну?

— Тут один наш утверждает, что ваша гостья исчезла почти на полночи!

Я спросил настороженно:

— А куда ходила, проследили?

Он сказал несчастным голосом:

— Так она же спала всю ночь!.. Переворачивалась с боку на бок, одеяло то натягивала, то лягала так, что оно оказывалось на полу, где на нем тут же устраивался Бобик...

Лицо его стало потерянным, и хотя я сам чувствовал себя все тревожнее, но сказал бодро, как надлежит лорду — отцу народа:

— А-а, знаем-знаем, старый трюк! Успокойся, ничего страшного. А ты так не умеешь?.. Ну ты даешь! Это же так просто... Ладно, все в порядке. Скажи членам Военного Совета, чтобы подошли ко мне через часок.

Кто такие члены Военного Совета, по-моему, они все еще не запомнили, тем более что я никого официально не назначал и даже не сообщал о его создании, по-

тому пришли Меганвэйл, Геллермин и Шварцкопф, как наиболее знатные и приближенные к моему высочеству.

— У меня было видение, — сказал я, — и оно сообщило, что из Сакранта вышла последняя армия Мунтвига. Последняя не в том смысле, что последняя, а в самом деле последняя.

Меганвэйл переспросил осторожно:

— В смысле... больше не будет?

— Именно, — подтвердил я. — Мунтвиг отправил на завоевание Юга с десятков армий. Часть уже разбиты, а две-три уничтожены практически полностью, но Мунтвиг, похоже, этого еще не знает.

— Соберет новые?

Я покачал головой.

— Вряд ли. Похоже, он истощил все человеческие и финансовые ресурсы. Его армий хватило бы для завоевания южной части нашего материка... начни он на год раньше. Но я, такая вот умница, как в воду глядел!..

Он усмехнулся.

— Просто вы мунтвигнули раньше. И перемунтвигили. Вы пошли мунтвигничать на север раньше, чем Мунтвиг двинулся на юг..

— Что-что?

— Варт Генц, — напомнил он невинным голосом, — Скарлянды, Мезина, Ламбертиния... Армландию и Турнедо вообще можно не считать...

Я насупился, проворчал:

— Это были не завоевания.

— А что?

— Братская помощь угнетенным народам, — ответил я твердо и посмотрел на него ясными глазами, в которые хоть плюй, ничего не изменится, ибо я пролетарски прав. — Экспорт демократии и гуманизма с человеческим лицом! Рыцарская солидарность со стонущими в тяжком ярме деспотических режимов!.. В об-

щем, мы выстроили буферную зону из демократических королевств, которые как бы разделяют наши ценности и принципы.

— Еще бы, — согласился он, — попробовали бы не разделить.

— Герцог, — сказал я оскорбленно, — они же по доброй воле!.. Ну, почти. Так что не надо инсинуаций. У нас все по закону.

Он кивнул, снова провел пальцем по карте.

— Значит, не так уж и безгранична мощь этого легендарного завоевателя? Ваше высочество, а привидение не подсказало...

— Провидение, — строго поправил я.

— Провидение, — повторил он, — простите, это я так, по привычке, мне только привидения снятся с вот такими, а провидение... Гм, только избранным, как уже понял. Как насчет численности...

— Записывайте, — сказал я строго. — Память у вас дырявая.

Он добросовестно записал, сколько вышло в поход рыцарской и простой конницы, лучников, арбалетчиков, ратников, обозов, в какой местности сейчас продвигаются, и все приговаривал одобрительно, что, хотя за такие провидения, шастающие по ночам, меня и сожгут в конце концов, зато как же успеваю погулять всем на зависть!

Я сам старательно сравнивал наши общие силы, даже боялся поверить, однако с учетом тех армий, что еще подойдут из такого далекого здесь Сен-Мари, у нас почти паритет. Хотя у Мунтвига народу и побольше, зато у нас намного многочисленнее рыцарская конница, а еще есть то, о чем Мунтвиг еще не подозревает: регулярные войска!

За пологом шатра раздались голоса, вошла Бабетта и остановилась смиренно на пороге.

— Воинский совет? — спросила она ангельским голоском. — А можно мне, как заморскому шпиону, взглянуть на карту?

Геллермин сделал движение броситься на стол грудью, растопырив руки и раздувшись по образцу морского ежа или огородной жабы, но я ответил мирно:

— Да, конечно.

Меганвэйл быстро зыркнул на меня.

— Ваше высочество!

— Разве мы можем отказать красивой женщине? — ответил я со вздохом.

Геллермин, как знающий меня еще из Армландии, бросил на меня пытливый взгляд и поинтересовался:

— А потом?..

Я посмотрел на него с мягким укором.

— Вы же знаете, дорогой друг! Потом, конечно, повесить. Не можем же выпускать воинские секреты за пределы шатра!

Меганвэйл с великим облегчением вздохнул, а Шварцкопф и Геллермин плотоядно уставились на ее нежную шею.

Бабетта опасливо осталась на пороге, даже пощупала кончиками пальцев то место, где жестоко сдавит веревка.

— Но я шпион, — произнесла она жалобно, — от потенциального союзника!

— Точно? — переспросил я. — Тогда ладно. Смотри.

Меганвэйл бросил быстрый взгляд на Бабетту.

— А что... женщины понимают в картах?

Бабетта сказала ему приветливо:

— Спасибо, сэр Меганвэйл, за комплимент.

— Леди...

— Бабетта, — подсказала она, — в картах понимаю, я же шпионка, которую сэр Ричард периодически то удав-

ливаает, то просто придавливает, а вы не поверите, каким тяжелым он бывает после плотного ужина!..

Перед нею расступились, я видел по ее лицу, что охватывает взглядом карту не по-женски быстро, сразу замечая условные значки, изображающие рода войск, четко отмеченные броды, мосты, а также опасные места, где нужно опасаться засады или же успеть устроить их самим.

— Похоже, — произнесла она задумчиво, — хотя война будет долгой, но стратегически вы ее почти выиграли.

Меганвэйл посмотрел на нее с непониманием.

— Леди?

Она чуть усмехнулась.

— Ваш лорд понимает, что я говорю. Мунтвиг не сумел захватить вас врасплох, а для долгой войны у вас больше ресурсов как в виде людей, так и оружия, доспехов, а еще у вас лучше обозы.

Шварцкопф поглядывал на нее с неудовольствием, леди не должны хорошо разбираться в таких приземленных вещах, как война, только Меганвэйл смотрел с одобрением и чуточку ухмылялся.

Я наконец проронил:

— Ну-ну. Будущее покажет.

И снова, судя по взгляду, который Геллермин тут же спрятал, только он сообразил, что меня не устраивает долгая, пусть и победная, война. При долгих войнах разоряются обе воюющие стороны, что не входит в мои планы, так как вовсе не мечтаю войти в историю, как Ричард Сокрушитель, Ричард Завоеватель или какой-нибудь Ричард Победоносный, фи, как пошло...

С другой стороны, меня вполне устраивает, если Бабетта доложит своему императору, что этот Ричард уверен, как стадо слонов, и несокрушим, как Большой Хребет, в долгой войне обязательно победит, если не на-

делает грубых ошибок, так что ставку стоит делать на него по-прежнему.

Дав им срисовать карту для оперативных надобностей, я покинул шатер Меганвэйла. Здесь все в порядке, Меганвэйл предупрежден, что сюда идут две армии Мунтвига, но только две, а с последней, надеюсь, разберемся там на месте, в самом Сакранте.

Так что можно возвращаться. Что сейчас делается в Мезине, Ламбертини, Варт Генце... интересно и важно, но придется обождать. Или же понаблюдать через Зеркало Горных Эльфов, не проламываясь на ту сторону, хотя увижу только быт, а чтобы уловить или услышать нечто важное, пришлось бы наблюдать целыми неделями, а тут и часа лишнего нет.

Глава 16

Часовые, что иногда заглядывают в шатер, передавая какие-то сведения, делают непроницаемые лица при виде раскрепощенной Бабетты; Меганвэйл старается сдерживать одобрительную улыбку. То, что она не простолюдинка, видно издали, а вблизи заметно и то, что очень даже не простолюдинка. Даже настолько высока по происхождению, что не считает нужным соблюдать некоторые правила, обязательные для простых леди. К примеру, добродетельные римские матроны императорской семьи и невинные девушки спокойно принимали ванны в присутствии мужчин-рабов.

Меганвэйл, когда мы оказались наедине, шепнул тихонько:

— Ваше высочество, только свистните, если понадобится... Это кто, если не секрет?

— Сам пока не знаю, — ответил я. — Есть догадки насчет родни императору...

— Вильгельму?

Я покачал головой.

— Герману Третьему.

Он охнул, отшатнулся.

— В самом... деле? Который за океаном? Южный континент? А что, те земли настоящие? Там же великаны, драконы, люди с тремя головами...

— Браки, — сказал я авторитетно. — Никакие не три, а, как у всех, только две.

— Так у нее ж всего одна?

— Кто знает, — ответил я неопределенно, — люди там не совсем такие, как мы. Кроме того, может быть, знать так вообще одноголовая? Есть догадки, что она сестра императору, но другие предположения гласят, что дочь или внучка. В общем, ухо надо держать востро. Из обоза срочно вызовите всех магов, пусть тайком наблюдают за ней, за шатром, за людьми... Священники — тоже.

Лорды, предчувствуя, что я так же таинственно исчезну, как и появляюсь, старались не тревожить меня, своего верховного главнокомандующего, к тому же мне выпало счастье принимать такую гостью, а Бабетта откровенно радовалась, щебетала, устраивалась в шатре так, словно собирается провести в нем всю жизнь.

Я наблюдал за ней с интересом: она ухитряется быть светлокожей, хотя и загорела за ушедшее лето; Бабетта перехватила мой испытующий взгляд, в деланом изумлении приподняла брови.

— Что-то не так?

— Все так, — заверил я, — даже слишком. Я бы сказал, что ты всю жизнь провела в шатрах... если бы не видел тебя в замках, королевских дворцах.

— И что, я там другая?

— Абсолютно.

Она заулыбалась.

— Ой, как это здорово! Женщина и должна быть разная. Мы должны удивлять и радовать.

Я спросил медленно, не сводя с нее взгляда:

— Императорский дворец... сильно отличается от королевских?

Она чуть запнулась, я выбрал удобный момент для вопроса, вскинула на меня ясный взгляд сияющих глаз.

— Ах, Рич... не поверишь, но император Герман всегда с удовольствием слушает о тебе рассказы.

— Ого, — пробормотал я, — даже рассказы? И много их?

— Достаточно, — пропела она нежным голосом. — А еще он был очень впечатлен, когда я сообщила ему о такой малости, на которую ты, возможно, даже не обратил внимания...

— Ну-ну?

— Твои армии, — сообщила она.

— Да, — согласился я с гордостью, — они... хороши. Мужчина должен жрать мясо и воевать с врагами, не так ли?

— А знаешь, — спросила она, — что самое удивительное?

— Да у нас все удивительное, — сказал я скромно. — Особенно их лидер, не заметила?

Она ласково погладила меня по щеке.

— Это да, только он мог такое придумать, продумать и воплотить... Все твои войска идут под одним общим знаменем и одним гербом!..

— Гм, — ответил я, — ну, вообще-то, я это заметил, все-таки моя, конечно же, гениальная идея... у меня все они гениальные, хотя и с вывертами, которые даже я не совсем понимаю. Ну а как иначе?

Она напомнила живо:

— Иначе везде, в любом королевстве!

— У меня, — объяснил я с подчеркнутой скромностью, — не сборная из дружин сотен удельных лордов.

— Вот-вот, — перебила она. — У Мунтвига армия, сам знаешь, побольше твоей, но у него именно сборная, как ты говоришь.

— Старого образца, — сказал я самодовольно. — Как у всех. А у меня армия нового. Так что зачем множество знамен? Разве что личные у полководцев... Так, говоришь, впечатлен?

— Весьма, — подтвердила она. — Много раз просматривал. Понимаешь, это же мечта любого короля, тем более императора, — иметь такую армию. Собственную!

Я ощутил холодок, спросил быстро, пока она не исправила промах:

— Он наблюдает через хробойлов?

Она запнулась с ответом, даже опустила взгляд, подбирая слова.

— Рич, дорогой... давай, не спрашивай такое, а я не стану врать.

— Хорошо, — согласился я. — Только не знаю, о чем спрашивать не стоит, у вас тайны на каждом шагу, потому ты сама, без всякого стеснения, говори, ты же достаточно бесстыдная, верно? Или бесстыжая, как точнее?

Она заулыбалась.

— Ах, Рич, какой ты чудный!.. Всегда удивлялась, почему так влюбилась, а теперь вижу.

— Служба, — ответил я мудро и загадочно.

— Рич?

— Говорю, — пояснил я гордо, — что вот никому не служу, а это достаточно необычно. И привлекает внимание.

Она хитро улыбнулась.

— Совсем-совсем никому?

— Никому, — подтвердил я.

Ее губы раздвинулись шире.

— А Господу, как ты говоришь?

— И ему не служу, — пояснил я. — Иду под его знаменем как доброволец. Его идеи обустройства мира и человека меня восхищают! Потому я с ним. А еще потому сражаюсь с теми, кто его не признает.

Ее взгляд стал серьезнее, она проговорила медленно:

— Добровольцы... опаснее.

— Еще бы, — подтвердил я. — Убежденность в своей правоте — великая сила, сдвигающая горы! А императору, понятно, только служат... за деньги, должности, земли, титулы, звания, награды, почести... Только я не понимаю, чем он мог бы привлечь людей Севера? Мы все-таки служим по большей части из-за чести, а это такая штука... если это штука, которую купить или продать трудновато. Человек чести может отказаться от горы золота ради какой-то ерунды, с точки зрения императора... или просто южанина, а это их поставит в тупик.

Она покачала головой.

— Милый, император достаточно долго знакомился с обычаями Севера, его в тупик поставить трудно. Да он и раньше старался привлекать к себе лучших из рыцарей Севера... жаль только, что сейчас последняя связь прервалась.

— Что так?

— Пираты, — ответила она. — Были капитаны, что знали тайные дороги, по которым ухитрялись достичь южного континента, но куда-то исчезли.

— Знаю, — ответил я. — Мой друг, сэр Смит, выигравший Золотой Шлем, отправился на юг, но не знаю, доехал ли.

— Сэр Смит? — повторила она в задумчивости. — Нет, не припоминаю...

Я промолчал; Бабетта то ли нечаянно, то ли нарочно иногда дает понять, как вот сейчас, что знает им-

ператорский дворец как свои пять пальцев. Угадать трудно, где как бы проболталась, а где нарочитая утечка, дескать, и не сказала, и в то же время дала понять.

— Бабетта, — сказал я в лоб, — к чему этот разговор про императора? Ты же пальцем не шевельнешь просто так?

— Ну, Ричард, милый...

— Так почему?

Она чарующе улыбнулась.

— Ричард... про императора вообще все любят посплетничать. Чем выше человек, тем больше о нем слухов.

— Я не собираю слухи, — пояснил я твердо. — Я как бы весьма занят, ты могла заметить.

— Император заинтересовался тобой, — пояснила она. — Просто заинтересовался.

— Просто заинтересовался, — напомнил я, — очень давно. Весьма заинтересован — тоже... давно. Сейчас уже крайне заинтересован, если говорить в твоих терминах. Настолько заинтересован, что...

Я посмотрел на нее за продолжением, но она лишь с самым невинным видом вскинула брови.

— Что?

— Бабетта, — сказал я с упреком, — не стоит хитрить там, где все видно насквозь. Ты здесь не для того, чтобы сказать насчет впечатлений императора.

Она помолчала, хитренький взгляд постепенно тускнел, наконец я уловил в нем печаль.

— Ты прав...

— Это слишком очевидно, Бабетта.

Она медленно наклонила голову.

— Знаешь, Рич... я никогда не думала, что мне придется говорить такое.

— Что?

— Рич, — произнесла она, — император Герман выглядит несокрушимым... это так и есть, но... для Севера. Там же в его землях у него определенные трудности.

— Все трещит по швам? — уточнил я.

Он покачала головой.

— Нет, именно трудности. Определенные. Не столько извне, хотя есть и это, как внутри.

— Местные феодалы?

Она помедлила с ответом.

— Там все несколько иначе. Но одно есть общее с вашим Севером: семья, окружение, приближенные, интриги, заговоры, попытки укрепиться и возвыситься за счет других... Люди — везде всего лишь люди.

Я покачал головой.

— Кроме тех, кто идет к Богу.

— Ты знаешь таких?

— Весь христианский мир такой, — ответил я гордо, но наткнулся на ее взгляд и пояснил неуклюже: — Не всегда охотно, по-черепашины, бурча и огрызаясь... но постепенно выдавливая из себя натуру Змея. А у вас там, как понимаю, еще тот гадюшник. Гадюшник — от слова «гад», в которого Господь превратил Первозмея.

Она поморщилась.

— Ты говоришь не как воин и даже не как политик...

— Мы все должны быть выше себя, — ответил я и сделал вид, что перекрестился. — Чем в таком случае императору интересен я?

— Своей чистотой, — ответила она незамедлительно, — рыцарской честью, верностью слову, долгу...

Я сказал с иронией:

— Ну-ну, Бабетта...

— Я серьезно!

Я усмехнулся.

— Мы никогда не говорили серьезно.

— Мы всегда говорили серьезно, — возразила она. — Только прятали за шуточками. Это твоя манера, я моментально ее приняла... Потому что мне это понравилось своей необычностью. И сейчас я говорю очень серьезно. Император слишком горд, чтобы кому-то сказать о своей слабости.

— Тем более, — обронил я, — просить о помощи.

Она нервно дернулась, губы поджались, из чувственно полных, полураскрытых превратились в тонкую щель.

— Он не просит о помощи!

— Да, — согласился я торопливо, чувствуя, что перегнул, — ты права. Просто я благодаря тебе чуть больше узнал о заокеанской империи. Однако, Бабетта, ты и сама наверняка поняла, что я пока не прикрою свой зад... я говорю о тыле, то не сдвинусь с места. Даже если император попросит меня об этом напрямую.

Она моментально, переходя из сердитого состояния, заулыбалась так, что на щеках моментально появились ямочки.

— Неужели ты такой расчетливо осторожный? А где же безрассудная отвага, неистовый порыв, зов сердца?

Я поморщился.

— Перестань.

— Нет, правда?

— Миром правят, — напомнил я, — не безрассудно отважные, а те, кто умело направляет их дурь... назовем ее зовом сердца или еще как-то покрасивше, на реализацию своих идей.

Она сказала с интересом:

— А какие у тебя идеи?

— Естественно, — ответил я нагло, — затащить тебя в постель!

Она очаровательно улыбнулась.

— Ой, Рич! Как я тебя люблю еще и за эту бесстыжую манеру врать прямо в глаза!

— Почему врать?

Она передернула белыми плечиками.

— Когда чего-то слишком много, это обесценивается, не так ли?.. Вокруг тебя столько прекрасных женщин, готовых с радостным визгом прыгнуть в твою постель...

Я раздраженно дернул щекой.

— Я воздерживаюсь от этих связей по другим причинам, а вовсе не потому, что потерял интерес... Никто не скажет, сколько среди них шпионок, агентов влияния, интриганок, не говоря уже о тех, кто сразу же начнет... сама знаешь. А это портит... ну, я и в постели получаюсь, как бы на работе. А на фига?

— Печально, — проговорила она.

Я вздохнул, оглянулся на вход в шатер, скоро придут лорды Военного Совета, сказал деловым голосом:

— Бабетта! Ты весьма настойчиво стараешься привязать меня к колеснице императора Германа, верно? Ибо только с моей помощью можно распространять влияние империи дальше на Север. И что я получу взамен?

Она промолчала, наконец посмотрела мне в глаза очень серьезно.

— А разве расширение своей власти на Север не является твоей целью?

— А император при чем?

Она чуть помедлила с ответом.

— Поддержка сильных никому не мешала. Император признает твою легитимность, это немало. Чтобы никто не сомневался, он жалует тебя титулами...

Я искривил губы.

— Бабетта, давай говорить серьезно. Эти титулы ничего не стоят, так как здесь власть императора... ска-

жем прямо, никакая. Другое дело, если бы он пожаловал мне титул и земли там, на Юге в своей империи...

Она задумалась, и хотя я брякнул вот просто так, для примера, но, возможно, во время доклада в имперской канцелярии Бабетта сообщит, что Ричард настойчиво добивается земель на южном континенте, и десятки советников начнут прикидывать разные варианты решения такой деликатной проблемы.

— Бабетта, — сказал я нетерпеливо, — давай я брякну в лоб, мы же друзья, не так ли?.. Я тоже смутно заинтересован в сближении с императором, но только — смутно. Так как вообще не представляю, что можно от него взять. Сам же император пока что считает ниже своего достоинства прислать мне приглашение посетить его резиденцию или хотя бы его земли! Верно? Не отрицай, во-первых, это так, во-вторых, меня это устраивает, других дел много, не придется отказываться. А там император созреет и до более тесных контактов.

Она слабо улыбнулась.

— Император вечен и неизменен.

— Но меняюсь я, — произнес я настолько скромно, что это прозвучало почти как угроза. — И потому мир меняется тоже.

Часть вторая

Глава 1

Бабетта поцеловала меня в губы страстно и чувственно, пообещала таинственным шепотом на ухо, что еще увидимся, и растаяла прямо посреди шатра.

Спохватившись, я попытался увидеть ее в других диапазонах, но, увы, кроме меня, никого, а полог даже не шелохнулся. Похоже, вот так приоткрывшись чуть больше обычного, она еще раз намекнула таким образом, что нужно стремиться к сближению с Югом, там и мне что-то да перепало бы сверх того, что имею.

— Я и тем не пользуюсь, — пробормотал я, — что есть, так что не надо соблазнять льва косточкой жареного воробья.

Еще раз повидавшись со всеми лордами и крупными военачальниками, с одними переговорив, других похлопав по плечу, показавшись простым воинам и погарцевав у них на виду, я вскинул руку в прощании и понесся в сторону Севера.

На этот раз Бобик ворчал, но, закрыв глаза и съежившись, дал затянуть себя в раздвинутую до предела раму Зеркала Горных Эльфов, в то время как арбогастр лишь фыркнул, но и то потому, что пришлось пригibasъся, что оскорбляет гордое животное, да еще и ноги сгибать...

— Ребята, — пообещал я, — когда-нибудь отработаем эту систему! Чтоб щелкнуть пальцами, а перед нами распаивается портал, а по раме гирлянды роз висят, а то и свисают даже... А мы вот так прямо втроем одним скачком на ту сторону! И никаких тебе зимних морозов, а только птички чирикают и щебечут...

Арбогастр внимательно слушал, а я поднялся в седло и разобрал повод. Бобик радостно гавкнул и понесся крупными скачками, то и дело оглядываясь.

Первыми, естественно, я увидел конные разъезды Норберта, быстрые и хищные, как пустынные муравьи. Моментально развернувшись, они тут же ринулись в мою сторону, готовые вступить в бой, если под моей личиной кто-то иной, но я дружелюбно помахал рукой, арбогастр наддал, и через несколько минут мы уже въезжали, сбросив скорость, в расположение лагеря, где, несмотря на его временность, шатры и палатки расположены в строгом порядке, как и места для костров.

Недельный отдых, как я понял, в самом разгаре, отлучился я на пару дней, что можно не принимать в расчет, это как бы и не исчезал, можно представить себе, что сидел, запершись в шатре, и двое суток, как аскет какой, предавался высоким размышлениям о Божественном и Высоком Предназначении Паладина. Или, напротив, развлекался с бабами, раз уж в походе в седле как-то не весьма, и только вот на привале и удастся.

Воины радостно кричали, заведя то ли меня, то ли бегущего впереди Бобика, а из шатров начали выглядывать лорды. Первым вышел и преклонил колени герцог Клемент, даже без доспехов громадный и громоздкий, следом выбежал Альбрехт, и от дальнего шатра показались двое всадников на украшенных красным с золотом пополах конях.

Я узнал принца Сандорина и принцессу Аскланделлу, они оба неподвижны, словно чучела, но я все

равно ощутил их радость, даже со стороны принцессы, что как-то пугает даже.

Я улыбался, помахал рукой, изображая мимикой и телодвижениями великое щасте, вдруг обуявшее меня при виде их.

Ратники перехватили повод коня; я соскочил на землю и сказал весело:

— А жизнь, оказывается, хороша!

Принц Сандорин и принцесса остановили коней и смотрят на меня весьма неодобрительно, что-то я не так сделал, но это, скорее, комплимент, так как делай я то, чего от меня ждут, я бы дослужился до баннерного рыцаря, но не выше.

Клемент прогудел:

— Как поездка?

— Отлично, — ответил я. — По свежему воздуху... вскачь... Птички поют! А какие бабочки...

Альбрехт подошел, сказал с похвалой:

— Везет же вам, мой лорд! А у нас они тут все подошли с первыми же заморозками.

— Гм, — сказал я в затруднении, чувствуя, что не то ляпнул, — это у вас какие-то неправильные бабочки. Кто ж зимы боится? Как будто она впервые! Пора бы и привыкнуть. Ладно, все ко мне, я выслушаю ваши оправдания со всей строгостью. По случаю приезда вешать никого не буду, а потом посмотрим.

К моему изумлению, на импровизированный Военный Совет, хотя это и не совет, а так, встреча, явилась и Аскланделла в сопровождении принца. Я хотел было ему передать привет от Лиутгарды, но подумал, что это будет не совсем зело. Хоть он и сказал тогда с достоинством, что его сердце принадлежит прекрасной Лиутгарде, но мало ли что мы говорили вчера.

Стол быстро накрыли, а я, пользуясь суматохой, быстро создал перед Аскланделлой, благо она сидит рядом

со мной, почти касаясь локтем, вазочку с мороженым в хрустальной чаше из изумительно тонкого и чистейшего стекла.

Народ шумит, рассаживаясь, сразу хватают блюда с жареным мясом и ташат к себе ближе, тут же со всех сторон наливают вино, шум, гам, крепкие мужские голоса наполняют пространство шатра так, что приподнимается крыша и раздуваются стенки.

Аскланделла вздрогнула, взгляд ее метнулся по лицам лордов, я тоже ощутил его острый, как булавка, но беспечно беседую с Альбрехтом, и она, поколебавшись, взяла серебряную ложечку, что воткнута между белоснежными шариками, осторожно зачерпнула с краю это непонятное кушанье...

Я наблюдал краем глаза, она пробует медленно и сосредоточенно, но вот же, зараза вымуштрованная, ни вспискнула даже, ресницей не дрогнула, разве что чуть быстрее зачерпнула ложечкой новую порцию.

Правда, может быть, где-то в середине и позволила себе показать некоторое удовольствие, но я уже не смотрел, общался с лордами, у всех есть, что сказать, и только когда доскребывала остатки, я, продолжая молоть какую-то чепуху Альбрехту, сосредоточился, представил себя отчетливо сливочное в шоколаде с тертыми орешками.

В другое время вряд ли получилось бы, но, во-первых, с мороженым я насобачился лучше всего, могу не глядя, во-вторых, Альбрехт не выдаст, услышав мой монотонный голос, вещающий нечто совсем далекое от темы разговора.

Так и есть, он всмотрелся внимательно сперва в меня, потом быстро зыркнул, гад, на столешницу, ментально пробежал взглядом по всем блюдам, чашам и кубкам с вином и... остановил его на хрустальной вазочке, где громоздится грубо выламывающееся из ряда

привычных блюд: целый рыцарский замок нежнейшего мороженого в темном шоколаде.

К счастью, все заняты своим вином и мясом на блюде, никто не обратил внимания, что там появилось у принцессы, только Сандорин округлил глаза и посмотрел по сторонам, но положение спасла сама Аскланделла: принялась есть мороженое с таким равнодушным видом, словно это ее основное блюдо на завтрак, обед и ужин.

Я тоже не замечаю, что там у нее в тарелке. Да что там у нее, я и в своей не замечаю, я же мужчина, а мужчины жрут все, не перебирают, это наша гордость и достоинство. Если придворные щеголи похваляются умением различать разные марки вина, то у нас гордость наоборот: похваляемся, что пьем все, жрем все, и гребем под себя все, что шевелится. А что не шевелится, то растолкаем и тоже гребем.

Я зыркнул в ее сторону еще пару раз, злость на такую невозмутимость начала поднимать голову, ну и выдержка у императорских дочерей, прошипел сквозь зубы словно про себя:

— Есть некий предел, после которого самообладание перестает быть добродетелью.

Она покосилась в мою сторону и, продолжая мерно орудовать ложечкой, произнесла так же тихо в тарелку:

— Большинство людей в глубине души презирают добродетель, ибо не могут ее достичь.

Я буркнул:

— Мы подмечаем в людях много пороков, но признаем мало достоинств. А они на виду!

— Польза добродетели столь очевидна, — проговорила она, подержала во рту коричневый комоч шоколада, чтобы тот растаял, и договорила: — Что даже дрянные люди поступают прилично ради выгоды. Но разница все равно заметна.

— Как наши яства? — спросил я, стараясь уйти от опасной темы.

— Удовольствие, — произнесла она ясным голосом, — о котором нельзя говорить, — не удовольствие.

Я пробормотал озадаченно:

— Да? А я думал, тайное доставляет удовольствия больше. Вообще нет большего удовольствия в жизни, чем сначала сделать тайком доброе дело, а потом, «по чистой случайности», предать его гласности.

Она поморщилась.

— В этом весь ваш развращенный Юг... Даже не слышали о скромности.

— Скромность, — возразил я, — должна быть добродетелью тех, у кого нет других.

Клемент поднял чашу, глядя на меня и показывая, что пьет за меня, спросил грохочущим басом:

— Как съездили, ваше высочество?

— Прекрасно, — ответил я. — Конь — это то, что должен иметь каждый мужчина. Две тысячи фунтов твердых мускулов, силы, грации и пота между ваших ног... этого не получите от ручного хомячка или чирикающей женщины.

Аскланделла слегка нахмурилась, хотя вроде бы не слышит меня, а Клемент уточнил:

— А сама поездка удалась?

— Какая поездка? — перепросил я в удивлении. — Мы просто промчались с конем без всякой цели... Разве что на бабочек посмотрели.

— Бабочки все перемерзли, — напомнил он. — Если верить графу Альбрехту, он и про бабочек знает!

— Все-таки перемерзли? — удивился я. — Тогда что это было?... Даже Бобик их ловил и душил, а они орали и отбивались. Ах, да неважно, мужчины в пустяки не вникают. Когда Всевышний возжелал сотворить коня, он повелел ветру: «Уплотнись!» Ветер уплотнился, и по-

лучился конь. Потому я, когда на коне, я ближе и к Господу и весь открыт Высокому...

Сулливан прогудел со своего места:

— Конь — подарок Господа!

— Абсолютно верно, — сказал я с благодарностью. — Спасибо, дорогой герцог! Природа прекрасна, когда на ней кони. Ветер небес свистит между конских ушей!.. Что еще мужчине надо?

Аскланделла повернулась к Сандорину и произнесла очень тихо, но язвительно:

— Ах-ах, как южане умеют говорить красиво! Но сами зачем-то идут войной. Разводили бы себе коней. Я этого вашего принца Ричарда взяла бы в наш двор младшим лошадником. Нет, младшим слугой младшего лошадника.

Принц сдержанно улыбнулся: с женщиной спорить нельзя, можно только поддакивать, покосился в мою сторону, но я общаюсь с Сулливаном и Альбрехтом, а ее, конечно же, не слушаю, хотя на самом деле обязан слышать ее каждое слово, все-таки невеста Мунтвига и дочь возможного неприятеля в лице императора Вильгельма Блистательного...

Все-таки мне почудилось, что она прекрасно понимает, что слышу, и дабы лишить и такого удовольствия, сказал Сулливану:

— Герцог, берите руководство за столом в свои руки. Я выйду на свежий воздух, а то что-то вино ударило в голову...

Он изумился:

— Вам?

— Слабый я, как вам сейчас скажет принцесса.

Альбрехт хотел выйти со мной, но я остановил его жестом. За пределами шатра воздух медленно отдает дневное тепло, ближе к рассвету могут быть заморозки. Я вздохнул глубоко, растягивая грудь, из темноты вы-

метнулась огромная черная тень и бросилась мне на грудь.

Я успел собраться и достойно встретить натиск, Бобик облизал меня, энергично виляя хвостом, я обнял его лобастую голову, почесал за ушами.

В шатре отодвинулся полог; Аскланделла вышла медленно и величественно, Сандорин поддерживает ее под локоть двумя пальчиками, словно стебель нежнейшего цветка.

Она что-то говорила ему совсем тихо, он улыбался и кивал. Я хотел потихоньку отступить в темноту, но Аскланделла повернулась в мою сторону и взглянула так, что я понял, надо подойти, иначе совершу ужасное преступление.

Умеют же некоторые из них себя поставить, сказал я себе молча, злясь там где-то в самой глубине, а наверху улыбаясь светски, галантно и как бы даже дружелюбно, я же хозяин, обязан, а если нет, то я последняя и самая неучтивая свинья на свете, а неучтивость в отношении к даме хуже размещения конюшен в церквях и соборах.

— Ваше высочество? — спросил я первым, утверждая примат самца.

— У вас неплохой стол, — обронила она светски, голос звучал с холодноватой нейтральностью, — как вижу, даже среди таких диких народов иногда встречается... что-то...

Она остановилась в затруднении, подбирая слово, я спросил тут же, намекая на ее тугодумие:

— Ваше высочество... вы не заснули?

— А вы? — спросила она.

— Я онемел, — сказал я, — онемел. Понятно, от восторга.

— От восторга? Какого восторга?

Я вытаращил глаза.

— Как это? От вас, конечно. От кого еще можно онеметь? Достаточно на вас взглянуть... и все, каюк! Можно клеить ласты.

Она поморщилась, я и не старался скрыть насмешки в голосе.

— Знаете ли, ваше высочество, — произнесла она, резко меняя тему, — мне почему-то казалось, что именно при нашем императорском дворе собраны все лучшие... умельцы.

Я спросил нагло:

— Это кто же такие, кузнецы?

Она слегка поджала губы.

— Однажды, когда мой отец заболел, к нему прямо в спальню прилетел Феникс с дальних гор. Он принес особое лекарство, его называют эликсиром, и государь сразу выздоровел. Думаю, здесь о таком даже не слыхивали.

— Вашего колдуна зовут Фениксом?

Она посмотрела на меня с ледяным презрением.

— Это был настоящий Феникс!

— Пернатое? — уточнил я.

— Птица Феникс, — поправила она.

— И что, — спросил я с недоверием, — он в человека даже и не превращался? Ну, как это обычно делается. Сплошь и рядом. В любой нашей деревне.

— Я же говорю, — сказала она с нажимом, — это был Феникс!

Я подумал, кивнул.

— Значит, ему понравилось быть пернатым. Что ж, у всех свои... причуды. Я знавал мужчин, что обожают переодеваться женщинами. Не в том смысле знавал, как вы подумали, а видел таких... издали, издали! Хотя кто знает... по мнению обывателей, многое является причудами, хотя на самом деле это всего лишь... некий шажок

за рамки, установленные такими же людьми. Может быть, более осторожные. У вас какие причуды?

Она смерила меня холодным взглядом.

— У принцесс не бывает причуд.

— Точно? — спросил я.

— У принцесс, — уточнила она с надлежащим высокомерием, — императорской крови!

— Надо же, — сказал я пораженно. — Сколько же во мне, оказывается, от Фрейда... А я все думал, что я только паладин, чистый и несущий свет одной своей радостно-глупой харей. Оказывается, безупречны еще и эти... ага, принцессы императорской крови...

Она не стала спорить насчет хари, да еще глупой, спросила с подозрением:

— От Фрейда? Кто такой Фрейд?

Я отмахнулся.

— Это Первозмей, что соблазнил Еву и стал отцом Каина и Авеля. Так его зовут... в ряде стран.

— Где-то на Юге?

— На Юге, — согласился я. — Точнее, на западе. Наверное, на юго-западе, хотя это не суть важно. Выходит, мы не только должны ежедневно освобождать себя из Египта, но и выдавливать из себя фрейдистскую, в смысле, змеино-животную сущность каплю за каплей! Это и должна быть самая жаркая и жестокая война. А мы друг с другом деремся, как черные и красные муравьи!

Она посмотрела озадаченно, слишком быстрый и неожиданный переход, женщин это всегда ставит в тупик, они существа бескрылые и могут, как киви-киви, бежать только по прямой.

— Черные с черными, — произнесла она с некоторой настороженностью, подозревая ловушку, — тоже дерутся... Как и красные с красными. Наверное, тоже за честь рода? Полагаю, честь — это основополагающее

понятие в природе. Потому у муравьев она должна быть обязательно.

Я посмотрел на нее с восторгом и сказал предельно искренне:

— Обожаю, когда женщина говорит умные вещи! Это все равно, как если бы мой конь начал рассуждать о строении вселенной. Ваше императорское высочество, а что вы еще знаете? Мне кажется, вы все знания уже выложили... по крайней мере наполовину?

Она помедлила, отыскала взглядом принца Сандорина и сказала ему с такой милой улыбкой, что даже удивительно, как его замороженная харя не треснула:

— Принц, вы обещали научить меня играть в чакты!

Сандорин, что вроде бы и не слушал, и вообще смотрел в другую сторону, моментально развернулся к нам, засиял, словно на него упал сверкающий луч солнца, поклонился с таким изяществом, что вот прямо щас затанцует.

— Ваше высочество... в любое удобное вам время!

— Мне уютно сейчас, — почти пропела она таким нежным голосом, что убил бы на месте.

Он тут же оказался рядом, согнул руку колечком. Она церемонно опустила кончики пальцев на его локоть, и они удалились, он — подрагивая ляжками от неимоверного счастья, а она — с прямой спиной и красиво развернутыми плечами, по которым до самой поясницы струится перевитая голубыми лентами толстая золотая коса.

Глава 2

Еще десять дней форсированного марша, армия устала, но по пути разбили около двух десятков крупных дружин местных лордов, я их называю незаконными

формированиями, так как законные могут быть только у меня.

Норберт и Клемент, сдружившись уже настолько, что неразлейвода, вместе сладострастно составляют тактические планы, в результате которых удастся не только разбить эти дружины, но окружить и уничтожить, если те не предпочтут сдаться.

Но, конечно, те предпочитают сдаться, а так как дружины обычно возглавляет местный лорд, нередко — с сыновьями, то и выкуп платят щедрый.

После долгого, утомительного марша остановились на отдых возле крупного и богатого села; мой штаб расположили в добротном деревенском доме, хозяев переселив на это время в сарай.

Окна закрыты, но с улицы несутся голоса, скрип колес, конское ржание, просачиваются запахи жареного мяса, печеного хлеба, слышатся гортанные голоса приведенных на забой овец.

Я разрабатывал продвижение войск, теперь нужно планировать каждый шаг, когда вошел Зигфрид и доложил громким голосом:

— Ваше высочество! Прибыл барон Палант. Или он еще не барон?

Я отмахнулся.

— Баронов у меня больше, чем лягушек в болоте, а Палант — ландхофмейстер!

Он спросил озадаченно:

— А это больше или меньше императора?

— Откуда я знаю? — спросил я резонно. — Наверное, вровень, если не выше. Императоров у нас уже трое, считая и того, что за океаном, а ландхофмейстер все-таки один-единственный. Ну, из тех, которых знаю.

Он подумал, предложил:

— Тогда прогоню в шею? Никто не должен быть выше моего сюзерена!

— Никто, — согласился я, — но Палант все-таки наш друг, потому пропусти его именно по дружбе.

— Хорошо, — сказал он, его широкая рожа расплылась в еще более широкой ухмылке, — при случае и меня сделайте ландхофмейстером! У вас будут уже двое, а я в таверне буду пари выигрывать, если кто не угадает, что это за такое!

Палант вошел со шлемом в руке, прижатым к левой стороне груди, сдержанно поклонился. Я бросил быстрый взгляд сперва на его знаменитые сапоги, в которых он по любому болоту, аки посуху, все еще как новенькие и всегда безукоризненно чистые, перевел взгляд на его молодцеватую фигуру.

Он давно уже поменял легкий панцирь из черной кожи со вшитыми металлическими шипами на великолепные вестготские доспехи, безумно дорогие, но из синеватой стали, которую куют гномы, и приложенные настолько удивительно точно, что двигается с легкостью, будто это не кованная сталь, а обычная одежда.

— Палант, — сказал я в нетерпении.

— Ваше высочество...

— Подойди ближе, — велел я. — Зигфрид...

Зигфрид молча повернулся и вышел. Палант подошел к столу, медленно опустил на столешницу шлем. Мы молча ждали, пока шаги Зигфрида утихнут в сенях, а когда хлопнула и входная дверь, я сказал с нетерпением:

— Что удалось узнать?

Он понизил голос:

— Ваше высочество... Дело не только в том, что мы забрались к медведю в берлогу. Хуже другое.

— Ну?

Он сказал очень серьезно:

— При здешней плотности населения, ваше высочество... здесь слишком много вооруженных отрядов.

В общей сложности они превосходят нашу армию раз в десять...

Я пробормотал:

— Так... что еще?

Он сказал еще тише:

— Еще хуже то, что все население издавна поддерживает апостольскую церковь. Вот уже многие столетия. Мы у себя и не знали бы про эту ветвь христианства, если бы Мунтвиг не решил пронести его знамя на южные земли.

Я буркнул:

— Обломаем.

— Если в наших краях, — уточнил он. — А сейчас мы в землях, где развевается знамя Мунтви́га и... апостольской церкви. Ваше высочество, здесь люди будут драться отчаянно. Не за деньги, не за владения, а за веру отцов!

Я поморщился.

— Вера против острых копий?.. Дорогой друг, от удара топора погибают одинаково верные сыны церкви и еретики.

— Но верные не разбегаются, — напомнил он. — У нас руки устанут рубить им головы.

Я походил в раздумье вокруг стола.

— Тогда нам нужно вступить с ними в переговоры.

Он усмехнулся, а я ощутил с печалью, что Палант, сын Гевекса, всегда красивый и беспечный, все еще красивый, но уже не беспечный, беспокойная жизнь с таким лордом, как я, заставила повзрослеть очень быстро.

— Ваше высочество, — произнес он, — здесь ваше искусство политика не поможет.

— Почему?

— Верующие люди не слышат доводов разума.

— Да, — сказал я, — да, ты прав... но если появится некто, сумевший организовать диспут о вере и ее тонкостях...

Он прервал, даже не обращая внимания, что это невежливо:

— Ваше высочество, диспуты возможны только в лоне нашей церкви. А в апостольской любое обсуждение догматов, оставленных нам апостолами, уже ересь!

Я вздохнул.

— Знаю. Тем она и сильна. Впрочем, это тактический выигрыш. А стратегически проиграет.

— Через сотни лет? — спросил он иронически. — А мы столько простоим здесь лагерем?

— Ты прав, Палант, — сказал я. — Тогда с помощью переговоров нужно прощупать их положение, собрать наши силы и ударить... в самое уязвимое место. И вообще...

— Ваше высочество?

— Ты быстро вырос, — сказал я тепло. — Твой отец будет гордиться, когда вернешься из похода.

Земли Пекланда зажаты между королевствами Сакрант и Эбберт, первое — с севера, второе — с юга, оба превосходят в размерах почти вдвое. С усилением Мунтвига Пекланд сразу же попал под его влияние, а если говорить проще, то Мунтвиг просто аннексировал это небольшое королевство, низведя местного короля до подчиненного лорда, хотя и оставил за ним титул и дворец.

Ринненкампф Твердозубый, вспомнил я, а его дядя — герцог Стефан Строуд. Еще я видел наследника трона, который не назвался, если он наследник... Можно, конечно, пообещать им независимость, так как он переметнулся от Мунтвига ко мне, но это чревато, так как никакой независимости не дам, а обманутые сражаются с еще большей яростью, ведь за справедливость и против зла...

Зато королевство Эбберт сохранило подобие самостоятельности, но лишь потому, что король Харбиндер беспрекословно выполняет все требования Мунтвига, а тот здраво рассудил, что нет смысла менять на «своего», который долго будет входить в курс дела, налаживать отношения с местными лордами, гордыми и заносчивыми до предела, а потом еще и возжелает основать свою династию.

Я видел с большой высоты, как то и дело поднимается облако пыли, указывая на приближение нового войска. Все три королевства в самом деле населены очень густо, отряды выезжают из каждого города и даже большого села, сливаются в большое войско. И только одно утешение, что каждый лорд ведет своих под отдельным знаменем, в сражение вступает по своей воле, а не по чьим-то приказам. Так можно воевать, если и с другой стороны войско набрано из таких же отдельных дружин, но теперь я использую преимущество регулярной армии в полную силу.

Пеших у противника почти нет, но, кроме конных, половина этого войска устроилась в повозках и на телегах. Все выглядит сплошным исполинским обозом, где каждый лорд, даже самый мелкий, обязательно окружен огромным количеством слуг и челяди, что везут не только запасы еды и вина, но и дорогую посуду, чтобы все видели богатства лорда, дескать, он и в походе может позволить себе удобства.

Кроме того, все эти мелкие хозяева везут с собой массу оружия в виде старых мечей, копий, панцирей, булав и палиц, что, вообще-то, неплохо, когда сражаешься с такими, но они не знают, что навстречу движется ускоренным маршем моя армия вышколенных бойцов, скованных военными правилами, уставом, выучкой, умеющей вести бой по-новому.

Вернулся я привычно на арбогастре и с Бобиком, что успел задавить оленя и двух гусей, это он особенно обожает, соскочил на землю и пошел к себе, разминая ноги и делая вид, что все время находился в седле.

Пока рассматривал карту и наносил черточками новые отряды противника, в сениях слышался говор, Зигфрид что-то выпрашивает, наконец распахнулась дверь, и вошел Норберт, как всегда ровный, сдержанный и с непроницаемым лицом.

Я всмотрелся в него, уже знаю, как он выглядит, когда есть новости, поинтересовался настороженно:

— Что, я не заметил, как Мунтвиг выслал наперерез большую армию?

Он покачал головой.

— Нет, ваше высочество, армии пока вблизи нет.

— А что есть?

Он произнес крайне вежливо:

— Прибыла к вашему высочеству, можно сказать, целая делегация. От Мунтвига.

Я охнул, сердце застучало чаще, даже кровь бросилась в лицо. Норберт ждет с неподвижным лицом, я сказал быстро:

— Пойдем встретим. Что-то в лесу издохло.

Он потянул носом.

— Запаха пока не слышно...

На улице уже собираются военачальники, а я, когда вышел на свежий воздух, сразу увидел приближающуюся к лагерю группу всадников из пяти пышно и вызывающе богато одетых рыцарей. Справа и слева, как почетный эскорт, красиво и хищно идет дюжина конников Норберта, легких и опасных, как степные коршуны.

Я остановился; всадники придержали коней на том расстоянии, которое не кажется чрезмерно опасным. Один спешил и, передав повод одному из своих, снял шлем и оставил в руках ближайшего рыцаря.

Я рассмотрел лицо крупного мужчины, не просто крупного, а огромного и широкого в плечах, с толстыми руками. Лицо тоже крупное и широкое, чем-то напоминало морду могучего льва — олицетворение важности, величия и силы.

Он пошел ко мне ровным шагом благородного человека, который не унижится даже перед Богом.

За моей спиной военачальники тоже смотрят гордо и с достоинством, выпячивают на всеобщее обозрение рукояти мечей с драгоценными камнями в рукоятях, а про доспехи и говорить нечего — у всех вестготские, в этой части материка вообще диво дивное.

Мужчина, что ко мне приближается, принадлежит явно к знати: от него веет надменностью аристократа, у которого вереница предков, и все верно служили отечеству, беззаветно проливая за него кровь и отдавая жизни.

И сам он выглядит прошедшим огонь и воду, лицо сдержанно усталое, бледное, несмотря на сильный загар, явно дорога была нелегкой, под глазами темные мешки.

— Граф Адриан Стивенфельд, — назвался он. — С личным посланием от Его Величества императора Мунтвига.

— Ричард Длинные Руки, — назвался я. — Слушаю вас, граф.

— Простите, ваше высочество, — произнес он учтиво, — но слушать нечего. Я совершенно не знаю, что в послании. Мне только поручено доставить и передать лично вам.

— Лично я здесь, — ответил я так же учтиво. — Вот и моя собачка подтвердит, что это я.

Он чуть улыбнулся.

— Да, люди могут соврать, но не собаки.

Поклонившись, он вытащил из складок плаща небольшой пакет, протянул в мою сторону. Я повел бро-

вью, Альбрехт взял, взвесил на ладони и подошел ко мне.

Граф Стивенфельд еще раз поклонился и, развернувшись, двинулся обратно.

Удивленный, я вскрикнул, нарушая торжественность встречи:

— Граф, а мой ответ?

Он обернулся, покачал головой.

— Ответа не требуется.

Ему подвели коня, он быстро поднялся в седло, и весь отряд, ввиду выполненной миссии, понесся обратно нестройным галопом. Вдогонку ринулись с лаем несколько мелких собачонок из деревни.

Я повернул голову к Альбрехту.

— Давайте, дорогой граф, читайте громко и с выражением...

Он сказал почтительно:

— Ваше высочество, оно адресовано лично вам. Может быть, прочтете у себя в шатре? Без свидетелей?

Судя по лицам военачальников, они считают это естественным, однако я возвысил голос, подпустив в него нотки благородного негодования:

— Это письма от женщин нужно читать наедине, но не от противника! Разве я один воюю? Если письмо от Мунтвига, то вы все должны его читать одновременно со мной!

Их лица светлели, а в глазах зажигались солнца, что же с нами делают умело подобранные слова, а я, какая умелая сволочь, что ухитряюсь их подбирать и расставлять так, что вот они, все мои, бери их голыми руками, посылай куда угодно.

Альбрехт нахмурился, но послушно протянул письмо. Я сломал сургучные печати; это оказался сложенный вчетверо лист пергамента, более удобный формат для пересылок, чем письма, свернутые в трубочку.

Сверху две трети текста занимает титул Мунтвига с перечнем всех его земель и званий, это как обычно, но я напомнил себе, что этим надо заняться отдельно, мы же до сих пор не знаем, чем он владеет, а это значит, не представляем всех его сил, власти и влияния, и хотя вроде бы я видел все его армии, но не могу с уверенностью сказать, сколько армий он в состоянии еще собрать.

Я читал вслух и чувствовал, что голос мой теряет уверенность и начинает звучать, как у козы на базаре.

Мунтвиг, рассыпаясь в любезностях, но не роняя своего достоинства, крайне вежливо заверяет, что принцесса Аскланделла уже и по праву принадлежит принцу Ричарду, так как очарована именно им.

Закончив, я взглянул на лица военачальников, по большей части недоумевающие, у кое-кого довольные, но у двух заметил тщательно скрываемые ухмылки.

— Все в дом, — сказал я люто. — Надо дать ответ запорожцев этому... да, этому, так сказать, императору!

Они всей толпой, грохоча подкованными сапогами, поднялись на крыльцо и вломились за мной в большую комнату.

Альбрехт поинтересовался:

— А как дать ответ? Они уже уехали.

Я зыркнул на Норберта, тот понял, ответил с легким полупоклоном:

— У них тяжелая рыцарская конница. Шли на рысях, мои люди сообщают, сейчас остановились на отдых в полумиле. Если ответ сумеет составить за ночь, то утром можно вручить им до того, как отправятся в обратный путь.

Лица военачальников снова просветлели; Альбрехт пробормотал:

— Как я догадываюсь, вы уже приставили к ним лазутчиков, чтобы проследить их обратный путь?

Норберт кивнул, но пояснил:

— Они могут поехать прямо в армию, а к императору отправить одного из гонцов с письмом.

— И не угадать какого?

— Точно.

— Но вы постараетесь, — сказал Альбрехт. — Вы будете не вы, если не попытаетесь проследить все нити.

Норберт произнес сухо:

— Граф, вы говорите что-то не то.

— Тихо, — сказал я в раздражении. — Тут нужно искать, где в письме прицепиться, а не гавкаться...

Норберт поклонился, зыркнул на Альбрехта и отступил к двери.

— Ваше высочество, я лучше пойду к лошадям.

Он торопливо вышел; Альбрехт раздраженно дернул щекой, что-то у него какая-то однобокая репутация получается, остальные смотрят на меня в ожидании и помалкивают, только Макс потихонечку прокрался за чужими спинами к двери.

Я снова прочел письмо, уже медленнее, вчитываясь в слова, в раздражении pokrutil головой.

— На такой дешевый трюк не попадусь! Ишь, очарована...

Альбрехт сказал тихонько:

— А вдруг?

— Приятно, конечно, — огрызнулся я, — но я сам могу наговорить таких слов целый мешок, а то и два. Напишите, что принцесса очарована императором Мунтвигом, только о нем и говорит...

— Щебечет, — подсказал герцог Мидль.

— Щебечет, — согласился я, — и чирикает. И так вся расцветает, как только услышит «проклятый Мунтвиг»... э-э-э, «проклятый» вычеркните! Мунтвиг — достаточно, как много в нем слилось, как много... отозвалось, что ли? А мы недостойны такого счастья!..

— Какого? — спросил Сулливан с недоумением.

— Принцессы! — сказал я с раздражением. — Она как бы наше великое щасте!..

Палант сказал в раздумье:

— Если она щасте, да еще великое... так, может, оставить себе?

На него замахнулся Клемент; Палант пригнулся в ужасе от его тяжелой длани и потихоньку отбежал за ту сторону стола.

— Наша задача, — сказал я твердо, — перепихнуть ее к Мунтвигу окончательно и бесповоротно!.. Пусть он купается в этом счастье, а мы как-то уж обойдемся по природной и обретенной во время захвата чужих земель скромности.

— Когда уже не лезет, — пробормотал Альбрехт, — и дырки на поясе вертеть негде, становимся такими скромными...

Палант сказал услужливо:

— А если просто отвезти ее к Мунтвигу, постучать в ворота и оставить там, а самим убежать побыстрее?

— Или перебросить через стену крепости и убежать, — сказал Клемент. — Можно с помощью требушета. Только обвязать подушками.

— И вообще армию отвести, — поддержал Сулливан едко, — чтобы нас и не нашли.

Клемент не понял, всерьез такое предлагают или такие невеселые шуточки у лордов, расправил широчайшие плечи и посмотрел свысока и сердито.

— Ну вот еще!.. Тогда уж лучше ни принцу Ричарду, ни Мунтвигу!

— Утопить? — спросил Палант обрадованно. Посмотрел на Клемента и торопливо поправил себя: — Просто придушить?

Альбрехт воззрился на него весьма строго.

— Что у вас за?.. Несерьезно как-то, хотя, признаю, сразу решило бы проблему. Но я имел в виду третий вариант.

Я спросил с недоверием:

— Какой-такой третий?

— Вернуть ее родителям, — сообщил Альбрехт.

Палант вскричал с восторгом:

— Как же мы все не догадались!

Я покачал головой.

— С дуба рухнули? Нас там вообще прибьют.

— А мы ее не лично, — предложил герцог Мидль. — Под охраной и в сопровождении личной гвардии императора Вильгельма, что выедет навстречу!

Клемент склонился над картой, почесал лоб, лицо покраснело от прилива крови, а глаза почти наполовину выдвинулись из пещер.

— А вы представляете, — прорычал он, — где земли этого императора?.. Я, к примеру, нет. Если это за владениями Мунтвига, то, знаете ли, дорогой герцог, сами тащите эту красотку в такую даль!.. Нам воевать надо, а не лядей развозить по домам!

— Это принцесса, — напомнил Мидль строго. — Дочь самого императора. Надо блюсти.

— Очень даже далекого императора, — уточнил Сулливан. — Настолько далекого, что его как бы и нет во все. Потому... ваше высочество может плюнуть на все и оставить эту принцессу себе? Разве я не оставил Хорнегильду?.. Сам не ожидал, что такая жена получится!

Я чуть не подпрыгнул, обернулся и посмотрел на него зверем. Сулливан опасливо отступил.

— Это приведет к международному скандалу, — сказал я сдержанно, — не понимаете?.. Взять себе — это принять определенные обязательства, а кто из нас их берет добровольно?.. Ага, опускаете глазки!..

Палант предположил наивно:

— А если обязательства... выполнять, международный скандал будет?

— А что, — спросил я зло, — их кто-то выполняет?.. Ситуация меняется, политик обязан реагировать живо и вовремя, а не придерживаться каких-то устаревших обязательств, что тянут в темное прошлое! Разве мы не демократы?.. В общем, я сейчас съезжу к ним, уточню кое-какие мелочи.

Альбрехт посмотрел на меня пристально.

— Что?.. Ладно-ладно, молчу, но эскорт вышлю туда сейчас же. А вы просто догоните.

Я признал сквозь зубы:

— Хорошее решение.

Глава 3

Мунтвиговцы остановились, как и сообщил Палант, в полумиле от нас. Две сотни рыцарей расседлали коней и ужинают у костров. Наш отряд заметили издали, но не встревожились, в моем эскорте всего двенадцать человек, все без копий.

Я догнал своих и, пройдя посредине, возглавил, причем веселый Бобик на этот раз держится впереди, заставив рыцарей побледнеть и замереть в неподвижности, а кони тут же начали рваться на привязи.

От костра поднялся крупный мужчина, даже огромный. Сейчас, без парадного кафтана на плечах, граф Стивенфельд смотрится даже мощнее и значительнее, чем когда был в золотой парче.

Сделав пару шагов вперед, он остановился в ожидании, могучий лев, осознающий свою мощь и величие.

Я хотел было сойти с коня, вежливый, блин, но вовремя вспомнил, что я, его высочество, то есть принц, по рангу даже с герцогами могу говорить с седла, а с гра-

фами, которых, как воробьев возле амбаров с зерном, так и вовсе через губу.

— Граф, — сказал я с неудовольствием, — вы так поспешно отбыли, а я, увы, не успел спросить у вас кое-что...

Он спросил с иронией:

— О расположении наших войск?

Я ответил учтиво:

— Что вы, граф, зачем? Они у нас на карте, как на ладони! Такие мелочи учтивых и благородных людей, как мы, разве беспокоят?.. Война — пустяки, главное — честь рода!..

— Тогда что?

— Я не совсем понял содержимое письма, — ответил я. — Вообще-то понял, но кое-где недопонял, а что-то и вовсе перенедопонял, что лучше, чем недоперепонял, но все-таки такое чревато для прямого и честного мышления военного человека, какими являемся мы, без сомнения, как пример всему остальному человечеству.

Он смотрел на меня исподлобья и в чем-то свысока, хоть он стоит, а я на лошади, явно старается понять изгибы мышления человека с развращенного и перепорченного Юга.

— Мне казалось, — произнес он медленно, — Его Императорское Величество всегда выражается предельно ясно. Как и надлежит военному человеку, это вы заметили исключительно верно.

— Нет, — ответил я. — Он только написал, что эта женщина принадлежит мне. Погодите, щас покажу...

Он вздрогнул и напрягся, когда я вытащил из кармана смятый листок, выставил перед собой ладони.

— Нет-нет, у нас на Севере личные письма не читают!

— У нас тоже, — заверил я, — но это так интересно, что в отдельных случаях читают да еще публикуют!.. Вот

смотрите: «...сэр Ричард, эта женщина по праву принадлежит вам». По какому праву? У меня нет и не будет никаких таких прав! Я благородно отказываюсь от любых прав на принцессу Аскланделлу в пользу Его Императорского Величества государя Мунтвига!

Он чуть поморщился от моего страстного напора, но с удовлетворением кивнул, когда я помянул имя его повелителя с присовокуплением императорского титула, видимо, пока еще спорного.

— Простите, ваше высочество, я могу только высказать предположение...

Я сказал свирепо:

— Давайте!

— Его Императорское Величество, — сказал он осторожно, — имеет в виду, возможно, что принцесса Аскланделла слишком много рассказывала о вас... в несколько хвалебном тоне.

— Понимаю, — сказал я с досадой, — ни один мужчина не терпит, когда его женщина хвалит в его присутствии другого мужчину. Возможно, она это делала из женского кокетства, чтобы возбудить в императоре... интерес... или что-то еще, кто знает их женское мышление?

— Возможно, — согласился он, — мышление своего коня я всегда понимаю, а вот мышление жены... с которой живу двадцать лет, до сих пор загадка!

Я сказал уже деловым тоном:

— Полагаю, это было только недоразумение, а вовсе не повод перебросить ее мне!

Он ответил напыщенно:

— Не мне судить поступки и великие замыслы Его Императорского Величества. Однако, как мне кажется, он поступил как раз до предела по-рыцарски. Если его

женщина выказывает вам больше благосклонности, чем ему, то предельно честно не удерживать ее, а с болью в разбитом сердце и со всеми почестями передать тому, о ком отзывается столь лестно. Пусть сердце соперника затрепещет от счастья и радости. Не думаю, что вы поймете всю рыцарственность его поступка, ведь вы все там торгошаи и на стороне Тьмы, а нас ведут по жизни честь и благородство...

— Да как-то читал, — прервал я, — представление имею. Но принцесса Аскланделла...

Он поклонился и отступил.

— Простите, ваше высочество, моя миссия на этом заканчивается. Прощайте! Рыцари нашей армии еще больше будут чтить нашего императора за его благородство и самопожертвование собственными интересами, возвышенной любовью и неистовой страстью лорда и рыцаря. Честь дороже! Но вам этого не понять...

— Да-да, — сказал я с угрюмой безнадежностью, — конечно. Куда уж нам. Всего доброго, граф.

— Всего доброго, ваше высочество!

Я повернул коня к ожидавшей в молчании и неподвижности группе моих рыцарей. Бобик увидел, что уходим, и перестал приставать к замершим в ужасе рыцарям противника с предложениями побросать ему бревнышко.

На обратном пути мысли об этом тягостном деле с непонятно как возникшей ношей, что по всем законам должна принадлежать Мунтвигу, скользнули к его попытке расширить свои владения.

Кроме стандартной жажды захватить больше, что время от времени посещает всех правителей, у Мунтвига может быть и еще одна цель, добавочная, но еще более важная.

Одно дело — уйти в пещеры под Сакрантом, а это королевство может быть уничтожено Багровой Звездой

целиком, другое — в десятке земель. Каждый завоеватель мечтает, чтобы его детище пережило не только его самого, но и все трудности в будущем.

У моего дома, что теперь штаб, по улице прохаживаются Альбрехт, Мидль, Сулливан, в сторонке мелькнул яркий плащ Паланта. Все, завидев меня, в нетерпении бросились навстречу, но тут же остановились, увидев выражение моего лица.

Альбрехт сказал с подъемом:

— Как видите, сэру Ричарду далеко не все удастся, так что нужно надеяться на свои силы! А то, ишь, разговорчики пошли, вот придет и спасет...

Я соскочил на землю; Альбрехт смотрит с сочувствием, остальные разглядывают меня молча издали.

— Правильную, — буркнул я, — воспитательную работу ведете, граф!.. В нужном направлении и с положительным вектором.

Зайчика увели бегом, Мидль спросил сочувствующе:

— Не получилось? Ничего, это только первая попытка.

— Ко второй — я поседею, — огрызнулся я. — А к третьей — откину хвост и вытяну копыта.

— Напрасно, — сказал Сулливан бодрым голосом, — мы, вообще-то, рассчитывали на дюжину попыток. А то и две. Это же так здорово, когда смотришь со стороны!

Альбрехт сказал со сладкой улыбкой:

— Я тоже люблю цирк.

Я злобно огляделся по сторонам.

— А где это необыкновенное сокровище, которое мы с Мунтвигом перепихиваем друг другу?

Альбрехт пихнул Сулливана в бок локтем.

— Это он с таким почтением о нашей несравненной Аскланделле!

Я рыкнул:

— За одно слово «нашей», граф, я велю с вас содрать кожу!

Сулливан осведомился почтительно:

— Где ее императорское высочество принцесса?.. Они изволили в сопровождении принца Сандорина и группы молодых лордов отбыть на соколиную охоту.

Я прошипел:

— Почему, когда приезжают от Мунтвига, она всегда оказывается где-то далеко?

Альбрехт пробормотал с загадочным видом:

— У меня есть предположения...

— За такие предположения я с вас шкуру сдеру, — пообещал я.

— Ваше высочество, — сказал Мидль сочувствующе, — вам все равно не удалось бы ее сбавить вот так просто. Это же принцесса!.. Нужны соответствующие приготовления, ритуалы, переговоры... Мы вторглись уже в Пекланд, ваше высочество, помните?

Я ответил сквозь стиснутые челюсти:

— Помню. Созовите военачальников, нужно уточнить детали. Мы должны действовать очень быстро.

Клемент напомнил с гордостью:

— Быстрее нас не двигалась еще ни одна армия!

Глава 4

В обозе стучат молоты, полевые кузницы работают на остановках без отдыха, так же шорники заменяют истрепанную кожу, сотники и десятники снуют между повозками непрерывно, поторапливая, проверяя, как выполняются их заказы и поручения.

Выступление армии запланировано на завтра; я ночью поднимался в звездное небо и придирчиво просма-

тривал все внизу, стараясь не пропустить ни одного значительного скопления войск.

А утром сам Норберт ворвался во двор на горячем коне, бросил поводья слугам и быстрыми шагами вбежал в комнату.

— Ваше высочество!

— Барон, — ответил я, — что-то случилось?

— С лагерем все в порядке, — успокоил он, — у меня несколько странная новость...

— Ну-ну?

— В поместье графа Унтемара, — сказал он вполголоса, — что сравнительно недалеко, мои люди обнаружили настоящий храм Сатаны. Замаскированный, правда, но огромный и богатый. Не одно поколение им пользуется, я бы сказал!

Я буркнул:

— Не думаю, что сам Сатана ведает, что вытворяют от его имени и чего добиваются. Хотя если смотреть в корень, то и сам Господь вряд ли позволил бы Церкви говорить от своего имени, как она делает...

— Ваше высочество?

Я пояснил:

— Так что все путем, все на одно лицо, всем придется отвечать перед Иисусом на Страшном Суде.

Он переспросил:

— А как поступим мы?

— Интеллигенция, — сказал я с тоской, — дай им что-нить особенное: фигу в кармане показать королю или поклоняться Сатане, чтобы показать себя свободными и не страшась гнева Господнего... Даже и не знаю, это вроде бы не наше королевство. Вообще-то мы должны бы сообщить местным властям, а те примут меры...

Он спросил остро:

— А если и власти туда ходят?

— В том-то и дело, — согласился я. — Эти черномес-
сианцы могут не страшиться Всевышнего, он в самом
деле добр и милостив даже к тем, кто плюет на ученье,
но я — не Господь...

— Да, ваше высочество... Ой, я не это хотел сказать!
Что передать сэру Випперу? Это он сейчас окружил там
все.

— Передай, — велел я, — что для демократического
государства, основанного на базовых либеральных цен-
ностях требуются каменщики, плотники, но не это гни-
лье. Сжечь!..

Он вскрикнул обрадованно:

— Будет сделано!

— И пусть отправит донесение отцу Дитриху, — рас-
порядился я. — Количество жертв можно слегка... чуть-
чуть завесить. Так это раза в три-четыре. Можно в пять-
шесть.

Он кивнул с довольным видом, поклонился и бы-
стрыми шагами вышел из шатра. Через мгновение до-
неся стремительно удаляющийся стук копыт.

Все любят жечь, подумал я мрачно. Особенно людей,
что-то в нас есть эдакое, конкурентное, что ли... Живот-
ные одного вида только рычат друг на друга, а мы все
выискиваем новые методы, как истреблять друг друга.

Хотя, с другой стороны... может быть, только потому
люди и продвигаются так стремительно в развитии?
Погибают не только самые прямолинейные люди, но
и негибкие системы, громоздкие системы управления,
неверные устройства общества...

Через полчаса Норберт вернулся и указал на подни-
мающийся недалеко за лесом столб черного дыма.

— Все исполнено, ваше высочество.

— А люди?

Он отмахнулся.

— Побросали в огонь. Не стоит специально разводить костер, когда этот зря пропадает.

— Разумно, — согласился я.

— Выступаю сейчас, — сказал он, — с вашего позволения, конечно. Здесь земля очень плодородная, городов много, а уж сел и деревень так и вовсе видимо-невидимо. Приходится на все оглядываться.

— С богом, — сказал я. — Но только не ввязывайтесь в бои, как все чаще делаете! Для этого есть тяжелые войска.

Он кивнул.

— Да, конечно. Это бывает редко, только чтобы не дать врагу уйти. Не стоит, чтобы о нас разносили сведения. Ваше высочество?

— Барон, — ответил я.

Он поклонился и унесся на своем легконогом жеребце, сильном и выносливом, что может мчаться галопом полные сутки, потом отдохнуть час, напиться, и снова можно в галоп...

Утром после двухчасового марша увидели высокую пологую гору, на вершине которой старинный замок, а у подножия большой город Зарликс. Из распахнутых ворот толпами выходят и выезжают на телегах крестьяне, все с женами, детьми и нажитым добром направляются в сторону темного и густого леса, куда вряд ли сунутся злые захватчики с Юга.

Большинство дорог забиты богатыми повозками. Зажиточные люди торопятся убраться подальше с пути грозной армии южан, но простолюдины бесстыдно тарашат глаза, удивляясь стройным рядам наглецов, посмеявших в ответ на справедливые и законные притязания их императора править миром, самим явиться в его земли.

Альбрехт пустил коня рядом, я покосился на его невозмутимое лицо, слишком невозмутимое, даже подчеркнуто нейтральное.

— Ну, граф, что вам не так снова?

— Ох, ваше высочество, — ответил он крайне почтительно, — все так...

— Тогда что?

— Да так, пустяки, недостойные вашего высокого внимания.

— Великий человек, — произнес я напыщенно, — велик во всем. Даже когда чешется. Или чешет. Знали бы вы, какой только хреню моей личности не приходилось заниматься!

Он покосился на мое гордое лицо.

— Да уж, не знаю... к счастью. Только не понял... приходилось или не приходилось?

— Я политик, — отрезал я, — мое искусство — говорить так, чтобы в любом случае можно было воскликнуть: я ж говорил, я ж предупреждал!..

Он подумал, кивнул.

— Да уж, успехи ваши в этом деле поразительны. А каким вы были совсем недавно...

— Каким?

— Паладином, — напомнил он, — что жег все гнезда порока и намеревался очистить мир от зла и чудовищ!.. А теперь наш доблестный Растер командует войском троллей, прямо в нашем войске идут колдуны и маги, у Клемента в качества пажа эльфийка, а у Зигфрида...

Я прервал:

— И это знаете?

— Пока только я, — ответил он скромно. — Что делать, вот такой я наблюдательный.

— И никому больше, — предупредил я. — Я работаю над этим.

— Можно поинтересоваться?

Я ответил зло:

— Можно.

— Тогда...

— Это поинтересоваться можно, — уточнил я, — но не значит, что вот так все и выложу. Граф, это вовсе не потому, что не доверяю вам, своему старому другу, хоть и не старому, но как бы другу. Просто сам еще не сообразил, как поступить...

— А в чем сложность?

— Да как поступить, — сказал я неуклюже, — уже знаю, не придумал только, как с наименьшими жертвами. Ну, чтоб и рыбку съесть, и невинность соблюсти. Ну ладно, невинностью готов пожертвовать, я же ради торжества демократии...

Он приподнял бровь.

— Разве стоит так уж долго перебирать варианты? Вы же сами что-то рекли насчет статистики.

— Знаете, — сказал я, — будь этих троллей, эльфов и прочего... единицы, я б поступил... по-государственному. В смысле, лес рубят — эльфы летят. Но троллей оказалось весьма... многовато, как и всяких прочих эльфов. Колдуны тоже, увы, не все злобные выродки, как было бы удобнее. В этом случае не по-хозяйски будет истребить всех и вся, а не использовать во имя.

Он посмотрел на меня остро, как орел из-под небес на растерянную мышь.

— Во чье имя, уже догадываюсь, ваше высочество. Но это говорит в вас не жалкое милосердие, недостойное воина?

Я буркнул:

— Нет, не милосердие.

— Точно?

— Точно, — отрезал я зло. — Я еще достаточно молод и глуп, чтобы о такой хрени не думать. Молодость вся немилосердна! С головы и до, как бы, ног. Просто, мне

кажется, милосердие как-то незаметно и довольно хитро вмонтировано в государственную систему правильного правления. И не выковырять.

— А хотелось бы?

— Еще как, — признался я. — Милосердие... даже в самом слове что-то дряхлое, старческое, противное.

Он произнес несколько странным голосом:

— Ого...

— Мы все, — сказал я, — после великих потрясений, выбрались из-под обломков и все еще бродим в темноте, натываясь друг на друга и хватаясь за оружие. Думаю, всем нужно выйти на свет, увидеть друг друга такими, какие мы есть, и решить, как нам идти дальше вместе.

Он промолчал, но лицо становилось все тревожнее. Некоторое время ехали стремя в стремя, наконец он спросил негромко:

— Все мы... это кого имеете в виду?

— Вы поняли, — огрызнулся я, — кого имею!.. И даже в виду. Всех этих зеленомордых, остроухих, даже копытных... если такие еще есть. Разумеется, под эгидой человека! Я до истинного равноправия еще не дорос, пока что сперва буду измерять размер и вес головного мозга, но это все-таки лучше, чем доставшиеся от предков титулы. Прогресс нужно прогрессировать неспешно, а то начнутся всякие волнения в среде консервативно настроенных феодалов. Но прогрессировать нужно, а то вдруг соседи обгонят по качеству оральных свобод?

Он слушал внимательно, у меня создавалось иногда впечатление, что все понимает, хотя, думаю, у него понимание проходит на бессознательном уровне, бывает такое, все понял, хотя и не понял, что понял, но поддерживает тебя отныне сознательно, потому что согласился с твоими доводами.

— Кстати, — проговорил он, — что насчет черных месс? Если встретим еще такие храмы?

— Истреблять, — отрезал я. — Без рассмотрений и апелляций.

— Троллей жалеть, — переспросил он, — а черномесс-сианцев истреблять подряд?

— Да, — сказал я жестко, — и нечего уточнять как бы, я все опонятил! Тролли — это невежественные и неграмотные братья наши меньшие. Мы тоже тролли большую часть жизни, но не показываем вида. Они еще не знают, когда творят зло, когда добро, а черномесс-ианцы — это люди, давно вышедшие на свет, вкусившие его, но... отвергшие! Они снова стремятся во тьму и тянут туда других. Потому их всех под нож, как заразный скот!

Он пробормотал мрачно:

— Хлебнете вы с таким прочтением Библии горя.

— Хлебну, — согласился я. — А вы что предлагаете?

Он вздохнул, покачал головой. Я видел, как нервно покусывает губы, в глазах злой блеск, наконец сказал со вздохом:

— Сэр Ричард... лучше бы вы ограничились простым завоеванием.

— Лучше или легче?

— Я бы сказал, что все легкое... оно же и лучшее, но вы, конечно, не согласитесь?

— А вы? — спросил я его в лоб.

Он криво усмехнулся.

— Пытаюсь себя в этом убедить, да что-то мешает. Наверное, ваше дурное влияние.

— Вы меня переоцениваете, — пробормотал я.

— Или недооцениваете себя.

За спиной знакомо простучали копыта, Зигфрид догнал и поехал рядом, сердитый и насупленный, уже готовый спорить и возражать.

— Ваше высочество, — сказал он с напором, — Норберт сообщил, что впереди крупный отряд противника. Он уже сообщил герцогу Клементу! Это значит, вам нужно... э-э... остановиться.

Я спросил мирно:

— А просто свернуть? Я могу и объехать?

Он даже чуть растерялся; я, по идее, должен был спорить и порываться в бой, засопел, сказал с сомнением:

— А если и там отряд?

— Тогда остановлюсь, — пообещал я. — А то и вернусь вовсе. Кроме того, ты же со мной, мой щит! Разве с тобой мне что-то грозит?

Альбрехт скалил зубы, наблюдая, как Зигфрид расправил плечи и, как петух, раздул грудь, готовый гордо заявить, что с ним ничего не страшно, он всех спасет, однако мой друг и телохранитель вздохнул и сказал поникшим голосом:

— Увы, не всегда получится отбиться. Потому лучше не соваться. Не ваше это теперь дело, ваше высочество! Вы теперь только пальчиком указывайте. А мы за вас повоюем, пограбим, понасилуем, поедим, напьемся, песни споем, даже станцуем... а вам на троне танцевать не к лицу! Упасть можно. Да и низзя ронять достоинство лорда.

Альбрехт веселился; Зигфрид сумел и настоять на своем, и вывернуться, молодец, сказал мне уже серьезнее:

— Ваш Зигфрид прав, вернее, прав Норберт. Но и Зигфрид тоже. Здесь и должно кишеть отрядами, раз такая плотность населения...

— И кишат, — подтвердил Зигфрид.

— Мне тоже, — продолжил Альбрехт, — постоянно докладывают, что впереди деревни и села на каждом шагу! Удивительно щедро населенные земли.

— Прекрасно, — ответил я с бесстрастностью в голосе. — Надоело ночевать в шатрах.

Он ответил холодно:

— Можно просто у костра.

Я улыбнулся.

— Дорогой Альбрехт, меня этим не испугаете. Будто не ночевал!.. Но в селе удастся поговорить с местными.

— Это важно?

— Очень, — сказал я серьезно. — Разговор с каким-нибудь сиволапым дает больше для понимания местных обычаев и настроений населения, чем угодливые рассказы знати.

Зигфрид кашлянул, посмотрел на меня очень выразительно.

— Что? — спросил я.

— Вы забыли упомянуть, — сказал он, — куда мы приближаемся еще...

Я кивнул.

— Верно. Кроме того, мы приближаемся к местам, где расположены мои, так сказать, родовые земли...

— Родовые? — спросил Альбрехт с сомнением.

— Ну, — протянул я, — не совсем, но как бы так, в общем это близко. По смыслу. Замок Амальфи я приобрел... с позволения церкви, это было мое первое задание от великого инквизитора отца Дитриха. Приобрел весьма символично... в общем, прежний хозяин продал душу дьяволу, так было сказано в моем задании, я его старался вразумить, как мог, и немножко убил. А замок, естественно, пришлось взять, чтобы не попал в дурные руки.

Зигфрид улыбался, широкая морда стала еще шире, а глаза помасленели, словно уже сидит за одним столом с Гунтером и пьет за торжество справедливости.

Глава 5

Навстречу подул холодный ветер, Зигфрид с неодобрением покосился на мою голую грудь. Тепло уходит быстро, скоро начнет трясти от холода, но я сам недавно узнал, что доспех Нимврода защищает не только от дождя, ветра и оружия, но и согревает, если вот вдруг оказываюсь в холодном месте. Конечно, голым ходить по снегу не стану, незачем раскрывать свои возможности, но пусть мои соратники считают меня крепким и закаленным воином, это плюсики к репутации.

Зайчик постепенно набирал скорость, однако быстрый конь Зигфрида не отстает, там мы вынеслись быстрым галопом далеко за пределы разбившейся на несколько колонн армии, и Зайчик, с моего молчаливого одобрения, все набирает скорость.

За спиной стук копыт, я оглянулся. Ну еще бы у Альберта не был один из самых быстрых коней! Идет настолько ровно, что понятно, можно добавить и еще раз добавить, по лошажьей морде видно, что любит быструю скачку...

Мы втроем шли скоростным аллюром: Бобик впереди, я придерживал Зайчика, не позволяя отрываться слишком уж, это будет обидно и оскорбительно.

Я не очень рачительный хозяин, мелькнула мысль, а если точнее — вконец хреновый. В Шателлене у меня приличный кусок земли с богатейшими рудниками Херфста, есть в Армландии замки с деревнями и плодородными землями, в Тарасконе — огромный кусок берега с прекраснейшей бухтой, а в Амальфи, к которому приближаемся — три замка с богатыми владениями.

Не скажу, что не получаю от них дохода, все платят, хоть и не знаю, сколько отщипывают от доходов зажавшегося господина, но у меня аппетиты еще те — я уже привык считать своей всю Армландию, а затем Сен-

Мари, так что и сейчас, когда далеко впереди поднялся ряд великанских ив, что на берегу той самой реки, за которой начнутся мои владения, как сеньора де Амальфи, я посмотрел с нежностью, но без особого трепета.

Бобик уже на берегу, оглядывается в нетерпении, я придержал арбогастра. Сзади простучали копыта, рядом остановились на храпящих конях Альбрехт и Зигфрид.

Альбрехт спросил с подчеркнутым уважением:

— Ваше высочество, это тоже ваше?

Я проследил за его взглядом: там за вершинами векового леса мощно вздымаются высокие стены могучего монастыря.

— Я что, — осведомился я, — похож на аббата?

Он посмотрел на меня внимательно.

— Ваше высочество... вы бываете иногда похожи на все на свете.

— Ну спасибо...

Он пробормотал:

— Да это не совсем комплимент... Переправимся?

— А ваши кони не утонут?

Он вытянул руку.

— Вон там мелководье и хороший брод.

— Рискните, — разрешил я.

Бобик подпрыгнул на всех четырех и с таким ликующим визгом ринулся в реку, что даже Зигфрид сообразил и не ошибся: когда они с Альбрехтом перебрались по броду на ту сторону, Бобик уже совал ему в руки огромного сома фунтов тридцать весом.

Альбрехт злорадно ухмылялся, Зигфрид все никак не удержит тяжелую скользкую рыбину, а Бобик уже ринулся ловить новую.

Мы выбрались на берег; кони несут красивым галопом, на повороте эффектно забрасывая в сторону ноги. Лес начал величаво разворачиваться, монастырь вы-

двигается из-за него огромный и невозмутимый, словно ледник, сгребаяющий на своем пути холмы и даже горы.

— Красотища, — сказал Альбрехт. — И выглядит новеньким.

— Он и есть новенький, — буркнул я. — Не видно?

Он покосился на мое недовольное лицо.

— Это здесь... тот гад? Который, ну... тот самый?

— Должен быть здесь.

Монастырь начал приближаться; Альбрехт всмотрелся внимательнее, пробормотал:

— Северная часть... это, скорее, замок, чем монастырь.

— Так и есть, — ответил я.

Он повернул голову ко мне, в глазах недоумение.

— Что за строительный выверт?

— Необходимость, — ответил я. — Пришлось пожаловать местному попу в собственность замок Верден.

Он охнул.

— Священнику? Целый рыцарский замок?

— Надо было, — сказал я хмуро. — Спасал хорошего человека. Но, вообще-то, как потом понял, это неплохое вложение... на будущее. Этот гад, Ульфиллой его зовут, не пропьет и не прогуляет. Вообще ничего для себя, а все для народа, сволочь такая искренняя... Еще моей крови попьет! Но и я уже не та овечка.

Альбрехт покосился на меня и зябко повел плечами.

— Да, ваше высочество, — согласился он поспешно, — вы как бы вообще не совсем овечка! А если и овечка, то представляю, как от такой побегут волки и медведи.

— Самому бы хотелось, — признался я, — а то как подумаю порой... чего это от меня бегут?.. Я же добрый и красивый.

Мрачный замок не выглядит таким уж большим, стены низкие и сам приземистый, но в те времена он ка-

зался мне достаточно грозным. Сейчас стены монастыря идут вровень, а замок замечен только воинственно торчащими башнями и стеной с обязательными для военного сословия зубцами.

Вообще-то, я уже тогда поступал мудро, что удивительно: замок Волка, захваченный так умело, пришлось бы отстаивать в долгой войне с его многочисленной родней, а так умело спихнул на Ульфилла, сделав вид, что прямо от сердца отрываю такой лакомый кусок, а сам Ульфилла мне по гроб жизни обязан.

И хотя Ульфилла вряд ли такое признает, но все же замок, как и этот монастырь... это от меня, в глубине души не может не помнить. Даже не буду интересоваться, как и куда он сплавил жену и прочую родню Волка.

Мы приблизились к воротам, что подошли бы и замку могущественного лорда; Зигфрид, не слезая с коня, наклонился и, ухватив массивное медное кольцо, с силой постучал им по такой же медной пластине, врезанной в толстые ворота.

Долго никто не появлялся, Альбрехт начал хмуриться и недовольно побряхтывать, а Зигфрид вытащил из сумки рог и протрубил с такой мощью, что даже на дальних деревьях с отчаянными криками взлетела стая ворон и тут же улетела, даже не сделав привычного круга.

Ворота не дрогнули, но в калитке довольно быстро открылось окошко. Лицо монаха смиренное, но голос прозвучал с угрозой:

— Кто такие? Чего надо?

Альбрехт кивком указал на меня.

— Те, — произнес он обрекающим голосом, — кто изволил подарить этот замок и деньги на строительство монастыря. В нашей воле было возвести... в нашей и сровнять здесь все с землей.

Дверь затряслась, тут же распахнулась, монах выскочил с ополоумевшими глазами, низко поклонился.

— Шас, шас, уже раскрываем ворота!

Мы ждали с надменными мордами, ворота распахнулись в самом деле стремительно, словно бумажные под напором ветра.

Двое монахов тут же выбежали и ухватили коней под уздцы. Слезать мы не торопились, а они бегом отвели нас через вымощенный камнем двор.

Отец Ульфилла вышел навстречу, я даже задержал дыхание, всматриваясь в его изменившееся лицо. В первый раз я с ним общался, когда он был простым деревенским попиком, но через год-два, когда ему пришлось взвалить на свои плечи огромную ответственность, от его румяной мордочки не осталось и следа: это был сильно исхудавший мужчина с выступающими скулами и торчащими ребрами, а во взгляде горела мрачная решимость отдать все силы борьбе с силами Зла.

В прошлую встречу я ему передал чертежи типографского станка и экземпляр Библии, а еще план строительства монастыря и деньги на оплату рабочих. Монастырь, как вижу, недавно закончили, вокруг все разрыто, еще трава не успела нарасти поверх глины, деревня выглядит не просто зажиточной, а богатой, словно в ней живут не католики, а протестанты.

— Приветствую, — сказал я властно, сразу показывая, что лорд здесь я, — ваше преподобие.

Он смерил меня недружественным взглядом.

— Ваше высочество... чем мы обязаны?

Ого, мелькнула мысль, неистовый Ульфилла почти что научился не начинать сразу с брани и обвинений — уже прогресс.

— Дела, — ответил я, — дела.

Он буркнул:

— Монастырь выстроен. Я отправил вам уже две группы молодых грамотных монахов.

— Знаю, — ответил я. — Но это мелочи, отец Ульфилла. Вы способны дать христианскому миру намного больше! Разве не чувствуете в себе этот огонь? Разве не слышите Глас Небесный, что повелевает вам идти и открывать глаза незрячим, будь это простые люди или сильные мира сего?

Он на миг словно бы стушевался, что меня изумило, Ульфилла всегда неистов и напорист, проговорил хриплым голосом, полным недоверия:

— Вы о чем, ваше высочество?

— О том, — сказал я высокопарно, — что Господь оставил нам этот мир и велел его сделать лучше. И каждому определил ношу... Ваша ноша тяжела, отец Ульфилла! Потому что вы здоровы, как валаамский бык... ну там, внутри.

Он проговорил мрачно:

— Ваше высочество?

— Я хотел бы с вами поговорить подробнее.

Слуги ухватили повод Зайчика, я соскочил на землю, подошвы сразу утонули в жидкой глине.

Ульфилла отступил, давая дорогу. Я двинулся впереди, задрал голову и глядя прямо перед собой, но уши чутко ловят звуки, идет ли этот гад сзади, а то кто его знает, может повернуться и отправиться по своим делам, у церкви, дескать, своя власть, а мирской, которую мы сами называем светской, священники не подчиняются.

Пред самой дверью вперед проскользнул монашек, распахнул ее и, часто кланяясь, показывал, куда идти.

Я шагал по свежевystроенному комплексу зданий, чувствуя за спиной Ульфилла, а в голове вертится мысль, что сама идея Христа, как сына Божьего, кажется дико языческой. Зевс, как мы знаем, трахал всех женщин, какие попадались под руку, от них рождались

Персеи, Гераклы, совершавшие затем подвиги, так вот и христианский бог трахнул деву Марию, только по случаю не дефлорировав, такое иногда бывает, девственная плева просто растягивается, но не рвется, что дало возможность объявить такое зачатие непорочным.

В общем, бог, у которого от земных женщин появляется сын, для меня не бог, а языческий божок, как эллинские, скандинавские, славянские и прочие-прочие боги.

С моим эстетическим вкусом я не могу допустить, что Творец, создавший одним словом вселенную, пойдет совокупляться с земными женщинами, как Зевс или Кетцалькоатль Пернатый Змей, сын Кекакупекакекутля Ушастого Змея.

Ну, это то же самое, что я пошел бы вязаться с червяком. Нет, даже с амебой...

Монах остановился впереди, голова склонена, руки скрещены на груди.

— Ваше высочество...

Он не сказал, что это комната отца Ульфилла, это я понял с первого взгляда, едва толкнул дверь и шагнул через порог. Только голые стены, не считая огромного деревянного креста с фигурой распятого человека, да еще большой стол с бумагами, два экземпляра Библии и большая чернильница из зеленого камня с торчащим оттуда гусиным пером.

Стул только один, потому я по праву лорда сел без всяких церемоний и с подчеркнутым равнодушием смотрел взглядом вошедшего следом Ульфилла.

— Вот что, преподобный... Я вас не люблю так же, как и вы меня. Но давайте на некоторое время оставим взаимную неприязнь.

Он остановился передо мной, сложив руки на животе, лицо полное неприязни.

— Ради чего? Я не предаю Господа!

— Хорошо сказано, — обронил я осторожно. — Не предаете Господа, хотя почти любой священник сказал бы: «Не предаю церковь».

Он фыркнул:

— Разве это не одно и то же?

— Не совсем, — сказал я мягко. — Вон у вас на столе раскрыта Библия, что весьма как бы похвально. Уверяю вас, у меня на столе она всегда открыта...

Он фыркнул, на лице откровенное недоверие.

— С какой целью?

Я сказал с достоинством:

— Вы можете проверить мои слова, начав какую-то строку... я ее тут же продолжу. Не хотите убедиться? Понимаю, понимаю. Мы оба с вами читаем Библию, хотя священники этого уже не делают! Им достаточно того, что узнали на первых уроках в семинарии. Разве не так?

Он поморщился, не хочет соглашаться со мной хоть в чем-то, но по лицу понятно, что да, уже схлестывался в диспутах с другими священниками, убедился в их малограмотности, и было это отвратительно и мерзко.

— И знаете, — спросил я, — почему?

Он сказал презрительно:

— Почему?

— Потому, что им важнее удержать власть церкви, — сказал я, — вместо того чтобы нести слово Божье! Вспомните, вспомните!

Он не стал вспоминать, сужу по его виду, пробурчал раздраженно:

— А что не нравится в церкви вам?

— Искажение Слова Божьего, — сказал я с пафосом. — В Библии есть все ответы!.. Нужно только читать внимательно, а не подменять своими хитрыми рассуждениями. Потому я стараюсь отпечатать как можно больше экземпляров, чтобы в каждом доме была эта святая книга!.. И чтоб каждый человек мог проверить,

правду ли говорят священники! А вы разве не этого хотите?

Он помолчал в затруднении; я уже подумал было, что повернул слишком круто, однако Ульфилла обладает достаточно мощным умом, быстро понял, что я имею в виду.

— Да, — произнес он сумрачно, — если не переписывать, а вот так печатать... ну, это великое дело.

— Я и говорю! То есть глаголю.

Он буркнул:

— В каждый дом не получится, но хотя бы по экземпляру в каждое село...

— Это сейчас, — заверил я, — а придет время, когда сумеем и в каждый дом!

Он нахмурился, посмотрел на меня с недоверием.

— Одного не понимаю...

— Ну-ну?

— Вам это зачем? — спросил он в лоб.

— Отец Ульфилла, — сказал я подчеркнуто неспешно, — я понял наконец-то, почему вы так в прошлые разы ополчились на меня, как на приспешника дьявола!..

Он уставился с подозрением.

— Ну-ну?

— Просто я чуточку раньше вас заметил, — сказал я, — что наша церковь кое-где отошла от тех святых заповедей, которые оставил Христос!.. А сейчас и вы, думаю, перечитывая заново Святое Писание, начали замечать, что церковь некоторые заветы Христа как бы не замечает, а другие трактует по-своему!..

Он засопел, взглянул на меня с ненавистью и недоверием.

— И что?

— Ваша святая обязанность, — сказал я твердо, — вернуть церковь на истинный путь, пока она не зашла

слишком далеко! Церковью рулят люди, они могут ошибаться. Не ошибается только Святое Писание, которое нам оставил Христос. По нему и надо жить.

Он смотрел в упор горящими глазами, ему даже Папа Римский не указ, понимаю, сам такой. Признает авторитет Ульфилла разве что самого Христа или Моисея, вот в них его и нужно тыкать постоянно мордой.

— Вам, — повторил он с нажимом, — это зачем?

Глава 6

Я помолчал, осторожно подбирая слова, а он наблюдал за моим лицом с такой интенсивностью, что я чувствовал, как его взгляд проникает сквозь мою толстенную лобную кость и высвечивает тайные мысли.

— Можно бы сослаться, — ответил я неспешно, — что во мне столь велико рвение к Господу, но не стану... хотя оно есть, есть. Гораздо важнее для политика и государя то, что если люди ревностны в праведной вере, то они добродетельны в жизни, труде, воспитании детей...

Он нервно дернул щекой.

— А это к чему?

— Государю, — пояснил я, — тогда можно меньше держать городской стражи, можно упразднить тюрьмы и виселицы, а налог взимать самый малый... так как налоги повышаем потому, что многие уклоняются, а за них платят безропотные.

Он сказал резко:

— Это несправедливо!

— Еще как, — согласился я. — Жить по Библии — жить по справедливости. Верно?

Он буркнул:

— Разумеется. Только... при чем тут налоги?

— Если прочесть Библию правильно, — сказал я и добавил чуть льстиво, — как вы сумеете, отец Ульфилла, то там везде ясное и четкое требование работать честно, добросовестно и усердно!.. А наши священники твердят, что Господь наказал изгнанного из рая человека тяжким трудом! Разве это возможно? И потому получается, что любую работу нужно выполнять кое-как, раз это наказание, и поскорее от нее избавляться. А блаженны и достойны рая всякие нищие, бродяги, бездельники, что отлынивают от работы и живут чужим трудом, попрошайничая!

Он смотрел на меня и молчал, но я видел его застывший взгляд и чувствовал, какая мощная работа происходит сейчас с той стороны глазных яблок.

— Даже презируемая коммерция, — сказал я, — должна вестись не ради увеличения личной прибыли, а в качестве добродетельного вида деятельности! Господь поощряет высокое качество товаров и услуг, честное отношение к клиентам и запрещает лживые способы обогащения...

Он проговорил бесстрастно:

— «Не делайте неправды в суде, в мере, весе и в измерении: да будут у вас весы верные, гири верные»...

— Левит, — сказал я, — стих девятнадцатый, верно? А вот это «не должны быть двоякие гири, большие и меньшие... гиря у тебя должна быть точная и правильная... чтоб продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе, ибо мерзок перед Господом Богом твоим всякий, делающий неправду».

Он сказал со странным выражением:

— Второзаконие, стих двадцать пятый. Да, там сказано так. Но...

Я прервал:

— А как у нас? Не обманешь — не продашь. От труда не будешь богат, а будешь горбат.. и так далее. Наши

священники почему-то решили, будто Новый Завет совершенно отменил законы Ветхого Завета, как устаревшие! Да, Иисус Христос — велик, но он не раз повторял, что пришел лишь подтвердить старые законы! Но наша церковь пошла по ложному пути, взяв только некоторые положения Иисуса и сделав вид, что не замечает другие! И таким образом успешнейшие экономические, политические и семейные законы, четко и ясно сформулированные в Библии, были отвергнуты...

Он не сводил с меня пронизывающего взгляда.

— Значит, вам нужен богатый народ, чтобы больше драть налоги?

Я покачал головой.

— Мне нужно, к примеру, сто тысяч золотых в год. Но богатый народ даже не заметит потерю такой мелочи, а вот бедный будет разорен... Разве наши интересы не сходятся?

— Не сходятся, — отрезал он. — И никогда не сойдутся!

— Жаль, — сказал я и поднялся. — Прощайте, отец Ульфилла. Я надеялся, у вас хватит отваги и мужества выступить на защиту Библии от тех, кто в своих низменных целях искажает ее святые заповеди. Я для того и велел печатать Библию, чтобы народ знал правду. А вы, выходит, сами ее видеть не хотите.

Я махнул рукой и пошел к выходу. Проходя мимо последнего стола видел в отражении пузатой чаши с колпаком, как отец Ульфилла вскочил и сделал жест, словно останавливает меня... но слов я не услышал, и, толкнув резко дверь, вышел на свежий воздух.

Во дворе мне бегом подвели Зайчика. Зигфрид поспешно вдел руку по локоть в ремень щита.

— Куда едем?

— В Амальфи! — ответил я громко. — Где Альбрехт?

— Сейчас примчится!

Разворачиваясь к воротам, краем глаза успел видеть, как на втором этаже чуть сдвинулась штора.

Деятельной и буквально кипящей энергией натуры Ульфилла должны быть противны все эти нищие богомольцы, бродящие по святым местам. Это занятие якобы даст им спасение и место на небесах, он слова не скажет против, ибо есть заповедь, что надо жить, аки птицы небесные, что бродят по дорогам да говно клюют, но не думаю, что в душе он с такой глупостью согласен.

Народ эту заповедь принял чересчур охотно; они же вот так, питаясь одним подаванием, чувствуют себя духовно выше и чище тех тружеников, что не разгибают спины на пашне, рубке леса, строительстве домов и вообще на работе.

На самом деле должно быть все наоборот, и нужно было науськать Ульфилла, вовремя ткнув пальцем на нужное место в Библии, где труженики стоят все-таки повыше праздных богомольцев. На этом выстроено все лютеранство, оно же протестанство, вот и начнем эту Реформацию с отца Дитриха и Ульфиллы...

Или с того, кто из них решится первым. Или решится вообще. Ульфилла, как бы ни брызгал ядом в мою сторону, но сейчас, я уверен, перебирает мои слова больше для того, чтобы опровергнуть, но они будут западать в его череп все глубже и глубже, пока он весь не воспламенится яростным огнем, как огромный факел.

Альбрехт и Зигфрид скачут на своих уже слегка усталых конях молча, стараясь не отвлекать лорда от его тяжелых, судя по его виду, мыслей.

Мои мысли от Ульфилла то и дело пытались опасно соскользнуть к Лоралее, но я душил это в себе, опасаясь снова оказаться над пропастью, и когда впереди вы-

росли мрачные башни замка Амальфи, вздохнул с облегчением.

Гунтер, что должен бы отъестся на легких хлебах и отрастить пузо, выбежал навстречу легко, поджарый и с тем же навеки обожженным солнцем, ветрами и морозами лицом.

Усы не стали реже, все так же воинственно торчат в стороны, а кончиками заворачиваются вверх, крепкоплечий и суровый, с плеч ниспадает потертый плащ.

Он с ходу преклонил колени, но не голову, продолжая смотреть мне в лицо чисто и преданно.

— Ваше высочество!

— Дорогой друг, — сказал я и поднял его на ноги. — Ты не изменился... как хорошо. Где остальные?

— Ульман, Тюрингем, — выпалил он четким голосом, — Хрурт... они же ушли к вам, как только вы позвали... А Зигфрид... Господи, неужели это его морда?

Во двор на полном скаку влетел воин на храпящем жеребце, соскочил, не дожидаясь, пока тот остановился, крикнул взбешенно:

— Сэр Ричард! Вы обещали!

Гунтер воскликнул шокированно:

— Зигфрид! Как ты разговариваешь с лордом?

Я, улыбаясь, толкнул их друг к другу и заставил обняться. Из пристроек и замка с опаской выходит челядь и поглядывает на меня с осторожностью.

Альбрехт тоже въехал во двор и остановился, проверяя бдительным взором, все ли безопасно, нет ли угрозы лорду, который уже давно не сэр Ричард, а принц, увиливающийся от королевской короны.

Я помахал ему рукой.

— Дорогой граф! Здесь все в порядке. Это мой первый замок... Какие тут западни...

— Не скажите, — ответил он. — Я посмотрелся всякого.

— Граф, — упрекнул я, — вы прям онорбертовились!.. Гунтер, я ненадолго, предупреждаю, так что никаких увеселений, празднеств и народных гуляний. Даже пира не будет.

Гунтер спросил осторожно:

— Ваше высочество, а куда подевалась Фрида? Вы так внезапно ее увезли...

— Еще увидите, — пообещал я. — Она теперь знатная леди, даже очень знатная.

Он вытаращил глаза

— Фрида?

— Как выяснилось мудрецами, — объяснил я важно, — дочь очень знатных родителей. Настолько знатных, что и не вышептать... Ее в детстве подменили!

— Наверное, в колыбели? — предположил он.

— Вот-вот, — сказал я. — В точку. В колыбели. А ты откуда знаешь? Сам подменял? Кто велел? Сколько заплатили? На кого работаешь? Отвечай быстро, не раздумывая! Приговор будет строг, но как бы справедлив...

Он отшатнулся.

— Ваша милость! Если бы в детстве, она бы помнила!

Я подумал, согласился:

— Ты прав, это да, хотя что женщины помнят? Не говорят же «мужская память»... Кстати, наш сосед Тудор еще цел?

Он перевел дух, еще не придя в себя от быстрого перехода от состояния обвиняемого в тяжелой государственной измене к прежней доверенности.

— Да, недавно вернулся...

— Из Скрытых Земель?

— Да, — ответил он осторожно. — А вы откуда знаете?

— Я все знаю, — ответил я гордо, не сообщая, что это он в нашу первую встречу и сообщил про отважного соседа, навещающего в Скрытые Земли, — кроме тех пустяков, которых не знаю. И все еще цел?

— Шрамов прибавилось, — ответил Гунтер, — но все так же молод, драчлив и любит исчезать в непонятных местах.

— Хорошо, — одобрил я и, наткнувшись на непонимающий взгляд Гунтера, пояснил: — Сам такой.

— Ну, — буркнул он, — это уже не новость.

— Ладно, — сказал я, — вы тут накрывайте на стол и выкатывайте из подвала бочонок вина... для Зигфрида, конечно, а я пока промчусь к Тудору.

Он воскликнул обиженно:

— Ваша светлость! Вы ж только приехали!

— И весь в делах, — сообщил я. — Но я не ради пира к нему, дело есть. И очень важное.

— Лорд Альбрехт поедет с вами?

Я покачал головой.

— Пусть отдохнет, как и его лошадка. Я мигом, туда и обратно.

Он вздохнул.

— Тогда не задерживайтесь слишком уж. Тудор чересчур гостеприимный, он из-за стола не выпустит, пока все не выпьете, а у него в подвале сорок бочечек вина!

Я свистнул, Зайчик и Бобик через пару мгновений оказались передо мной. Арбогастр в молчаливом достоинстве, а Бобик всю вертит задом, объясняя, как здорово сейчас помчаться куда-нибудь.

— А вас, сэр Бобик, — сказал я строго, — я попрошу остаться. И проверять, как тут работает кухня и прочие службы. Я вернусь скоро. Не спорить, морденок!

Бобик тяжело вздохнул и посмотрел с укором. Я поспешно вскочил в седло, Зайчик тут же ринулся в сторону ворот.

Тудор а ля Герд, вспоминал я, по непроверенным, но многочисленным слухам, могучий владетельный лорд, выросший из некогда подброшенного младенца. Как предполагают, Лесными. Дескать, люди в селах вблизи лесов иногда находят утром на пороге сверток с младенцем в коконе то ли из травы, то ли из тонких звериных жил... У сэра Устинакса и леди Цигиллы дети умирали во младенчестве, так что супруги возблагодарили Господа за подброшенного младенца, приняли и воспитали. А еще говорят, что на самом деле дети сэра Устинакса и его жены не умирали, их забирали эти Лесные, а взамен подкидывали людям своих.

В прошлый раз я ломал голову, зачем это Лесным нужен такой странный обмен, но за время нашей последней встречи с бароном Тудором навидался всякого, и потому спокойно смотрел на мощный замок, воздвигнутый на том берегу небольшой речушки.

Еще в прошлый раз я оценил, насколько точно выбрали древние строители место: на холме с обрывистыми склонами, а пологий только с одной стороны, да и то дорога проходит сперва под стеной, откуда защитники легко перестреляют в случае чего...

Бобик стрелой пронесся через брод, почти не замочив лап, Зайчик же, напротив — красиво поднял тучи серебристых брызг, дальше промчались по дороге на холм, там вал вокруг замка, за ним ров с обрывистыми берегами и широкий дощатый мост, сейчас почему-то опущенный на эту сторону.

На высоком холме, пологий съезд только с одной стороны, к тому же дорога идет под самой стеной замка, все понятно, а внизу целый город, теперь уже наполовину окружен достаточно высокой стеной, раньше ее не было.

Глава 7

Над воротами появились двое в блестящих кольчугах, похожих на чешую крупных рыб, один крикнул:

— Благородный сэр... ваше имя?

Я прокричал весело:

— Ваш сосед, сэр Ричард Длинные Руки к своему другу барону Тудору по прозвищу Глиняный Берег! Он уже вернулся из очередного похода в Скрытые Земли?

Стражник ответил очень серьезно:

— Давно. Собирается завтра снова туда...

— Ух ты, — сказал я, — мне повезло, что застал. Отворяй ворота!

На воротах тотчас же ответили с готовностью:

— Сэр, сейчас откроем.

Двигался он быстро, говорил четко, я вспомнил, как Гунтер объяснял в мою первую поездку, что сам Тудор силен и бесстрашен, а у него великолепный отряд головорезов, что пойдут за ним в огонь и воду.

Ворота заскрипели, разошлись в стороны. За ними перегораживающая каменный тоннель решетка из железных прутьев толщиной в руку, она сразу же начала пониматься, с дребезжащим звоном исчезая в темной щели свода, а из углублений в камне пола появились длинные и острые, как у копий, стальные наконечники.

Я подумал, что новости по этому миру расползаются очень уж улиточно, стражники на воротах встретили меня как прежнего соседа, хозяина земель Амальфи, только на страшного Пса смотрят с испугом.

А Бобик идет рядом чинно, в новом месте всегда так, это уже потом, когда привыкнут, разгуляется. Зайчик и вовсе держится ровно и надменно: здесь уже побывал, его помнят.

Едва вторая решетка поднялась, он не выдержал, пролетел через этот тоннель с такой радостной мощью,

что во дворе все должны бы возликовать, но я услышал испуганные вскрики, а сверху дозорный прокричал:

— Сэр... а это не Адский Пес?

Я ответил громким успокаивающим голосом:

— Он со мной прибыл к друзьям, потому может до смерти только зализать. Или затоптать, если свалит.

Зайчик гордо внес меня во двор, там народ разбегается в ужасе, а слуга, что собирался ухватить повод арбогастра, забежал по ступенькам на стену быстрее белки.

— Бобик, — сказал я строго. — Кухня вон там!

Бобик оглянулся и тут же исчез в указанном направлении, а мы приблизились к коновязи, я сам накинул повод на толстый крюк из старой потемневшей меди.

Народ все еще смотрит в ужасе, я сказал весело:

— Разве у вашего хозяина может быть соседом какой-то никчемный лорд?

Прибежал слуга посмелее, сказал с поклоном:

— Доблестный сэр, мы позаботимся о вашем коне. А ваша собачка, как я понял, сама о себе позаботится...

— Она такая, — согласился я. — Щенок еще.

Он сказал бледным голосом:

— Страшно даже подумать, во что вырастет...

Из донжона вышел роскошно одетый дворецкий, старый и дряхлый, вот-вот рассыплется, но тот же самый, я смутно подивился, что все такой же, потом вспомнил, что я здесь был не так уж и давно, хотя иногда кажется, будто прошло сто лет.

— Ваша милость... — продребезжал он, — прошу вас со мной...

— С удовольствием, — ответил я.

Ворота в донжон огромные и массивные, не всяким тараном выбьешь, и, по слухам, насколько помню, это замок не мог захватить ни один завоеватель, хотя здесь проходили армии не только императора Карла, Иммануила Третьего или Рагнара Дикого, но и каких-то древ-

них, о которых предпочитают говорить шепотом и осе-
няя себя крестным знамением.

А еще всплыли в памяти слова Гунтера, даже нечисть
обходит земли Тудоров стороной. Как будто кто-то про-
вел незримую черту и сказал строго: по ту сторону луга
грабить и бесчинствовать можно, а по эту — ни-ни!

В замке, как снова бросилось в глаза, люди в доста-
точно старомодных одеждах, даже на севере уже такое
не носят, но здесь это смотрится вполне, сам замок неу-
ловимо пропитан ароматом древности и величия.

В огромном холле сверху свисают красные полот-
нища с гербами и звериными мордами, на стенах мно-
жество щитов со следами жестоких отметин от лезвий
топоров, всевозможные мечи, начиная от бастардов и
кончая великанскими двуручниками, копыя, топоры,
кинжалы...

Дворецкий остановился с величественным и гордым
видом, словно желает показать нечто особенно удиви-
тельное, но я и сам ахнул и замер на месте.

Из холла распахнуты двери в парадный зал, но над
ними, занимая все пространство до потолка, из стены
смотрит чудовищная голова кабана, в самом деле как
сказал тогда Тудор, кабанище — как сарай у бабки, место
между дверью и потолком занято целиком, как только и
вдвинули туда это страшилище, смотришь на эту махину
и думаешь с опаской: не рухнула бы...

Дворецкий произнес дребезжащим голосом:

— Этим трофеем благородный сэр Тудор гордится
особенно!

Я сказал бледным голосом:

— Еще бы...

— И всякий раз подчеркивает, — уточнил он, — что
удалось добыть его только благодаря помощи его соседа,
доблестнейшего сэра Ричарда Длинные Руки!

— Польщен, — пробормотал я, — в самом деле...
гм... чудовище... Сегодня я уже трижды подумал бы на-
счет связываться с таким зверем...

Он с поклоном указал на лестницу, что ведет на вто-
рой этаж, и снова я удивился, что это дряхлое существо
поднялось по ступенькам без посторонней помощи.

Та же анфилада разновеликих залов и зальцев, ры-
царские статуи в нишах, гобелены на стенах и медные
светильники между ними, работы древних мастеров, из-
дали веет ароматом иной эпохи.

Дворецкий подвел к двери странного красного цвета,
массивной, старинной и богато украшенной львами, ко-
ронами и мечами. Я хотел помочь ему отворить, но он
уже торжественно распахнул обе половинки и прогово-
рил невообразимо важно:

— Сэр Ричард де Амальфи, победитель Кабана Тем-
ного Леса, к лорду Устинаксу!

Я перешагнул порог, удивляясь и радуясь, что здесь
ничего не изменилось, и лорд Устинакс, отец Тудора, все
еще правит замком, пока сын гоняет кабанов и оленей
по долинам и по взгорьям.

Лорд Устинакс все сидит в глубоком кресле, ноги
прикрыты толстым пледом, седой, как лунь, с высох-
шим пергаментным лицом и запавшими щеками, взгля-
нул быстро и остро, на бесцветных губах проступила
слабая улыбка.

— Сэр Ричард?.. Долго же вы были на турнире...
Идите сюда ближе, дорогой сосед, садитесь вот сюда.
Вы с прямо с дороги? Эх, Керзель, подай вина!

Я приблизился, поклонился и сел. Лорд Устинакс
смотрит с живейшим любопытством, он все так же в ме-
ховой мантии, возможно, той же, что я видел в первый
визит, старики не любят менять вещи и занавешивают их
до полной непригодности.

— Что там было на турнире? — поинтересовался он. Я вздохнул.

— Да все то же, что и на остальных. Поединки и подвиги, поединки и подвиги... Как наш доблестный сэръ Тудор? Здоров ли?

Старый лорд посмотрел на меня с удивлением и любопытством.

— А вы не знаете? Тудор никогда ничем не болел и... заболеть не может. Более того, все те, кто с ним рядом, тоже здоровее прочих... Вчера он выехал на объезд земель, так что должен бы уже вернуться...

Я сказал понимающе:

— Если не наткнется на такого же кабана.

Он сдержанно улыбнулся:

— Такого вряд ли. Тудор до сих пор восторгается, как вы лихо дрались с тем чудовищем!

— Ваш сын, — возразил я, — нанес решающий удар!

Вошел слуга, поставил перед нами чаши старинной работы. Я остановил его жестом, когда он хотел было налить из кувшина, сосредоточился.

Вино появилось на дне чаши лорда, медленно поднялось до краев, затем я наполнил себе.

Лорд смотрел с любопытством, но взял в руку без боязни, отхлебнул, прислушался. Лицо посветлело, сказал растроганно:

— Просто божественно... Никогда такого не пробовал... Вижу, сэръ Ричард, вы побывали не только на турнире.

— Пришлось, — согласился я со вздохом. — Хотя иногда кажется, что лучше бы я тогда не покидал Амальфи.

Он с удовольствием пил мелкими глотками, замирал, прислушиваясь к ощущениям, сдержанно улыбался, все такой же лорд старой, даже древней эпохи, но уже признавший меня, как человека близкого, по-

священного или допущенного к мудрости и опыту старшего поколения.

Я держался сдержанно, это только молодость суетлива и порывиста, а мудрость величава, потому я старался не делать резких движений, говорил медленно и взвешенно, избегая острых определений.

Мы осушили по три кубка, наконец со двора донесся крик, конское ржание, стук копыт, снова громкие голоса. Я насторожился, а лорд Устинакс сказал благодушно:

— Это сынок вернулся...

Я подхватился.

— Простите, но будет невежливо его не встретить...

Он наклонил голову.

— Да-да, идите...

Я сбежал по лестнице, народ спешил дать дорогу, я выметнулся на крыльцо со скоростью астероида, летящего из другой галактики, разом охватил взглядом группу всадников, что с трудом удерживают испуганных коней, закрывая им глаза.

Стражники бросились им помогать, а впереди на огромном гнедом жеребце здоровяк с непокрытой, несмотря на холод, головой, короткие седые волосы выглядят запорошенными снегом.

Тудор совершенно не изменился, даже кольчуга все та же, похожая на крупную рыбу чешую, да на плечах стальные пластины. Лицо его выглядит и безумно старым, и предельно юношеским, а когда выкрикивает какие-то указания, крупные белоснежные зубы сверкают, как два ряда молний.

Конь его то и дело поднимается в диком ужасе на дыбы, хрипит и старается повернуться обратно к воротам.

А Бобик, виновник суматохи, сидит на толстой заднице и, улыбаясь во весь рот, смотрит с интересом, спокойный и веселый.

— Ах ты, гад, — сказал я с сердцем, — чего тебе на кухне не сидится?.. Здравствуйте, барон! Это моя собачка, не обращайтесь внимания.

Тудор посмотрел на собачку, спросил с беспокойством:

— Сэр Ричард?.. Но это же Адский Пес?

Я отмахнулся.

— Да какой он адский, если уже перекусал там всех и убежал, оборвав цепь, не поверите, вот такой толщины?! Как я рад вас видеть, барон...

Он покинул седло и, все еще косясь на собачку, крепко обнял меня. От него пахло лесом, муравьиной кислотой, живицей, но больше всего неиссякаемой энергией, которой хватило бы сдвинуть замок на несколько ярдов.

Руки его, крепкие и толстые, как нижние ветви столетнего дуба, сдавили мои плечи так, что я только охнул.

— А как я рад! — сообщил он жизнерадостно. — И как хорошо, что вы вернулись!.. А то мы только и слышали про какой-то турнир. Как мы поняли тут, вы после него отправились малость поискать приключений?

— Верно, — согласился я. — Здесь вы уже повыбили всех крупных кабанов, а как жить без упоения?

Он захохотал.

— Нет уж, самого крупного кабана вы завалили сами, дорогой друг! Но вы правы, дичь стала какая-то мелкая. Однако вы ради охоты уехали, верно?.. И сбжавшую из Ада собачку по дороге пригрели... Клянусь кровью, она одна любого кабана задавит, как кот мышь!..

— Это она делает часто, — заверил я. — Дорогой барон, что здесь слышно о войне?

Всадники уже увели пугливо вздрагивающих коней, а челядь засуетилась шибче ввиду приезда хозяина. Тудор обнял меня за плечи и повел в донжон.

— Мелкие никогда не прекращаются, — сообщил он, — но вы наверняка о той, что ведет Мунтвиг?.. Ради нее и вернулись?

— Точно, — подтвердил я.

Он пожал плечами.

— Наши земли почти отрезаны от других длинными ущельями да горными цепями, а пройти их насквозь так и вовсе не для большого войска. Потому, наверное, Мунтвиг и не повел сюда армии... Пойдемте в дом, там за столом и расскажем друг другу новости.

Бобик, виляя хвостом и заранее облизываясь, пошел за нами следом. Тудор уже успокоился, а когда в обеденном зале Бобик сразу же устроился под столом, барон мигом все понял и первым метнул ему жареную кабанью ляжку, после чего с удовлетворением прислушивался к смачному хрусту.

— Люблю, — признался он, — когда хорошо едят. Кто хорошо ест, тот быстрый, сильный, добрый и веселый!

Слуги начали наливать нам вина, я остановил.

— Позвольте, дорогой барон, угостить вас... вином, что я отыскал в дальних странах.

Он с любопытством смотрел, как в его чаше появляется светло-коричневое вино с тонким непривычным запахом, кивнул одобрительно.

— Судя по аромату, прекрасное вино... Боже правый!

Глава 8

Он едва сумел проглотить огненный ком, так как по привычке сделал большой глоток, а марочный коньяк, да еще особо старый, не любит такого простецкого обращения.

Лицо Тудора стало красным, он с трудом передохнул, глаза заблестели восторгом.

— Что это за чудо?

— Нравится? — спросил я. — Чего только не встретишь в странствиях.

Он покрутил головой.

— Да только ради такого вина стоит пуститься в странствия. Хотя, думаю, фуражиры Мунтвига все подчистили.

— Есть земли, — заверил я, — куда Мунтвиг еще не добирался! И не доберется.

— Это хорошо, — согласился он. — А то они всюду здесь шныряли... Все для сбора дани и продовольствия. Любое войско почему-то кормить надо!

Он довольно хохотнул.

— Давно это было? — спросил я.

— Последний раз к нам заезжали, — протянул он в задумчивости, — сейчас вспомню... месяца три тому. Видимо, уж очень далеко ушли на Юг.

— Далеко, — согласился я, — на Юг по своей дороге в ад... Дорогой друг, я просто счастлив, что вы поддерживаете такой порядок в этих землях, что и моему Гунтеру почти не приходится ловить разбойников, но что вы думаете о войне...

Он перебил живо:

— С Мунтвигом? Да то же, что и Карле. Мало ли какая дурь вдруг овладевает людьми, что все враз прут

куда-то что-то завоевывать... Это как болезнь, лечить бесполезно. Либо само пройдет, либо их перебьют.

Я вздохнул.

— Мунтвиг — мелочь.

— Ого, — сказал он с уважением. — А что крупное?

— Маркус, — ответил я и пояснил без надобности: — Багровая Звезда Маркус, что уже совсем близко.

Улыбка медленно сошла с его лица, он помрачнел, нахмурился.

— Да... Маркус.

— Никто даже не собирается бороться, — сказал я с горечью.

Он зыркнул на меня исподлобья.

— А можно?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Просто все заняты планами спасения под землей. Никто и не пытается искать какие-то способы.

Он буркнул:

— Пытались. Много раз. Все гибли. Спасались только те, кто прятался в пещерах. Потому теперь все думают только о том, как спрятаться и переждать.

— А все перепробовали?

Он криво улыбнулся.

— А вы пытались бороться с наступлением зимы? А она всем не нравится!

Я проговорил, не сводя с него взгляда:

— А если собрать настоящих героев? Вот вы, по слухам, неуязвимы, мой телохранитель, Зигфрид, в состоянии превращаться в... но это между нами, в могучее чудовище, а у меня самого очень быстро заживают раны. Даже очень-очень быстро. Есть еще несколько героев в моем войске... ну там у сэра Герцлера — дивный меч, что ночью дает света больше, чем самый жаркий факел, у сэра Паланта — сапоги, по любому болоту бежит, как по лужайке, у Ободрита в обычных с виду ножнах рас-

каленный добела меч, есть у меня воины, что никогда не спят, есть ловкачи, что могут карабкаться по отвесным и совершенно гладким стенам, где даже муха сорвется...

Он пробормотал:

— Комары, напавшие на медведя... Но, дорогой друг, вообще-то, я и не собирался позорно зарываться в пещеры! Пожил достаточно, мой долг — умереть красиво и в ожесточенном бою. Если вы, мой друг, предлагаете еще и красивую схватку перед гибелью, то считайте меня в своем отряде!

— Спасибо, барон, — сказал я и поднялся. — Я еще не представляю, что нам делать...

— Но вы готовы дать бой, — воскликнул он прочувственно, — за это я вас просто обожаю!

— Спасибо, барон...

— Ну, и за того кабана, конечно... Пойдемте, покажу, какая голова, какая голова! Ее прикабанячили над дверью в главный зал... Чуть стена не рухнула. Вот думаю, назвать ли тот зал Кабанным?

— Мне уже показали, — ответил я с восторгом. — Я даже не думал тогда, что он такой огромный!

Он спросил с беспокойством:

— Дорогой друг, вы к нам, надеюсь, надолго?

— Дорогой барон, — сказал я с неловкостью, — я вообще ненадолго в наши края и земли... Следом прет моя армия, я ее только опередил чуть. Мне надо вести ее дальше...

Он потемнел, с разочарованием поскреб затылок.

— Какая жалость... Кстати, что за армия?

— Моя армия, — ответил я просто. — Как только узнал, что Мунтвиг начал наступление на земли к югу от своих владений, я собрал своих... гм... воинов и выступил навстречу. В общем, несколько армий Мунтвига разбиты на подступах к королевству Варт Генц, есть та-

кое, там выставлен мощный заслон, а я с наиболее ударными частями иду уже по землям Мунтвига.

Он спросил в великом изумлении:

— Ведете армию вы?

— Да, — ответил я. — Вроде бы немного времени прошло, но я уже принц, под моей рукой несколько армий и, увы, королевств. Честно говоря, меня это не радует, но, с другой стороны, другой на моем месте мог бы наломать дров еще больше, так что придется принцевать мне...

Он застыл, глаза расширились, наконец выдохнул с трудом:

— Принц?.. Так быстро?.. Вы ж вроде бы только вчера на тот турнир поехали!.. Как время летит, как время летит... Мы ж с вами совсем недавно кабана завалили!.. А сейчас, значит, ведете целую армию против Мунтвига?

— Да, — ответил я. — Она идет следом, земля гудит и прогибается. Просто у меня конь, как вы заметили, быстрый. Иногда обгоняю, чтобы вот так успеть с друзьями пообщаться. А потом, да, надо догонять своих. Хотя у меня и опытные полководцы и военачальники, но надолго оставлять их без общего руководства пока не решаюсь.

Он спросил с беспокойством:

— Но хоть недельку вы у нас побудете?.. Отдохнем, попируем, еще кабана какого обыщем...

— Недельку не смогу, — ответил я, — увы. Но денька два... пожалуй, выкрою. Больше нельзя, армия пройдет мимо. А там, глядишь, наткнется на что-то непредусмотренное.

Он вздохнул.

— Ну, что ж, денька два так денька два. Не будем терять время!.. Ваша собачка пировать любит больше своего хозяина?.. Просто чудо, что за песики в аду...

Мы втроем: он, сэр Устинакс и я, — удобно устроились в небольшой, но уютно обставленной комнате Устинакса, я рассказывал о достаточно насыщенных приключениях, что пришлось испытать, теперь и сам вижу, что в сравнении с Тудором просто какой-то сорви-голова, хотя сам себя считаю тихоней и дипломатом.

От камина идет мощными волнами не просто тепло, а жар, что весьма кстати, ночами холодает до заморозков. Все трое пьем слегка подогретое, я тут же научил, как делать грог и глинтвейн, угостил немедленно, оба пришли в неопиcуемый восторг.

На пороге неслышно появился дворецкий, посмотрел на меня с укором, словно угощаю хозяев каким-то сладким ядом.

— Сэр, — сказал он, обращаясь к Устинаксу, — прибыли гости...

Тудор воскликнул живо:

— Гости? Прекрасно! Давай их сюда!.. Выпьем, я им про кабана расскажу...

— Это друзья его высочества, — пояснил дворецкий и снова посмотрел на меня с непонятным подозрением. — Как я понял, он уехал, их не предупредив...

Я сказал с досадой:

— Да предупредил, предупредил!.. Просто они твердолобо уверены, что лорд обязательно должен всюду таскать за собой свиту.

Тудор хохотнул.

— Правильно уверены! И чем титул выше, тем свита больше.

— Я вам шчас армию приведу, — пригрозил я. — Простите, пойду встречу и дам чертей.

— Я с вами, — сказал Тудор.

Вскочил он быстро и живо, как молодой кот, даже не оперся ладонями о подлокотники, хотя кресло глубокое, даже я, и то помог своей жопе подняться.

Альбрехт и Зигфрид уже передали коней слугам, а Зигфрид еще и проверил, как их устроят и чем покормят, и когда мы с Тудором вышли во двор, они только направились к донжону.

Тудор, уже весел и чуточку пьян, встретил их с распростертыми объятиями, пригласил быть как дома, потом развернул обоих в мою сторону и мощно провозгласил, взял на себя обязанность дворецкого:

— А это мой сосед, сэр Ричард, великий истребитель кабанов!..

Альбрехт поморщился, а Зигфрид наклонился к его уху и что-то пошептал. Тудор хлопнул себя по лбу, просиял и провозгласил радостно:

— Ах да, а еще он принц и вообще истребитель!.. Как же здорово, сэр Ричард! Хотя по мне и одного того кабана достаточно, чтобы увековечить себя славой навеки, но это, наверное, только в нашем медвежьем краю?

Он сиял и радовался, а подтверждение тому, что я уже не просто сосед, а властелин огромной армии, не произвело, похоже, особенного впечатления, потому что непонятно, что это и с чем сравнить, а кабан вон там в зале, укреплен весомо зримо, можно полюбоваться и, приподнявшись на цыпочки, потрогать кончиками пальцев жесткую, как проволока, шерсть.

Я поинтересовался у Альбрехта:

— Что-то случилось?

Тот покачал головой.

— Еще нет. Но армия пройдет мимо в двадцати милях. Стоит ли оставлять ее во время похода?

Я подумал, кивнул.

— Вы правы, граф. Сейчас неизбежный пир, а потом вы с Зигфридом возвращайтесь. Клемент ведет армию форсированным маршем, догонять будет непросто.

Зигфрид вскрикнул:

— Ваше высочество!

— Не вашевысочествуи, — оборвал я. — Все равно догоню и обгоню. Так что постарайтесь как следует нажраться деликатесов, которых не увидите в походе.

За столом даже Альбрехт удивленно крутил головой, не ожидавший, что в таком глухом краю можно поесть с таким удовольствием, а вино в самом деле старинное, выдержанное, бьет и в голову, и в ноги.

Тудор то и дело провозглашал здравицы, сперва за своего друга Ричарда, убийателя кабанов, потом за его друзей — графа Альбрехта и отважного Зигфрида, затем просто за жизнь, что вообще-то прекрасна и удивительна, за все хорошее, за коней и женщин...

Я пил, ел, наслаждался странным покоем, словно вернулся в детство и приехал в гости к старой любимой бабушке, у которой всегда тепло и уютно.

— Хорошо у вас здесь, — сказал я с невольной завистью. — Непуганый рай.

Тудор широко улыбнулся.

— Я тоже так подумывал... Правда, в последнее время что-то стало...

Он умолк, нахмурился.

Я спросил с беспокойством:

— Барон, какие-то проблемы?

Он покачал головой.

— Какие у меня могут быть проблемы? Просто нехорошее такое ощущение, что нечто огромное приближается и приближается...

— Что?

— Не знаю, — сказал он с досадой, — даже приблизительно не могу выговорить...

— Опасное?

— Не знаю, — ответил он, я видел, как помрачнело его лицо, — но очень могучее... даже не представляю насколько...

— Главное, — сказал я успокаивающе, — не опасное.

— Кто знает, — ответил он. — Но не враждебное, это самое главное. А вот опасное или нет...

Он продолжал пить, но я видел, как тень тревоги поселилась на его челе, это вроде бы лоб, если не умничать, а веселье ушло из бодрого взгляда.

Альбрехт и Зигфрид наперебой рассказывали сэру Устинаксу о дальних странах, где мы побывали, о чудесах на той стороне Большого Хребта, о дивном южном море, где сэр Ричард начал строить невероятный флот из умопомрачительно огромных кораблей, каких нигде никогда не было...

Мы мирно беседовали с Тудором, когда он вздрогнул, тело его напряглось так, что готово разорваться, глаза остекленели, а взгляд стал безумным.

Я осторожно тронул его за плечо.

— Дорогой друг...

По его телу пробежала крупная дрожь, он шумно вздохнул, посмотрел на меня дикими глазами.

— Сэр Ричард... у вас бывают видения?

— Редко, — ответил я уклончиво, — но бывают. Всякие, разные. А что было у вас?

Он сказал хриплым голосом:

— Мерзость... Я только что убил двоих... но не понимаю... это было в горах...

— В горах?

Он ответил сипло:

— Справа старые гранитные камни... слева снег... старый снег, который никогда не тает...

Зигфрид услышал, прогудел мощно:

— Сэр Тудор, мне вчера снилось, что я съел молодого дракона... и как только доглодал, как несут еще одного,

впятеро крупнее! Я аж взопрел... Кто-то сверху речет, что если не съем, то съедят самого... Я чуть не кончился от страха!

Альбрехт сказал понимающе:

— Да, иногда такое приснится... Я ничего на свете не боюсь, но во сне мы сами не свои, у меня так вообще что-то само боится! Да так, что всего трясет.

Мало-помалу Тудор успокоился, хотя пришлось влить в него пару кувшинов крепкого вина. Я улыбался и шутил, стараясь, чтобы это звучало мощно и по-солдатски, но часть тревоги от Тудора как-то перебежала и ко мне, и хотя я не вздрагиваю и не оглядываюсь, однако во внутренностях поселился неприятный холодок.

Солнце перешло на западную часть неба, там начало окрашиваться в багровый цвет, а я потихоньку выбрался из-за стола, кивком пригласил Альбрехта следовать за собой.

Он вышел тут же, я взял его за локоть и отвел к окну.

— Граф...

— Ваше высочество?

— Альбрехт, — сказал я тепло, но настойчиво, — солнце уже садится. Я хочу, чтобы вы до темноты успели вернуться к армии. Мне совсем не хочется потом тащиться с вами, как старая большая черепаха. Я догоню на полпути.

Он скривился.

— Да уж... понимаю. Но Зигфрид все равно тоже не слишком уж носится, как стриж!

— Верно, — сказал я. — Зигфрид!.. Ты где?

Зигфрид появился, словно из ниоткуда, весь широкий, начиная от головы и заканчивая сапогами, выпуклогрудый и толстошей, но в то же время поджарый, словно сплетен из тысяч толстых канатов, что от вина не разбухают.

— Ваше высочество?

— Едешь с Альбрехтом, — велел я непрерываемым тоном. — Я задержусь тут на денек-другой, а потом догоню вас.

Он протестующе вскинулся, Альбрехт сказал нехотя:

— Его высочество говорит дело. С нами ему придется долго тащиться, а сам он догонит армию моментально.

Я кивнул, принимая помощь.

— Не забудь, твой оруженосец там без тебя чахнет. Да не дергайся, этот хитрый гад уже догадался. Он такой, все замечает... А ты, как настоящий мужчина, не должен допускать, чтобы любимая женщина страдала, не так ли?

Вскоре они выехали из-под арки ворот и унеслись галопом, а я вернулся к Тудору, где продолжили пир, а ближе к полуночи я все-таки выбрался побродить в одиночестве, как я объяснил туманно, а сам взвился в небо, благо туч нет, а звезды выглядят так близко с земли и так далеко, когда поднимаешься выше уровня облаков.

Глава 9

Вообще-то я удачно спер Зеркало Горных Эльфов, хотя слово «спер» не совсем подходит, они меня так весьма обижали, что я простым человеческим образом выразил протест угнетенного существа против надменных угнетателей. Я как бы имел почти моральное право чем-то навредить, дабы компенсировать угрозы в мой адрес, оставить там навсегда, и таким наглядным образом показал, что вести себя нужно хорошо.

К сожалению, в том зеркале так и не удалось увидеть мое Черро, то ли я не весьма уклюж, то ли незримый барьер, разделяющий Юг и Север настолько всемогущ, что

и древняя магия эльфов не в состоянии проникнуть на ту сторону.

Раскинув крылья, я парил некоторое время, на этот раз старательно запечатлевая в памяти панораму внизу и состыковывая ее края с теми картинами, что уже храню в закоулках мозга.

В конце концов, пора составить полномасштабную карту всего континента или хотя бы этой части, ликвидировать все темные пятна, нанести все горы, реки, долины. Это важно любому государю, а для такого, как я, просто необходимо...

На этот раз я забрался еще дальше, прошел над большей частью Сакранта, внимательно осмотрел и запомнил расположение крупных городов, хотя не сообразил, какой из них Генгаузгуз, все постарались устроиться либо в изгибах рек, либо на крутом берегу, у всех стены из камня, только у мелких частоколы, но те меня не интересуют...

Хорошо, если бы Мунтвиг оказался в самом Генгаузгузе, но это мечты. Еще не скоро король будет править из столицы, а пока что все они, то есть мы, вынуждены лично водить армии.

Обратно я возвращался, когда небо начало светлеть на востоке. Нежно заалели облака, заискрился край земли, но подо мной в долинах еще лежит, не двигаясь, темнота. Вспыхнули золотым огнем вершины гор, зато в долинах стало еще темнее, хотя свет медленно и без остановок скользит по склонам гор вниз, обещая вскоре и там все зажечь праздничными огнями.

Я мерно взмахивал широкими крыльями, размышляя, что на этот раз нанесу на карту довольно гигантский треугольник, в который включу и половину Сакранта на севере и часть Эбберта на юге, так что получается

внятная картина местности на сотни миль в стороны со всеми горами, долинами, реками и большими озерами.

Солнечные лучи озарили верхушки деревьев, в одном месте ярким пятном выхватили участок дороги, моментально заблеставший всеми красками дня.

Взвилась стайка мелких птиц, там пронесся на крупном коне всадник, но за ним не привычное облачко пыли, а как будто стая ворон летит следом.

Я не сразу рассмотрел, что это комья земли, которые огромный конь выбрасывает копытами. Я шел на высоте в ту же сторону, потому сперва отметил, что всадник передвигается слишком быстро, даже гонцы на скоростных конях ползут медленнее, затем углядел, что всадник сам по себе крупный, широкий в плечах, конь у него тоже почти тяжеловоз с виду, а такие никогда не ходят галопом, они хороши только тащить огромные телеги с грузом...

Неприятное чувство пробежало от затылка по хребту и нехотя растворилось в кончике хвоста. Что-то всадник смутно знаком, кого-то напоминает...

— Родут! — каркнуло из меня во всю птеродактилью глотку.

Страх свел судорогой мышцы так, что я кувырнулся через голову, а потом и вовсе вошел в штопор, пока, преодолевая оцепенение, не растопырился во все стороны, стараясь возлечь на тугую воздушную подушку.

Всадник пригнулся к конской гриве, уменьшая напор встречного ветра, из-за этого выглядит еще более хищным и зловещим. Конь идет ровным галопом, по нему не видно признаков утомления, я снизился еще, донеслись гулкие удары широких копыт в землю.

Родут мчится в сторону владений Тудора, и как только я это сообразил, страх еще сильнее вонзился в тело.

С высоты я видел, как он пронесся, срезая изгибы дороги, прямо к замку, едва тот появился на холме. На воротах его заметили издали, одинокий всадник ни у кого не вызывает подозрения, открыли быстро, Родут по-хозяйски бросил повод слугам и так же властно пошел к донжону, словно это его владения.

Я заметался в небе, не соображая, что делать прямо сейчас, сделал круг, затем, войдя в незримность, пошел вниз, держа взглядом левую стену, где за окнами расположены главные залы, в которых принимают гостей.

Мимо заскользили серые массивные камни, щели замазаны плотно, а уцепиться за решетки на окнах рискованно, как бы ни прятался, увидят, даже незримность не спрячет, в замке тоже разные люди с разными способностями...

Наконец сумел ухватиться за плохо стесанный выступ камня, повисел чуть, переводя дыхание, затем начал передвигаться от окна к окну. В залах и просто комнатах либо пусто, либо иногда забегают слуги, но нет того, что ищу...

Ползать вот так пришлось долго, наконец спустился до первого этажа, осторожно заглянул в узкую бойницу окна. Да, гостю накрыли стол в зале на первом этаже, Родут ест быстро и жадно, проголодался в долгой дороге, а Тудор смотрит на брата со смесью удивления, счастья и ошарашенности.

Теперь, когда они рядом, сразу видно, что близнецы, я бы мог заметить это раньше, но Тудор в моей жизни был крохотным эпизодом, да и то в самом начале...

Родут наливал сам себе вина, пил, жадно ел и снова наливал, а Тудор сидит за столом напротив и смотрит на брата со смесью нежности и настороженности.

Когда Родут в очередной раз попытался наполнить чашу, из кувшина выбежало несколько капель.

Тудор сказал с готовностью:

— Я сейчас пошлю за вином...

Родут сказал недовольно:

— Брат, все слуги слишком ленивые и медленные...

Он поднялся и шагнул к стене. Тудор охнул и вскочил, когда Родут вдвинулся в камни, словно в плотный туман, и пропал из виду. Я охнул и от неожиданности едва не сорвался, но Тудор не услышал, продолжая с открытым ртом смотреть на стену.

Через пару минут Родут появился снова, прижимая к груди бочонок. Лицо покраснелось, явно пришлось потрудиться, но глаза весело блестели.

— Это лучшее?

Тудор охнул, глаза полезли на лоб.

— Брат!.. Как ты прошел сквозь стену?

Родут победно расхохотался.

— Я могу пройти сквозь такую стену, брат, как и ты... но вместе мы можем пройти даже через крепостную стену в пару ярдов толщиной.

— Что? — спросил Тудор ошарашенно. — И я?

— Ты просто не пробовал, — заверил Родут с хохотом. — Но что стены в твоём замке? Мы сможем пройти любые стены в любом замке и любом дворце... будь это королевский или императорский! Намек понял? Ха-ха-ха!.. Наша совместная мощь... даже я не представляю ее, хоть и знаю, что это нечто невероятное.

Тудор сказал ошарашенно:

— С ума сойти... Я думал, моя особенность в неуязвимости... пусть и не совсем уж полной. А тут еще и стены...

— Стены, — сказал авторитетно Родут, — ерунда. Мы можем не только проходить сквозь стены, но и сносить их! Превращать в гору щебня. А то и песка. Мы можем поворачивать реки вспять... да что там, мы так много можем, что просто... будет так весело все это про-

делать... и открыть новые возможности!.. Пей, я чую по запаху, это твое лучшее?

— Точно, — подтвердил Тудор.

— Отныне у нас все будет лучшее из лучшего, — заявил Родут. — Вино, женщины, драгоценности... Вообще все на свете!

Они чокнулись, Родут выпил, не отрываясь, Тудор пил медленнее, но тоже осушил до дна, довольно вытер ладонью рот.

— С каждым годом оно все крепче, — проговорил он, — и нежнее.

— Теперь все вино мира, — сказал Родут, — наше... И все женщины! Ибо что вино без женщин? И что женщины без вина?.. Брат, ты представляешь, мы станем властелинами мира!

Тудор улыбнулся.

— Да, это... здорово. Но это большая ответственность, брат. Живя здесь в горных лесах, я не представляю, как править большими массами людей мудро и правильно.

— Мудро? — переспросил Родут и хищно улыбнулся. — Правильно?.. Брат, люди, что муравьи, сколько ни разрушай их муравейники, снова будут восстанавливать снова и снова. Так что не нужно ими править, нужно просто пользоваться тем, что они накопили...

— Грабить?

Родут захохотал.

— Грабят только мелкие разбойники путников в лесу. А когда грабишь целые королевства, это уже называется иначе. Благороднее! Даже возвышеннее.

Тудор сказал с неудовольствием:

— Брат, я очень рад тебе, но говоришь ты как-то... странно. Грабить... нехорошо.

— Хорошо, — возразил Родут и захохотал снова. — Это прекрасно! Когда видишь их испуганные глаза,

слышишь их жалобный мышинный писк... ха-ха, какое счастье, что мы не такие!

— Брат, — сказал Тудор, улыбка медленно сползала с его лица. — Мы такие же. Мы — люди. Грабить нехорошо.

— Но ты же грабишь пчел? — спросил Родут весело. — Грабишь белок, когда находишь гнездо с орехами?

Тудор смешался, ответил после паузы и с усилием:

— Ну, то звери... да и то пчелам оставляю малость меда, чтобы не померли, все-таки божьи твари, а белкам — горсть орехов.

— Мы тоже будем оставлять, — пообещал Родут и снова пьяно хохотнул: — Или не оставлять, посмотрим...

— Брат, что ты такое говоришь?

Родут посмотрел на него с превосходством старшего брата.

— У тебя здесь слишком много друзей, — сказал он с хохотом. — Понимаю, понимаю... Жалко их, верно?.. Я бы тоже, наверное, жалел... Хотя не знаю.

— Почему? — спросил Тудор.

Родут отмахнулся.

— Не знаю. Мелкие они все какие-то... Как только я понял, какая во мне сила, я стал их всех презирать. Хотя, наверное, если бы жил с ними долго в одном месте, то привык бы, возможно... Жалел бы, как жалеет кроликов или козленка...

— Они не кролики, — возразил Тудор. — Это они создали весь этот мир: замки, дворцы, деревни, пашни, они кормят нас и одевают...

Родут широко заулыбался.

— Я тоже это говорю, брат! Они все это создали и пусть создают! А мы будем править и пользоваться ими, как сейчас пользуемся мясом кроликов и козлят... Что нам эти слабые существа: кролики, козлята, люди?..

Тудор спросил озадаченно:

— Люди? А мы кто?

— Мы выше, — сказал Родут довольно и загоготал. — Я даже и сказать не могу, насколько выше!.. Мы заставим их строить храмы в нашу честь, везде наши статуи... громадные, выше любого замка!.. Чтоб из целых гор обтесывали... Ты вот придумаешь новую религию...

Тудор воскликнул с ужасом:

— Брат, что говоришь? Мы можем сносить горы, что мешают дорогам, мы поможем строить мосты через широкие и бурные реки... мы можем помочь людям так, как им никто никогда не помогал!

— Что? — спросил Родут с хохотом. — Ты шутишь?

— Брат!

— Нет, ты шутишь, — сказал Родут, резко оборвав смех. — С какой стати мы будем служить низшим?

— Почему низшим?

— Потому что слабее, — отрезал Родут. — В мире слабые всегда внизу! Ты почему стал властелином замка? Потому что сильнее всех!

Тудор возразил:

— Я о них забочусь!

— Как пастух? — спросил Родут, скаля зубы. — Потому что у тебя небольшое стадо. Но когда их много... сами о себе позаботятся. А мы сможем на них охотиться, ха-ха-ха!.. поголовья не убудет!

Тудор сказал строго:

— Брат! О таких презренных вещах нельзя даже думать, не только говорить. Это люди, наши братья. Они такие же, как и мы.

Родут отмахнулся.

— Сам знаешь, они не такие.

— Мы всего лишь сильнее, — запротестовал Тудор. — Но не лучше!

— Сильнее, — сказал Родут со смехом, — значит, лучше. Ты этого еще не понял? Тебе нравится считаться

таким же, как они, но при случае демонстрировать свое превосходство?

Сволочь, мелькнуло у меня в голове. Бьет в самое уязвимое место. Мы все любим демонстрировать свое превосходство. Хотя в чем-нибудь. Я вон даже созданием мороженого бахвалюсь так, что чуть не лопаюсь от самодовольства.

Тудор покачал головой.

— Никто из моих людей не скажет, что я возношусь над ними.

Родут воззрился в изумлении.

— Что, правда?

— Истинная, — ответил Тудор гордо. — Я веду себя, как христианин и достойный человек.

— Глупо, — бросил Родут.

Тудор посмотрел, как брат с жадностью обгрызает мясо с костей, покачал головой.

— Разве не все мы хотим жить достойно?

— Но рамки определяем мы, — бросил Родут.

— Рамки определены Господом, — возразил Тудор.

Родут поморщился.

— Что за бред? Я сам себе Господь. Вели подать вина!.. Напьемся напоследок, а потом... ха-ха!.. изменим мир. Ты, надеюсь, не против?

Тудор проговорил настороженно:

— Ну, наверное, в нем надо кое-что поменять...

— Кое-что? — спросил Родут со злобной ухмылкой.

— Ну да, — ответил Тудор чуть увереннее. — Я слышал, мир несовершенен, хотя по мне как раз. Но мы можем помочь церкви его изменить...

Родут спросил с той же язвительной ухмылкой:

— Церкви? А сам ты ничего поменять не хочешь?

— Да пока вроде нет, — ответил Тудор. — Во всяком случае, не задумывался над таким. А что менять хочешь ты?

— Да так, — ответил Родут беспечно. — Начнем сперва по мелочи... Я слышал, какой-то Мунтвиг ведет армию с севера, а навстречу ему идет с армией некий Ричард?

— Я тоже, — ответил Тудор угрюмо, — слышал.

— Ну вот видишь, — сказал Родут, — мы думаем одинаково. Сперва разгоним их армии... ты одну, я другую, а потом посмотрим... ха-ха!.. кто управился быстрее и кто перебил их больше.

Тудор передернул плечами.

— Зачем?

— Да просто так, — ответил Родут беспечно. — Надо же с чего-то начинать? Мне вот не терпится опробовать нашу возросшую мощь! Узнать ее пределы... А потом, когда всем покажем, кто в мире хозяин, начнем создавать свою империю. Уже под себя и свои причуды.

— Причуды? У меня нет причуд!

— Будут, — заверил Родут. — Сила... требует подтверждения. Брат, теперь мы правим этим миром!.. Ничто не в состоянии остановить нас! Мы все здесь перевернем вверх дном.

Тудор покачал головой.

— Нет.

— Перевернем, — сказал Родут настойчиво.

— Нет, — повторил Тудор. — Они все наши братья. Нельзя с ними так обращаться. Мы можем драться, ссориться, обвинять друг друга, у братьев редко все бывает гладко, но я не стану с ними обращаться, как с животными!

— Ты уверен?

— Уверен, — отрезал Тудор. — И тебе не позволю!

Родут покачал головой.

— Ты зря так... вот смотри кто сзади!

Тудор оглянулся, Родут молниеносно ударил его в затылок. Тудор без звука рухнул, но не успел коснуться

пола, как Родут подхватил его под мышки и оттащил от стола.

— Ты даже не представляешь, брат, — сказал он со злобой, — что я многое продумывал насчет нашей встречи... И держать тебя в клетке, и как заставить отдавать мне свою силу, чтобы наша объединенная подчинялась только мне... Я продумал многое!

Я, не сводя с них взгляда, рывком протянул руку в ту сторону, где остался арбогастр.

Через мгновение больно ударило по пальцам, а в руке материализовался арбалет, который я называю то цацкой, то игрушечкой, хотя не забываю о его страшной мощи.

Еще усилие, и я продавился через каменную стену. Родут поднял голову от распростертого брата, глаза его расширились в изумлении и узнавании.

Я сказал люто:

— А это тебе за Тудора!

Он впери в меня взгляд налитых кровью глаз. Я нажал на спусковую скобу, зловеще-красная стрела сорвалась со стальной тетивы, и через долю мгновения я успел увидеть, как металлическое острие с силой ударило в грудь Родута.

Его глаза успели наполниться болью, я отшатнулся и присел, закрывая лицо ладонями. Сильный взрыв разметал кровавые клочья во все стороны, облако мельчайшей влажной и очень красной пыли повисло в воздухе...

Мне показалось, что вижу чудом уцелевшие сапоги черного рыцаря, но красная взвешенная в воздухе пыль начала рассеиваться, и страшный холод заледенил мое тело.

Родут собрался из этой кровавой взвеси в воздухе, в его груди громадная дыра, из нее хлещет кровь, видны изломанные концы ребер, а он хрипит и раскачивается, продолжая заращивать себя из последних сил.

...да что там ребра, я вижу через дыру все, что у сволочи за спиной, сам он хрипит от боли и старается закрыть широкими ладонями рану, удерживая вываливающиеся внутренности, а дыра в груди быстро сужается, сужается...

Он поднял голову, наши взгляды встретились: его — кипящий от ненависти и уже торжествующий, и мой, устранный, трепещущий.

— Мой брат рядом, — прохрипел он. — Наши силы объединились! Теперь нам ничто... не помешает. Отныне и вовеки...

Я снова вскинул арбалет, но за спиной черного рыцаря поднялся на ноги Тудор, пошатнулся, лицо одурелое, тряхнул головой и шагнул к брату.

Мой палец застыл на спусковой скобе, чем ближе к нему Тудор, тем неуязвимее эта сволочь, сейчас стрела вообще отскочит от его груди, даже не поцарапает...

Родут резко вытянул в мою сторону руку, я успел увидеть, как на кончиках пальцев моментально собралось нечто, то ли темная энергия, то ли поток антимагической, что не только сметет меня с пути, но и пробьет широкий туннель в замке, уничтожая все живое.

Он вздрогнул, когда сзади его крепко обхватил Тудор, сомкнув пальцы в замок. Я торопливо шагнул к ним, держа арбалет на изготовку, оба рухнули с такой мощью, что земля вздрогнула.

Родут прохрипел люто:

— Брат... меня не остановить... Я все равно сильнее... Мы будем вместе... королями мира...

Тудор крикнул:

— Прощай, Ричард!.. Кабан был... чудо...

Их сплетенные тела начали быстро погружаться в каменный пол. Я охнул, протянул руку, пытаюсь ухватить Тудора, однако гранитная поверхность сомкнулась над ними, словно темная вода болота.

Я чувствовал, как там, в глубине, что-то происходит, идет борьба, однако все отдаляется и отдаляется в глубину, там вздрагивает, доносятся толчки, но тише и тише, наконец совсем едва уловимые, словно из многомильной глубины, где уже и не земля, а раскаленная магма.

Опустив арбалет, я прислонился к стене, долгое время бесцельно прислушивался, хотя умом уже понял: Тудор увлек противника на такую глубину, используя их общую мощь, из которой не смогут выбраться и вдвоем.

— Прощай, друг, — прошептал я с горечью. — Ты погиб, как и хотел, в схватке... но спас свой народ. И не только свой.

Глава 10

На обратном пути в голову уже не стучала, зло колотилась злая мысль: Тудор был первым и пока единственным, кто готов был вместе со мной пытаться остановить Багровую Звезду. Лучше, дескать, погибнуть в схватке, чем прятаться, как крот, в землю. Ну, в землю прячутся не только кроты, в первую очередь сами прячем женщин и детей, а кто-то, помню, прятал от опасности ученых и ослов, при нападении врага торопливая команда «Ученых и ослов в середину!» звучала как «Ученых ослов в середину!»... гм, но мужчины просто обязаны, спрятав самое ценное: женщин, детей, ослов и ученых, выступить с оружием в руках против опасности.

Перед великой бедой, как перед концом света, откуда только и берется всякая нечисть, выползает из всех щелей, а совсем недавно добропорядочные люди превращаются в обезумевших чудовищ.

Родут это не что-то из ряда вон выходящее, а почти привычное, следует ожидать чего-то и похуже, вплоть

до массовых безумств, неистовых оргий и строительства Храма Сатаны в надежде, что он спасет, раз уж Господь отвернулся.

Как только церковь сдерживает озверевшее от ужаса животное в каждом человеке... или не в каждом, не знаю. У меня, к примеру, злость и отчаяние, жажда не прятаться, а ринуться с мечом в руке навстречу Маркусу, хотя и понимаю, что это дурость, а политик не должен позволять вести себя инстинктам и даже простым человеческим желаниям.

Ладно, Тудор пал в битве с Родутом в числе первых, сразив одного из его предтеч, он там молча ждет, чтобы я пошел дальше и остановил это небесное чудовище, именуемую Багровой Звездой. Потому сделаю все... чтобы его жертва была не напрасной. Что и как, еще не знаю, но из кожи вылезу, кишки порву, но сделаю все, что смогу...

Зайчик взлетел на вершину холма; я придержал его, окидывая взглядом долину, где тремя колоннами движется ударная армия. Просто ударная, а не Прославленная и Победоносная, познавшая радость побед, эти титулы для армий, которыми командуют мои полководцы.

Конников Норберта не видно, слишком далеко прочесывают окрестности впереди, задерживая всех, кто может выдать наше расположение, а сейчас солнце блестит на шлемах и выпуклых наплечниках из сенмаринской или вестготской стали нашей рыцарской конницы.

Она гордо движется впереди, готовая принять на себя основной удар, это судьба благородных людей, следом тяжелая конница из простых людей, но в доспехах и вооруженных почти так же, как и рыцари, это лучшие из лучших, а с небольшим отрывом движутся пехот-

ные части копейщиков и лучников, среди которых и несколько сотен арбалетчиков.

Сзади движется обоз, охраняют его панцирные всадники, а также часть пехотинцев, что едут на телегах.

Меня заметили; двое понеслись на легких конях навстречу. Я помахал рукой, дескать, не стоит, я тут ночевать не останусь, и пустил Зайчика к головному отряду.

Впереди три герцога: Клемент на огромном коне, Мидль и Сулливан тоже на крупных и драчливых жеребцах, что не слишком хороши в длительном беге, но могут развить сумасшедшую скорость для короткой яростной атаки.

Дальше Палант и Альбрехт, а чуть в сторонке, ибо титулы не позволяют двигаться позади простых герцогов, принц Сандорин и принцесса Аскланделла.

Я поискал глазами Макса, но, как и всегда, его не отыскать в поле зрения, он обычно со своими пехотинцами, объезжает, присматривает, усталых сразу отправляет в обоз, чтобы отдохнули от марша хотя бы пару часов, высматривает тех, кого можно перевести вдесятники, а каких десятников повысить до сотников.

Армия движется красиво и мощно, над головами шелестят развернутые знамена. За время похода и множества боев, пусть и не генеральных сражений, не только не уменьшилась, а увеличилась почти вдвое за счет присоединившихся войск, дружин и просто отрядов бриттских и ирамских лордов: кто в поисках чести и славы, кто жаждет стяжать подвиги, кто мечтает отомстить за свои разграбленные земли, хотя есть и охотники просто пограбить города и села, мимо которых идем.

Конь Клемента идет в стальном нагруднике, такой не пробить даже рыцарским копьем, у следующих за ним Сулливана и Мидля кони в налобниках, но на груди лишь большие пряжки, скрепляющие края алых расписных попон.

У Паланта конь с кокетливым ворохом крашенных перьев между ушей, такие же и на шлеме его хозяина, гармоничный ансамбль, даже цвета у них с конем одинаковые, начиная от плаща и попоны и заканчивая длинными рыжими волосами Паланта и такой же рыжей гривой его коня.

Я смотрел на это цветное праздничное шествие и думал, что все здорово, одна мелкая деталь все портит, но ее никак не убрать, ибо эта деталь — война, в которой надо убивать других людей и рисковать быть убитым самому.

Между первой конной тысячей и второй рослые кони тянут несколько повозок, где сложены шатры и с полдюжины пустых, там можно перевести дух за время утомительного похода.

В дыму пожарищ переходим реки вброд, если не удастся захватить мосты, но обычно конница Норберта прибывает туда раньше, чем там успевают даже подумать про их разрушение перед лицом наступающего врага.

Разведчики то и дело возвращались с донесениями, что у эббертовцев царит переполох. О нашем приближении узнали только что, сейчас, народ торопливо собирает стада и гонит в сторону крепостей или городов с надежными стенами. Лорды спешно рассылают гонцов к своим вассалам с требованиями немедленно прибыть с отрядами воинов, сколько удастся собрать.

Города в панике закрывают ворота, готовятся к обороне.

Сегодня река течет, красная от крови, трое местных лордов, объединив усилия, самонадеянно вышли на встречу, но им даже не дали развернуть боевые порядки:

я велел окружить и перебить стрелами, а если попытаются вырваться, то должны напороться на лес пик.

— Мне сейчас не нужен героизм на пустом месте, — зло объяснял я обиженным рыцарям. — Вон когда будем брать города, тогда каждый, кто первым ворвется в город, получит титул и земли, а кто первым поднимет знамя вашего сюзерена на головной башне — титул и прочие награды!

Они радостно зашумели, Алебрехт и Клемент слушают внимательно, я заметил, что переговариваются частенько, хоть и короткими репликами.

Клемент не так изощрен, как Альбрехт, но возраст и богатая войнами и сражениями жизнь научила смотреть на многое иначе, чем молодые и одухотворенные рыцари, потому он понимает мои мотивы и на этом сошелся с Альбрехтом.

Третий, который принимает меня полностью, как ни странно, тот, кто обычно держится вдалеке, сэр Норберт Дарабос, ветеран многих войн, бывалый, тертый, многое в жизни повидавший.

На противоположном конце находится Макс, который абсолютно не понимает и не интересуется моими целями, он просто беззаветно верит мне, так как я дал ему цель в жизни, поручил всю пешую рать и позволил совершенствовать ее мастерство до бесконечности, подбрасывая новые идеи, от которых впечатлительный Макс просто шалает от восторга, а меня считает величайшим военным гением всех времен и народов.

Дорог нет, сверху особенно четко видно, как длинная колонна постоянно изгибается подобно бесконечной змее, следуя рельефу местности. Если вытянуть эту извилистую линию, по которой мы прошли, то уже точно были бы не только в Сакранте, но, может быть, в Аганде или Сизии, что отсюда кажутся краем света.

Я еду, погруженный в свои тяжелые думы, лорды стараются не отвлекать меня мелочами, а для такого гиганта мысли, как я, все житейское может оказаться недостойным внимания, потому стараются все решать сами.

К Клементу то и дело начали слетаться гонцы, я видел, как он раздраженно отдает приказы, посылает их за военачальниками, а те, получив указания, пускают коней в галоп.

Заинтересовавшись, я придержал арбогастра, а Бобик, увидев, к кому я направляюсь, живо подобрал по дороге обломок сухого дерева с бедро взрослого мужчины в обхвате и скачками понесся к Клементу.

Когда мы с Зайчиком приблизились, Клемент с усилием бросал эту сорокафунтовую палочку, уже красный и замученный.

— Бобик, — сказал я строго, — отстать. Найди другую жертву!

Бобик нехотя отступил, а Клемент сказал с вымученной улыбкой:

— Да он очень дружелюбный... игривый такой...

Бобик, отступив с бревнышком в пасти, посмотрел на него с новой надеждой, но Клемент сделал вид, что не замечает умоляющего взгляда, а я сказал строго:

— Иди-иди!.. Вон принц Сандорин едет такой гордый и в чистеньком жилете... Пусть он или принцесса побросают. Проверим, в самом ли деле собак любят, или тайные кошатники в мохнатых липких душах... Что-то стряслось, герцог?

Лицо Клемента напряглось, на миг мне показалось, что выругается, но сдержался, покачал головой.

— Крестьяне прибежали, просят помочь с монстром. Говорят, сразу трех коров уташил. За раз!

— Ого, — сказал я невольно. — Здоровый гад. И что, вы тут же приняли меры?

Клемент сказал недовольно:

— Я послал на охоту за ним целый отряд!

— И что?

Он потемнел, ответил сквозь зубы:

— Вернулись только двое. Один вскоре умер от ран. Это было благородно, конечно, мы пришли на помощь местным жителям, однако я не люблю терять людей вот так... глупо.

Подъехали Сулливан с Альбрехтом, тот прислушался, сказал с сожалением:

— Среди них был и доблестный сэра Кристер, сын барона Ширбера. Его разорвало пополам.

Я поинтересовался:

— А что за монстр?

— Крестьяне сказали, — ответил Клемент, — что нечто огромное и блестящее... движется очень быстро, сила неимоверная.

— Я не о том, — пояснил я. — У всех монстров есть особенности. К примеру, одни на ночь забираются на вершины домов или, наоборот, в норы. Кому-то нужны только теплые болота... А этот был из каких?

Альбрехт кивнул.

— Вы правы, ваше высочество. Если бы это узнали раньше... Но наши герои сразу же помчались, чтобы выказать отвагу и совершить подвиги!

— Ну да, — сказал я с тоской, — как же иначе...

Герцог Сулливан прислушивался с недоумением.

— Ваше высочество, — произнес он учтивым, но твердым голосом, — мы ведем достаточно странную войну...

— В чем же, герцог?

— В ней трудно, — пояснил он, — выказывать подвиги. До яростных схваток дело доходит только в конце, когда гоним и рубим убегающих. А там половину победы приходится отдать лучникам, половину — копей-

щикам! Это неслыханно! Потому все и вспыхнуло страстью отыскать и убить чудовище!.. Это дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!

Рыцари зашумели, я уловил в их голосах одобрение, но лишь ответил мирно:

— Когда вернетесь, перескажите этот разговор вашей супруге. Надеюсь, несравненная Хорнегильда побьет вас скалкой за ваш неоправданный героизм. И горячо одобрит, что я предпочитаю решать исход битвы лучниками и копейщиками.

Он поморщился.

— Ну, стоит ли спрашивать мнение женщин...

Я остановил коня, соскочил и вытащил из седельной сумки карту.

— Давайте посмотрим, — сказал я. — А что, кстати, слышно насчет нападений в селах? Здесь их с десятков, как я заметил, ваше чудище... вот здесь?

— Если бы чудище, — сказал Альбрехт, — а то чудовище!

Клемент повел пальцем по карте.

— Нет, вот здесь... ага, вот тут!

— Странно, — сказал я, — деревни расположены как будто по кругу, но в самом центре, где ваша зверюшка, никого...

— Всех сожрала, — предположил Сулливан.

— Но за пределы круга не выходит, — сказал я, — иначе в деревнях никого бы не осталось. Просто сбежали бы...

Альбрехт, как самый сообразительный, поинтересовался:

— Хотите сказать, ваше высочество, что монстр защищает только свою территорию, но не выходит за ее пределы? И коров тащит, потому что забрели не туда?

— А это не очевидно? — спросил я. — Проверьте, где он украл коров. Уверен, они зашли вовнутрь круга, пока пастух спал или пасторалил с пастушкой.

Он покрутил головой.

— Ваше высочество, это вы всяких монстров навидались, у вас у самого... гм... какие-то глаза не такие, может быть, даже хвост в штанах прячете, а мы вот такой момент по своей гуманной человечности упустили...

Я отмахнулся.

— Оставьте, граф. Человечность — не всегда дурость, хотя, конечно... Просто, может быть, оставить его пока?.. Какого хрена нам решать проблемы местных? А они чего сидят да сопли жуют?.. Пойдем мимо, это не наше дело. Оставили же мы тех людей-рыб, что пытаются расширить места обитания!

Клемент усомнился:

— Разве оставили? Мне казалось, как-то решили...

Я отмахнулся.

— Если не снимая лыж, то еще можно, но заморачиваться такими проблемами, когда мы в тылу врага... как-нибудь объясню, что это такое, нам совсем не до того, чтобы гонять чужих монстров! Да еще в их же гнездах. Или норах.

— Чужих?

— Да, — отрезал я. — Есть наши монстры, а есть не наши. Мы будем иметь дело с нашими!

— А если нападет и на нас?

— Тогда другое дело, — сказал я сердито. — А иначе зачем? Мы осторожные!

— Да, — согласился он. — Если не вспоминать, куда мы прем.

Я спросил с подозрением:

— А куда мы прем? Мы защищаем наши суверенные и законные интересы!

— Так далеко от дома?

Я ответил высокомерно:

— Господь дал человеку всю землю, так что нечего нарушать его запреты и сепаратничать!.. Наши интересы простираются всюду, где есть мы и где... где вообще наши интересы, если говорить так уж высокопарно и дипломатически. Так что мы как бы вправе! Потому предлагаю просто забыть о том бедном чудовище. Место пустое, никто не живет... Ближайшая деревня за десять миль. Пусть все так же охотится на диких коз и... кто там охотился на них еще?

— Гепарды.

— На барсов, — согласился я. — На барсов в первую очередь, чтобы не перехватывали у него добычу.

Альбрехт вздохнул.

— Да, это было бы решением. Если бы не то, что скоро период спаривания. Он найдет самку, а там, как догадываетесь, появятся детеныши. А им понадобится территория пошире.

Я посмотрел на него испытующе:

— Дорогой Альбрехт, вы в самом деле про монстров, или вас беспокоит что-то другое?

Он картинно изумился:

— Ваше высочество? Что еще? Токмо забота о вашем благоденствии!

— Вот-вот, — сказал я сердито, — прощупываешь на предмет, останутся эти территории... как бы помягче, за которые отвечать отныне будем мы, или же все будут по-прежнему в ведении местных властей?..

Остальные тоже повернули головы и смотрели очень внимательно. Альбрехт даже отпрыгнул, услышав такое дикое обвинение.

— Ваше высочество!.. Да как можно!.. Как вы могли такое предположить!.. А что, неужто правда, вы на эти земли лапы накладывать не будете? И никого не подгрете под свое пузо?

— Ага, — сказал я злорадно, — вы уже и монстров используете в своих интересах!.. Так вот, граф, в любом случае, всякими там монстрами заниматься будут местные власти!

Альбрехт развел руками.

— Понял, понял. Всякие там местные короли... Вы всегда выражаетесь предельно ясно, ваше высочество! Даже когда молчите.

— Разве? — спросил я. — Мне казалось, всегда стараюсь запутать как можно больше.

Он сказал подчеркнуто подхалимски:

— Вы — великий человек, ваше высочество. А великие всегда выражаются ясно, даже когда врут или вступают в политику, что вообще-то одно и то же. Это дураки даже не понимают, что плетут, потому их называют философами.

— Ладно, — прервал я, — что там с фуражом для коней?

— Кое-что натрясли и в запас!

— А для людей?

Он воскликнул с пафосом:

— Вы не только великий, но и заботливый!.. О лошадях все заботятся, но чтоб еще и о людях...

— Ну-ну?

— На неделю похода, ваше высочество. А там награбим по дороге. Это же территория противника, что так здорово!.. Противника нет, а территория есть, да еще какая...

Глава 11

За тонкой стенкой шатра простучали копыта легкой лошади, я скоро начну их различать, кто на ком ездит, слышно было, как всадник соскочил на землю, коротко ответил Зигфриду.

Полог отлетел в сторону, появился Джонс, один из разведчиков Норберта, запыхавшийся, быстроглазый и с румяными от быстрой скачки щеками.

— Ваше высочество!

— Говори, — велел я.

— К нам приближается армия мунтвиговцев!.. Сэр Норберт говорит, они идут с той же скоростью, что и мы, и не отстают.

Я поморщился, бросил Альбрехту с укором:

— Говоришь, противника нет?

— Накаркал, — ответил тот виновато. — А оторваться от них нельзя? Вдруг да вернутся и пойдут на юг, как им и указано?

— А если нет? — ответил я. — Тогда окажемся зажаты с двух сторон. Нет уж, разворачиваемся для битвы... Джонс, скажи Норберту, пусть следит за каждым перестроением в рядах противника. Я не против неожиданностей, когда знаю о них заранее и подробно.

— Мудро, — восхитился Альбрехт. — Заранее и подробно! Какое стратегическое мышление...

— Не подхалимничайте, граф, — сказал я строго. — Достаточно и того, что накаркали.

— Ваше высочество, вы же христианин, а в приметы верите, как дикарь неумытый!

— Поскреби любого христианина, — буркнул я, — такого Фрейда увидишь... лучше не скрести.

Мы вышли из шатра, видно было, как сотники разбежались во все стороны, где поднимают десятников, а тем уже предстоит без спешки подготовить своих к боевому построению, как только прозвучит сигнал.

Альбрехт поинтересовался тихонько:

— А Фрейд... это какой-то особый монстр?

— Страшнее уже не бывает, — заверил я. — Пусть Норберт выберет удобное место для битвы. Но не клас-

сической, а из неоклассики! Мы закладываем основы новых стандартов узаконенного массового убийства.

Он посмотрел на меня с опаской.

— Подпустим мунтвиговцев поближе, а потом снова стрелями?

— Не мунтвиговцев, — поправил я, — а живую силу противника! Которую нужно истребить. Вы их еще людьми назовите!

Он сделал большие глаза.

— Но разве они не...

— Они да, — сказал я в раздражении, — но людей даже Господь запретил убивать! Да и самим как бы жалко. Потому чужих людей, но все-таки людей, нужно называть как-то иначе, чтобы это не выглядело убийством! Ведь мы, когда оленя или кабана заваливаем на охоте, это же не убийство?..

— Н-нет...

— Так вот, — пояснил я, — сейчас мы будем убивать не людей, а всего лишь истреблять живую силу противника! Ее можно. И совесть промолчит. Ей только дай повод закрыть глазки. И вообще... мы никого не убиваем, а только выигрываем битвы! Выигрываем, понятно? Это игра, всего лишь игра. Так и принимайте, чтоб никаких угрызений и психотерапевтов.

Он смотрел во все глаза, потряс головой, голос его был слегка ошалелый:

— Ваше высочество, ну и вы и...

— Свинья?

— Нет, — сказал он, — я бы даже сказал, лекарь. Если помнить, что это лишь игра, а битвы проигрываются или выигрываются, как и войны, кстати, то да, никаких угрызений... или совсем мало. Вы как бы лечите души!

— Вот-вот, — сказал я самодовольно.

— Но с таким подходом не станут ли сражения еще ожесточеннее?

Я помрачнел.

— Знаете, граф, нам нужно выиграть это сражение... или просто перебить этих людей, если называть все своими именами, что хотят перебить нас! Либо мы их, либо они нас. Что вы сами выберете?

— Понял, — ответил он. — Пойду готовить свою конницу.

Разведчики Норберта наперебой докладывали о пригодных для обороны местах, я на Зайчике проскакал там и согласился, что лучшее все-таки выбрал Макс, который и примет основной удар, а уж потом, когда живая сила противника поредеет и упадет в замешательство, а то и начнет отступать, ударит тяжелая конница.

В исходе я не сомневался, наши силы по численности примерно равны, а это значит, у нас преимущество чуть ли не десятикратное.

Конные и пешие сразу направились на указанные места, все четко, у меня армия, а не сборище отрядов под руководством самовлюбленных лордов, что все время опасаются как бы не уронить свое достоинство, подчиняясь приказам верховного командующего.

Войска ирамских и бриттских лордов я расположил так, чтобы они, не вмешиваясь в саму битву, сразу же могли вступить в бой, когда противник дрогнет, и могли преследовать его на свежих конях, пока у лошадок хватит сил идти вдогонку, а у преследователей не заболят руки бить в спины и затылки и хватать добычу.

Пока шла лихорадочно-взвинченная подготовка к сражению, а гонцы то и дело врывались с докладами, где и что уже сделано, Зигфрид крикнул за стенкой шатра:

— Ваше высочество!.. Там вроде бы лазутчика поймали!

Я промолчал, хотя озлился, мне только и не хватает, что отдельными лазутчиками заниматься, но через несколько минут полог отлетел в сторону, двое стражей ввели очень тепло одетого мужчину в дорожном плаще с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Клянется, — доложил один, — что послан к вам с важной миссией.

Незнакомец поднял голову и одновременно откинул капюшон. На меня взглянули серьезные глаза Дональда Дарси.

— Все в порядке, — сказал я, — благодарю за службу. Идите, я его сам допрошу и попытаю до смерти, если будет отпираться.

Не удивившись, они вышли; Дарси почтительно поклонился и застыл в этой позе.

— Сэр Дональд? — сказал я.

Он ответил ровным голосом:

— Ваше высочество, у меня в самом деле к вам послание.

— Как вы добрались? — поинтересовался я светски. — Что-то у вас щеки побелели, так и обморозить недолго. На большой высоте мчались, что ли? На уровне стратосферы и литосферы?

Он ответил ровно:

— К лагерю я подъехал на лошади. Обычной такой савраске. Ваше высочество, я знаю, как вы заняты, но если у вас найдется свободная минутка...

Я смерил его взглядом с ног до головы, он ничем не изменился, даже камзол тот же, что был на нем в прошлый раз, словно и спит в нем.

— Правила этикета, барон, как вижу, выучили, — произнес я сумрачно, — но что-то полезное скажете? Где находится ваше королевство Брандерия?.. Вот карта, сумеете указать?

Он учтиво поклонился.

— Ваше высочество, я не столь быстро получаю титулы, как ваше высочество...

— Значит, — спросил я, — все еще виконт? И все еще командир отряда дворцовых лазутчиков? И командир у вас все тот же сэр Аллен Гелдорф, начальник среднего звена разведки?

Он произнес так же учтиво:

— У нас тихое королевство, ваше высочество. Никто не меняется. Да, мой командир все тот же сэр Аллен.

— Хотите, — предложил я, — дам титул барона? И обширные угодья? Можно даже с поместьем и замком?

Он не отрывал от меня испытующего взгляда.

— И что я должен сделать?

— Никого убивать не придется, — заверил я, — как и поджигать, топить или открывать плотины. Только информация.

— Информация убивает, — произнес он тихо, — поджигает, топит и рушит плотины. А еще, при удачном использовании, в состоянии сотрясти до основания целые королевства. Уверен, вы любую информацию умеете использовать с наибольшей эффективностью.

Я покачал головой.

— Сэр Дональд... а вы в самом деле рядовой разведчик? Нет-нет, командир отряда, помню, но если вас лично посылают так далеко, то либо это очень важно, либо вас мало ценят...

— Да, ваше высочество, — ответил он учтиво. — Я в самом деле один из многих. А в чем сомнение?

— Слишком умны, — отметил я. — Если в Брандерии такие люди на низших должностях, то кто на высоких?.. Как обычно, старые родовитые пни с вот такой вереницей знатных предков? Или ваш сюзерен все-таки набрался мужества продвигать наверх людей талантливых?

Он сдержанно улыбнулся.

— Вы мне льстите, ваше высочество. А прибыл я по весьма важному делу.

— Слушаю.

Он запнулся, лицо напряглось, наконец произнес с заметным усилием:

— Ваше высочество, прошу простить... но нам стало известно, что у вас в плену сейчас принцесса Аскланделла. Вы уже знаете, что она... что она является...

— Дочерью императора Вильгельма, — закончил я. — Вы прибыли ее забрать и отвезти к отцу?

По его лицу скользнуло замешательство, быстро зыркнул на меня, отвел взгляд в сторону.

— Ваше высочество...

— Что вам мешает? — спросил я живо. — Могу дать отряд сопровождения. До самой границы с... Брандерией, что входит, как понимаю, в империю Вильгельма. А то и является его основным королевством. Как бы базовым, верно?

Он пробормотал, совершенно сбитый с толку:

— Да, разумеется... Мы будем крайне признательны... Назовите сумму выкупа...

Я переспросил:

— Выкупа? Дорогой барон... ах да, все еще виконт, вы что-то путаете. Мы сами вам охотно заплатим, только заберите ее от нас.

Он вскочил, глаза метнули молнию, снова сел, опять вскочил, по лицу пошли красные пятна, наконец проговорил сдавленным голосом:

— Не будет ли с моей стороны величайшей дерзостью просить о свидании с ее императорским высочеством принцессой Аскланделлой?

Я дернул за шнур, по ту сторону шатра гулко бухнул гонг. Вошел Зигфрид, я сказал с удовольствием:

— Пошли гонца к Сандорину. Пусть везет принцессу ко мне. Да побыстрее, тут радость-то какая!.. Да сядьте вы, барон!

Дарси не стал поправлять, что он виконт, молча сел. Зигфрид смерил его недоверчивым взглядом.

— Будет сделано, ваше высочество. Что-то ей передать?

— Скажи просто, ее ждет сюрприз.

Зигфрид вышел; Дарси проговорил искательно:

— Я мог бы поговорить с принцессой... в ее... ну, уединении...

Я фыркнул.

— Вы что, полагаете, она в темнице? В тяжелых оковах на руках и ногах?

Он промолчал, но я видел по его лицу, что именно так и думает.

— Ладно, барон, — сказал я, — мы можем выйти их встретить, если хотите.

— Ваше высочество, — поправил он, — я виконт...

— Эх, — сказал я с досадой, — я уже отвык от виконтов, вокруг одни герцоги и графы. Может быть, все-таки дать вам барона? Просто за так? За красивые глаза. У вас они в самом деле красивые.

Он опасливо отодвинулся.

— Ваше высочество...

— Да я не в том смысле, — сказал я успокаивающе. — Просто я эстет по совместительству. Широкая такая и богатая натура. Хотя сам я бедный, но натура богатая.

Он хмуро усмехнулся.

— Спасибо, нет.

— Почему?

Он посмотрел с укором.

— А как я объясню своему руководству, за что получил от вас баронство?

Я вздохнул.

— Жаль... но что-нить придумаем. Давайте скажем, что я тонул, а вы меня вытащили и как бы спасли?

Он покрутил головой.

— А вдруг вообще казнят?

— Да, — согласился я, — в политике ветер всегда дует навстречу. Пойдемте встретим. Принцессе это будет приятно. Наверное, приятно, хотя кто ваших северных принцесс знает, у них же все поперек!

Глава 12

Из-за дальних шатров вынырнул идущий на рысях конный отряд, все под красными знаменами моей армии, на полотнищах мой герб, меч и лира на звездном фоне, а прежний, выглядит понятным только служителям древнейшего культа, я оставил как личный герб.

Прелестная головка принцессы Аскланделлы выглядит дивным цветком, нежным и хрупким. Я мрачно полюбовался издали и решил про себя, что такие женщины могут выглядеть нежными и утонченными, если их умело декорировать, а поставь рядом с иными крестьянскими девушками, запросто проиграют...

Принц Сандорин весь в красном с головы до ног, даже сапоги из красной кожи, конская попона тоже красная, на нее ниспадает с его плеч ярко-красный плащ, сам принц выглядит могучим и учтивым воином, принцесса Аскланделла выше почти на полголовы, но это за счет дамского седла, что больше походит на скамеечку, да еще эта золотая шапочка в виде короны поверх платка такого же золотого цвета, шея тоже укутана золотым шарфом, и лишь плащ на ее плечах небесного голубого цвета, хотя тоже в золотых коронах сложной конфигурации, явно это и есть императорские.

Дарси рядом со мной охнул, потом хрюкнул, а когда рассмотрел принцессу в седле лучше, глаза его стали огромные, как у морского окуня из Марианской впадины.

Я подошел к коню Аскланделлы, она взглянула сверху царственно-надменно. Я ответил предельно наглым взглядом, даже скользнул взглядом по ее груди, намекая, что и у принцесс бывают, хоть и не всегда это сиськи, а потом взялся за ее стремя, точнее — за стремя ее лошадки, и церемонно преклонил колени, дескать, слезайте, ваше высочество, мое высочество подставило вам ступеньку в виде своей согнутой задней ноги.

Но вид у меня был такой, что в последний момент сдвину колено, и принцесса рухнет мордой на истоптанную в грязь землю.

Она чуть помедлила, затем оперлась ладонью о мою голову, наступила изящным башмачком с невыносимо острым каблукочком на мое колено, помедлила, как мне показалось, затем с мстительным вздохом сошла на землю.

Я поднялся, хромя и чувствуя в ноге вбитое туда шило, сказал голосом дворецкого:

— Ваше высочество... к вам прибыл некий гонец из какой-то Брандерии... бывают же такие медвежьи углы с такими смешными названиями! Барон Дарси, ваше высочество.

Дарси подбежал и спешно преклонил колени. Аскланделла произнесла величественно:

— Барон?

Он воскликнул виновато:

— Простите, ваше высочество, но принц Ричард малость перепутал мой столь незначительный титул с более высоким.

— Виконт? — сказала она.

Он ответил преданно:

— Ваше высочество!.. До империи докатились слухи, что вы захвачены в плен. Его Императорское Величество формирует делегацию, что будет договариваться о вашем выкупе.

Она слушала милостиво холодно, на спокойном лице ничто не отразилось, как и в больших и равнодушных глазах.

Дарси договорил и вскинул на нее взгляд, полный ожидания.

— Виконт, — произнесла она ровным голосом, — надеюсь, вас примут с надлежащими удобствами. Хотя, конечно, в такой армии, как вы понимаете, да еще с таким лордом-атаманом их меньше, чем ничего. Но все-таки приведите одежду в порядок... затем жду вас у себя. Получите ответ для моего отца и его советников.

Я отступил на пару шагов и, кивнув Альбрехту, вернулся в свой шатер.

Альбрехт спросил тихонько:

— Что теперь?

— Надеюсь, — ответил я шепотом, — он ее заберет.

— А если не рискнет?

— Впихнем, — сказал я. — Разве мы не впихивали?.. Еще какие!

Он вздохнул.

— Да пока больше нам впихивают. По самые гланды. Ладно, теперь будете ждать? Так ничего не предпримете?

Я огрызнулся:

— А что я могу?

Через час Зигфрид доложил, что ко мне просится этот самый Дональд, что приехал невесть откуда. Я сказал, что пусть введут... э-э, пусть войдет, а сам сделал вид, что уже и забыл про него, настолько зарылся головой в стратегические замыслы, как всех победить, а уцелевших сделать счастливыми.

Он осторожно переступил порог, поклонился. Те же движения, что и всегда, но даже стены, как мне кажется, замечают, насколько он сконфужен и все еще не в своей тарелке.

Трудно угадать, что такое ему говорила принцесса, но явно не то, что ожидал. Теперь кланяется, на лице вежливая улыбка, словно дипломат, а не разведчик, хотя это обычно соприкасаемо и даже взаимопроникаемо весьма тесно.

— Барон Дональд, — сказал я рассеянно, потом виновато улыбнулся, — ах да, виконт...

Он поклонился снова.

— Ваше высочество...

— Сэр Дональд, — сказал я легко, — в свое время некто весьма своевременно предупредил мое высочество, что Карл ушел в монастырь, а завоевания начал некий Мунтвиг.

Он чуть наклонил голову, понимая, почему я прямо не называю его по имени, у разведки свои тайны.

— Это позволило, — сообщил я, — спешно и очень вовремя выдвинуть вперед наши армии и встретить нашествие на, так сказать, дальних рубежах нашего общего демократического пространства почти дружественных, хоть они об этом не догадываются, королевств. Потому я и впредь буду относиться доброжелательно и с благодарностью к этому некто... ну, до тех пор, пока какие-то нехорошие действия не склонят чашу весов в другую сторону.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Рад, — сказал я величественно, — что вы все понимаете. В нужном направлении и с заданными оттенками спектра. Надеюсь, общение с ее императорским высочеством было весьма и зело?

Он ответил с заминкой:

— Весьма... ваше высочество. Но она не решается пуститься в дальний путь, имея в спутниках только меня.

Я сказал с живостью:

— Эта проблема поправима! Сколько потребуется в отряд сопровождения? Нет проблем, хоть половину армии!

— Нет-нет, — сказал он поспешно. — Ваше высочество, я ценю ваше благородство, однако не стоит рисковать в такое беспокойное время.

Я прервал:

— Да пустяки, для принцессы я готов сделать что угодно! Только скажите что! А то у меня уже залысины от тяжелых дум в одном месте. И все во благо принцессы, представляете?

Он посмотрел на меня с опаской.

— Ваше высочество...

— Ну, — сказал я в радостном нетерпении, — что еще?

Он договорил:

— В центре вашей армии принцесса в полной безопасности... как она заверила меня.

Я сказал с досадой:

— Похоже, что вы правы... Как я об этом не подумал... Что же делать, что делать... А вы как думаете, кто виноват и что делать?

— Ваше высочество, — ответил он сдержанно, — я тоже принимал участие в ряде войн... Принцесса дальновидно и очень правильно решила, что вы и так с каждым днем приближаетесь к землям императора Вильгельма. Потому не стоит ей выезжать вперед, терпя лишения и трудности дальней дороги.

Я пробормотал:

— Ну да, здесь она с удобствами. Да еще и с галантными спутниками.

— Другое дело, — сказал он, — когда ваша армия остановится окончательно...

— Или император Мунтвиг, — сказал я, — пересилит свою гордыню и потребует вернуть ему принцессу.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— А вы... вернете?

— От сердца оторву, — пообещал я. — С кровью!.. Честь дороже, чем такая, даже такая!.. извините за выражение, как бы женщина. Сам и отвезу! И прослежу, чтобы не... в общем, чтобы все было хорошо. И для меня.

Он чуть развел руками.

— Я не берусь судить с высоты своего малого титула, какой вариант правильнее.

— Дать барона? — предложил я злорадно. — Будете смелее высказывать свое мнение.

Он слабо улыбнулся.

— Боюсь, мой король такую шутку не оценит и все-таки велит казнить меня, как получающего блага со стороны неприятеля.

— А мы воюем и с Брандерией? — спросил я цепко.

Он помотал головой.

— Нет, но... принято считать, что от кого получаешь, на того и работаешь.

— Эх, — сказал я с огорчением, — почему нельзя сделать подарок просто хорошему человеку? Вы предупредили нас о нашествии Мунтвига, это очень важно.

— Я предупредил по заданию своих служб, — уточнил он.

— Хорошо, — сказал я, — тогда награжу вашего непосредственного начальника, сэра Аллена Гелдофа.

— У вас прекрасная память, — сказал он намекаяюще.

— В интересах дела, — ответил я туманно и посмотрел на него, как забравшийся очень высоко разведчик

на другого, который все еще внизу. — Память нужна всегда, а иногда — особенно.

— Тогда и сэра Аллена уволят, — обронил он, — если не казнят.

По его лицу нельзя было сказать, что не рад, подчиненные редко бывают довольны начальством, но умолк и смотрел на меня с ожиданием.

— Тогда придется наградить кого-то еще выше, — сказал я бодро. — Графа или герцога, который руководит всей разведкой. Или даже короля. У вас есть король?

Он улыбнулся, но смолчал, потом сказал осторожно:

— Ваше высочество, с вашего позволения я поспешу обратно, торопясь принести радостные вести императору.

— Не очень и радостные, — предостерег я. — Я, к сожалению, помешал их брачному союзу, а говорят же, что и собачью свадьбу нельзя портить... Ладно, в добрый путь, виконт! Но насчет баронства подумайте. У меня и графом стать недолго... но это вы наверняка уже знаете, ведь вы хороший разведчик.

Он польщенно улыбнулся или сделал вид, что польщен, и вышел, пятясь, словно от восточного сатрапа.

Разведчики доложили, что уехал он на той же лошадке, зачем-то свернул с дороги и углубился в лес, а когда они тайком двинулись следом, то отыскиали там только коня под седлом, а самого лазутчика обнаружить не удалось, даже следы оборвались как-то весьма неожиданно.

— Как раз ожидаемо, — сказал я и пояснил в ответ на недоумевающие взгляды: — Он и должен был уйти именно так, все-таки разведчик экстра-класса, какими и вы станете, если будете слушать маму, мыть уши и шею,

кушать кашу и усердно упражняться в своей крайне нужной стране и обществу профессии плаща и кинжала!

Армия мунтвиговцев сразу же замедлила движение, как только мы остановились. Следят, значит, молодцы. Сейчас ожидают, когда подтянется их обоз, там наверняка везут тяжелое оружие, доспехи, а также палатки, чтобы воины хорошо выспались и утром сами рвались в бой. Молодцы, грамотно.

Я заметил на дальних холмах просторный замок, указал на него Норберту.

— Как называется?

— Азенкерл, ваше высочество.

— Почти Азенкур, — сказал я. — Это сражение будет именоваться битвой при Азенкерле!.. Постарайтесь, чтобы все было сделано с блеском!

Военачальники подтянулись, смотрят преданно, никто не сомневается в победе. Клемент сказал гулко:

— Если это сражение и не войдет в историю, ваше высочество, то лишь по одной причине...

— Какой? — спросил я.

Вместо него договорил улыбающийся Альбрехт:

— Потому что у нас выигранных сражений много, а будет еще больше!.. Я правильно выразил вашу мысль, дорогой герцог?

Клемент громыхнул:

— Что бы я без вас делал, дорогой друг? Вы всегда умеете придать словам самую нужную форму.

Альбрехт повернулся ко мне, в глазах появилось хитрое выражение.

— Ваше высочество горит желанием заглянуть к ним в гости?

Я ответил недовольно:

— Гореть не горю, но если противник только через двое суток выйдет на нужные нам позиции, то что еще делать?

— Тогда едем? — предложил Альбрехт.

— Да хоть сейчас, — ответил я, повернулся к военачальникам. — Отдыхайте, проверяйте готовность войск. Я вряд ли там заночую, но если даже и так, то завтра утром буду здесь. Если что срочное, пришлите гонца.

Клемент заверил благодушно:

— Развлекайтесь, ваше высочество!.. Двое суток здесь будет тихо.

Я повернул Зайчика в сторону далекого замка, а за спиной послышался голос озадаченного Норберта:

— И откуда он узнал, что у хозяина замка дочь редкостная красавица?

Почти у самых стен замка трое музыкантов, стоя на холодном ветру, натужно исполняют на дудках нечто веселое, а миловидная девушка с бледным усталым лицом поет о любви, время от времени делая несколько танцевальных движений, не сходя с места.

У ее ног старая потрепанная шляпа, я бросил пару серебряных монет, но с высоты седла Зайчика в шляпу не попал, обе угодили в грязь, перемешанную подошвами сапог.

Один из музыкантов, выронив флейту, бросился вылавливать монеты, пока их не ухватил раньше кто-то из проходящих мимо.

Девушка искательно улыбнулась мне и прокричала тонким голоском:

— Спасибо вам, щедрый господин!

Мы проехали дальше, я сказал Альбрехту не обращаясь:

— Дорогой граф, вы можете себе представить мир, где вот певцам и музыкантам будут принадлежать наши дворцы и замки?

Он ответил удивленно:

— Разрази меня Господь! Как это?

— И будут ездить они в самых роскошных повозках, — сказал я, — и на самых дорогих конях, окруженные слугами. А мы, что интересно, будем ходить пешком.

Он захохотал:

— Ну и фантазия у вас, мой лорд!..

— Да уж, — пробормотал я, — иногда такое наворочу...

Он продолжал похохатывать, даже всхрюкивая от удовольствия, но, похоже, так и не смог вообразить такое дикое и невероятное, хотя да, пытается, вижу, даже в глазах отсвечивает некая титаническая работа мысли, а ведь Альбрехт — умница, что же говорить о других, никто не может вообразить такой мир... и не мог бы в нем жить.

Замок на скалистом выступе, такой же серый, массивный, потому почти сливается с горой и выглядит ее вершиной, заостренной в виде пика.

Альбрехт посмотрел на тропку, что резво ведет вверх, покрутил головой.

— Либо я старею, либо горы растут, — пробурчал он. — Если скажу, как хорошо здесь жить... убейте меня сразу, ваше высочество. Не хочу жить сумасшедшим.

— Но люди живут, — резонно возразил я. — Вон и деревни вокруг...

— Даже пара сел, — уточнил Альбрехт.

Наши кони, даже лошадка Альбрехта, идут по тропке резво, не такая уж и крутая, сейчас редко встретишь замок на равнине. Обычно это уже не замок, а крепость, мощная и огромная, на горе размещать такую вообще нерентабельно, замаешься туда таскать продовольствие и прочие товары.

Замок типичен, из массивных глыб, толстые стены, две башни, окружен стеной, ворота закрыты, стражники наверху.

Альбрехт прокричал:

— Так вы встречаете гостей?

Один из стражников молча повернулся к нам спиной и махнул вниз рукой. Створки ворот раздвинулись, в каменном туннеле решетка уже поднята, как и на другом конце, что выводит в залитый солнцем двор.

Мы проехали медленно, чтобы не пугать обитателей, Бобик идет рядом со стременем, тихий и мирный, я пригрозил больше не брать его с собой, если будет непослушничать.

Во дворе люди в кожаных латах и с копьями в руках держатся настороженно, но не враждебно, нас всего двое, хотя видно, что настоящие рыцари, однако вдвоем замки не захватывают.

Пока мы слезали, передавали коней в руки слуг, я инструктировал, как и чем кормить, а еще не ставить рядом с драчливыми лошадьми, на порог донжона вышел старик в настолько богатой одежде и с обилием золотых украшений, что будь их поменьше, я бы принял его за хозяина.

— Благородные лорды? — спросил он богатым звучным голосом церемониймейстера.

Альбрехт ответил с достоинством, но весело:

— Ричард Завоеватель, вы о нем слышали, и я, его скромнейший друг, барон Альбрехт...

— Граф, — поправил я, — граф!

— Простите, — сказал он, — ваше высочество, иногда сбиваюсь. Бароном я был намного дольше.

Сенешаль, или дворецкий, уж и не знаю, кто он, дернулся, с трудом совладал с собой и произнес осевшим голосом:

— Лорды... Хозяин замка, владетельный барон Эрхарт, лэндлорд Азенкерла, будет рад принять у себя столь знатных гостей... Прошу вас, лорды, за мной...

Мы вошли в холл, чистый и просторный, но едва миновали, навстречу уже торопливо шагал приземистый мужчина, крайне широкий в плечах и со вздутой грудью.

— Ваше высочество, — сказал он громко, обращаясь ко мне, — я сразу вас признал... уж простите, по вашей собачке... о ней даже у нас рассказывают легенды. А вы, лорд...

— Граф Альбрехт, — представился Альбрехт. — Мы к вам заехали по дороге. Наша армия задержится в этих краях на пару дней, всего на пару, беспокоиться не о чем, просто нужно отремонтировать телеги и повозки, а потом двинемся дальше...

Барон Эрхарт просиял, услышав такие хорошие новости, два дня можно потерпеть любое нашествие, его вытянутое, как у коня, лицо сразу просветлело, а глубокие морщины на лбу чуть разгладились.

— Всем внукам-правнукам, — сказал он с чувством, — буду рассказывать, что у нас останавливался сам Ричард Завоеватель на пути к завоеванию мира!

— Это преувеличение, — сказал я скромно. — Вот и барон Альбрехт подтвердит.

Альбрехт сказал с готовностью:

— Его высочество говорит абсолютную правду! Оно и не думает захватывать весь мир в этом походе.

— Вот-вот, — подтвердил я.

— Разве что, на обратном пути, — добавил Альбрехт задумчиво.

Я показал ему кулак, а барон, приятно улыбаясь, повел нас через залы, на ходу раздавая приказы слугам, что сразу заметушились, везде захлопали двери, слышались поторапливающие оклики.

Барон Эркхарт лично привел нас на второй этаж и указал на богато украшенную дверь.

— Вот наши гостевые покои. Вы можете отдохнуть чуть, обед скоро подадут. За вами явятся.

— Спасибо, — сказал я.

— Будьте как дома, — сказал барон.

Он сам распахнул перед нами створки, а когда мы вошли, бесшумно прикрыл за нашими спинами.

Альбрехт буркнул:

— Будьте как дома... И чего мы тогда приперлись?

Я сказал миролюбиво:

— А вдруг тут лучше, чем дома?

Он прошелся, осматриваясь быстро и цепко. Комната просторная, почти зал, убрана без излишеств, два окна, оба в виде креста, такое выглядит эффектно и подчеркивает как бы власть и влияние церкви даже на архитектуру, но я-то понимаю, что вертикальная щель для лучников, а горизонтальная — для стрельбы из арбалетов, только и всего.

В комнате светло от большой люстры с двенадцатью свечами, вообще-то неэкономно столько жечь, если хозяева не предполагали, что мы обязательно приедем к ним в гости.

От этой мысли стало чуточку неуютно. Не люблю, если кто оказывается предусмотрительнее меня, я же гений и умница, этого достаточно, а два гения — уже перебор, такого лучше удавить, чтобы не было изнуряющего страны соперничества...

Примчалась запыхавшаяся девушка, кровь с молоком, пухленькая и застенчивая, торопливо занялась уборкой. Альбрехт, расположившись в глубоком кресле, поймал ее за руку, усадил себе на колени и принялся дотошно расспрашивать о хозяевах, были здесь или не были войска Мунтвига, хороший ли урожай в этом году...

Она быстро успокоилась и уже только застенчиво улыбалась, и отводила в сторону глазки, когда он щупал ее вторичные половые, щеки стали совсем пунцовые, а глазки заблестели, но вырываться не решилась.

На обед звать пришел юный Гельд, дальний родственник барона, похож на молодого рыцаря, хотя, как уже успела сообщить словоохотливая служаночка, ведет род из простой рыбацкой деревушки.

Одет Гельд шегольски, чистенький, в новеньких сапогах, шпоры простые, не рыцарские, позвякивают с веселым вызовом, и весь из себя красивый, уверенный и чуточку хвастливый.

— Стол накрыт в главном зале, — сообщил он, глядя на меня с детским любопытством. — Будут только барон, баронесса и леди Шарлиза... Прошу вас за мной.

Глава 13

Баронесса, такая же приземистая, как и ее муж, с пухлыми щеками и мощным животом, заулыбалась нам обоим настолько ласково, что даже вечно всех и вся подозревающий Альбрехт наверняка уверился, что они тут от скукидохнут и в самом деле рады любым гостям.

— В честь вашего прибытия, — сообщила она, — уже срочно пекут праздничный пирог..

— Пирог, — ответил я светски, — это чудесно! Кто не любит домашние пироги — бросьте в того камень побольше, побольше! Да я сам брошу целую глыбу...

— Ой, — сказала она жеманно, — какие комплименты вы умеете говорить, просто удивительные...

Я указал взглядом на Альбрехта.

— Вы еще не слышали моего друга!.. Хотя ему палец в рот не клади, у него такие комплименты...

Барон улыбался, баронесса улыбалась, в это время за нашими спинами с тихим шорохом открылась дверь, я повернулся, в комнату вошла молодая девушка в нежно-голубом платье, с высокой прической, увитой лентами, очень милая, с правильными чертами лица, хорошенькая, хотя я не сказал бы, что удивительная красавица, как решил Норберт, для красавицы нужно что-нить необыкновенное, да еще для удивительной.

— А это наша дочь, Шарлиза, — сказала баронесса нежно, — так быстро выросла, наша тихая мышка...

Я бы не сказал, что Шарлиза выросла, разве что на дюйм выше низкорослого отца, но с ее миниатюрной стройной фигуркой в самом деле выглядит высокой, так как еще не приобрела ни одного лишнего фунта.

Поклонившись, я сказал галантно:

— Леди Шарлиза...

Она грациозно присела.

— Ваше высочество...

Баронесса почти пропела:

— Пойду распоряжусь насчет ужина, а вы пока поболтайте. У нас без церемоний, по-деревенскому, девушки о своей нравственности заботятся сами... Граф, позвольте вам показать наш замок?

Альбрехт сдержанно вздохнул, а то он замков не рассматривал, неужели эти кулики думают, что, кроме их болотца, других болот на свете нет, но сделал радостный вид: как же, ему покажут замок, и удалился с хозяевами.

Двери с той и этой стороны комнаты остались широко распахнутыми, так что не очень-то уединишься, болтать можно о чем угодно, не услышат, но почти все время на виду, не набалуешь...

И все-таки мои ладони как будто сами собой потерялись друг о друга, вызывая приятное жжение, а Шарлиза сказала с подозрением:

— Что-то у вас, ваше высочество, глазки как-то странно заблестели. Хотя я и мышка, но вы не кот!

— Я лев, — сказал я гордо, — но это все равно из кошачьих!

— Я для вас не мелковата?

— У маленькой женщины все под рукой, — сказал я счастливо. — Господи, какая же вы прелесть...

— Только свои загребушие уберите, — сказала она строго. — Мама же прямо сказала, что у нас девушки сами, за неимением фрейлин, заботятся о себе...

— Давайте, — предложил я с жаром, — я побуду вашей фрейлиной? Это же так здорово, когда мы вдвоем можем заботиться о вас, ваших потребностях, нуждах, желаниях, явных, скрытых и очень даже скрытых, даже скрываемых...

Она покачала головой.

— Нет уж, нет уж, вы позаботитесь, а потом непонятно, почему у бедных невинных девушек животы растут до самого носа. Я не такая, ваше высочество, я хорошая девушка!

— Я вижу, — воскликнул я, — у вас такие чистые невинные крупные глаза, что я не могу насмотреться.

— Ну так и смотрите в глаза, — наставительно сказала она, — а не...

— Глаза, — пояснил я, — как зеркало души, не могут перебить сладостное впечатление от подзеркальника.

Она произнесла с удовольствием:

— Ваше высочество, вы бесстыдник!

Я обрадовался:

— Правда? А то я думал, что сказал всего лишь комплимент!

— Нахал и бесстыдник, — повторила она. — И вообще человек безрассудный. Кстати, мне великий Филипп Примадель предсказал, что мне с вами ни в коем случае видеться нельзя!

— Почему?

— Я либо убью вас, — сказала она с жаром, — либо, что совсем уж невероятное, влюблюсь в вас.

— Ну, если невероятно, — сказал я, — то можете успокоиться, самое страшное не случится.

— Это я считаю, — сказала она, — что невероятно, но Примадель говорит, что это равновероятно!

— Я не суеверен, — сказал я, — а вы?

— Я тоже, — ответила она сердито, — но эти суеверия зачем-то сбываются!.. Вы в них точно не верите? Потому и забрались в глубь владений Мунтви́га? Опасную дорогу вы себе выбрали!

— Безопасней всего пути, — ответил я мирно, — которые никуда не ведут.

— Ого, — сказала она весело, — у вас и самоуверенность!

— Обязательное свойство гения, — согласился я скромно.

Она посмотрела на меня с веселым пренебрежением.

— Вы считаете себя гением?

— Любой, — сказал я наставительно, — кто не считает себя гением, не является даже талантом.

— Талант, — проговорила она с тем же пренебрежением, — может быть, потому вы и бросили монетку тем бродячим музыкантам? Не отпирайтесь, я с балкона все видела!

— Не отпираюсь, — пробормотал я. — Вообще-то я, можно сказать, меценат и покровитель искусств. Всяких-разных. Искусство, как говорят авторитеты, совершенно необходимо людям, хотя я так и не понял, зачем.

— А вы все стараетесь понять?

— Я же мужчина, — ответил я с достоинством и подвигал плечами, намекая на их ширь и развитые мышцы. — Мы все должны понимать, это вы чувствуете без понимания... это вас, понятно, возвышает!

— Женщины понимают все, — согласилась она, — а если ошибаются, значит, нарочно.

— Если женщина постоянно спорит с мужчиной, — заметил я, — значит, она уже замужем... либо никогда не выйдет замуж.

Она охнула и прикрыла рот ладонью.

— Что, правда?

— Нет, — сказал я честно, — пугаю. Женщин так приятно пугать! Все равно, что кузнециков. Но у вас тут, как вижу, все непуганое... Тихо, мирно. Как соседи?

Она вздохнула.

— Не знаю. Я недавно была с отцом только в замке Кеваль, это сосед с севера...

— И как?

Она зябко повела плечами.

— Так было холодно, что я едва не вышла замуж!

— Жуть, — посочувствовал я. — Ничего, с моей политикой ограничения изоляционизма, сепаратизма и никому не нужного суверенитета, все люди получат право свободного передвижения по землям дружественных королевств!.. Вы побываете у нас на Юге, прожаритесь на жарком солнце и почувствуете сладкую истому во всем теле...

— Ах, — произнесла она томно, — не надо, ваше высочество, а то я уже ее чувствую... я такая впечатлительная, такая впечатлительная, что вот не нужно со мной такие бесстыжие речи! Я хорошая девушка...

Я откровенно раздел ее взглядом, с неохотой одел и сказал со вздохом:

— Еще какая... Господи, представляю, какие безумства мне сегодня приснятся.

Она произнесла чопорно:

— Чтобы не посещали эти порочные сны, вы должны жениться, ваше высочество!

— Один мой друг изрек, — сказал я, — что мужчина не имеет права жениться, не изучив предварительно анатомии и не сделав вскрытия хотя бы одной женщины. А я все еще ни одну не вскрыл!

Она широко распахнула глаза.

— Вы дружите с магами?

Я отмахнулся.

— С кем я только не общаюсь! Даже с троллями, а вот сейчас с вами... Тоже, знаете ли, приключение. Кстати, есть у меня еще один интересный друг, художник. Представляете такое бесстыдство, прикидывается соблазнителем, заманивает девушку в свою мастерскую и там рисует с нее портрет!

Она сказала холодно:

— Ваше высочество, что-то я не понимаю вашего юмора.

— Я лишь удивился, — объяснил я, — что красивые женщины будто не понимают, как надо спасти погибающий мир. Хотите, покажу?

— А он уже погибает?

— Вы не слышали о звезде Маркус?

Она широко раскрыла невинные глаза.

— Так ее ожидают не раньше лета?

— О да, — согласился я, — целая вечность впереди. Особенно для поденок. А вы знаете, что куколка — это слово означает еще и личинку насекомого?

— Нет, — ответила она с интересом, — а какого?

Я подумал, пожал плечами.

— Не знаю. Я просто умничаю перед красивой женщиной! Да еще и настолько умной, что ее глупость вот-вот окажется приятным сюрпризом!

Она сказала с подчеркнутым гневом:

— И не надейтесь!

Я вздохнул.

— Так что же, я напрасно наговорил столько возвышенных слов о ваших прекрасных глазах, рассматривая вашу волнительную грудь?

— Напрасно, — ответила она с достоинством. — Я хорошо воспитана.

— А как это чудесно, — сказал я мечтательно, — когда девушка забывает о своем воспитании!

— И совершенно напрасно, — ответила она наставительно. — Истинную добродетель ничем не поколебать. И ваши подходы какие-то... простенькие.

Я посмотрел на нее внимательнее. Если женщина хочет отказать, она говорит «нет». Если пускается в объяснения, то хочет, чтобы ее убедили. Но Шарлиза, похоже, просто соскучилась в замке, где ничего не происходит, и потому не отпускает меня, пускаясь на разные уловки только ради возможности чесать языком и дальше.

— Вы просто великолепны, — сказал я искренне. — И вообще...

— Что?

— Люблю женщин, которых уломать трудно.

Она расхохоталась.

— Это меня трудно уломать?.. Вы шутите, надеюсь, ваше высочество. Меня уломать вообще невозможно.

В соседнем зале слышались шаги, мы издали увидели приближающегося то ли дворецкого, то ли сене-шала.

Он остановился на пороге и произнес с поклоном:

— Обед готов, столы накрыты в главном зале.

В главном, как мне показалось, весьма перебор, кроме хозяев, нас с Альбрехтом и Бобиком под столом, только двое молчаливых рыцарей деревенского типа, обычные крепкие увальни, род их древен, как нам с Альбрехтом сказали, но, как оба понимаем, только потому, что их семьи все века живут в этих краях безвыездно.

Оба пугливо смотрели на меня, человека совсем других земель и королевств, но рты не раскрывали, зато баронесса цвела, щебетала, рассказывала все новости, а какие новости в медвежьих углах — понятно, мы с Альбрехтом вежливо слушали, Бобик смачно хрустел бросаемыми ему под стол костями, Шарлиза таинственно улыбается и чинно кушает.

Наш стол застелен голубой скатертью с двумя орлами, тоже голубыми, но потемнее, так что выделяются не столь ярко и навязчиво.

По обе стороны зала по три без надобности массивные колонны могли бы держать целый дворец, а не эту слабую крышу, помпезность во всем, даже в окантовке из темной бронзы на высоту человеческого роста.

Слуга умело несет мимо на плече длинный деревянный поднос с зажаренным до черноты кабанчиком, пахнуло сочным мясом и жгучими травами.

Когда дело дошло до горячего, к моему удивлению, в зал вбежали трое жонглеров в яркой клоунской одежде, сразу же в темпе начали подбрасывать булавы. Я осматривал с улыбкой, однако настороженно, не очень люблю, когда по ту сторону стола кто-то подбрасывает и ловит шипастые булавы, которой можно та-а-ак шарахнуть по темечку...

Сэр Эрхарт слегка наклонился ко мне:

— Ваше высочество, и как вы полагаете, сколько продлится война?

Я пробормотал:

— Смотря как к ней относиться. Если как к источнику бесконечных подвигов, то и длиться она будет бесконечно.

Он вздохнул, сказал поникшим голосом:

— А как относитесь вы?

— Я уже правитель, — ответил я, — понимаю, что война — это сначала надежда, что нам будет хорошо,

потом — ожидание, что им будет хуже, затем — удовлетворение тем, что им не лучше, чем нам, и наконец — неожиданное открытие, что плохо и нам, и им.

Он криво улыбнулся, но посмотрел на меня с интересом:

— Значит?

— Не я начал эту войну, — ответил я, — но я ее закончу. И установлю справедливый гуманный мир, а кто будет против гуманизма и милосердия, тех повешу либо сожгу на кострах.

Жонглеры рассыпались по залу, подбрасывая вместо булав шарики, дело пошло веселее, а я чуть расслабился, но продолжал наблюдать за ними краем глаза.

Глава 14

Утром я обнаружил во дворе множество повозок, телег, а также около дюжины верховых коней под седлами. Некоторых я узнал, этот вон сэра Норберта, еще двое — Зигфрида и Скарлет, остальные под расписными попонами пекландского покроя, явно приехали знатные гости, заслышав о появлении самого Ричарда Завоевателя, того самого, под ногами которого земля трясется и который выше столетней сосны...

Танцы во дворце я наблюдал с высокого кресла, подозрительно похожего на трон, затем с кубком в руке спустился и пошел по залу. Гости кланялись, я на ходу отдал кубок Альбрехту.

— Ваше высочество?

— Мне низзя, — сказал я наставительно, — я на службе.

— А-а-а, — протянул Норберт, — надо же... А какая служба, если не секрет?

— У меня все секрет, — ответил я, — но для вас, граф, сделаю исключение.

Я замолчал, он легонько толкнул меня в бок.

— Так не спите, делайте!

— Высматриваю противников нашего вторжения, — сообщил я шепотом.

Он спросил с интересом:

— А как их отличаете?

— Они поднимают тосты за мое здоровье, — объяснил я, — держа кубки в стиснутом кулаке. Так что, граф, говорите умно, враг подслушивает.

Он сказал с тоской:

— И тут умничать? А где же можно побыть самим собой? Только в отхожем месте? Закрывшись на крючок?

— Нигде, — ответил я строго. — Господь нас видит везде.

Он передернул плечами.

— Бр-р-р!.. Не хотел бы я, чтобы он видел меня там.

— Господь нас любит всякими, — добавил я наставительно. — Даже обосранными, как мы любим своих детей, хоть те и пачкают пеленки так мощно, что поубивал бы о стены... но не убиваем же? Потому будем всегда соответствовать своим высоким титулам и оправдаем надежды всевидящего Господа, пусть ему будет приятно, что мы такие чистенькие и умненькие.

Когда музыка грянула с новой силой, и танцующие пошли парами по кругу в веселом вирде, старшее поколение начало посматривать с неодобрением, но при появлении епископа Гелерия сразу забыли о чересчур вольной молодежи, торопливо опускали головы в почтительнейших поклонах и просили благословения.

Норберт сказал негромко:

— Ваше высочество, не хочу портить веселье, однако противник приблизился.

— Насколько?

— Сегодня вечером окажется на позиции.

— Чего мы и ждали. Что еще?

Он сказал еще тише:

— Ночью отдохнет после марша, а утром пойдет в атаку.

— Значит, — сказал я, — у нас сегодня день ожидания... как и ночь. Впрочем, есть соблазн напасть ночью.

Он сказал недовольно:

— Что у вас за шуточки! Так нападать можно одним отрядом, но не армией. Мы в темноте начнем бить друг друга.

— Увы, — сказал я, — так и будет.

Он сердито зыркнул в мою сторону

— Догадываюсь, что для вас ночь... не ночь. У меня трое таких, все на вес золота. Но трое, а не армия!

— Тогда ждем, — решил я. — Мы ведь знаем, когда и как нападут, с точностью до минуты?

Он кивнул, а в голосе прозвучало пренебрежение:

— Все делают одинаково. Честно говоря, я тоже до встречи с вами таким был... Это вы все с вывертами, всегда ломаете правила войны, все делаете не так, как все нормальные люди, но вы побеждаете, потому я принял эти методы... хоть они и кажутся иногда дикими. Но вы правы, историю пишут победители!

— Так будем же победителями, — сказал я.

Он чуть поклонился.

— Но я, с вашего позволения, отбуду в распоряжение наших войск. Иногда бывает излишним еще раз проверить, все ли в порядке у нас самих, а то о противнике частенько думаем больше.

— Я прибуду сегодня вечером, — пообещал я. — Эту ночь проведем у костра с нашими воинами.

— Ваше высочество...

— Граф, — сказал я.

После его отбытия я остаток дня общался с местными лордами, что поспешно приезжали в замок барона Эрхарта, как только услышали, что у него гостит сам Ричард Завоеватель.

Я терпеливо объяснял суть нового устройства общества, когда всем будет хорошо, начиная с простых крестьян, что начнут работать лучше и больше, а следовательно — зарабатывать, и всех нас, которые будут получать с крестьян больше денег в виде налогов.

Правда, придется поступиться некоторыми вольностями и правами, что отойдут государству, однако с ними все равно расстаться придется, за этим проследит моя армия, которой дан приказ сносить с лица земли замки, лорды которых попытаются воспротивиться моей державной воле.

Лорды хмурились, переглядывались, молча уходили, почти не задавая вопросов.

Альбрехт сказал тихонько:

— Идея не сработала.

— Я показал только пряник, — ответил я тоже шепотом. — Они еще не видели кнут.

— Но вы намекнули, что он у вас есть. И большой. Или большой.

— Слышать одно, — ответил я хмуро, — а вот увидеть... А еще лучше — почувствовать на своей спине.

— Вы как-то обронили, — напомнил он, — что все, что вам нужно, — это теплая постель, доброе слово и безграничная власть...

— Это была шутка, — сказал я сердито, — однако вы сами понимаете, центральную власть надо крепить!

— Да, — ответил он поспешно, — еще бы! Ведь в центре — вы, ваше высочество!

Я скривился.

— Граф, я иногда вас ненавижу. Я сам демократ с детства, хотя и не понимаю, что в ней хорошего, но умом вижу необходимость крепкой власти центра! Да, согласен, власть развращает, но отсутствие власти развращает абсолютно.

— Власть теряет всю свою сладость, — напомнил он заговорщицки, — если ею не злоупотреблять.

— Я еще молод и глуп, — напомнил я, — следовательно, честен, благороден и справедлив. А также паладинен! Не знаю, бывают ли старые паладины? Интересно, каким будет Сигизмунд, когда повзрослеет и увидит мир, какой он на самом деле... Да это так, граф, я часто говорю сам с собой, люблю поговорить с умным собеседником... В общем, никаких злоупотреблений с моей стороны, пока я весь упоен построением Царства Небесного на земле. А вот если не получится, тогда да, в расстройстве, что мы только не вытворяем, чтобы заглушить или заполнить...

Он слушал внимательно, в таких случаях мне кажется, что все понимает, даже если начну рассказывать о происхождении темной материи, о которой вообще-то и сам ничего не знаю, умный и хороший слушатель и собеседник, что ни говори и как на него ни злись.

Вечером на заключительный пир прибыли Мидль, Палант и Сулливан. Мы поднимали чаши с вином за дружбу, взаимопонимание, будущие торговые связи, однако я видел по лицам боевых друзей, что уже все трое мыслями находятся в воинском лагере, откуда утром выйдут железные когорты копейщиков, готовые встретить конную атаку противника.

Леди Шарлиза сразу начала строить глазки герцогу Мидлю, очарованная его галантными манерами и мягкой учтивой речью. Он улыбался смущенно и говорил обычные любезности, что в этом медвежьем углу звучат свежо, очень ярко и, при желании, могут сойти за что-то серьезное.

Выбрав минутку, я глазами показал ему, что мне есть что сказать, вышел на балкон, через пару минут появился Мидль.

— Ваше высочество?

Голос его, как всегда, ровный и вежливый, герцог вообще-то вежливый со всеми, но со мной вдвойне, как с сюзереном и, главное, с мужем нашей прелестной и гордой Франки.

Я в свою очередь тоже всегда чувствую неловкость, общаясь с Мидлем, хотя, казалось бы, все должно быть наоборот: общая женщина сближает!

Но, увы, сближает только та, которую уговорили вдвоем на веселой молодежной пьянке и втроем завалялись в постель. А у нас брак династическо-политический, в нем свои особенности, из которых так просто и не выкарабкаешься...

Я посмотрел по сторонам и сказал тихим голосом:

— Герцог, вы ведь знаете про указ папы Пия. Он разрешил многоженство после тяжелых истребительных войн, когда земли обезлюдели, и нужно было их заселять заново...

Мидль кивнул.

— Конечно, все знают. Но это время прошло.

— Прошло, — согласился я, — да не везде. А когда прошли те восемьдесят разрешенных лет, и жизнь начала возвращаться к прежней форме брака, когда один мужчина и одна женщина... Ватикан все-таки оставил одну крайне лимитированную форму многоженства для людей, находящихся подолгу в дальних землях.

Он смотрел настороженно.

— Ваше высочество, что вы имеете в виду?

— Нас, — сообщил я. — Имею в виду нас, оторванных от своих земель. Указ папы гласит, что в подобных случаях не просто разрешено заводить вторую жену, но мы как бы обязаны это делать! Правда, при условии, если эта женщина находится в другом королевстве. Все верно, мы не должны только и делать, что воевать, обязаны и заботиться о женщинах и детях. Но когда жена за сотни миль, да еще в другом королевстве, мы имеем право по папскому эдикту брать себе жен и здесь.

Он пробормотал:

— Ну, все мы слышали, однако...

Я сказал строго:

— Это наш долг!.. Мальчиков и девочек по божьей воле рождается поровну, так проще плодиться и размножаться, как Он задумал, но Господь не учел, что в этих проклятых бесконечных войнах мальчики гибнут, не успев даже стать мужчинами, а женщины остаются одни!

— Что желать, ваше высочество, такова жизнь...

— Церковь, — напомнил я, — исполняя невысказанную волю Господа, не просто разрешила, но и повелевает уклоняющимся от исполнения мужского долга защищать и заботиться... повелевает брать в жены женщин в других землях!

— Ну...

Я сказал властно:

— Это я к тому, что вы в полном праве взять себе в жены Шарлизу! Такое не противоречит ни христианской морали, ни законам, ни нравственности.

Он отшатнулся, автоматически помотал головой, как конь, которому не нравятся удила, но глаза стали задумчивыми, а открывшийся для резкого ответа рот плотно захлопнул, чтобы не брякнуть необдуманное,

что естественно для простолюдина, однако недопустимо для благородного человека.

— Обдумайте, — сказал я. — Господь велел плодиться и размножаться! А мы сейчас только убиваем, а это как бы грех. Искупить его можем только усиленным размножением, мы же гуманисты! А еще исполнители божьей воли.

Он перекрестился, сказал благочестиво:

— Во имя Господа.

— Аминь, — сказал я с твердостью государственного мужа, который находит время и для заботы о подданных.

Лицо его стало очень серьезным, глубоко задумался, даже закусил губу.

— Ваше высочество, — проговорил он наконец. — Вы человек очень неординарных взглядов и решений, потому вам многое удаётся... однако я человек большинства. А большинство так не поступают.

Я сказал твердо:

— Во все века и во всех королевствах большинство идет на поводу меньшинства!.. И то, что меньшинство придумывает, большинство сперва осмеивает, затем принимает и распинает тех, кто еще не принял. Папа Римский в своей мудрости был прав: мы обязаны заботиться о жене и детях, но если заброшены в другие земли и вернемся не скоро, то обязаны заботиться о женщинах здесь!.. Это наш долг, как мужчин. Но чтобы не было блуда, папа велит сочетаться законным браком, что есть благопристойно и верно.

Он сказал нерешительно:

— Однако же не совсем будет верно сочетаться браком, а потом вскоре покинуть... Думаю, после завтрашней битвы мы не задержимся здесь больше чем на неделю, а то и меньше.

— Неделя, — сказал я, — вполне достаточно, хотя... вы правы, может не хватить. Однако мы скоро покинем Пекланд и перейдем в Эбберт! Таким образом, будет потеряна возможность завести здесь жену...

Он напомнил:

— Но можно будет в Эбберте.

Я сказал с досадой:

— Но, согласно папскому указу, только одну!.. Одну на королевство. Две — уже нарушение. А так — все законно: одна в Пекланде, другая в Эбберте. А там, глядишь, перейдем в Сакрант...

Он глубоко задумался. Я предположил, что он перебирает потерянные возможности, все-таки проехали Скарлянты, Варт Генц, Бриттию, Ирам, однако он тяжело вздохнул и произнес посуровевшим голосом:

— Увы, меня воспитывали по-другому. Умом я понимаю вашу правоту и безмерно уважаю вас за то, что можете поступать так... правильно. По уму. Я — нет.

Я сказал со вздохом:

— Жаль. Все-таки ваш брак с Франкой — полубрак, а она вам полужена. Как и мне. Мы полумужья, а в этом чувствуется некая незавершенность, что должно задевать мужскую гордость.

Он произнес с гордостью:

— Однако я останусь ей верен.

Жаль, он не произнес «рыцарски верен», то совсем другая верность, высокая и чистая, не мешающая вязаться со всеми женщинами по дороге, но он, увы, просто по-человечески верен...

Я сказал со вздохом:

— Жаль. Но вы человек высоких принципов, я их уважаю. Один такой же, высоких принципов, сказал однажды гордо: да свершится правосудие, пусть из-за этого погибнет мир!.. Уважаю. Но все-таки мир важнее. Мир должен уцелеть, как и люди... Понятно же, что по-

сле страшной катастрофы, что переживет земля после Маркуса, многие нормы и запреты будут... не скажу что поправы, однако снова отменены.

— Ваше высочество!

— Увы, дорогой герцог.. Для человечества самое важное — выжить. Все остальное — потом, потом. А для выживания, если где-то окажется один мужчина и десять жenin, он просто обязан будет взять их всех в жены!

Он потемнел, задумался, сказал после паузы:

— Да-да, помню библейскую историю насчет Лота, который с двумя дочерьями спасся из пылающего Содома.

— Вот-вот, — сказал я горячо, обрадованный неожиданной поддержкой. — Они там решили, что раз все погибли, то нужно снова населять землю! И обе легли поочередно с родным отцом и родили от него сыновей: Моава и Аммона, что дали начало крупным народам моавитян и аммонитян... С родным отцом легли, чтобы снова заселить землю!

Мидль нахмурился, пробормотал:

— Они из Содома, для них не только такое привычно... но вы правы, ваше высочество, как ни страшно это признавать. Те немногие люди, что уцелеют и сумеют выбраться на поверхность, вынуждены будут отказаться от многих наших законов. Однако...

— Герцог?

Он вздохнул и покачал головой.

— Но я не смогу.

Я кивнул и вернулся в зал, чувствуя некоторое смущение и это неясное превосходство этого ограниченного человека.

Часть третья

Глава 1

Закатное солнце воспламенило кучевые облака, а само медленно поползло по раскаленному небосводу к сверкающему краю земли.

Веселые и хмельные мы вышли во двор, слуги тут же бросились за нашими конями.

Я сказал весело:

— Езжайте! Езжайте быстро. Во весь опор. Я вас догоню на полдороге.

Зигфрид крикнул оскорбленно:

— Ваше высочество!

— Мне изволится попрощаться с леди Шарлизой, — сказал я таким таинственным голосом, что все сразу понимающе заулыбались, и даже Зигфрид похрюкал с возмущением, но садиться в седло не спешил.

Я торопливо вбежал в холл, из-за колонны вышла леди Шарлиза, заступив мне дорогу, и вскрикнула тоненьким голоском:

— Ах, ваше высочество, как вы меня напугали!

— Вы меня тоже, — сказал я нервно, — ишь, как из темноты, а я такой нежный, когда боюсь...

Она охнула:

— Вы? Боитесь?..

— Боюсь, — согласился я.

— Чего?

— Да всего, — подтвердил я. — Я человек разносторонний и мыслящий, а таких все пугает!..

Она поинтересовалась с улыбочкой:

— Да? А тогда зачем вы вернулись?

— Есть важное дело, — ответил я таинственно.

— Да? — снова переспросила она с той же улыбкой на милом лице. — Ну говорите, ваше высочество... я слушаю со всем вниманием.

— Милая Шарлиза, — сказал я, — вообще-то для меня великое счастье поговорить именно с вами, вообще пообщаться, это тоже поговорить, но в расширенном смысле... хотя, вообще-то, я хотел заскочить к вашему отцу. Он на пиру пообещал собрать для меня кое-какие карты и списки, составленные им, когда был казначеем его величества короля Пекланда...

Она чуть помрачнела, улыбка исчезла, произнесла, мило надув губки:

— Это было так давно, что он и сам уже не помнит. Еще до моего рождения.

— Пусть не помнит, — согласился я, — лишь бы записи сохранил. Там для меня кое-что любопытное. Я такой любопытник, с широкими запросами. Раз уж вы меня не любите, буду карты изучать, а не ваши прелести...

Она сказала, сразу повеселев:

— Вы бесстыдник, ваше высочество!

— Увы, — согласился я, — как человек военный...

— Всегда торопитесь? — подсказала она.

— Жизнь заставляет, — сказал я сокрушенно. — Так что сейчас возьму у вашего батюшки карты, а потом договорю с вами.

— Хорошо, — сказала она весело. — Жду вас на этом же месте!

Я взбежал по лестнице, навстречу спускался барон Эркхарт, просиял от макушки до пят.

— Я думал, вы забыли!

— Как можно, — заверил я. — Просто хочу, чтобы в лагерь вернулся со своими людьми вместе, потому что отправил их раньше.

Он с поклоном провел меня в свой кабинет, оставивший самые лучшие впечатления: прост, деловит, ничего лишнего, на стенах и на полу толстые ковры, что сохраняют тепло, такого же цвета ковры и пледы на креслах.

На столе чернильница из зеленого камня с прожилками, гусиные перья в стаканчике, а еще расстелена карта Пекланда, я ее сразу узнал по характерным горным вершинам, но почти вся изрисована непонятными значками.

— Вот это серебро, — начал объяснять барон, — вот здесь медь. То и другое залегает неглубоко, но, к сожалению, на территории горных племен, что не признают власть короля... в должной мере. То же самое вот здесь, смотрите! Богатейшие железные руды, чуть ли не на поверхности, однако там братство арианцев, это хоть и христиане, но чужих не допускают...

— Что, — поинтересовался я, — у них большие силы? Он вздохнул.

— Дело не в том, какие силы у них, а в том, что у короля их почти нет.

— Понятно, — сказал я. — Знакомо. Король — просто один из феодалов, который правит по соглашению с лордами. И ни одного самостоятельного шага сделать не может. Так везде...

— Везде-то везде, — уточнил он, — да только наш король совсем уж бессилён. С ним никто не считается. А чтобы разрабатывать это все... или хотя бы часть, нужна крепкая власть. А здесь, кроме серебра, меди и

железа, много еще редких и драгоценнейших металлов и минералов!

Я скатал карту в трубку и сунул в сумку на плече.

— Дорогой барон, вы оказали неоценимую услугу своему королевству! А я лично этого не забуду. И обещаю вам, что наступит день, когда вы будете руководить строительством рудников!

Он поклонился, ухватил мою руку и поцеловал, уже признавая своим сюзереном.

— Ваше высочество!

— Все будет, — пообещал я. — А сейчас я вынужден вас покинуть, нужно догонять друзей.

— Счастливой дороги, ваше высочество!

— Спасибо, барон.

Я заскочил в выделенные для нас покои, где Альбрехт держал на коленях служаночку и щупал ее нежное пышное тело, быстро схватил прислоненный к столу длинный меч в ножнах, перебросил перевязь через плечо...

Но едва сделал шаг к двери, там возник высокий и очень худой человек с удлинненным лицом, на голове шляпа с высоким верхом, на плечах плащ, расшитый хвостатыми звездами, а в руке блестящий, словно из цветного стекла, жезл, нет, посох с янтарным набалдашником размером с кулак.

Маг сразу же направил его в мою сторону. Посох ментально удлинился до размеров рыцарского копья. С янтарной головешки сорвалась молния и ударила мне в грудь.

Я дернулся, по всему телу пробежали странные мурашки и пошли щекотать каждую клеточку тела. Я выпрямился и сказал гордо:

— Стань на колени и преклони голову. Возможно, я не убью тебя. Иногда я добр до глупости.

Он сказал страшным голосом:

— Безмозглый червяк... Подумаешь, от победы к победе... Все это время мы изучали тебя, искали уязвимые места.

Я процедил сквозь зубы:

— И все напрасно. Я защищен от вашей магии.

— Ты вообще защищен, — сказал он насмешливо, — от любой магии.

— Тогда, — спросил я настороженно, — зачем...

Во внутренностях все сильнее разливается боль, словно туда налили расплавленного олова, а оно не остывает, а становится все жарче, сжигает там все...

— Ощутил? — проговорил маг.

— Но... как? — спросил я хрипло. — Как...

— Это не магия, — объяснил он с удовлетворением.

Я ухватился за край стола, однако ноги подломились, я рухнул на колени.

— Яд? — прохрипел я сквозь боль. — Яды я все чую... И могу обезвреживать...

Он кивнул.

— Учтено. Тебе дали вино с примесью настойки одного редкого цветка. Безвредного. Никакого яда.

Я проговорил:

— И... вот... так... эта молния... безвредную примесь... превратила в яд?

— А ты не глуп, — сказал он с мрачным одобрением. — Но все-таки глуп, что посмел пойти против нашего повелителя императора Мунтвига!..

— Долго же вы готовились, — прохрипел я.

— Могли бы и раньше, — ответил он с удовлетворением, — да хотелось знать, твоя беспечность от твоей неуязвимости или же дурости?.. Никто долго не мог поверить, что от простой дурости.

— Ты ошибся, — прошептал я.

— В чем?

— Ты не на той стороне, — выдавил я через жгучую боль во внутренностях. — Ты пока нужен Мунтвигу, но тебя ждет костер.

— Ха, несчастный...

Я попытался выкрикнуть, но мир задвигался, я рухнул лицом на пол, а там едва сумел прошептать:

— Логирд!.. Логирд, я умираю...

В глазных яблоках продолжали со жгучей болью лопаться кровяные жилки, я с трудом видел сквозь красную пелену, что с каждым мгновением становится все плотнее, и не понял, почудилось или нет, но как будто мелькнуло нечто белесое, по большей части прозрачное...

Мелькнуло и пропало, я хрипел, пытаюсь подняться на дрожащих руках.

Донесся мужской голос, исполненный благородного гнева, я успел увидеть блеск и даже понял, что это обнаженный меч в замахе, сильный треск и запас озона, затем падение тяжелого тела рядом...

Чернота надвинулась со всех сторон, я вскрикнул беззвучно в смертном ужасе и полетел в бездну.

Глава 2

В голове стучат молоты, постепенно заменяясь простыми молотками, а потом и молоточками, шум прибора в ушах почти исчез. Я медленно приподнял тяжелые, как ставни на городских складах, веки, все в розовой дымке, но уже не свирепая багровость, заливающая мозг.

Я распростерт на ложе, а у ног колышется призрачная тень, рассмотрел только крупное удлиненное лицо, белое, словно натерто мелом, обрамленное благородным серебром волос, тяжелая нижняя челюсть, такие

называют лошадиными, но с раздвоенным подбородком, рот широк, как у жабы, губы толстые, мясистые...

— Прекрасно выглядишь, — прошептал я.

— Спасибо, — ответил Логирд, — но вскоре понадобится... добавить.

— Быстро расходуешь, — заметил я.

— Сэр Ричард, — ответил он, — знали бы, где я побывал! И то чудо, что не всю жизнь истратил.

— Что с тем магом? — спросил я шепотом. — Что от Мунтвига?

Он ответил еще тише:

— Мне удалось уговорить его... пока что отложить экзекуцию.

— Что повлияло?

Он сморщил лицо.

— То, на что вы рассчитывали, мой лорд, когда позвали меня.

— Я ни на что не рассчитывал, — признался я. — Просто завопил в смертном страхе и полной беспомощности.

— Да? — спросил он с сомнением. — Но слишком правильно завопили. И вовремя. Словно все было рассчитано. Я все больше убеждаюсь, что у вас особый ум. Вы всегда выбираете лучшее решение. Ну... после того, как перепробуете все остальные.

— А-а, — прошептал я, — тогда да. Не раньше...

— Это тоже умение, мой лорд.

— Столько дров наломал, — сказал я хриплым голосом. — И что тот гад делает... сейчас?

— Наводит справки, — сообщил он. — Недоверчивая сволочь. Проверяет, так ли все, как я сказал. Хотя, конечно, мое появление его потрясло. И, надеюсь, мои слова, что сам великий инквизитор молился за мою душу и просил оставить ее на земле, чтобы не ввергать в адское пламя.

— А про магов в моем обозе?

— Все сказал, — заверил он. — Более того, сказал и про ваши планы реформировать церковь.

Я охнул.

— Ты и это знаешь?

Он ответил с достоинством:

— Вы мой сюзерен, сэръ Ричард. Я и мертвым служу, и повинуюсь вам.

Я буркнул:

— Но я же освободил тебя от той клятвы!

— Но я не освободился сам, — ответил он надменно. — Ваше высочество, я — Логирд фон Темрунг, род мой очень старинный и славен не только подвигами, но и верностью слову и преданностью сюзерену!

— Прости, Логирд, — сказал я смущенно, — я только хотел, что тебе... лучше. Пожалуй, я уже смогу встать... хотя, как ты говоришь, яд еще во мне?

— Да, — признался он с неохотой, — он отказался забрать его весь. Пока не проверит, не соврал ли я. Но уже то, что я, некромант, служу вам по доброй воле, его тряхнуло так, словно получил молотом по затылку!

Я медленно поднялся, в теле слабость, перед глазами поплыло, но я собрался с силами, начал одеваться.

Логирд сказал быстро:

— Сюда идут!

Сквозь грохот раскаленной крови в голове донесся стук каблучков. Логирд исчез, в комнату вбежала Шарлиза и бросилась ко мне. Я смотрел тупо, а она упала рядом с кроватью на колени, нежные руки обхватили меня за голову и прижали к груди, к которой я час назад хотел прижаться сам.

— Держись, — крикнула она страстно, — не умирай!.. Уже бегут наши лучшие лекари!.. Держись, ты самый лучший, ты замечательный, ты самый чуткий и умный, ты лучший из мужчин на этом свете!

Я прохрипел:

— Будьте осторожнее, Шарлиза... с такими... словами...

— Что?

— Я могу и выжить, — ответил я.

Глаза застлало черным, грохот в черепе стал оглушающим, и я снова полетел в бездну беспмятства.

Грохот в черепе стих, я это сразу ощутил, когда начал выныривать из черноты, похожей на вязкое болото, на поверхность. Ощутил, что все там же на ложе, распростерт, как большая рыба на разделочном столе, чернота сменилась странным розовым светом...

Как только я сообразил, что это свет пробивается сквозь веки, я сумел их поднять, хоть и с трудом. Да, я в той же комнате, в животе напоминающе квакнуло, в теле чувствуется жизнь, а та жуткая резь, будто в меня влили бочку растопленного металла, исчезла.

Я медленно спустил босые ноги на пол, подумал, собираясь с силами, перед тем как встать.

Дверь распахнулась, быстро вошла леди Шарлиза, похудевшая и с заплаканным лицом, охнула, крикнула в испуге:

— Что? Вам нельзя вставать!..

— Да я бы и рад, — пробормотал я.

— Вам куда-то нужно? — спросила она. — Я сама вам горшок принесу!

— Пока терплю, — ответил я сердито. — Да и вообще, не отбивайте работу у служанок.

Она спросила с надеждой:

— Ваше высочество, вам уже настолько... лучше?

— Достаточно, — заверил я, — чтобы покувыркаться с вами в этой же постели. Я и штаны не успел одеть, как чувствовал, что придете...

Она слегка застеснялась, наконец-то отвела взгляд, но тут же выпрямилась и спросила с наигранным гневом:

— Что вы такое говорите? Разве я дала повод?

— Вы даже обещали, — напомнил я. — Дескать, если выживу, то вы все сделаете для меня...

Ее щеки мигом заалели, словно быстро-быстро вспомнила, что можно делать в таких случаях, но ответила с достойной дерзостью:

— Я такое говорила? Ваше высочество, это вам в бреду привиделось! Да чтоб я сказала такое?

Я вздохнул с облегчением:

— Как хорошо... а то уже поверил. Кто это был, что успел ко мне на помощь?

Она чуть помрачнела.

— Герцог Мидль. Он внезапно вернулся, сказал, что вам грозит опасность и ринулся наверх. Мы ничего не поняли, а когда побежали следом, то обнаружили вас обоих на полу без признаков жизни.

— Он... жив?

— Пока да. Лекари говорят, его сильно обожгло чем-то неведомым. Снаружи и даже внутри. Он постоянно и сильно кашляет кровью.

Я спросил быстро:

— Где он?

— В соседней комнате, — ответила она и пояснила торопливо: — Это чтоб лекарям было удобнее, вы уж простите, все-таки вы принц, а он всего лишь герцог...

Я качнулся, но пошел к двери.

— Надо его навестить. С какой дури он ринулся меня закрывать собой...

— Он ваш подданный, — напомнила она строго.

— Как раз не мой, — возразил я. — Он подданный другого короля из другой страны.

— Тогда долг дружбы!

— Мы соперники, — сообщил я утрюмо. — У нас одна женщина... на двоих. Погибни я, досталась бы ему одному.

Она широко распахнула глазищи.

— Одна на двоих? Как романтично!.. И как вы...

— Думаете, втроем в одной кровати? — спросил я. — Успокойтесь, все не настолько красиво. Наши спальни рядом, она бегаёт из одной постели в другую. Только и всего. Туда-сюда, туда-сюда. Бедная...

— Ничего себе бедная! — крикнула она мне в спину.

Дверь подалась с трудом, или это я такой слабый, я вывалился в коридор, там меня подхватил утрюмый Зигфрид, помог вломиться в комнату к Мидлю.

Так все такое же, только в размерах еще меньше, а он раскинулся на кровати в беспамятстве, дышит с хрипами, а старик-лекарь молча прикладывает к его лбу влажную тряпку, вытирая крупные капли пота.

Мне показалось его лицо знакомым, вытянутое, как у коня, брови вскинуты, словно в удивлении, а на лбу глубокие морщины, под глазами толстые мешки в три ряда, что придает совсем уж скорбный вид, потом понял, что лекари принимают такой вид, когда смотрят на умирающего, которому помочь не в силах.

Я уловил от его тряпки сильный запах уксуса.

— Как он? — спросил я хрипло.

Лекарь сказал невесело.

— Все хуже.

— Выживет?

— Простите, ваше высочество, но... я сделал все, что в силах.

— Понятно, — сказал я с тоской.

Мидль с трудом приподнял набрякшие, как оладьи, красные с крупными кровяными прожилками веки. Я сел на край постели и наклонился к нему.

— Дорогой друг...

Он шепнул едва слышно:

— Не... говорите... Франке...

Я опустил ему на лоб ладонь, голова раскалена, словно котел на огне, но в руку вошел смертельный холод и двинулся к плечу. Я стиснул челюсти, преодолевая страх и желание отдернуть руку.

Как мне сказали, у постели Мидля я потерял сознание во второй раз. Меня отнесли обратно и уложили на мое ложе, а когда я пришел в себя, у ног возникла призрачная тень, затем проступило массивное лицо Логирда.

— Это было неразумно, — проворчал он. — Вы сумели вытянуть из него болезнь, но теперь сами полностью без сил... Хотя, признаю, это было красиво. Красиво и благородно!.. Все рыцари в замке впечатлены, будут рассказывать дома у камина и в тавернах. Ваша слава вырастет еще больше.

Я прислушался к себе, мощно хочется есть, за окном разгорается утренняя заря. Или это вечерняя?

— Сколько я провалялся?

Он ответил успокаивающе:

— Всего сутки.

— Ого, — сказал я в тревоге. — Как Мидль?.. И... сражение, сражение состоялось?

— Герцог приходит в себя, — произнес он успокаивающе. — У него не такое... гм... здоровье, как у вас, сэр Ричард. Еще слаб, но идет на поправку. А сражение...

— Ну? Не тяни!

Он с полнейшим равнодушием пожал плечами.

— Вас такая мелочная ерунда еще волнует? Сражение как сражение. Вы настолько все выстроили заранее, что все прошло без осечки. Полный разгром противника, победное разграбление его обоза, пиршество...

Сейчас с песнями начинают возвращаться отряды ирамских и бриттских лордов. Гнались за убегающими несколько десятков миль, устилая телами противника землю. Если бы кони не отказались скакать дальше...

— У них были свежие кони, — сказал я. — Значит, догнали и перебили... Гм...

Я рывком сел, спустил ноги с постели. В теле уже чувствуется почти прежняя сила, но есть захотелось еще острее.

— Наши потери?

Он сказал равнодушно:

— Вас такие мелочи все еще волнуют?.. Из знатных есть раненные, но погибших нет... если не считать герцога Сулливана.

Я охнул:

— Сулливан?.. Да это же такой лось в доспехах, любого сомнет! Как так получилось?

— И среди мунтвиговцев нашлись, — ответил он неопределенно. — Правда, он совершал чудеса храбрости, один прорвался в их центр и сразил графа Крауфорда, который командовал армией...

— И как Сулливан сейчас?

— Лекари говорят, легче восстановить свинью из отбивной котлеты.

Я начал поспешно одеваться, ухватил сапоги, спина едва гнется, все-таки яд что-то повредил во мне, а выветривается медленнее, чем хмель из дурной головы.

— А тот гад, — спросил я с пытением, — не вернется добить?

— Все в порядке, — заверил он. — Тот маг убедился, что я говорил правду. Кстати, это сам Земмельвейс, Карл-Антон Земмельвейс. Я слышал о нем еще в молодости. На всем Севере нет ему равных по мощи! Он побывал здесь, когда вы были в беспамятстве, и сам дал противоядие. Признаюсь, это было эффектно!.. Прило-

жил к вам ладони, вы весь стали зеленым, как тролль, потом вас раздуло, вспучило, а потом все из вас... гм... лишнее вышло. Вы не поверите, что это было...

— И не рассказывай, — прервал я. — У меня деликатная натура, тут же стошнит. Прекрасно, значит, уговорил сотрудничать с нами?

— Пока нет, — ответил он со вздохом. — Сказал, переговорит со своим кланом. У них там устав, правила... Как-то сумели организовать, что для магов просто невероятно!

Я вывалился в коридор, с той стороны спешит, приподняв обеими руками подол платья, Шарлиза. Я поклонился, она просияла, как солнышко:

— Вы уже встали?

— Нет, — ответил я, — это я двигаюсь лежа. Теперь это модно. На Юге. Все в порядке, возвращайтесь, милая леди.

Она сморщила нос.

— А чего вы решили, что я к вам?

— А к кому? Ах да, Мидль в этой комнате? Леди, оставьте его пока что в покое!

Она картинно изумилось:

— Что? Почему вы решили, что я иду к нему?

Я промолчал, только вскинул брови и посмотрел на нее строго и, надеюсь, очень пронизывающе как бы.

Она закрутилась, покусала губы и сказала сердито:

— Ну ладно-ладно, я только хотела узнать, не нужно ли ему чего-то еще...

Я сказал строго:

— Не нужно. У него есть все. Из необходимого.

— Я могла бы, — прощепетала она, — дать ему что-то и сверх необходимого...

— Не сомневаюсь, — отрезал я едко, — но сейчас ему придется потерпеть без вашего присутствия. Да

и потом, сомневаюсь, что вам удастся ему что-то всучить сверх необходимого... Хотя, гм, смотря что считать необходимым, у всех понятия в этом предмете весьма разные, но должен предупредить, сэр Мидль стоек, как оловянный солдатик... ну, это такое, из олова. Причем он весь из олова, если вы правильно меня понимаете.

Она отрезала:

— Не понимаю. У мужчин напрочь отсутствует логика!

Я пожал плечами.

— Ну да, женщина верит, что дважды два будет пять, если хорошенько поплакать и устроить скандал, но мы знаем точно, что без предварительной торговли дважды два — четыре! И так будет, пока не станет еще лучше.

Она фыркнула, отвернувшись и уже через плечо бросила сердито:

— Все равно я буду его навещать!

Я вышел, пошатываясь, во двор. Слуги охнули, все знают, что стряслось, бегом привели Зайчика.

Кое-как взобравшись в мучительно высокое седло, арбогастр подрос, что ли, я направил его к воротам и, пригнувшись к гриве, шепнул:

— В лагерь. К Сулливану.

Ветер засвистел в ушах, я зарылся в гриву, но тут же Зайчик перешел на шаг. Я поднял голову, мы уже в лагере, арбогастр движется к шатру, возле которого подпрыгивает Бобик и указывает, что сюда, сюда, куда вы прете, две тупые вороны...

Я откинул полог и сразу увидел гору окровавленных тряпок. Нечто огромное лежит на столе, обмотанное всем этим, как древний фараон в начале бальзамирования, а может, и в конце. Лекари в скорбном молчании стоят по обе стороны, дескать, наша продвинутая меди-

цина пока что бессильна, лучшие специалисты отступились...

Я бросился вперед, быстро отыскал щель между тряпками и ощутил под ладонью влажное, но еще теплое тело. Некоторое время я, сосредоточившись, переливал в него часть моей мощи, но там нечто противилось, словно я перехватил душу Сулливана уже на середине реки Стикс, а Харон упорно не желает поворачивать лодку.

Затем ощутился холодок, пошло, ну и здоров же этот бык, я такое чувствовал после полного излечения двух десятков смертельно раненных, а тут один, да и то скрипит, ползет к свету неохотно, взрывая землю, как плугом.

Наконец я убрал руку, вытер дрожащими пальцами пот со лба.

— Все, убирайте эти... полотенца. Герцог просто задремал малость, а вы хоронить собрались!

На меня уставились с непониманием, но я, чувствуя, как дрожат не только руки, но голос, ноги и внутренности, повернулся и вышел, хватаясь за плечи стражей, на свежий воздух.

Один из часовых снаружи лениво отгрызает от целого окорока куски мяса. Я выхватил, чувствуя, как радостно в животе завозилось очень энергичное нечто, быстро и жадно объел, даже обглодал до кости, а ее бросил Бобику и сказал внушительно:

— Вот так надо есть!

Часовой остался с раскрытым ртом и выпученными в восторге глазами. Точно, сегодня же будет рассказывать, как они с принцем ели один окорок, и какой принц демократичный, никаких церемоний, за такого можно отдать всю кровь, голову и душу...

Глава 3

Остаток дня я выслушивал доклады о потерях, пленных, захваченной добыче, отрядах пекландских лордов, что услышали о великой победе и предложили свою помощь в разгроме противника.

Из замка передали, что герцог Мидль еще слаб, но требует подать ему коня, опасаясь, что армия уйдет без него. Лекари выпускать не желают, в таком виде может упасть с лошади и сломать себе шею.

Я вышел из шатра, свистнул. Бобик оказался передо мной моментально и усиленно завилял задом, выказывая готовность мчаться куда угодно и сколько угодно.

— Подождем копытное, — сказал я. — Оно хоть и конь, но тоже человек, как и мы с тобой... Ага, вон ведут!

Зайчик ускорил шаг, потащив с обеих сторон слуг, я с усилием, но все же запрыгнул в седло и порадовался победе, час назад еще и скамеечку бы попросил.

Бобик побежал вперед, оглянулся, проверяя, тут же прибавил скорость, с тем чтобы, когда прибудем в замок, он встретил нас, выходя с отвисающим пузом из кухни.

Я услышал за спиной стук копыт, по грохоту понятно, Зигфрид, уже не спрашивает, куда я и зачем, просто прет следом, а запретить ему не получится, просто не послушает.

Сегодня во дворе Азенкерла народу намного меньше. Мои люди почти все покинули замок, гости барона Эркхарта тоже либо спешат присоединиться к нам, либо разъезжаются по домам, где перескажут все новости и будут раздумывать, на какую сторону забора в нашем конфликте с Мунтвигом упасть.

Я бросил повод слугам, Бобик не стал искать кухню, только толстый зад мелькнул впереди, когда вознесся

по лестнице и пропал на втором этаже, а его путь можно было определить только по испуганным крикам слуг.

В комнате герцога Мидля чисто, пахнет цветами и, конечно, у изголовья кровати огромный букет полевых цветов. Шарлиза наливает из кувшина в чашу вино, судя по цвету, а сам Мидль возлежит в позе султана в постели.

Бобик ворвался первым, напрыгнул на Мидля, перескочил на другую сторону, снова перескочил кровать в обратную сторону.

Шарлиза взвизгнула, но кувшин и чашу не уронила — отважная девочка.

Мидль сказал с неловкостью:

— Ваше высочество, мы тут просто...

— Стихи читали, — сказал я. — Понимаю, герцог, понимаю...

Он возразил пылко:

— Это не то, что вы думаете!.. Мы в самом деле только о поэзии и конях...

— Кони и есть поэзия, — согласился я. — Дайте вам лоб потрогаю... Жара вроде бы нет... а ну откройте рот... И язык красный... а длинный какой, герцог! Просто неприлично длинный. Аж завидно.

Он поспешно закрыл рот, прислушался к чему-то, что может услышать только он.

— Ваше высочество, я чувствую себя вполне здоровым. Во всяком случае, сам поднимусь в седло.

— Прекрасно, — сказал я. — Мне повезло меньше, — меня подсаживали. Хорошо, герцог, ваш конь внизу. Дело в том, что армия выступает завтра с утра.

Он торопливо начал подниматься.

— Тогда мне надо спешить! У меня там еще дела...

Шарлиза целомудренно отвернулась, Мидль в самом деле сам натянул штаны, а с сапогами ему помог Зигфрид, добрая душа.

— Я пойду, — сказал Мидль.

— Я провожу вас, герцог, — вызвалась Шарлиза. — Вдруг упадете?

— Только к вашим ногам, — ответил он галантно.

Все-таки она деликатно и нежно поддерживала благородного герцога, что готов был отдать жизнь за человека, которому скорее мог бы желать гибели, а Зигфрид проводил их взглядом и поинтересовался:

— Прощаться с хозяевами будете?

— Заскочу, — сказал я. — А то они пока оденутся, полдня пройдет...

В комнате внезапно пахнуло лютым холодом. Прямо из внешней стены вышли трое в черных плащах, лица скрыты капюшонами, но все трое повернулись ко мне, словно видят сквозь плотную ткань.

Бобик прыгнул моментально, я не успел и охнуть, а он отшвырнул ближайшего человека в капюшоне к стене и в мгновение ока разорвал ему глотку. С пальцев мага сорвалась запоздавшая красная молния, с грохотом выбила из противоположной стены массивные глыбы, образовав дыру, в которую проедет всадник на коне, а дальше, через зал, была видна такая же дыра в следующей стене, а потом в следующей...

Мои пальцы судорожно сжались на рукояти меча. Я с воплем рубанул, второй маг отшатнулся и начал сползать по стене, оставляя на ней кровавый след от разрубленной до нижней челюсти головы.

Зигфрид выхватил меч, я крикнул бешено:

— погоди!

Третий маг в ужасе отпрыгнул, почему-то оказался не готов к отпору, либо основной ударной силой были те двое, а он на подхвате. Бобик повернулся к нему, весь вздыбленный, в глазницах блещет багровое пламя безумия, из горла рвется глухой и низкий рык.

Я упер окровавленное острие меча в грудь оставшегося в живых.

— Кто ты, — грянул мой голос, от пережитого страха возвысившийся до небесного гласа, — кто ты, тварь дрожащая?

— Маг восьмого круга... — пролепетал он, — господин.

— А сколько их всего?

— В-восемь...

— А считаются от начала или с конца? — потребовал я, но тут же отмахнулся. — Хотя что это я туплю, понятно же... С какой целью? Хотя и это понятно... Что-то у меня голова все еще не совсем... Кто послал? Имена, пароли, явки? Звание, номер части?.. Говори быстро, для диверсантов отдельные правила!

Зигфрид сопит, как разъяренный бык, снова я успел ударить раньше, а маг ответил, чуть смелея:

— Вы нанесли урон магам Священного Севера...

— Правда? — спросил я. — Я вроде бы никого там не убивал. Ну, не считая этих, если они северные, но сами пришли, сами и получили... Или что-то еще?

— Главное, — сказал он трепещущим от страха голосом, — вы сумели... забрать у нас Карла-Антон Земмельвейса Остроглазого, а это самый великий и могучий маг Севера!.. Вы тем самым совершили великое преступление против всего мироздания!

Он даже выпрямился от осознания важности и даже величия истины, которую возвестил, глаза засверкали, как у пророка.

Бобик с жутко горящими багровыми глазами угрожающе зарычал, а Зигфрид выразительно покрутил обнаженным клинком.

Маг покосился на него и снова в ужасе съежился.

— Ух ты, — сказал я в изумлении. — Против всего мироздания... Блин, ну и расту! Нет, в принцах мне

точно тесно, кафтан трещит, пора на уровень, то есть круг выше... А чем же я тряханул все мироздание, надо же?... Вот так гордость и переходит в гордыню, теперь понимаю... Звезды еще не посыпались?

Он проговорил затравленно, то и дело зыряка то на готового к прыжку Адского Пса, то на свирепого Зигфрида:

— Посыплются. И ткань мироздания порвется... И хлынут в наш мир орды и стаи демонов, каких мир отродясь не знал!.. И все вы виноваты, вы все натворили!..

— Как? — спросил я коротко. — Ответствуй, как?

Он выпалил:

— Вы нарушили Великое Равновесие бытия!.. Был баланс Света и Тьмы, а вы своими неразумными действиями...

— Здорово, — сказал я. — Великое Равновесие, как звучит, да еще и бытия, сиречь, Вселенной! Это означает, что в мире чистого и грязного должно быть строго поровну?

Он судорожно кивнул.

— Ну да!

— Ага, — сказал я и оглянулся. — А вон те два трупики, это маги этой, как ее, другой половинки равновесия? Светлой?

— Да!

Я сказал понимающе:

— Я должен сейчас пойти в свое войско и убить там двух магов Тьмы, что служат мне, чтобы восстановить это гребаное равновесие?

Он вскричал обрадованно:

— Да! Как вы все хорошо понимаете!

Зигфрид пробормотал озадаченно:

— Это что за равновесие... Если где-то слишком хорошо помыли пол, то надо насрать?

Маг вскрикнул в негодовании:

— Вы грубый и невежественный человек!.. Правильно говорить — Равновесие Света и Тьмы, баланс Противоположностей...

— Слова, — сказал я, — слова, слова, слова... Зигфрид, проверь его карманы и вздерни вот там... Впрочем, здесь и вешать негде, разве что на лестнице... Нет, заруби прямо здесь, все равно кровью даже стены забрызганы. И к чему лишние церемонии, я вот принц, и то скромнее овечки!.. Пусть мы и нарушаем Равновесие, но нарушаем в хорошую сторону!..

— А после того, — спросил Зигфрид деловито, — как зарубим?

— Хороший вопрос, — одобрил я, — и очень правильный. Хоть и вроде бы лишняя предосторожность, однако вытащи во двор все три... объекта, что не есть люди, а всего лишь живая сила противника, собери под ними побольше дров и сожги грешную плоть, дабы души взлетели, как голуби... или черные вороны, им виднее. Святая и крайне миролюбивая Церковь не зря приняла на вооружение именно этот очищающий светлые души от грязной плоти ритуал.

Маг вскричал в страхе:

— Пощадите! Я буду вам служить!

— Как? — спросил я.

— Верно! — вскрикнул он. — Преданно!

Я кивнул Зигфриду, тот молниеносно дернул мечом горизонтально, и чисто срубленная голова мага взлетела в воздух.

Зигфрид поймал ее на лету за волосы, показал Бобику и с отвращением швырнул на трупы его товарищей.

— Верно служить может Карл-Антон Земмельвейс Остроглазый, — сказал я, хотя Зигфриду можно ничего не объяснять, но я чувствовал потребность как-то объяснить убийство. — Он почти меня убил, потом сам же и вылечил, когда понял, что правда на моей стороне.

Зигфрид сказал хмуро:

— Ваше высочество... не оправдывайтесь, а?

Дверь распахнулась, вбежали трое воинов с мечами наголо. Передний прокричал:

— Что случилось? Там стену...

Он икнул и умолк, глядя на три трупа в черных плащах и забрызганные кровью стены и пол.

— Передайте, — сказал я веско, — мое соболезнования барону Эрхарту, а также баронессе. Шарлизе соболезнования можете не передавать, она сама все видела из-за спинки кресла.

Зигфрид пробормотал:

— Барону тоже будет чем похвастаться. А дырки заделают... Даже если замок просадило насквозь. Ну и лица, скажу честно! До сих пор вздрагиваю.

Я хлопнул все еще остоленелого старшего из стражников по плечу, и мы втроем, ведомые Бобиком, вышли из зала. Так же неспешно спустились по лестнице, а внизу наткнулись на встревоженного барона, он бежал навстречу с обнаженным мечом.

— Слава богу, — вскричал он, — вы целы!.. Что же это делается, Господи?

— Все закончилось, — сказал я весело. — Барон, я обожаю такие победы! Совершенно без трупов... ну почти. Главная победа, их главный маг перешел на мою сторону! Вот такие победы просто обожаю. Красивая бескровная победа!

Зигфрид добавил:

— А что там все стены кровью забрызгали и пол залили, это можно не считать, как говорит его высочество.

Всего в одном из залов, а не все королевство... как его высочество тоже умеет.

Барон растерянно сунул меч в ножны, я обнял его и сказал тепло:

— Еще увидимся, барон!

Глава 4

Утром армия уже выступила, на этот раз я вел прямо на Вифли, благо по дороге ни крепостей, ни городов — все осталось южнее. Ночами я иногда уходил в сторону звезд и просматривал внизу все огоньки, но по большей части там стоянки охотников, хотя воинские отряды попадаются все чаще и становятся они все крупнее.

Норберт выслушивает молча мои сны, тут же посылает конные разъезды уточнить, что там лорду пригрелось, ведь хоть сны посылает Господь Бог, но дьявол вмешивается в них и так все путает, что доверять снам рискованно.

Мне, как оказалось, доверять пока что можно. То ли дьявол не обращает на меня внимания, то ли я такой твердолобый, а сны такие простые и однозначные, что спутать их трудно даже дьяволу, но разведчики сообщают, что да, там охотники, а там идут отряды неких местных лордов, явно направляются к месту сбора новой армии Мунтвига.

У Норберта в подчинении теперь вся легкая кавалерия, он пускает отряды широкой сетью впереди и по бокам, часть следит даже за тылом, чтобы никто не подобрался к медленно ползущему обозу, а я вел маршем грозные колонны копьеносцев, готовых выполнить любой приказ, не выясняя предварительно: а не противоречит ли он их достоинству, а не задевает ли честь благородного человека?

Такие же идут ратники и лучники, приученные по сигналу трубы становиться в линию, смыкать строй или, напротив, быстро расступаться и пропускать бронированный клин вражеской конницы сквозь свои ряды, где в глубине любой и самый отважный противник найдет свою гибель.

Ощутив приближение моей грозной армии королевство Эбберт затряслось, как ветхая телега на рытвинах. Едва мы пересекли границу и пошли по его землям, тут же затрещало, буквально перестало существовать как королевство, а моментально распалось на множество владетельных лордств.

По донесениям Норберта, герцог Тиридер Беллингэм и герцог Виторий Хардинг, всегдашние оппоненты короля Хайбиндера, и раньше смотрели друг на друга, как на лютых врагов, а сейчас и вовсе торопливо начали собирать войска и готовятся сокрушить один другого, а тем временем их вассалы, опережая сюзеренов, уже затевают свары, стычки, дело доходит до серьезных схваток.

Герцоги шлют жалобы королю Харбиндеру, стараясь склонить на свою сторону, но в королевстве уже воцарился произвол и безнаказанность, вожаки разбойничьих шаек собирают огромные отряды, нападают даже на мелкие города, и указов короля никто не слушает.

— Прекрасно, — пробормотал я. — Продолжаем идти прямо на Вифли. В схватки, если нам не загораживают дорогу, не ввязываемся.

Альбрехт задумчиво рассматривал карту, иногда то прикладывая к ней сгиб пальца, то отсчитывая нечто ногтем.

— А если, — поинтересовался он, — войско противника в конном переходе от нас?

Я сказал резко:

— Пока не станет ясно, что намерены напасть, мы идем мимо и дальше.

Он пробормотал несколько обескураженно:

— Слушаю, ваше высочество. Как прикажете. Только не прогадайте. Сейчас ставки высоки, как никогда.

Когда проходили мимо одного из сел, опустевших при нашем приближении, Палант слез с коня и, повернувшись лицом к церкви на холме, бормотал молитву и часто-часто крестился.

Церковь в самом деле выстроена в удачном месте и хорошими мастерами, чувствуется дивная соразмерность пропорций, возвышенность стиля и умелое расположение окон и куполов.

— Что, — сказал я, проезжая мимо, — много невинных душ загубил в бою? Палант, в бою ты убиваешь не людей, а живую силу противника. Сам недавно это уяснил, и так легко на душе стало!.. Это то же самое, что статистика, только с военным уклоном... Ах, ты и статистики не знаешь...

Он перекрестился и сказал благочестиво:

— Зато знаю шесть молитв до самого конца!

— Ого, — сказал я невольно, — я и то больше первой строчки ни в одной не запомнил... Но ты молодец, издали молишься. А мог бы и попереться в ту церковь ради такой малости.

— Молитва не малость, — возразил он с упреком.

— Да, — согласился я, — да, конечно... Хотя сейчас ты домогаешься, чтобы законы Вселенной были отменены ради тебя, не так ли? И хотя ты достойный человек, признаю, но в эту же минуту тысячи не менее достойных могут просить у Господа, чтобы тот все бросил и сотворил что-то противоположное тому, что хочешь ты.

— А что они хотят? — спросил он настороженно и с таким патетическим изумлением ребенка, только сейчас

открывшего непонятную истину, что и у других бывают какие-то желания.

— Кто знает, — ответил я с неопределенностью в голосе, — человек широк, а если он уже побывал и повидал, то так может загнуть, а то и завернуть, что всей армией не разогнем...

Мимо проехали принц Сандорин с принцессой, она поглядывала на Паланта внимательно, мне показалось, что старается разобрать слова молитвы, чтобы подкрепить свою уверенность, что мы читаем молитвы от конца к началу, и вместо Христа упоминаем Сатану, как и говорят про нас в этих землях.

Я вздрогнул, вспомнив, как еще Совнарол, а потом и отец Ульфилла кричали, что видят во мне Антихриста. Я ну ни за что не поверю в предсказания, но, возможно, они улавливают некие тенденции в обществе, а я как раз тот, по их интуиции, кто может эти тенденции воплотить в жизнь?

Хотя, конечно, Антихрист — это чересчур, это слово столько веков было наполнено самым дурным смыслом, что нельзя его произносить даже мысленно, однако же, к примеру, все протестанты — антихристы, так как отрицают божественное происхождение Христа.

Да и пророк, заявив, что у Всевышнего нет ни родни, ни приятелей, тоже создал целый народ антихристов, ибо для них Христос — это очень уважаемый пророк, он будет председательствовать на Страшном Суде, но он все-таки человек, предпоследний из великих пророков.

Так что не так уж и страшно, если подумать и оглядеться, оказаться Антихристом.

Но все равно не хотелось бы, чтобы называли Антихристом. Неважно, кем и чем ощущаю себя, но не хотелось бы. Потому что за века сама суть антихристизма потерялась начисто, осталось только ругательное слово.

Считается, что Антихрист прельстит народы ложной верой или религией, постарается увести людей от Христа, и за ним, в самом деле, уйдут многие, но, как мне кажется, эти пророки просто понимали, что любое учение будет встречать как сопротивление, так и различные толкования, и потому старались заранее опорочить будущих реформаторов, нанести, так сказать, упреждающий удар.

Я ехал задумавшись, постепенно опередил головной отряд, только конные отряды Норберта идут впереди широкой сетью, да еще Бобик беспечно охотится, к восторгу тех, кто дома оставил целые псарни и любимых соколов.

Двое конников, красуясь быстрыми лошадьми, ринулись мне наперерез. Один прокричал торопливо, спеша опередить товарища:

— Ваше высочество, бургомистры и старейшины совета города Фирестоун выехали вам навстречу!

— Отлично, — ответил я. — Где они?

— Ждали впереди на дороге! — ответил разведчик быстро. — Мы сказали им, чтобы ехали вашему высочеству навстречу!

— Правильное решение, — одобрил я. — Толковых ребят подбирает Норберт. Или бестолковых превращает в толковых, что еще достойнее.

Альбрехт заметил с насмешливой интонацией:

— Сэр Ричард, у вас есть одна хорошая особенность...

— Одна? — переспросил я оскорбленно.

— Возможно, еще есть, — сказал он успокаивающе, — но одна точно есть. Хорошая.

— Ну-ну, — сказал я нетерпеливо, — давайте расхваливайте меня, это я люблю. Да побольше, побольше!

Он сказал с иронией:

— Знаю-знаю. Но вы в самом деле умеете выдвигать на высокие должности людей, которые... справляются просто блестяще! До того, как вы заметили Норберта, это был простой сотник.

Я посмотрел на него с интересом.

— Проверяете мою память? Это ж был ваш мелкий вассал, а вы его привели ко мне и порекомендовали, как надежного человека. А я увидел, что он вообще-то способен на большее, чем сотничать... Как и вы, граф, вам же было тесно в Армландии, признайтесь!

Он засмеялся, указал вперед.

— Вон скачут! В повозках...

Я пустил Зайчика навстречу вскачь, но вскоре придержал, хотя тот загарцевал в нетерпении, не понимая, с какой стати остановились, когда перед нами такой простор, но я удерживал его твердой рукой и надменно поглядывал в приближающиеся повозки, обе запряженные четверкой пышно украшенных коней, где и сбруя в серебряных бляшках и цветные султанчики между ушей.

Из передней с кряхтением выбрались двое в богатой одежде, присущей сословию знатных горожан, остановились там, а вторая повозка встала рядом.

Оттуда сперва выскочил слуга и поставил скамеечку с двумя ступеньками. Из повозки очень важно вышел, держась за дверцу, очень солидный господин, похожий на луковицу из-за дюжины одежек.

Я молча ждал, закипая гневом, ко мне даже герцоги подбегают вприпрыжку, но стиснул челюсти и остался неподвижным.

Они приблизились неспешно, красиво и церемонно все трое сняли шляпы и отвесили поясные поклоны.

— Ваше высочество...

Я сказал в высокомерном раздражении:

— Я заранее послал в ваш город гонца с наказом доставить двенадцать катапульти!.. Где они?

Городской старшина с достоинством поклонился.

— Ваше высочество, катапульти, что делают мастера в нашем городе, самые лучшие в королевстве, вы правы...

Я перебил:

— Где они?

— У нас нехватка в лошадях, — ответил он. — Сперва конница Мунтвига забрала даже крестьянских лошадок, потом остатки были распроданы...

Я повысил голос:

— А волю?

Он развел руками.

— Ваше высочество, волю, по большей части, пошли на мясо. Воинам всегда требуется много мяса...

— Вам что, не передали мое повеление? — спросил я с нажимом. — Вам требуется... что-то еще?

Он поклонился, слегка побледнев.

— Да, но... я не решился забирать оставшихся животных силой.

— Хорошо, — сказал я резко, — раз вы такой милосердный, я тоже буду к вам милосерден и дам еще трое суток. Если катапульти за это время не придут... Уже не сюда, а прямо под стены Вифли, то милосердие милосердием... но вы узнаете, что живем мы пока что на этой грешной земле и жизнь наша не весьма праведна... Вас повесят либо на городской площади, либо на городской стене, мы — люди широких взглядов. Я сказал!

Зайчик, ощутил повеление, пошел гордым галопом. Зигфрид и разведчики мчались, чуть приотстав, не желая попадать под горячую руку лорда.

На этот раз городские старейшины поклонились намного ниже и остались в таком положении, пока мы не умчались далеко.

Впереди крохотный городок Стенлис, который даже стеной еще не обзавелся, армия прошла мимо, а я со свитой проехал через центр, народ в испуге сторонится, но так вообще-то жизнь идет своим чередом, разве что лавки позакрывали, но на городской площади к столбу привязан обнаженный до пояса молодой мужик, а палач лениво хлещет его плетью.

При виде въезжающих на площадь вооруженных всадников во главе с могучим лордом все попятились, палач опустил плетль и низко поклонился.

Я остановил коня и спросил с надлежащим высокомерием:

— За что его?

Палач хлопал глазами и не мог вымолвить слова, а стоящий по ту сторону столба человек со свитком в руках сказал торопливо:

— Ваше высочество, он наказывается на прелюбодеяние!

— Прелюбодеяние, — сказал я внушительно, — грех, он даже попал в первый список Моисея. Не столько за тяжесть, как я думаю, а за массовость... Что ему назначили?

— Десять плетей, — ответил служащий. — Восемь он уже получил...

— Еще десять сверху, — распорядился я. — Мы, люди Юга, стоим за чистоту нравов и высокую духовность!.. Действуйте.

В толпе обрадованно зашумели, кто-то выкрикнул, что палач халтурит, до сих пор крови не видно, я погрозил пальцем палачу, и мы поехали дальше.

Альбрехт приблизился, осторожно управляя новой молодой лошастью, очень нервной, но, как уверяли его, удивительно быстрой.

— Ваше высочество...

— Ну? — спросил я в нетерпении, когда он начинает вот так, то с чем-то не согласен и попытается мягко сдвинуть меня с моей единственно правильной для всех точки зрения.

Он натянул повод, сказал осторожно:

— Не перегибаете ли...

— Считаете, я был не прав?

Он покачал головой.

— Нет, ваше решение верное и гуманное! Герцог Мидль еще больше бы дал... но в этих землях уже не ваши законы! Они принадлежат местным лордам, а у них свои законы...

Я сказал с надлежащим высокомерием принца:

— У всех людей, созданных Господом, одни законы! Они выросли из заповедей: не укради, не убий... и что-то там еще есть, точно помню. Потому законы не могут быть разными. А кто делает их такими, тот восстает против указаний самого Всевышнего, потому к такому никакие законы не применимы, кроме как повесить мерзавца, отрубить голову или гуманно и эстетически красиво сжечь на костре!

Остальные из свиты прислушиваются, но никто не рискнул раскрыть рот, только Альбрехт проговорил упрямо:

— Мы ведем тяжелую и рискованную войну с противником, сил которого еще не знаем... в полной мере. Не лучше ли сосредоточиться полностью на достижении победы?

— Лучше, — согласился я. — А кто говорит, что не лучше?

Он криво усмехнулся.

— Ну, выходит, я...

— Вы политик, — сказал я одобрительно, — хороший региональный политик, граф.

— Это плохо?

— Это замечательно, — воскликнул я. — Побольше бы таких мыслящих трезво, рассуждающих ясно и видящих цель!

Бобик примчался с гусем в пасти, сунул Альбрехту. Он взял с натужной улыбкой, не нагибаясь, голова Бобика на уровне его колена, вежливо сказал «спасибо», а когда ошастливленный Бобик унесся за новой добычей, перебросил гуся, не глядя, оруженосцу, который уже обвешан ими, как мародер, не считая того, что в сумке яростно бьется крупная рыба.

— Бобик, — сказал я строго, — на базаре не охотятся! Понял?

Он виновато замахал хвостом, не прошло, а на базаре так все удобно, хватай и беги...

— Кажется, — сказал Альбрехт хмуро, — догадываюсь, что ваше высочество имеет в виду.

Я воскликнул:

— А почему такая кислая морда? Граф, регионы — это королевства!.. Разве управлять ими не... весьма? В нашем авторитарном союзе демократических королевств с истинными ценностями... я их попозже сформулирую, наступит мир и как бы щасте!

— Да, — пробормотал он, — но такое грубое вмешательство...

— Защита моих земель, — пояснил я, — распространяется настолько, насколько ее хватит!

— Ого, — сказал Альбрехт и покрутил головой. — Даже не представляю, какие нужно иметь когти, чтобы удержать все эти земли.

Я огрызнулся:

— Думаете, я представляю?

— Тогда зачем?

— Я все-таки паладин, — ответил я с неохотой, в хорошем всегда признаваться несколько неловко, — хотя и бываю такой свиньей, что любая свинья от зависти

убьется о стенку. И, как паладин, стремлюсь к справедливости. Хотя бы для других.

— А-а-а, — сказал Альбрехт с облегчением. — Ну тогда все в порядке. Все хорошо.

Я посмотрел с подозрением.

— Что хорошо?

— Для других, — пояснил он, — это хорошо. Я уж боялся, что сами начнете и нам предложите начать с себя исполнять заповеди и даже законы.

Я покосился на внимательно слушающих нашу дискуссию лордов и военачальников.

— Нет-нет, — сказал я успокаивающе, — мы пока побудем над законом. Нужны же надзиратели? Но закон будет единый для всех, ибо Господь не предполагал расслоение на лордов и простолюдинов, это люди сами придумали.

— И вы...

— Да, — прервал я твердо, — я!.. Возврат к заветам Всевышнего. Всеобще и равное... не помню что, но вроде бы очень важное. Ладно, это потом, когда вспомню. Что-то моя память отказывается хранить всякие несущественные мелочи.

Глава 5

Конный разъезд примчался с сообщением, что город Вифли будет виден уже вон с того холма, как будто я сам не знаю, и Зайчик, чувствуя мое нетерпение, взлетел туда птицей.

Вифли под прямыми солнечными лучами показался еще крупнее, чем я видел его в прошлый раз, но тогда была ночь, а сейчас и стена достаточно высока, и редкие башни выглядят достаточно воинственно.

На стены высыпали не только воины, но и горожане, видно было, как беснуются, делают непристойные жесты, а женщины поворачиваются спиной, наклоняются и, задрав платье, показывают толстые белые задницы.

Ко мне подъезжали один за другим полководцы, рассматривали город с хмурым недоброжелательством, только юный Палант ярился, хватался за меч, словно готов в одиночку ринуться вперед и рубить им стены.

Я сказал сдержанно:

— Прекрасно... просто прекрасно!

На меня посмотрели с недоумением, Клемент рыкнул:

— Что прекрасного?.. Нас оскорбляют.

— Вот и запомните, — ответил я, — запомните эти оскорбления. Только человек может быть злопамятным, а все эти бабьи сказки, что медведица через год нашла охотника, убившего ее медвежонка, и отомстила... бред. Только человек способен на месть! Только человеку выпала высокая честь и обязанность быть злопамятным.

Он косился на меня с тревогой и недоумением, я и сам чувствовал, что говорю не своим голосом, перед глазами, как воочию, этот проклятый город, через который нас гнали, как загнанных зверей, из-за заборов смеялись и улюлюкали, свистели и оскорбляли, никто не подал истерзанным голодом и жаждой куска хлеба, не позволил напиться, и только уже ближе к выходу на другом конце города одна женщина подала тайком каравай хлеба и кувшин молока.

В Содоме и Гоморре было больше праведников, чем пять или десять человек, однако Господь не пощадил эти города, залил лавой всю долину, прихватив еще три города поменьше, а здесь всего одна праведная семья, да и та должна была покинуть это проклятое место. Так сровняется же это логово порока с землей, да прока-

тится страшная весть по королевству, что Господь долго терпит, но больно бьет...

Войско подходило в течение дня, я велел расположиться вокруг города, чтобы ни одна живая душа не ускользнула, и к вечеру на расстоянии полумили от города выросли шатры военачальников, а на передовые линии выдвинулись отряды копейщиков на случай вылазки из города рыцарского отряда.

Я долго смотрел на эти стены, обгаренные закатным солнцем, словно уже залитые кровью наглцов, бросивших вызов справедливости и милосердию разом.

И крыши тоже в багровом огне, как будет вскоре, когда катапульты начнут метать помимо камней еще и бочки с горящей смесью, мешки с горящей паклей, а также раскаленные докрасна куски металла.

Палант зачем-то взялся выяснить точно, до каких пределов можно приближаться к стенам, не рискуя быть убитым, и целый день носился вокруг города, сужая спираль и замечая, в каком месте в землю втыкаются пушенные в него стрелы.

Кончилось тем, что его почти принесли с двумя стрелами в плече, слишком уж гарцевал близко, а там оказались арбалетчики, двое попали достаточно точно.

Я посмотрел с отвращением, ну что за дурак, мы не собираемся карабкаться на стены по лестницам, я же объяснил всем подробно наши цели, а когда встретил взгляд его виноватых глаз, повернулся к Зигфриду.

— Пусть посмотрят этого... героя наши лекари.

Палант прохрипел бодро:

— Пустяки!.. Если вытащить из меня обе стрелы, сегодня же сяду в седло боевого коня.

— Ага, — сказал я, — сядешь. Еще как сядешь. Только очень даже не сегодня. И не завтра.

Катапульты прибыли утром второго дня, все двенадцать. Я велел распрячь измученных волов и пустить на ближайший луг, а катапульты расположил в трехстах ярдах от стен. Хотя, конечно, там не только катапульты, эти штуки называют то так, то эдак, хотя все они бывают только двух видов: одни бросают камни, другие бьют стрелами, даже если эти штуки больше рыцарского копья, но все равно называются стрелами.

Гастрарафеты, или скорпионы, больше годятся против живой силы, одна такая стрела пробивает глубокую брешь в плотной стене воинов, как бы те ни закрывались щитами, зато катапульты, что в увеличенном варианте, называются требушетами, швыряют огромные камни через стену до середины города.

Клемент удивился выбору мест, где я велел расположить требушеты, на что я поинтересовался, знает ли он, где что в городе.

Он развел руками.

— Нет, но... разве это важно?

— Я как-то бывал в нем, — процедил я сквозь зубы. — Потому будем бить по самым больным местам. Кстати, сразу приставьте отряды сопровождения и охраны. Будет непростительно, если из города сделают вылазку и разрушат хоть один требушет.

На второй день собрали огромные решетки из свежих прутьев ивы и камышей, укрепили на легких платформах с колесами, за каждой укроется как минимум с полсотни лучников. Всем им предстоит перебрасывать горящие стрелы на крыши домов, что прилеплены с внутренней стороны городской стены.

На третий день, с утра, требушеты начали один за другим бросать через стену города огромные камни, бочки с горящей смолой, мешки с нечистотами.

Лучники из-за огромных щитов из прутьев ивы довольно успешно бьют из луков защитников на стенах. Когда те попрятались, начали по высокой дуге запускать тяжелые стрелы через стену, на той стороне вблизи навёрняка суетится подсобный народ, таскающий камни, воду, забирающий раненых и убитых.

Я, не покидая лагерь, поднялся на небольшой холм и рассматривал холодно и бесстрастно, как в городе то и дело вспыхивают пожары, как туда бегут подобно муравьям толпы людей, суетятся, мечутся, мешают друг другу, кто-то начинает таскать воду из колодца, кто-то пытается растащить горящий сарай на бревна.

Ко мне иногда подходили военачальники, но никаких распоряжений не получали и тихонько возвращались на места, только Альбрехт остался, его войско сейчас на границе Варт Генца под командованием Меганвэйла, как и армия вендоверцев, а он наслаждается ролью моего советника, который ни за что не отвечает.

— Все правильно? — поинтересовался он. — Сэр Ричард... вы этого хотели?

Я кивнул.

— Так и продолжайте. Вифли — проклятый город. Сам Господь определил ему быть уничтоженным.

Его губы дрогнули в хмурой усмешке.

— Сам Господь?

— Господь, — пояснил я с достоинством, — с того дня, как вышвырнул Адама и Еву пинком из рая, больше не говорил с ними... напрямую. Сперва из горящего куста, потом вообще через святых и пророков.

— А вы, простите, ваше высочество...

— Паладин, — напомнил я. — Паладин!.. С паладинами Господь тоже говорит. Потому я знаю, что Он как бы сказал в нашем случае.

— Ох, простите, ваше высочество...

— Не ерничайте, — огрызнулся я. — Графу не пристало вести себя так простецки! Вот возведу в герцоги, вообще придется следить за каждым словом. И не улыбаться вот так ехидно.

Он охнул.

— Ваше высочество, а можно мне и дальше брать с вас пример?

— В чем? — спросил я с подозрением. — А то я весьма широкая натура. И многогранная.

— Вы же не спешите в короли, — напомнил он так льстиво, что хуже самого ехидного ехидства.

— А-а-а, — протянул я. — Почему люди всегда охотнее подражают дурному?.. Есть же и замечательные примеры для подражания!

Он спросил тихонько:

— Кто?

Я подумал, ответил с достоинством:

— Я, например. Только с другой стороны. В общем, граф, сейчас начинается рутина войны. Мы за весь поход впервые осаждаем город!.. и будем осаждать несколько дней...

Он смерил меня подозрительным взглядом с головы до стремян.

— Ваше высочество, вы так говорите, словно снова исчезнете. И весьма надолго.

— Заметно?

— Да, — ответил он, — мне уже знаком этот тон и такие вот интонации. Думаю, не один я заметил.

Я сказал с неловкостью:

— Вы правы, граф. Я — принц, но и у принцев, как ни странно, есть обязанности. Кто бы подумал! Думаю, вернусь скоро, здесь ничего не изменится.

Он сказал торопливо:

— Ваше высочество! А это в самом деле надо? Осада Вифли в разгаре!.. Вы должны присутствовать!

Я сказал с тоской:

— Дорогой граф, на самом деле я должен присутствовать в десятке мест, вот в такое щасте я влез, сам не рад... Потому и мечусь, как пес со скорпионом в заднице... Ждите!

Не слушая возражений, я повернулся и пошел прочь, а когда свернул за шатер, оглянулся воровато, никто не видит, быстро повернул браслет Гонца и представил себе Эльфийский Лес, его вообразить проще всего, там мои жены, там моя вторая родина, там...

Сцепив челюсти, я переживал короткое головокружение, через пару мгновений мир перестал бешено вращаться и замер картиной сказочно прекрасного леса с величественными деревьями. В просвете между толстыми стволами с картинно изогнутыми ветвями проступила усыпанная золотом площадь.

В ее центре рвется ввысь выросший в золотые плиты исполинский радостный замок. В прошлый раз он был дворцом, пышным и надменным, но сейчас, словно подсмотрев все лучшее у людей, перестроился в этот замок с его изумительными башенками, зубчатой стеной и множеством ярких флагов, что весело трепещут на остроконических вершинках.

И песок на этот раз сплавился в монолит, красиво расчерченный на одинаковые квадраты, так что я ощутил себя почти в городских условиях, хотя, конечно, где еще прочувствовать, как твои подошвы идут по чистейшему золоту.

Я подошел к воротам, сияющим, как солнце, по обе стороны в неподвижности застыли два роскошно одетых эльфа с декоративными копьями в руках. На меня не повели и бровью, то ли знак доверия, то ли пренебрежения.

— Привет, служивые, — сказал я покровительственно. — Орлы!.. Бравы ребяташки!.. Чудо-юды... э-э... чудо-богатыри, так сказать. Служите, служите, я разрешаю.

Хоть и эльфы, но засопели, как тролли, что-то не понравилось, дурачье, я же похвалил, хоть и по-своему, по-человечьи, что значит почти искренне, от самой глубины бездонного сердца.

В холле радостный блеск, свет падает со свода чистый, солнечный, искрятся стены, но не слишком по-простонародному, а сдержанно благородно, с достоинством, пол на этот раз выложен ромбическими плитами, узор настолько затейливый, что я не стал заморачиваться, стараясь понять, у людей собственная гордость.

Глава 6

Эльф вышел навстречу настолько элегантный до предела, что я сразу понял, что это и есть его основная профессия — быть элегантным и образцово-показательным.

Если среди людей находятся чудаки, что подбирают носки под цвет галстука, хотя нормальным мужчинам наплевать, даже если носки на ногах разного цвета, то для эльфов не сгармонизировать все в одежде — это даже не знаю что, государственная измена и то ничто в сравнении.

Он смерил меня взглядом свысока, для этого пришлось откинуться назад в поясице так, что хрустнул его рыбий скелетик.

— По какому делу? — поинтересовался он так, словно со мной заговорила ледяная сосулька.

— Че? — спросил я. — Мужик, ты хто?

— Я Леголасэль, — ответил он высокомерно, — управляющий королевскими службами.

— Привет, — сказал я. — Меня можно звать просто Астральмэлем, я эльф простой, бесхитростный. Хоть и конт, разумеется. Ну, это вы не могли не слышать, верно? Причем из древнего благородного рода, давшего эльфийской нации множество великих мыслителей, философов, чувствователей, музыкантов, поэтов, бардов, полководцев... ну, полководцев можно не считать, какие из эльфов полководцы, к тому же было давно и неправда, но я этим не кичусь по природной скромности и очень хорошего воспитания... Что-то я вас раньше не видывал!

Он произнес холодно:

— Вы многого не видывали.

— Правда? — изумился я. — Как здорово! Я-то уже чувствую себя Гильгамешем, все повидавшим и всех... в общем, познаша. А, оказывается, все еще... ну пусть не все, но многое впереди? Прэлэстно, прэлэстно!..

— Вам предстоит, — произнес он чопорно, — взойти на ступень выше.

— Это я люблю, — заверил я. — Все выше, выше и выше!.. А падать можно не бояться тому, кто умеет птеродактилить... если, правда, не повесят наковальню на шею.

Он поморщился.

— Пойдемте, я покажу вам...

— Да показывайте здесь, — предложил я жизнерадостно и без всякого стеснения, как истинный демократ. — Никого ж нет...

Он усмехнулся.

— В самом деле? Смотрите.

Он повел рукой, я вздрогнул и ощутил, что нижняя челюсть налилась свинцом. В пустом зале, который вдруг оказался не пустым, с десяток эльфов прохажива-

ются и беседуют друг с другом, в нашу сторону лишь изредка кто-то бросит незаинтересованный взгляд, но, похоже, я до обидного мало вызываю интереса, и никто не видит моей уникальности. А если и видят, то не ценят, хотя, скорее всего, просто завидуют, но не показывают вида. Людям все завидуют, это аксиома.

— Блин, — вырвалось у меня, — вот уж не думал...

— Что? — спросил он с ледяной любезностью.

— Что у вас так серьезно, — пробормотал я. — Мне казалось, благородный эльфизм предусматривает защиту только по периметру! А внутри полное доверие, никто не смотрит, кто что чешет, а главное — кому и в каком месте. Но, как сказал дядюшка Джо, был такой могучий король, доверяй, но проверяй... Наверное, он из эльфов. Горных. Соплеменных.

Он поморщился, но очень аристократично и благородно, почти музыкально.

— Конт... мы не знаем и знать не желаем, что и где-то в диких землях происходило или даже происходит.

— Ой, правда?

— Представьте себе...

— А почему?

Он снисходительно улыбнулся.

— Это дети всегда любопытные. Ну, и зверьки всякие.

— Ах да, — сказал я с почтением, — понимаю-понимаю! В старости не забыть бы, как себя зовут... и чтоб без штанов не выйти на улицу.

— Вам, — произнес он чопорно, — надлежит уяснить, как вести себя в то время, когда вам оказана такая высокая честь.

— Это честь? — переспросил я. — А мне брякнули, обязанность.

— Эта обязанность, — произнес он чопорно, — честь! Вряд ли вам придется еще раз пройти через эту

почетную службу, жизнь людей коротка... но это к лучшему.

— Да, — согласился я, — прекрасное неповторимо. Это как служба в армии. Почетный долг и обязанность!.. Счастье-то какое, а его в упор не ценят.

— Первое, — произнес он, — вам поручена огромная честь стоять на страже покоев королевы! Выше этой чести ничего нельзя представить и даже вообразить...

— Бесподобно, — воскликнул я. — А давайте я в силу своей непомерной щедрости уступлю эту честь вам?

— Вы не понимаете...

— Не понимаю, — согласился я охотно. — Ну тупой я, тупой! И бесчувственный. И толстокожий. И морда ящиком. И вообще... Уступлю вам, а сам вместо вас бесстыдно посплю, как свинья какая, в вашей постели? Пусть даже с вашей женой или служанками, я свинья неразборчивая, все... ем!

Он нахмурился.

— Увы, традиции и законы эльфов неизменны. Ничего менять нельзя.

— Жаль, — сказал я, — а то бы мы с вами, чувствую, махнули не глядя. По вашим, как бы честным, глазам вижу, что и вы поэльфили в свое время, возможно, еще с питекантропшами и даже лемуршами...

Он надулся и дальше вел меня, не отвечая, через залы, по морде вижу, точно было что-то с питекантропами, да еще и неудачное, иначе чего бундючиться, мы такие моменты вспоминаем всегда с широченной улыбочкой, словно торт в одиночку сожрали, пока остальные в прихожей обувь снимают.

Я поглядывал по сторонам, это местным эльфам неприлично и даже непристойно вертеть головой по сторонам, а я особый эльф, дикий, неотесанный, алмаз в общем, мне все можно, я простак за границей, потому бесстыже рассматривал эльфиек и точно так же их спут-

ников, демонстративно делая вид, что не вижу половой разницы, все такие хорошенькие, что вот прям шас бы поймакал в своих загребуших, я не слишком утонченный и разборчивый, у диких эльфов своя эстетика фрикций...

В каждом из следующих залов эльфов меньше, в двух вообще пусто, управитель все замедлял шаг, я видел, с каким неудовольствием он заговорил, глядя прямо перед собой в пространство, даже голову повернуть не изволит:

— Вы свои обязанности знаете?

— Еще бы, — ответил я бодро.

— В чем они заключаются?

— Быть на земле чело... тьфу, эльфом!

Он поморщился.

— Да, но это общие обязанности. А частные?

Я скромно опустил глазки.

— Ну, не при женщинах же...

Он сказал с надменной суровостью:

— Я имею в виду, в данном случае?

— А-а-а, — протянул я. — Ну, конечно, знаю! А как же! Еще бы!.. Хотя вообще-то нет, не совсем как бы знаю.

Он сказал резко:

— Вам надлежит бдить!

— Бдить и не пушать, — подтвердил я. — Как раз работа для принца. Даже эрцпринца. Нет, курпринца. А там, глядишь, за такое и до кронпринца повысят. Что-то еще?

— Ничего, — подчеркнул он. — Это великая честь пробить семь суток телохранителем королевы Синтифаэль...

— ...созданной из солнца и Света, — подсказал я на случай, вдруг он забыл, все-таки такой древний, питекантропов помнит, по углу лицевой кости вижу, память

должна быть уже больше питекантропия, чем неандерталья. — И буду ее телохранитить в каком смысле?

— В самом прямом, — ответил он чопорно, насторожился и взглянул на меня с подозрением. — А что за странный вопрос?

— Я сам странный, — сообщил я. — У меня насчет самого прямого свои соображения...

Он надулся и сказал надменно:

— Вы будете присутствовать в личных покоях королевы, но вы не смеее с нею заговаривать или обращаться к ней.

— Уф, гора с плеч!

— Вы будете, — продолжил он неумолимо, — окутаны аурой ее присутствия, будете впитывать ее, этого вам хватит на несколько ваших серых жизней!

— Здорово, — сказал я. — А как насчет...

Он сделал знак замолчать, очень похожий на жест заткнуться, точно у него в предках был кто-то из питекантропов. К нам медленно, в такт нашим все более торжественным и церемонным шагам, приближается роскошная стена с такой же дверью, где если нет золота, то лишь потому, что на том месте рубины или другие драгоценные камни. Массивная ручка выполнена с дивным изяществом в виде некой удивительно грациозной птицы.

Я не успел протянуть руку к этой ручке, как дверь тихонько открылась. Управитель продолжал движение, это он наверняка открыл, а то и сама дверь отворилась, завидя его великолепие.

Молча дивясь роскошным покоем, перед которыми любые королевские или императорские показались бы хужиной дровосека или углежога, я поспешил следом, молча громко ахая при виде такого яркого, но строгого убранства.

— Королева, — произнес он едва слышно, — в следующем зале. Вам надлежит войти и встать с той стороны двери. Этой двери. Молча. Не шевелиться. Не чесаться. Не сопеть. Не рыгать. Не хрюкать...

Я прервал:

— Быть, как статуя, ясно.

Он кивнул, ответил еще тише:

— Наконец-то.

— А дышать можно?

Он подумал, оглядел меня с головы до ног и ответил с великой неохотой:

— Увы, можно.

Наконец последняя дверь, он остановился от нее в двух шагах и замер, как истукан. Я хотел пнуть ногой в раззолоченные створки, но вспомнил, что здесь я не принц, а рядовой Ее Величества королевы эльфов, несмотря на свое конство.

Едва тихохонько, как Гаврош, протянул руку, дверь послушно распахнулась, ощутив приближение моих музыкальных, надеюсь, пальцев, и вообще моей одухотворенной творческой и вообще всемерно и неоднозначно одаренной натуры.

Мне почудилась тихая нежная музыка, но тут же сообразил, что это всего лишь отклик в моей богатой оттенками душе, а вообще здесь оглушительная и почти оглушающая тишина для подчеркивания моей победнокопытной поступи царя природы и доминанта.

Зал освещен ярко, но уходит вдаль, и там весь теряется в таинственном полумраке не только пол, но и стены, и бесконечно высокий свод.

Под ногами красные ковровые дорожки, тоже уходят вдаль, но шагах в сорока от меня спиной ко мне божественная Синтифаэль в длинном до пола и дальше платье, в том смысле, что шлейф тащится ярдов на двад-

цать, но не видно арапчат, что должны заносить этот золотистый хвост бегом на поворотах.

Я застыл, даже дыхание задержал: она прикасается к стене растопыренными пальцами в разных местах, там сразу разбегаются кольцами светящиеся волны, словно вместо стены вставшая дыбом поверхность озера.

Иногда королева делает резкое движение ладонью, и тогда стену пересекает полоса ярко-рубинового цвета. Слышится легкий звон, будто падают на пол мириады крохотных хрустальных фужеров для крупных муравьев типа кампонотусов или хотя бы крематогастер пилоза, а Синтифаэль снова двигает круги по стене, соединяет, уплотняет, иные вытягивает в длину и отправляет плыть к другим стенам...

Я смотрел жадно, стараясь уловить сокровенный смысл, но для эльфов это явно важное, а может, и вовсе глобальное, как если бы решились застезку на воротах с тремя крючками заменить на застезку всего с двумя, невзирая на возможные волнения, обвинения в не следовании традициям, забвении памяти предков и ненужного вольнодумства, что аукнется в далеком будущем неясными последствиями.

Наконец Синтифаэль уронила руки вдоль тела, с минуту молча созерцала гаснущие знаки, легонько вздохнула и тихо пошла к стене напротив.

Я рассмотрел у стены огромное роскошное ложе, там перин сорок, не меньше, нет, наверняка больше, это же не какая-то зачуханная провинциальная принцесса на горошине, а королева солнечных эльфов...

Розовый балдахин важно и величественно парит в воздухе, я поглядывал на него с опаской, все-таки деревянные подставки надежнее, я бы точно предпочел их, не подведут, когда магия вдруг... ну, запортится.

Масса светильников на полу, что на ходу дивно подсвечивают ее фигуру, золото с алым, она приблизилась к

золотой стене, там смутно отражается ее фигура, грациозно вскинула руки, словно в замедленном танце.

Платье легко соскользнуло по ее телу, нигде не задерживаясь, на пол.

Она неспешно и красиво, словно танцуя в балете, переступила из этого круга золотого шитья.

У меня перехватило дыхание от дивного зрелища налитой солнцем и медом нежной и сладостной фигуры, вот уж в самом деле рожденная из солнца и света...

Королева некоторое время всматривалась в свое отражение, и я, сузив взгляд, видел ее лицо достаточно четко: умное, строгое и, как на мой взгляд сейчас, чуть-чуть печальное.

Отблески пламени прыгают зайчиками по ее телу, высвечивая настолько ярко, что временами она, как стеклянная банка со свежим медом, просматривается насквозь.

Глава 7

На ее пальцах остались три кольца с рубинами, хотя ожерелье и серьги сняла, но, видимо, ожерелье и серьги просто ожерелье и серьги, а кольца служат украшениями в самую последнюю очередь, а так они не кольца, а что-то такое... ну, я тоже ношу их не для красоты.

Насмотревшись, она отвернулась и, грациозно ступая босыми ступнями, направилась к ложу.

— Ваше Величество, — произнес я негромко, — осознаю свою дерзновенность и готов понести любое наказание... но токмо ради великого и животворного эльфизма, освещающего и озаряющего своей красотой и величием весь мир... решаюсь спросить... эльфы как-то защищены от Багровой Звезды Маркуса?

Мне показалось, что она чуть вздрогнула, или нет, не вздрогнула, но едва-едва заметно напряглась на крохотный миг.

Я ждал, замерев, она остановилась, медленно повернулась и взглянула на меня огромными влажно мерцающими глазами. Ее обнаженная фигура струится и переливается в трепещущих огнях светильников, но чистая, как золотая рыбка в горном ручье, но я не отрывал отчаянного взгляда от ее прекрасных и таких печальных глаз.

— Маркуса?

Голос ее звучал так тихо, что я едва расслышал, но все равно уловил в нем древнюю печаль некогда великого и могущественного народа, что зрит свою близкую гибель.

— В небе все ярче, — сказал я так же тихо, изо всех сил стараясь не нарушить возникший контакт, — разгорается зловещая Багровая Звезда. Может быть, эльфы называют ее как-то по-своему. Раз в пять тысяч лет сжигает на земле все живое, перемешивает горы и леса, заливают лавой равнины... Эльфы должны знать о ней!

— Эльфы знают, — ответила она тихо.

Я воскликнул:

— Вы не погибнете?

Она покачала головой.

— Большинство погибнет позже.

— Почему? — спросил я жадно.

Она ответила, не глядя на меня:

— Наша магия защитит нас в Коконах Сна. А когда огонь утихнет, магия Коконів истощится, и мы выйдем на еще горячую землю... как уже было не раз. И тогда начнем умирать, потому что лесов еще не будет, нам придется прятаться среди обломков скал, что мы не умеем...

— И многие умрут от голода, — продолжил я, — от зимних холодов, от зверей...

— ...и даже людей, — закончила она. — Возможно, и на этот раз часть эльфов переживут Багровую Звезду, хотя нас и так горстка.

— Но что-то можно сделать? — воскликнул я шепотом.

Она покачала головой.

— Ничего.

— Так не должно быть, — сказал я горячо, но стараясь не повышать голоса, — не должно, потому что... эльфы — это наша мечта, это все чистое и благородное, это возвышенное и прекрасное! Мир станет тусклым и серым, если лишится эльфов.

Она сказала тихо:

— Сделать ничего нельзя.

— Надо, — сказал я с бессильной яростью. — Я не знаю как, но сделать надо!.. Я не сложу покорно лапки!..

Она повторила тускло:

— Ничего... не сделать...

Всхлип прервал ее слова, я видел, как нежное лицо чуть дернулось, Синтифаэль не забывает, что она королева, прилагает неимоверные усилия, чтобы держаться достойно, но иногда плачут и королевы.

Я торопливо шагнул к ней и, замирая от неслыханной дерзости, обнял.

— Ваше Величество, не сдерживайтесь! Поплачьте, это даст облегчение. Никто не увидит, а я не пробалтыватель государственных секретов. Можете мне потом отрубить голову, как Клеопатра...

Она попыталась отстраниться, но я в некоем наитии удержал, сам ужасаясь своей сверхдерзости, но оказался прав: она перестала противиться и даже расслабилась в моем крепком, надеюсь, и как бы надежном, кто бы подумал, объятии.

— Не сдерживайтесь, — посоветовал я. — Бывает необходимо выплакаться... даже пореветь, чтобы потом твердо и прямо! И невзирая на.

Плакать она не стала, но я чувствовал, какое для нее облегчение опереться на простого и грубого эльфа, неотесанного, но полного звериной силы, что охотно и с радостью делится ею с нею, такой трепетно мудрой, но женственной и слабой.

Я чувствовал, как из меня медленно и неторопливо исходит нечто, а Синтифаэль, напротив, счастливо вздохнула и, закрыв глаза, опустила голову мне на грудь.

Мои руки трепетали от счастья и опасения повредить ее, такую нежную и хрупкую, в самом деле сотворенную из солнца и света, даже дыхание задержал и стоял, как дурак, не зная, что делать дальше, потому что и так зашел уже ого-го куда, и теперь любой шаг в любую сторону может так огогокнуться, что и перьев от такого орла не останется...

Скосив глаз, я увидел ее лицо, несколько одурело-потрясенное, будто сама не понимает, где она сейчас и что с нею.

То ли нечто ломая в себе, то ли на поводу чего-то огромного и властного, что иногда ведет нас сквозь тьму, но чаще сквозь свет, я легонько и с превеликим почтением поднял ее на руки, такую неземно легкую и трепетную, прижал к груди и пошел в сторону ее лежа почти балетным шагом, чтобы никакой тряски и колыхания.

Даже дыхание то ли затаил, то ли оно само остановилось, чтобы не повредить им эту нежную сказку в моих руках и на моей груди. Так и шел через зал, одуревше возвышенный и одухотворенный, а там нежно и бережно опустил свою ношу на роскошное ложе и так же тихохонько, содрагаясь от собственного безумства и святотатства, прилег рядом, не выпуская из рук.

Она все еще легонько вздрагивает, как ребенок после долгого плача. Я тихонько гладил ее по голове, замирая от сладкого прикосновения к дивным волосам, медленно проводил кончиками пальцев по изящно вылепленным раковинам ушей, это получается чувственно, хотя я не старался, оно как-то само, но никаких лишних мыслей, я сейчас просто плотно бесплотный ангел, весь из себя до предела, сейчас бы только арфу, но у меня в руках нечто получше арфы.

Она лежит совсем не по-королевски, хотя и не представляю королев в постели, но должно быть что-то величественно-надменное, положение обязывает, однако Синтифаэль на боку и подогнула колени, согнувшись калачиком, спасается от огромного и враждебного мира, и я навис над нею и, продолжая касаться ее кожи одними кончиками пальцем, шепотом говорил, как прекрасен этот мир, посмотри, он расцветает, когда видит тебя, он ликует, он радуется тебе, и хотя, да, им нужно управлять, но он хочет, чтобы им управляла Синтифаэль, мудрая, прекрасная и понимающая, а вот если бы попытался я, то взбрыкнул бы и понес по рытвинам, выбросил бы на дорогу и растоптал копытами гор, потому этому миру нужна только Синтифаэль, он ее признает, любит и охотно покоряется...

Очень медленно ее дыхание стало совсем тихим, полные губы чуть приоткрылись, я услышал ровное дыхание. Однако лицо ее осталось грустным, как у несправедливо обиженного ребенка, даже вздохнула пару раз.

Я взял осторожно одеяло, совершенно невесомое, хоть и толстое, осторожно укрыл ее, подоткнул под спину и укутал задние лапки, они такие смешные, когда поджаты к самой заднице...

Блин, она же была совершенно голая, а я даже не прочувствовал это, словно смотрю на Сикстинскую мадонну или прочие святыни, что классика и высокое ис-

кусство, которое надо чтить... но тут, надо же, я в самом деле чтю, кто бы подумал, благоговею, восторгаюсь, и никакой плотской мысли, даже тени такой мысли, да я в самом деле паладин, стыдно признаться, да и не признаюсь, конечно, это же понятно, засмеют, люди не эльфы, это твари жестокие...

Она спала в такой жалобной позе эмбриона до полуночи, потом повернулась на спину. Одеяло сползло до середины живота, я не мог оторвать зачарованного взгляда от нежнейших золотистых холмиков, что смотрят розовыми верхушками в сторону свода, живот запал, руки тонкие, ключицы острые и такие жалобные, что сладкое томление и сочувствие пронзило меня с такой мощью, что сердце затрепетало, а я едва не заревел от переполнивших меня странных чувств.

Ступая неслышно, я приблизился и снова укрыл ее по самое горло. Так она спала еще пару часов, но когда забрезжил рассвет, повернулась во сне на бок, дрыгнула ногой, и одеяло слетело на пол.

Я подобрал и, держа в растопыренных руках, словно пытаюсь накрыть и поймать хитрого зверька, подкрался к ней и укрыл еще надежнее, подоткнув края под спину и жопку, а спереди — под согнутые колени.

Прошло еще около часа, я резко и остро ощутил, что она проснулась, но все еще не открывает глаз, лежит в той же позе, не шевелится, не зевает и не потягивается, а мне почудилось, что вокруг ложа накапливается огромный электрический заряд, что не может быть примитивным электричеством, а вот накоплением магии может...

Она поднялась быстро и решительно, вид королевский, одеяло соскользнуло на ложе, а Синтифаэль подошла к той же стене, где рисовала круги.

Я не успел глазом моргнуть, как она вскинула руки... и моментально оказалась в платье, а также в ожерелье, длинных серьгах, платье уже перехвачено в тонкой талии широким, блестящим мириадами мелких бриллиантов поясом.

Почти не останавливаясь, шагнула прямо в стену и пропала, а стена даже не булькнула, только пошли во все стороны медленные круги, словно уже не вода, а разогретое масло.

Я перевел дыхание, но не шелохнулся и так стоял, весь погруженный в волнующие воспоминания, когда рядом створка приоткрылась, появился Леголасэль, еще более строгий, важный и надменный, но поклонился чуть ниже, это для эльфов что-то да значит.

— Конт? — произнес он нейтрально и так тихо, что я едва расслышал.

— А мне говорить можно? — спросил я шепотом.

— В данном случае да, — ответил он.

— А что за случай? — шепнул я.

— Особый, — сообщил он.

Общались мы на пределе слышимости, этикет и в Эльфийском Лесу этикет, я поглядывал настороженно, сам не решаясь задавать вопросы, а он медлил то ли нарочито, что вообще-то для прямодушных лесных эльфов не свойственно, то ли подыскивал слова для нестандартной ситуации.

— Конт, — произнес он наконец, — ввиду некоторых изменившихся обстоятельств ваше дежурство...

Я вскрикнул шепотом:

— Что, отменяется?

— Увы, — ответил он с сожалением, — вовсе нет. Но принято решение сделать его дискретным.

— Эта... это че такое умное?

— Прерывистым, — пояснил он надменно. — Вы будете дежурить ту же неделю, но не подряд, а частями.

— Ломтиками, — сказал я понимающе, — а какого размера?

— Ее Величество Синтифаэль...

— ...рожденная из света и Солнца, — подхватил я с чувством и даже прикрыл глаза, — самая мудрая и красивая из королев... да-да, что вы там говорили?

Он проговорил сухо:

— Ее Величество изволили ваше дежурство разбить на части. Следующий раз вас призовут... гм... в общем, вам скажут.

— Ее Величество?

Он сделал отметающий жест.

— Нет, Ее Величество вы больше не увидите.

Я охнул, в глазах потемнело, ухватился за косяк, чтобы не упасть, ноги стали ватными.

— Но что...

— Принято решение, — донесся из мглы его ровный голос. — Такие решения не отменяются.

Я прошептал:

— Значит, сама королева решила?

Он произнес еще надменнее:

— В вашем человеичике находится одна из наших эльфиек. Она и передаст вам повеление Ее Величества.

Я чуточку ожил, а то сообщение, что больше не увижу Синтифаэль, едва не раздавило до такой степени, что еще чуть — и вместо меня по полу растеклась бы грязная неопрятно мохнатая лужа. Но «больше не увижу» — это означает: как надеюсь, что сегодня не увижу, а вообще-то еще выпадет счастье увидеть ее чистое нежное лицо и жадно вытереть бегущие по нему слезы.

С другой стороны, вот уж наша противоречивая натура, после массы длинноногих одухотворенных и прекрасных эльфиек так вдруг потянуло на что-то троллистое, что я тихонько взвыл, а потом вспомнил Федду...

нет, что-то пока расхотелось. Видимо, недостаточно по-
сидел в шкафу с духами.

— Как истинный эльф, — произнес я чопорно и по-
смотрел на него наглыми рыбьими глазами, — я под-
чиняюсь любым повелениям и даже причудам Ее Вели-
чества королевы Синтифаэль, рожденной из Солнца и
Света... и жду не дождусь момента, когда приблизится
следующий ломтик!

Он переспросил в недоумении:

— Ломтик?

— Очередное дежурство, — пояснил я. — Как я буду
его ждать!.. А сейчас прощайте, дорогой. Хотите, поце-
луя на прощание?

Он брезгливо отшатнулся, а я повернул браслет
Гонца, вызвав в памяти яркий образ Ричэль.

Глава 8

В подошвы сильно, но мягко толкнуло. Поверх
плотно утоптанной земли Клемент в своем шатре на-
бросал еще и звериных шкур, но не для себя, конечно,
мы такие вещи делаем только для своих женщин, хотя
потом сами валяемся там долго и с удовольствием.

Я торопливо огляделся, полуодетая Ричэль что-то
вяжет крючком, сидя за столом, отшатнулась в испуге,
но не стала прикрывать торчащие голые сиськи, у эль-
фов другие религиозные нормы, хоть не вводи среди них
христианство с его ненужными нам, мужчинам, запре-
тами.

— Сэр Ричард?

Голос ее звучит уже не испуганно, а заинтересо-
ванно, все женщины любопытные, а эльфийки втроене
женщины.

— Он самый, — сказал я с неловкостью. — Прости, если напугал.

Она сказала успокаивающим голосом:

— Что делать, если браслет Гонта срывает именно так. Вы были в нашем Лесу?

— Точно! Как догадалась?

— Аромат, — объяснила она и грациозно потянулась, выгибая спинку, как молодая кошечка. — Его ни с чем не спутаешь.

Я торопливо отвел взгляд от ее вторичных половых, что-то они покрупнели и потяжелели, а соски стали ярче и длиннее.

— На кислое не тянет? — спросил я. — По утрам не подташнивает?.. Ладно, это я так, как сюзерен выражаю заботу.

Она улыбнулась, эльфийки по своим строгим законам могут показываться обнаженными только мужу, его старшим братьям, но не младшим, и сюзерену, так как муж, братья и сюзерен обязаны охранять ее, беречь и заботиться.

— Клемент на осаде? — спросил я.

— Да, — ответила она, — что-то передать?

— Нет, я сейчас сам с ним увижусь... А ты все хорошее, Ричэль!

Она довольно заулыбалась, а я вышел из шатра и сразу увидел вдали красиво горящий город с багровыми столбами огня над складами с зерном, если верить запахам, жарким пламенем над базарами и домами особо зажиточных людей, использующих дорогие породы дерева для отделки помещений.

Бобик ринулся на шею, я обхватил его обеими руками и слегка потискал, выражая любовь и нежность, а Зайчик примчался чуть позже и намекающе повернулся боком, где позвякивает стремя.

Солдаты в лагере подняли радостный крик, завидя своего принца, с которым от победы к победе, я улыбался и с седла помахал рукой с открытой ладонью и растопыренными пальцами.

Зайчик сделал скачок, стараясь догнать пса и придавить его копытами, тот хитро улыбался и делал вид, что вот-вот начнет замедлять бег.

Клемент едва успел оглянуться, как Бобик прыгнул на него и успел лизнуть, признавая его лучшим другом после того, как Клемент принимал у него всю охотничью добычу да еще и неосторожно похваливал.

Конь у Клемента молодец, только качнулся, но устоял, растопылив все четыре копыта и упершись ими в землю покрепче.

— Ваше высочество?

— Доложить обстановку, — велел я.

Клемент сказал четко сильным мужественным голосом:

— По сведениям из города, там уже убили не только всех коней, ослов и мулов, но жрут кошек и собак, ловят и жарят на вертелах крыс.

Я спросил недоверчиво:

— Уже?

Он ухмыльнулся.

— Мы подошли слишком быстро, они не успели свезти из окрестных сел запасы еды. А еще мы первыми же горящими камнями подожгли склады с зерном!

— Удачно, — сказал я.

Он покачал головой.

— Нет, это расчет. Вы же сами указали склады. Я велел всем требушетам бросать бочки с горящим маслом и раскаленные камни именно туда. Где-то третий или пятый выстрел угодил точно... Теперь они просто спешат запастись хотя бы мясом, режут свой и чужой скот, начались драки, схватки, есть убитые...

— Ого, — сказал я.

Он указал на две высокие осадные башни. Их пока что обшивают толстыми досками и толстыми воловьими шкурами, но наверху уже торчат два-три наблюдателя, следят за происходящим в городе.

— Усильте охрану, — велел я. — Там понимают, что, если придвинем эти башни, им конец. Вдруг решатся на ночную вылазку?

Он прогудел довольноно:

— Так именно на ночь и устроили засаду! Увы, никто не решился. А жаль. Воинов у них мало, а горожане — не бойцы...

Я буркнул:

— Воинов я еще мог бы пощадить. Но не горожан.

Он посерьезнел, по всем правилам войны, пусть и постоянно нарушаемым, нужно вроде бы щадить именно мирное население, но у меня свои соображения, многие уже знают, какому глумлению подвергли их лорда в этом городе однажды, и все горячо сочувствуют.

Поднявшись на осадную башню, я с наслаждением понаблюдал с высоты, как в городе все больше зданий разрушается катапультами, которые бьют, сменяясь, непрерывно, обстреливая город со всех сторон.

Уже готовы три осадные башни, но я нарочито не начинал штурм, позволив лучникам башен безнаказанно обстреливать с высоты город, прицельно выбирая жертв.

В одном месте стена рухнула, но я не давал приказа штурмовать, а защитники торопливо заделали брешь, радуясь нашей нерасторопности. Полагаю, с той стороны еще и нагребли кучу мусора из развалившихся зданий и круглых камней, выпущенных катапультами.

На пятый день примчался всадник из передовой линии, круто осадил коня, бахвалясь умением.

— Над воротами подняли белый флаг! — закричал он. — Хотят сдаться!.. Ваше высочество?

Я торопливо повернулся к лучникам.

— Макс, быстро сотню на позицию!

— Есть, — ответил он и ринулся строить отряд.

Справа от ворот приоткрылась калитка, один за другим вышли пятеро важных вельмож в богатых одеждах. У переднего в руках белое полотнище на длинном древке, он не размахивает им, и так хорошо видно, все пятеро неспешно и с достоинством двинулись в нашу сторону.

Я крикнул:

— Макс?

Он ответил за моей спиной:

— Ваше высочество?

— Сотня готова?

— Ваше высочество, только прикажите...

Я сказал резко:

— Видишь эту делегацию? Чтоб ни один не ушел! По моей команде... огонь!

Он замешкался на мгновение, сперва даже не поверив, затем прокричал команду. Послышался скрип натягиваемых луков, а затем в воздухе страшно засвистали тяжелые длинные стрелы.

Вифлевцы продолжали идти, еще не ощутив опасности, а когда стрелы обрушились сверху, только человек с белым флагом в руках успел вскинуть голову, но в тот же миг длинная стрела пронзила ему глаз и вышла из затылка.

Остальные рухнули, каждый пораженный десятком стрел, медленно распрямились, даже не подергиваясь в смертельных корчах. Под всеми начала образовываться красная лужа крови.

Макс озадаченно молчал, как и другие лорды, только Альбрехт холодно осведомился:

— Это значит, никаких переговоров?

— Именно, — отрубил я.

— А не проще было...

— Нет, — резко сказал я. — Нет, дорогой граф!.. Сейчас в городе поднимется вой насчет нашей беспримерной жестокости, будут призывы отомстить...

— ...и держаться до последнего, — подсказал он.

— На что и рассчитываю, — отрезал я. — Пусть держатся именно до последнего!

И тем не менее из Вифли то и дело ночами тайком посылают гонцов со слезными просьбами к военачальникам Мунтвига, умоляют поторопиться, город едва держится, не дайте пасть перед нечестивыми силами Юга...

Густая сеть Норберта вылавливает всех, я подумал и одного вернул в город, пообещав сохранить ему жизнь, если он расскажет там, что на помощь идет огромная армия под началом самого великого и победоносного императора Мунтвига, который сметет всех противников, как муравьев...

После этого город держался еще трое суток, наконец я сам увидел, что медлить глупо, стена рухнула уже в трех местах, а ее даже не пытаются восстанавливать.

Военачальники уже ропщут, не понимают моего замысла, я наконец объявил:

— Завтра берем! Город не на поток и разграбление, а на уничтожение!.. Помните, мы — армия крестоносцев, что за гуманизм, справедливость и милосердие!.. Жители этого города забыли, что такое гуманизм, справедливость и милосердие... мы об этом напомним так, что весь мир зарубит себе на носу!.. С нами Бог!

— С нами Бог, — сказал Норберт серьезно.

— С нами Бог, — подтвердил Клемент.

— С нами Бог, — сказал Альбрехт с некоторым сомнением в голосе.

Они выходили из шатра суровые и сосредоточенные, на ходу переговариваясь, как лучше организовать удар со всех сторон, ворваться и не дать уйти защитникам, раз уж я приговорил весь город к полному истреблению.

Остался епископ Геллерий, мрачный и задумчивый. Я чувствовал на себе его испытующий взгляд, но помалкивал, а он после тяжелой паузы сказал невесело:

— Что происходит, сын мой?

— Вы знаете, — огрызнулся я. — Все войско знает!

— Я слышал, — проговорил он, — какое тяжкое оскорбление нанесли тебе и твоим друзьям в этом городе. Но Господь сказал, что месть нужно оставить Ему. Он сам отомстит за всех обиженных на свете.

— Это прекрасно, — сказал я, — но я, как воин Господа, не хочу утруждать своего сюзерена такими мелочами. Сам справлюсь, преподобный! Пусть Господь занимается делами мироздания!

Он продолжал рассматривать меня из-под насупленных бровей.

— Сын мой, а не берет ли в тебе верх темная половина?

Я спросил настороженно:

— Что за темная половина? Откуда вы знаете...

— У каждого человека есть темная половина, — объяснил он. — Но у многих, кто поднимается высоко, темная очень часто разрастается так, что совершенно вытесняет светлую. Не идешь ли ты этой дорогой?

Я зябко повел плечами.

— У многих? Почему?

— Власть, — ответил он коротко. — Власть. Простому человеку разгуляться негде, ему даже нагрешить как следует не удастся с его мелкими запросами. А вот

королям, завоевателям, полководцам... У тебя очень скользкая и опасная дорога.

Я вздрогнул, епископ прав, но мне еще хуже, чем он думает. Я все чаще чую мощные желания Терроса, а иногда ночью вздрагиваю и просыпаюсь от того, что держу в руках черную корону и собираюсь надеть ее на голову.

— Буду держаться, — ответил я сдавленным голосом. — Но город должен быть уничтожен. Я объяснил за что. И пусть это будет назиданием и примером. Город Вифли заслужил разрушения!

Он безнадежно махнул рукой.

— Весь наш мир заслужил разрушения. Но Господь милостив...

Глава 9

И хотя моя темная половина громко требовала, чтобы я с мечом в руке ворвался в проклятый город и самолично предавал там всех смерти, я не стал входить в город, а холодно и мрачно смотрел на него с холма.

На этот раз даже не стал посылать вперед свою армию, а позволил взять город ирамским и бриттским лордам. Те, донельзя гордые доверием, повели свои многочисленные отряды с двух сторон, ворвались и подвергли его неслыханному разгрому, насилию, грабёжам и убийствам.

Трое суток я дал на грабёж и резню, после чего велел жестко:

— Уцелевшие будут завидовать мертвым! Все, кто выжил, пусть берут молоты и разбивают все здания в городе. Камни будут вытаскивать на себе или в корзинах, не наше дело. На месте города останется ровное место, которое вспашут...

Жестокое лицо герцога Сулливана осветилось свирепой улыбкой.

— Я пошлю, — сказал он с готовностью, — в села за плугами!

— Действуйте, — ответил я. — Если местных горожан окажется недостаточно, пригоним из соседних городов. Они тоже виновны!

Палант спросил тихонько:

— А они чем?

— Видели, — пояснил епископ Геллерий невесело, — но не остановили блуд, разврат, жестокосердие своих собратьев. Хотя, конечно, виновны чуть меньше...

Уже через час уцелевшие горожане, подгоняемые остриями пик, начали разбивать стены, а я повернулся к Норберту.

— Что с герцогом Мидлем?

Он понизил голос:

— Как вы и велели, еще из Пекланда тайно отправился по указанным вами тропам. С ним пять тысяч отборной конницы. За ним двинулись все пешие войска графа Максимилиана.

— Хорошо, — сказал я, — завершение операции «Возмездие» возложим на герцога Клемента и примкнувших к нам ирамских и бриттских лордов с их войсками.

Он наклонил голову.

— Да, ваше высочество. Их даже больше, чем вся армия герцога Клемента.

— Вот и прекрасно, — сказал я, — они вполне справятся с разграблением и уничтожением города. А вы, дорогой барон, готовьтесь отбыть следом за ними. И, конечно, постарайтесь опередить.

Он произнес ровным голосом, но я ощутил в нем тщательно сдерживаемое волнение:

— Заключительная фаза?

— Да, — ответил я негромко. — В которой решится очень многое. Если не все разом.

Он взглянул остро, не поверил, что и понятно, обо мне уже идет слух, что этот принц, несмотря на молодость, весьма осторожен и все планирует очень тщательно, так что очень многое, да, возможно, но не все разом, это точно.

— У меня в Сакранте уже есть пара разъездов, — сообщил он. — Наблюдают за Генгаузгузом издалека, так что все в порядке, скрытность обеспечена.

— Каким образом?

Он огляделся по сторонам и сказал совсем тихо:

— На всякий случай, я часть разъездов передел в цвета мунтвиговской легкой кавалерии.

— Ого!

— Если и увидят, — добавил он, — то издали. Понятно, решат, что свои.

— Хороший ход, — одобрил я. — Пусть встретят рыцарскую конницу Мидля, я сегодня же вышлю туда с войском Альбрехта, укажут им, где тайно ждать сигнала. А скоро подойдет и Клемент с армией.

— А Вифли?

Я сказал зло:

— Здесь все закончат ирамцы и бриттцы. Пусть везде разносится весть, что здесь вся наша армия!

По моему приказу перво-наперво разрушили стены, но, когда камни начали раскатывать по сторонам, я увидел, что города Вифли уже нет, а на месте домов высятся безобразные развалины. Народу уцелело все-таки немало, но я ведь и не Господь, который жег города целиком с населением, не выпустив никого, кроме племяша Авраама.

Епископ Геллерий, всегда такой непреклонный и неистовый, теперь ходит тихий, как пришибленный, покачивает головой.

Я бесстрашно встретил его укоряющий взгляд.

— Что?

— Вы жестоки, ваше высочество...

— Я не политик, — прорычал я, — а крестоносец!..

Я несу Слово Господа, и да сгинут перед Ним все враги и расточатся... они же. Люди в этом обреченном граде преступили заповеди Господа, потому должны быть уничтожены, как и весь проклятый город, что станет таким же напоминанием о грехах, как стали Содом и Гоморра!..

Он вскрикнул испуганно:

— Опомнитесь, сэр Ричард. Не уподобляйтесь Господу Богу, это богохульство!

— Он создал этот мир, — прокричал я люто, — и отдал нам, чтобы мы продолжали Его дело!..

— Но мы сами должны жить праведно...

— А если кто живет неправедно?

Он сказал с глубокой убежденностью:

— Господь сказал: «Отмщение мне и Аз воздам», что значит, нельзя мстить за свои обиды, Господь сам отмстит за каждого по вине его!

— Я крестоносец, — напомнил я свирепо. — В моей длани меч, о котором Господь сказал: «Не мир, но меч принес я». Господь наш не слуга нам, чтобы выполнять за нас всю грязную и неблагодарную работу! Мы сами должны решать свои проблемы, и не позволять злодеям жить в роскоши, рассчитывая, что в загробной жизни их накажут. Да, накажут, но сперва здесь их накажем мы!

Он покачал головой.

— Зверским уничтожением Вифли, сын мой, ты еще больше погрузил свою душу во мрак. Ты теряешь высокое право быть паладином! Скоро твоим советником станет сам дьявол.

Я подумал мрачно, что это я могу подсказать дьяволу, как вести дела успешнее, но промолчал, не поймут мои демократические и мультикультурные принципы.

Зайчик несется, как птица, Бобик и вовсе то и дело исчезает впереди, а я все перебирал в памяти, все ли предусмотрел там позади в Эбберте, все ли лорды получили предельно ясные приказы, которые просто нельзя не выполнить, нет ли неучтенных помех, они хоть и неучтенные, но я все равно должен их учесть и минимизировать вред...

Под конскими копытами иногда хрустит лед в застывших за ночь лужицах. Днем тает, но с каждой ночью морозец все крепче, а когда повалит снег, война станет вообще невозможной.

К счастью, осень прошла без особых дождей, иначе армии увязли бы гораздо раньше.

Если не успеть захватить Генгаузгуз в ближайшие дни, стучала в голове тревожная мысль, то все может накрыться медным тазом. Не представляю, как и где будем зимовать здесь со всей армией, как только выпадет снег... а зима здесь должна быть суровая.

Вдали, почти на самом горизонте, показался расположенный на небольшом возвышении город, и я сразу натянул повод, придерживая арбогастра.

Сердце застучало часто и тревожно. Судя по размерам, это и есть столица королевства Сакрант, резиденция Мунтвига, знаменитый Генгаузгуз, самый крупный, защищенный и богатый город...

Зайчик идет галопом, я зыркал по сторонам, время от времени посматривая на медленно вырастающий в размерах город. Пока что видны только стены, настолько высокие, что из-за них чутьочку высовываются лишь шпили самых крупных дворцов и соборов, да и то если расположены на холмах.

Сам город не выглядит богатым или очень уж цивилизованным, зато от него веет северной мощью и несокрушимостью.

Справа лес, на опушке я рассмотрел всадников в цветах мунтвиговской армии, но слишком уж держатся осторожно и двигаются вдоль стены деревьев, прикрываясь высоким и густым кустарником...

Зайчик наддал, мы очутились перед ними раньше, чем они успели схватиться за оружие.

Бобик тут же попытался повалить одного вместе с конем, уговаривая поиграть, а я сказал покровительственно:

— Хорошо идете!.. Зело верно. Укрытие — это да, весьма.

Они с облегчением вздохнули, мечи вернулись в ножны, а сотник Алан, командир этого отдельного отряда, лихо доложил:

— Ваше высочество! В городе и окрестных селах и деревнях сравнительно спокойно.

— А слухи? — спросил я.

— Все говорят о войне, — ответил он, — но уверены, что Мунтвиг с его огромными армиями продолжает гнать южан до самого моря, где и утопит последних.

— А что о нашей армии?

Он покачал головой.

— Вообще ничего. Если и было что-то слышно... то сэр Норберт очень умело распустил слух, что небольшой отряд южан пробрался, избегая боев, в королевство Эбберт, где у пылающего местью принца Ричарда с королем Харбиндером личные счета...

— Понятно, — сказал я с удовлетворением, — личные счета у всех у нас идут впереди любых общественных и государственных. Хорошо, пусть так и думают. Отправь парочку на быстрых конях встретить рыцарскую конницу герцога Мидля. А завтра-послезавтра Сулливана и графа Альбрехта с их отрядами, те тоже подойдут вскоре.

— Будет сделано!

Я оглянулся на далекие стены, залитые прямыми лучами холодного солнца.

— Пусть их проведут и разместят как можно незаметнее поближе к городу. К счастью, здесь близко, если не ошибаюсь, жутко дремучий лес...

— Не ошибаетесь, ваше высочество, — ответил он серьезно. — Даже непонятно, как будто в него не ходят за хворостом. И вообще не рубят деревья...

Глава 10

Еще по дороге сюда, оставив ненадолго арбогастра и Бобика в укрытии, я поднялся в воздух и с большой высоты осмотрел, как, кто и где, а сейчас расстелил карту, Алан заглядывал через плечо и показывал, где лучше подойти к городу.

— Это потом, — сказал я рассеянно. — Вот отсюда... по этой дороге... да не по той, то вообще не дорога, а горный кряж, к Генгаузгузу движется довольно большое рыцарское войско. С восточной стороны.

Он охнул.

— Правда?.. Но, наверное, еще далеко?

— К счастью, — ответил я. — К счастью, далеко. А с северо-востока тащится некий странный караван с внушительной охраной. Он еще дальше, да и скорость у него ниже черепашей. Так что подготовиться успеваем.

Он спросил невесело:

— Но не взять город?

— Об этом пока забудь, — сказал я. — Нас вот-вот зажмут в клещи. Надо думать, как уцелеть!.. Пошли людей к герцогу Мидлю, а если сэр Альбрехт на подходе, то и его зову на военный совет. Сулливана тоже, разумеется.

— Отряды графа Макса уже близко, — сообщил он.

— Отлично. Пусть оставит армию хоть на полсуток на заместителей, я его жду тоже.

Они подтянулись только на следующий день, но зато почти все одновременно: Макс, которого я отправил сюда первым еще из Пекланда, объяснив, что Вифли — ерунда, без него обойдутся, Мидль с отборной тяжелой конницей, и Сулливан с Альбрехтом, что привели свои рыцарские полки всего на полсуток позже.

В Эбберте остались герцог Норберт, Палант и принц Сандорин с Аскланделлой, но принцу я вот как-то забыл упомянуть о своих планах, так что придут снова в центре армии Клемента, окруженные вниманием и заботой, а главное, в безопасности.

Мой шатер поставили в лесу, вообще-то не таком уж и дремучем, но на лошадях, правда, не поскачешь всласть, а сами армии кучно расположились за лесом, а вокруг раскинули густую сеть конных застав, вылавливающую всех, кто может нас заметить.

Я дождался, когда прибыл с пешими частями Макс, остальные тоже ждали терпеливо, понимая, что у Макса была самая сложная задача, да и вообще Макс — все простительно, это же Макс, и не просто Макс, а наш Макс...

Расстелив карту на столе, я положил в нужное место щепочку, означающую большое рыцарское войско, что идет быстрым маршем в сторону Генгаузгуза.

— Видимо, — сказал я, — какие-то тревожные слухи докатились до Мунтвига. Если эта армия войдет в Генгаузгуз, нам его не взять. Дорогой Альбрехт, вы зря улыбаетесь так победно, здесь нам не помогут, как со взятием Савуази. Только своими головами.

— Если только с разгону, — сказал Сулливан и почесал лоб, — и в ворота... а не мимо, в стену.

— Да, — согласился Альбрехт со вздохом, — не промахнуться бы.

Герцог Мидль сообщил с достоинством:

— Я готов встретить рыцарское войско. Нас почти вдвое больше!.. Это будет даже не битва, избиение. Даже неловко...

— Нам все ловко, — возразил я сухо. — Тем более будет не парадная битва, где кони-люди, а необходимая народу и плановому хозяйству спецоперация.

Он осведомился:

— Ваше высочество?

— Детали сообщу позже, — ответил я. — Пока строгая секретность. Во избежание, как вы, разумеется, поняли.

Краем глаза увидел усмешку Альбрехта, этот гад сразу понял, что никакого плана спецоперации у меня нет, просто выгадываю время.

Мидль чуть поклонился.

— Гм... ну как бы поняли.

Он ушел, я продолжал рассматривать карту; Альбрехт подошел и встал рядом.

— Одеваем лисьи шкуры?

— Раз львиные не помогают, — буркнул я, — надем любые.

— Что-то вырисовывается?

— Смутно, — признался я. — Нужно, чтобы все действовали предельно слаженно. Тогда будет шанс... но только шанс. А сейчас нужно собрать всех командиров и довести задачу до каждого. Если хоть один не выполнит — все рухнет.

Он сказал с беспокойством:

— А что-то попроще?

— Пока не вижу, — признался я.

Люди Алана, которого Норберт послал вместо себя обеспечивать разведку, сообщили, что конница Мунт-вига уже совсем близко, через три-четыре часа будет здесь.

Я помог Максу расположить лучников и копейщиков, дал строжайшие указания Мидлю и Сулливану, а сам с Альбрехтом выехал навстречу, и, спрятав коней в долине, мы взобрались на невысокую каменную гряду и следили, как вдаль поднялось и начало разрастаться облачко пыли.

Вообще-то там пыль почти незаметна, это когда вот так смотришь издалека, выглядит густой и непроглядной, но сами всадники едут сквозь нее, совершенно не замечая, хотя, конечно, придут в место назначения в пыли с головы до ног.

Альбрехт залег рядом, настороженный и с цепким взглядом, просматривая внизу с такой интенсивностью, будто видит все насквозь.

— Ваше высочество, — проговорил он сдержанно, — вы становитесь все осторожнее...

— Это к чему? — спросил я.

— Мидль верно сказал, — заметил он, — у него втрое больше рыцарской конницы. Плюс она... лучше вооружена. И доспехи лучше.

— Вас интересует, граф, — буркнул я, — почему не «ура» и не в лоб?

— Ну, примерно так. Хотя понимаю, вы хотите побеждать без потерь.

Я сказал нехотя:

— Граф, это тоже... Конечно же, без потерь. Но сейчас не это главное.

— А что?

Я спросил мягко:

— На кого работаете, граф? На Мунтвига, Вильгельма или Германа?

Он сердито сплюнул, перекрестился.

— Ну и шуточки у вас, сэр!

— Идут, — сказал я.

В облаке пыли начал поблескивать металл, затем оно медленно рассеялось, стали видны идущие рысью крупные кони с закованными в железо всадниками.

Мне почудилось, что под этой рыцарской конницей дрожит и недовольно гудит земля. Продвигается войско подобно текущей по ущелью лаве, грозно и беспощадно, все живое стремится поскорее убраться с ее пути.

Альбрехт некоторое время сердито молчал, затем начал отпускать ехидные замечания в адрес военачальников этого войска. Хотя они и в своем королевстве, и столица рядом, но все-таки двигаться вот так, беспечно, даже конные разъезды не выслать вперед — это полнейшее пренебрежение воинским мастерством!

— Храбрецы, — ответил я с одобрением. — Настоящие рыцари!.. Беспокоиться о безопасности — это так низко, неблагородно, некрасиво... Еще кто-то заподозрит в трусости...

— Конечно, молодцы, — согласился он в тон. — Особенно вот те, что сняли доспехи, хотя я не сказал бы, что жарко. Мне, вообще-то, холодно.

— И все без шлемов, — заметил я, — что обрадует Макса.

— Не обрадует, — возразил Альбрехт. — Макс тоже предпочитает честный бой. Молодой еще...

Он быстро зыркнул в мою сторону. Дескать, сюзерен у нас тоже молодой, но уже неблагородный с головы до ног, думает о победах, а не о красоте сражений, нет в нем уже азарта дикой атаки и безумной отваги с выпученными глазами...

Я еще с минуту наблюдал за колонной рыцарей: едут пышные и спесивые, уверенные в себе и своих силах, проговорил тихонько:

— Все, возвращаемся.

Во главе их конницы движутся наиболее знатные, что и понятно, чтобы не глотать пыль, полотнища знамен шелестят над их головами, впереди всадник на крупном черном коне под багровой попоной с крупными львами, вышитыми золотом, шлем он снял, оставшись в толстой вязаной шапочке, закрывающей также уши и шею, в такой тепло даже зимой...

Он торопливо натянул повод, за поворотом открылось то, чего никак не ожидал: не меньше тысячи чужих стрелков разом натянули луки, донеслась команда.

Туча стрел взвилась в небо. Предводитель конницы торопливо протянул руку в сторону оруженосца. Тот замешкался, подавая шлем господину, и две стрелы ударили его в плечо и спину.

Лорд попытался дотянуться до своего шлема, однако одна из стрел угодила ему в голову.

Я услышал крик:

— Лорд Сильверберг ранен!..

— Граф ранен!..

— Спасайте графа!

Вторая туча стрел накрыла рыцарей в тот момент, когда они сняли с коня безжизненное тело графа и попытались унести. Я видел, как упали вместе с ним, а в это время кто-то из военачальников, перехватывая руководство, закричал взбешенно:

— Засада?.. Смять ее! Все в атаку!

Лучники выпустили третий раз стрелы, а затем поспешно, но без паники отступили, а им на замену вскочили копейщики и заученно присели, прижав ногой тупые концы копий.

Рыцарская конница двигалась на рысях, но теперь перешла на галоп, земля задрожала и застонала под ударами тяжелых копыт со стальными подковами, солнце грозно блестит на шлемах, наплечных пластинах, пан-

цирях, на остриях рыцарских копий, а вся эта масса явно сметет все перед собой...

Однако рыцарские копья оказались много короче, кони напарывались на стальные острия, дико ржали, вставали на дыбы и сбрасывали всадников. Упавшие рыцари вскакивали на ноги и с мечами в руках бросались на копейщиков, но сквозь густую щетину не протиснуться, перерубить древко не просто, а удар копьём из глубины построения пробивает даже панцирь...

Они бросались в атаку раз за разом, все время оставляя горы трупов; Макс покрикивал, заставляя копейщиков отступать на два-три шага, и снова атака, когда ее останавливают копья, а сверху накрывает туча непривычно тяжелых стрел.

К счастью, рыцари слишком презирали нас, чтобы вот так взять и сдаться, к тому же видели перед собой только простолюдинов с длинными копьями, не сдаваться же им, урон рыцарской чести, потому продолжали стойко падать под градом стрел, где-то на десятой атаке уже не успевая доскакать до копейщиков, чтобы красиво погибнуть, пытаясь прорвать цепь, что вообще-то совсем не цепь, а глубоко эшелонированная оборона.

Когда их осталось меньше двухсот, атаки прекратились, а рыцари собрались в круг и приготовились уже защищаться. Лучники, сближаясь, окружили их со всех сторон.

Макс прокричал протяжно:

— Лучники-и-и-и... Целься-я-я... Огонь!

Лавина стрел буквально скрыла рыцарский отряд, словно густая туча пчел, звонко простучали железные клювы по деревянным щитам с широкими металлическими полосами, а когда все стихло, и рыцари снова распрямились, треть их воинов осталась на земле.

Макс снова закричал:

— Лучники-и-и... целься-я-я-я...

Один из рыцарей швырнул в отчаянии меч в землю и крикнул в ярости:

— Мы сдаемся!.. Это неблагородно, но мы сдаемся!

Я кивнул Максу, тот удивился, но послушно махнул рукой, и новая лавина тяжелых стрел обрушилась на рыцарей. Клювы из металла стучат звонко и страшно о доспехи, но еще страшнее, когда втыкаются почти бесшумно в незащищенную плоть.

По моему сигналу герцог Мидль вышел вперед и сказал громко:

— Мы принимаем сдачу. Всем сложить оружие и отступить на пять шагов.

Рыцари не поняли, зачем такие маневры, это я недавно установил, чтобы ратники могли собрать оружие беспрепятственно, но хмуро повиновались, оставив на месте убитых и раненых.

Мидль сообщил вежливо, что их будут держать под стражей, покуда не договорятся о выкупе, а пока не благоволят ли все назвать имена, титулы и к кому направить сообщение о пленении, чтобы договориться о необходимой сумме.

Ему взялись помогать еще несколько рыцарей из его же отряда, а я поспешил к Сулливану, что пыхтит в ярости, что его так и не пустили в красивый и яростный бой, где он мог бы показать себя во всей красе.

— Герцог, — сказал я поспешно, — сейчас будет ваш выход!.. Вам отводится главная роль и главный удар!.. Но погодите минуту... Граф Альбрехт, возьмите на себя перебазировку пленных... да вон в тот овражек! Для их же безопасности.

— Все понял, — ответил Альбрехт. — Делаю.

Пленных отвели подальше от места битвы, на всякий случай поместили, как я и велел, на дно небольшого

оврага, это чтоб не видели, какому бессовестному грабежу подвергнем убитых и раненых.

Собственно, по большей части старались лучники и копейщики, а рыцари Мидля и Сулливана по моему строжайшему приказу поднимали и рассматривали яркие плащи с гербами на груди и спине, а также подбирали все знамена и даже баннеры.

— Герцог, — сказал я нетерпеливо пыхтящему Сулливану, — вам придется и конскую попону взять без вашего герба!.. Сами выбирайте, но не мешкайте. Я бы рекомендовал взять с коня убитого графа Сильверберга... Кстати, зачем? Садитесь на его коня, так будет убедительнее! И не забудьте набросить на плечи его плащ...

Он пробурчал озадаченно:

— Неужто вы попытаетесь... Но это безумие...

— Вы догадливы, — сказал я с похвалой. — Кто бы подумал?.. Дорогой Мидль, а вы на это время возьмите шлем одного из убитых военачальников...

— Ваше высочество, — запротестовал он, — все шлемы в крови!

— А разве кровь врага, — спросил я в изумлении, — не украшение для настоящего брутального мужчины?.. Вытрите тряпкой, если вы такой чистюля, словно и не мужчина, а нечто галантное... Для местных ваш вестготский шлем слишком уж технологичен! Я бы сказал, продукт высокого развития Юга, которое тут еще не знают. Потому спрячьте, а потом переоденете. Если выживете, конечно.

— А если не выживу? — буркнул Сулливан.

— Тогда можете не переодевать, — разрешил я великодушно.

Они оба бурчали, но послушались, любая мелочь может сорвать задуманную их сюзереном головомную операцию.

Глава 11

Мы впятером: Альбрехт, Мидль, Сулливан и Макс, залегли под закатным небом на вершине высокого склона и наблюдали, как внизу показалась первая колонна рыцарской конницы.

Впереди двое с трубами, дудят по очереди, и хотя не слишком музыкально, но громко и с воодушевлением, а конница идет пусть не ровными рядами, но угадывается некий порядок, почти никто в одиночку или по трое, обычно, двое в ряд, хотя и не стремя в стремя, благо твердая, как камень, земля позволяет.

Когда теснина расширилась, задние всадники прибавили скорость, передний ряд теперь насчитывает семерых, а за ним по пятеро и шестеро в ряд.

Впереди огромный рыцарь на великанском коне, за ним еще один, вооруженный попроще и в легких доспехах гордо везет знамя на длинном тонком древке, оперев его концом в стремя.

Альбрехт пробормотал:

— Это уже не сброд... Наконец-то вижу лучшее, что есть у Мунтвига.

— Для этого пришлось забраться в самое логово, — ответил Сулливан.

— В самую пасть льва, — уточнил Мидль.

— Тоже мне лев, — сказал Сулливан пренебрежительно. — Как же он нас допустил так далеко?

Альбрехт покосился на него с иронией в глазах.

— А если не считает нас грозной силой?

Макс, не обращая внимания на их пикировку, пробормотал:

— Они в самом деле лучшие, но это не случайно.

— Ты о чем? — спросил Сулливан покровительственно.

— Вон, смотрите...

Вдали показалась повозка, похожая на небольшую избу на колесах. Тащат ее пять пар могучих волов, колеса толстые, идут в ряд, да и то оставляют за собой такой глубокий след, что по обе стороны идут могучие воины с длинными вагами в руках, готовые в любой момент подважить и помочь вытащить застревающую повозку.

— Так это же просто охрана, — прошептал Сулливан изумленно. — Для одной повозки такая охрана?

— Впервые вижу охрану из тысячи воинов, — поддержал Мидль вполголоса. — Да еще на землях, где власть Мунтрига была издавна.

— Что же там везут? — спросил Сулливан.

Альбрехт покосился в мою сторону.

— Хотел бы и я это узнать... Возможно, наш сюзерен знает?

— Если бы, — ответил я. — Но наверняка что-то особо ценное. Даже драгоценное... Что нам очень даже на руку.

Мы все с изумлением поглядывали на повозку. Колеса в рост человека, и когда дорога слегка повышается, воины привычно хватаются за колеса и, упираясь в землю подошвами, помогают тащить телегу, потому что усталые волы тащат ее из последних сил.

Время от времени этих воинов сменяют другие, тут же хватаются за колеса, малейшая рытвина грозит остановкой, с усилием проворачивают, помогая продвинуться еще на несколько шагов, после чего их сменяют новые, передавшие оружие товарищам.

Я сказал тихонько:

— Ладно, все поняли?.. Отползаем, отползаем...

Мидль спросил обеспокоенно:

— А это не будет умалением нашего достоинства?

— Что? — спросил я, не поняв.

— Ну, отползание...

Я сказал с досадой:

— Ну и шуточки у вас, герцог.

Он чуть задержался, когда остальные уже попятись по-пластунски, и я наконец понял, что добросовестный герцог не шутил.

Внизу ждут наши кони, поводья в руках оруженосцев, моего арбогастра держит Зигфрид.

— Все в порядке, — успокоил я его, — герцог Мидль даже не пытался меня зарезать.

Мидль изумился:

— Я?

— Ах да, — сказал я, — простите, это был герцог Сулливан.

Сулливан лишь ухмыльнулся, при всей его медведистости, шуточки понимает, поднялся в седло.

— Когда начнем?

— Сперва начнет Мидль, — напомнил я.

Мидль кивнул и, повернув коня, умчался в другую от нашей армии сторону.

Закатная заря догорела, на мир опустилась ночь, хмурая и непроглядная. Караванщики зажгли факелы, холодный ветерок зло треплет пламя, срывая искры и унося в темноту, а также пугая коней короткими укусами.

Из-за собственного шума не сразу слышали конский топот, слишком быстрый, дробный и легкий, почти сразу из темноты выметнулись легкие всадники, одни осыпали стрелами, другие метнули дротики, а остальные бросились с мечами наголо.

Завязалась отчаянная схватка; нападавшие в полной мере использовали внезапность, треть колонны рыцарей не успели даже ухватиться за мечи, не только встать в боевой порядок, как их осыпали стрелами, забросали

легкими копьями, а тяжелые топоры с хрустом раскалывали шлемы и панцири.

Уцелевшие стянулись к главной повозке, встали в три цепи и готовились дорого продать жизнь, как в ночи снова раздались крики, конский топот, звон оружия.

Рыцари, сгрудившиеся вокруг повозки, не знали, чего ожидать, а после короткого боя к ним пробились рыцари на крупных конях. В красноватом свете факелов к головной повозке приблизились двое, оба в цветах и с гербами королевства Сизии, один закричал весело, страшным грохочущим голосом:

— Похоже, мы вовремя?.. Я — граф Сильверберг, командующий отрядом рыцарей из Сизии!..

Один из вельмож, сопровождавших повозку, прокричал ликующе:

— Вас послал сам Господь!..

— Надеюсь, — прокричал голосом Сулливана граф Сильверберг, у которого от убитого Сильверберга только плащ, конь с красной попоной и знамя, что держит за ним знаменосец. — Во славу Господа!

— Аминь, — ответили караванщики.

А головной вельможа вскрикнул:

— Кто были эти разбойники?

Альбрехт, тоже изображающий командующего отрядом сизийцев, ответил быстро и вежливо:

— К сожалению, это не разбойники.

— Господи, — воскликнул вельможа в страхе, — но кто же?

— Боюсь, — ответил Альбрехт, — это передовые отряды принца Ричарда. Пока только легкая конница, но следом, как мы слышали, идет тяжелая. Вам нужно поспешить!

Вельможа вскрикнул, весь дрожа:

— Да, да!.. К счастью, город близко, мы знаем!.. Благородный сэр, не знаю вашего имени... я граф Гринфильд, Ашли Гринфильд, буду вам бесконечно признателен и останусь в вашем вечном долгу, если поможете нам добраться до города...

— Граф Альбрехт, — назвался Альбрехт хладнокровно, даже глазом не моргнул, воспользовавшись своим же именем, — командующий тяжелой конницей и тысячью рыцарей. Вас, вижу, обременяет эта чудовищная повозка... Может быть, оставить ее? А потом как-нибудь вернетесь?

Граф Гринфильд вскрикнул:

— Нет-нет, ее необходимо доставить в Генгаузгуз любой ценой!

Альберт сказал равнодушно:

— Ну, надо так надо. Я велю своим помогать тащить. До города, как понимаю, уже недалеко, хотя в эту чертову погоду ни черта не видно.

Граф Гринфильд, донельзя счастливый, что вовремя подоспевший военачальник перестал обращать внимание на повозку с ее неким ценным грузом, воскликнул:

— Все ваши люди будут вознаграждены, граф!.. Я очень влиятельный человек при дворе!

Альбрехт ответил с холодным достоинством:

— Мы, рыцари, помогаем не ради награды. Господь повелел защищать всех, кто слабее нас и сам защитить себя не может.

— Спасибо, — прокричал Гринфильд. — Бог наградит вас!.. Но и мы, его верные слуги, не останемся в стороне!

— Бог всех нас наградит, — ответил Альбрехт и отодвинулся в темноту.

Простучали копыта, из темноты выметнулся Макс на огненно-красном коне, попона ярко-зеленая с гер-

бом рода неких Геляндов из королевства далекой Сизии, плащ тоже с эмблемой Сизии, я представляю, как радостно застучали сердца измученных караванщиков и охраны, когда увидели пришедшую помощь из такой далекой страны.

— Граф, — прокричал он, — город всего в десятке миль по этой дороге!

— Прекрасно, — ответил Альбрехт, — дорогой Ашли, может быть, вы быстренько пошлете кого-нить в город? Из тех людей, которых там знают? Пусть попросят прислать нам навстречу хотя бы пару волов, а то эти совсем выдохлись...

Макс подсказал деловито:

— Две-три упряжки хороших коней тоже не помешали бы. А то лишь к утру доберемся до города. Хотя, конечно, вон мои люди уже ухватились за колеса сами...

Граф Гринфильд воскликнул:

— Сам Господь послал вас!.. Спасибо, без вас нам пришлось бы ночевать в лесу, а эти проклятые разбойники, что и не разбойники, вернулись бы пограбить снова!

— Мы не допустим, — заверил Альбрехт. — Мои люди идут, как видите, справа и слева, вас не дадим в обиду.

Гринфильд кивком подозвал одного из молодых рыцарей.

— Это граф Эдмундинг. Он из самого знатного рода в Генгаузгузе, по его слову сюда вышлют любую помощь... Граф, вы поняли, что от вас требуется?

Молодой рыцарь с достоинством поклонился.

— Да, сэр. Все будет сделано, сэр.

Он учтиво отдал честь Альбрехту и Сулливану, признавая их неоценимую помощь, ему подвели коня, и он умчался на нем в ночь.

Через два часа в слабом свете луны, что исчезает и появляется из-за туч, вдали наконец-то проступили башни, а затем и стены огромного города. В ночи они выглядят великанскими, пугающе огромными и объемными из-за низко проплывающих туч, странно подсвеченных красным снизу, словно здесь жерло вулкана, и призрачно бледными сверху.

Повозка скрипит надсадно, вот-вот развалится, колеса погружаются в вязкую землю по втулки и наматывают на обода липкие комья глины. Я уже не надеялся, что выдержит остаток пути, но впереди раздался топот, в ночи засверкало множество огней, и вскоре из темноты вынырнули всадники с факелами в руках.

За ними уже люди знатные возбужденно расспрашивали графа Гринфильда, что случилось, простые быстро отцепили упряжку волов и заменили ее на двенадцать лошадей попарно.

Повозка пошла намного бодрее, хотя приходилось помогать и людям, когда в темноте колеса попадали в слишком глубокие рытвины, но факелonosцы пошли впереди повозки и по обе стороны, старательно высвечивая все неровности дороги, и дальше шли довольно быстро и без помех.

Ворота уже распахнуты, первыми проехали люди герцога Сулливана, он сам изображает графа Сильверберга, за ним отряд Мидля, они с Сулливаном добросовестно сняли не только плащи рыцарей из Сизии, а также их доспехи, а сейчас гордо вздымают над головами знамена и баннеры с изображением дракона с ланью в лапах — символ королевства Сизии.

На стенах, как только заметили их появление, начали орать ликующе:

— Сизия!..

— Слава Сизии!

— Да здравствует благородный король Геесинк!

— Королю Сизии Антониусу — ура!

Альбрехт, что едет со мной рядом, сказал тихонько:

— Антониус Йоханнес Геесинк — король Сизии. Говорят, гигант, сила его чудовишна. Думаю, мы до Сизии не доберемся... хотя интересно было бы на вас посмотреть...

— Сплюньте, — прошипел я сердито, — я уже вышел из драчливого возраста!

— Давно?

— Еще вчера, — заверил я и, привстав на стременах, поймал букет цветов, брошенный хорошенькой горожанкой со стены.

— Это мне бросили, — сказал Альбрехт сварливо.

— Возьмите, — предложил я.

— Нет уж, — сказал он мстительно, — щупайте и дальше сами, уже вон помяли!.. А цветы-то нежные.

— Как та девушка, — сказал я злорадно.

Мы проезжали в распахнутые ворота ряд за рядом, следом вкатили повозку, а за нею молчаливые и хмурые воины Мидля, уже перемешавшись с остатками измученной охраны графа Гринфильда.

Я с сильно бьющимся сердцем едва дождался, когда въедут последние из нашего отряда, а это мучительно долго, надо изображать таких же усталых от дальней дороги, как и гринфильдовцы.

Ворота медленно закрыли, к нам подбежали уже извещенные о нашем появлении люди из магистрата, ликующе сказали, что знатных людей разместят в замке и дворцах местных вельмож, а остальных сейчас разберут радостные горожане... Кроме того, все гостиницы и постоялые дворы открыты для нас, все расходы за счет городской казны.

— Спасибо, — сказал я с чувством, — а теперь... сэръ Сильверберг... тьфу, Сулливан!

Тот быстро поднес к губам огромный рог. Мощный хриплый рев пронесся не только над этой частью города, но пошел шириться, странно усиливая его глубину.

Часть рыцарей мгновенно пришпорили коней и ринулись в центр, нужно побыстрее захватить замок и дворцы, остальные покинули седла и ринулись на стены.

В ночи завязался быстрый и кровавый бой. В первые минуты мы рушили, крушили и повергали, не встречая сопротивления. Ворота и четыре башни с этой стороны захватили в считанные минуты, ринулись дальше по стенам, очищая их от стражи.

Альбрехт прокричал с верха ворот:

— Пехота Макса идет!

Я заорал:

— Отворить ворота!.. Отворить ворота!

Далеко со стороны леса показались блестящие, словно огромные жуки под дождем, шлемы копейщиков Макса. Мне показалось, что они не идут, а текут в нашу сторону, как икринки, множество икринок, а впереди на коне пронесся сам Макс, понукая изо всех сил, вот он город, вот они раскрытые для них ворота...

Не останавливаясь, уже зная, что делать, они ринулись в город, спеша захватить арсенал, центральный замок и дворцы, а также все сторожевые башни, все ворота, ведущие из города.

Все, кто пытался выскочить с оружием на улицы и организовать сопротивление, сметались, как гигантской метлой, и только вдоль стен домов оставались окровавленные трупы.

На перекрестках завязывались ожесточенные схватки, но основная масса ратников, не ввязываясь в мелкие стычки, спешила взять все важные опорные точки, потому что тогда весь город будет в их власти.

В ночи началась страшная паника, сумятица, командиры выкрикивали команды, но солдаты бросались из стороны в сторону, мешая друг другу, а наши закованные в сталь рыцари и тяжелая конница ворвались страшные, словно стальные чудовища, земля задрожала от грохота их коней.

В ночи вспыхивают факелы, слышны душераздирающие крики, победный клич «Ричард!», вопли отчаяния и ужаса. Я рубился в первом ряду и первым увидел, что попытку сопротивления мы сломали достаточно быстро, уцелевшие ринулись бежать, но их рубили, кололи, разбивали молотами и топорами головы.

Постепенно отряды защищающихся таяли, в основном это были рыцари, а простые ратники бежали, кто молча, кто с воплями, но все гибли, потому что мы не знаем, сколько их в городе, вдруг больше, чем нас, поэтому рубили и рубили, никаких пленных.

У замка нас встретил хорошо вооруженный отряд во главе с двумя гигантами-рыцарями, первый удар отразили, я пришпорил арбогастра и прокричал взбешенно:

— Палант!.. Водрузи знамя крестоносцев на башне!.. Пусть все увидят, кому принадлежит город!

Глава 12

Мы с Сулливаном ударили разом, на пару минут отодвинули сопротивляющихся от двери, а Палант, не ввязываясь в схватки, ухватил знамя и ринулся по винтовой лестнице вверх.

Я оглянулся в сторону королевского дворца, крикнул Сулливану:

— Закончите здесь, а я посмотрю, что там!

— Ни за что! — проревел Сулливан. — Лучше всего защищают дворец Мунтвига!.. Я с вами!

— Замок важнее, — крикнул я.

— Здесь Альбрехт и Мидль, — прокричал он.

Не слушая его, я повернул коня и ринулся через площадь к королевскому дворцу. С Зигфридом за спиной и дюжиной рыцарей сшибся с отрядом стражи у ворот сада, те держались упорно и дрались отважно, падая под тяжелыми ударами, но не отступали.

Арбогастр увидел запертые ворота, гневно фыркнул, глаза его стали страшно багровыми. Он встал на дыбы и грянулся в них грудью. Ворота с жутким скрежетом прогнулись, словно в них с огромной скоростью ударил камень размером с сарай.

Одна половинка рухнула на землю, арбогастр пошел вперед, сорвал попутно и вторую. Устрашенные воины охраны отпрыгнули в стороны.

Я направил черного коня по ровным плитам широкой дороги, что ведет к дворцу. За мной во двор ворвались мои рыцари, завязался жестокий бой, а мы понеслись, почти не встречая сопротивления по этой дороге, и я успел с мелочным злорадством заметить, что под ударами копыт моего арбогастра каменные плиты покрываются мелкой сетью трещин, подобно паутине, а иные и вовсе лопаются с треском.

Возле ворот застыли в тревоге двое часовых-гигантов с церемониальными копьями в руках.

Я закричал страшным голосом:

— Бросить оружие!

Они тут же бездумно отшвырнули копья раньше, чем поняли, что делают, вот что значит правильно поданная команда, а когда сообразили, что сделали, оба с яростными криками стыда выхватили из-за поясов длинные ножи.

Арбогастр ударился грудью в запертые двери дворца, роскошные, изысканно украшенные, и, конечно же, это не ворота крепости, которые надо выбивать тараном.

Створки с вкусным сахарным треском разлетелись в мелкие щепки, мы ворвались в холл, где дорогу загородил ровный ряд железных доспехов и стальных клинков, а со спины уже с бешеным ревом набежали те двое гигантов.

Мы с Зайчиком вломились, как в мелкий кустарник, я рубился, взвинчивая скорость, по мне то и дело звякают то стрелы, то брошенные ножи и метательные топоры. Доспех Нимврода показал себя наконец-то во всей красе: я не успел избежать удара секиры сбоку в голову, но даже ухо не поцарапала, потому ломился вперед безрассудно, рубил и крушил, арбогастр давит и топчет все, что возникает перед ним, а со стороны выбитой двери нарастает яростный крик моих людей.

Лезвие моего меча при каждом ударе веером разбрасывает мелкие капли крови, но из боковых дверей бесстрашно выскакивают все новые воины, охранявшие там покой.

Мы завязли на какое-то время, стиснутые спереди и с боков, но за спиной приближается звон мечей и взбешенный рев Сулливана.

Я яростно рубил в обе стороны, Сулливан наконец пробился ко мне, разъяренный гигант, с прилипшими окровавленными волосами на лезвии исполинского топора.

— Это безумие! — заорал мне люто.

— Зато какая слава! — ответил я так, как надо в таких случаях, и он тут же умолк, продолжая принимать удары и наносить в ответ с такой чудовищной силой, что будь они хоть вполовину легче, все равно были бы смертельными.

Мы очистили холл и завалили трупами зал на первом этаже, откуда прямо вверх и в обе стороны понимаются лестницы. Я пнул одного сбитого с ног.

— Ответствуй, тварь дрожащая, где Мунтвиг?.. Почему он не выходит?

Он, повергнутый, униженный, все-таки нашел силы и огрызнулся:

— Откуда здесь Его Императорское Величество?

Я спросил в ярости:

— Разве это не его резиденция?

Он вытер кровь с разбитого рта и ответил издевательски хриплым голосом:

— Это у вас, бедных дикарей, она одна...

Я стиснул челюсти. Что за дурь туманила мне голову, ведь короли постоянно передвигаются вместе со всем двором по стране, только так могут увидеть, где что происходит, вмешаться, показать свое правосудие, утвердить свою власть.

— Но король хоть здесь?

Он ответил зло, поглядывая на меня с ненавистью:

— Его Величество, король Леопольд Кронекер, сюзерен Сакранта, повел отряд дворцовой стражи на прорыв.

— А здесь кто?

Он ответил с насмешкой:

— Только те, кому запрещено отходить от охраняемых покоев и вообще покидать дворец. Вы о таких правилах не слыхали?

Я в бессилии огляделся с окровавленным мечом в руке, потом опустил взгляд на распростертого телохранителя.

— Идти сможешь?

Он ответил дерзко:

— А зачем? Я могу принять смерть и лежа.

— Это не совсем героическая поза, — напомнил я. — Ты в такой и появишься в Валгалле, или куда вам там заносит. Не стыдно?.. К тому же я предлагаю жизнь. Тебе и

твоим соратникам, что охраняют покои на верхних этажах.

Он, опираясь на руки, с трудом поднялся, покачнулся, но устоял. На лице отразилось сомнение.

— Жизнь?.. А зачем она, если мы не исполнили долг?

— Вы исполнили, — возразил я сурово. — Дрались до конца. Но город уже захвачен. Дворец, по сути, тоже. Ты можешь глупо и бесцельно умереть сейчас, но можешь спасти жизни своим друзьям, что сейчас там наверху приготовились к короткому бою и быстрой смерти.

— Жизнь, — проговорил он с пренебрежительной усмешкой, — это короткая прогулка перед вечной смертью.

— Но жизнь, — возразил я, — может выкинуть такое, что может пригодиться! А ты уже не увидишь. Ладно, философ, веди наверх!

Он кивнул в сторону широкой лестницы.

— Вам кажется, что она ведет в подвал?

— Умничаешь? — сказал я с интересом. — И в то же время готов расстаться с головой?.. Не перестаю удивляться человекам... Иди вперед и кричи там, что сопротивление бесполезно. Мы достаточно пролили крови, я не хочу заливать ею и верхние этажи.

Он сказал с насмешкой:

— Зальете позже.

— Зачем? — возразил я. — Зачем мне пустой город?.. Все могут разойтись по домам.

— Они живут при дворце, — напомнил он.

— С этим сложнее, — признался я. — Оставить всех здесь не рискну.

Он сказал почти с сочувствием:

— И пытаться не стоит. Все мы поклялись защищать дворец до последней капли крови.

Я сказал с нажимом:

— Вы поклялись защищать дворец, имея в виду людей в нем! Короля, его семью, фрейлин, придворных, что сами не умеют и хлеба себе отрезать. Но не камни, из которых построена эта громадина. Так вот, все гражданские лица, то есть кто не в доспехах и без оружия, останутся не только живы, но в их отношении не будет никакого насилия, понял?.. Мне нужно дружественное королевство, а не залитое кровью и заваленное трупами. Понял? А теперь давай иди, а то мы слишком долго болтаем, мои люди уже злятся.

Он покосился на пышущих гневом моих рыцарей, снова посмотрел на меня.

Что-то в его лице менялось, он проговорил с запинкой:

— Но... почему я должен... поверить... что вы говорите правду?

— Слово чести, — сказал я. — Слово чести Ричарда Завоевателя!

Он насмешливо искривил губы.

— Слово чести от лживого южанина?

Со стороны моих рыцарей послышался гневный ропот и звяканье мечей.

Я почти прошипел:

— Ладно, не верь. Но в то, что мне выгоднее оставить здесь всех в живых, ты веришь?

Он подумал, глядя на меня, кивнул.

— Да.

— Тогда веди! Тебя как зовут?

— Артур фон Хольмстон.

— Ого, рыцарь?

— Да.

— Тогда ведите, сэр Артур. И постарайтесь спасти ваших друзей от бессмысленной гибели.

Он вздохнул и пошел по лестнице нетвердой походкой, еще и сильно прихрамывая. Три ступеньки одолел,

цепляясь за остатки чести, потом все-таки ухватился за перила.

Я двигался на расстоянии пяти-шести шагов, а за мной тесной группой — остальные во главе с Зигфридом и Сулливаном. Я время от времени показывал им требовательным жестом, чтобы не подходили ко мне слишком близко, могут помешать переговорам, это дело деликатное, их может провести только самый деликатный и даже местами нежный человек на свете...

На втором этаже сэр Артур коротко переговорил с охранниками. Те смотрели в мою сторону с вызовом и хватались за рукояти мечей.

Я сказал миролюбиво:

— Ребята, это не ваша вина, что судьба повернулась к вам задом. Переждите, вдруг повернется точно так же к нам?.. И победа будет за вами?

Артур оглянулся, кивнул с благодарностью.

— Ваше высочество... они могут уйти по домам?

— Если у них есть дома, — ответил я.

— Оружие им оставить?

Я покачал головой.

— Что мы, мужчины, без оружия?.. Пусть уносят. Но помнят, что оружие бывает опасно и для тех, кто с ним не расстается.

Он снова повернулся к ним, тихо переговорил, и они начали по одному проходить мимо меня, опутив головы и не поднимая взгляда.

Когда ушли все, я велел Сулливану:

— Проверьте все комнаты на этом этаже.

— А вы, ваше высочество?

— Мы с Зигфридом посмотрим, — ответил я, — что наверху. Не беспокойтесь, Зигфрид не даст и пылинке упасть на меня. Разве что та будет размером с потолочную балку.

Он фыркнул, но с обнаженным мечом и отрядом своих вассалов за спиной пошел заглядывать в каждую комнату, а я поднялся с Артуром и Зигфридом на третий этаж.

Артур остановился на последней ступеньке, лицо стало бледным, на лбу показались мелкие капельки пота.

— Ваше высочество, — сказал он с запинкой, — мне кажется, вы все-таки человек чести...

— Ну-ну, — сказал я.

— Здесь покои принцесс, — произнес он тихо. — Когда Его Величество король Леопольд поспешно ушел через потайной ход, принцессы просто не успели...

— Почему?

— С той стороны запечатали вход, — пояснил он.

— Мерзавец, — сказал я с сердцем. — Побоялся, что нежные девочки в длинных платьях затруднят бегство?

Он промолчал, но понятно же, что с женщинами, у которых шлейфы платьев по сорок ярдов, как положено принцессам, далеко не убежишь. И вообще не убежишь.

— Ладно, — сказал я, — может быть, король поступил правильно.

Он посмотрел на меня с вопросом.

— Ваше высочество?

— Принцесс он захочет выкупить, — пояснил я. — Для этого ему нужно сперва спасти свою шкуру. Это правильный для политика поступок. Для мужчины позорный, но для политика в самый раз.

Он чуть поклонился, на лице наряду с сомнением проклеветается и надежда, что да, король поступил мудро, чтобы спасти всех, а так бы погубил и себя и принцесс.

Зигфрид за спиной сопел, чесался, хрюкал, я поднялся на последнюю ступеньку и поинтересовался:

— Вот та их дверь?

— Это старшей, — пояснил Артур. — Но, ваше высочество...

— Я буду предельно вежлив, — оборвал я.

Зигфрид пошел за мной, оттолкнув неудавшегося телохранителя, но у двери я показал ему взглядом, чтобы ждал по эту сторону двери, отворил ее и уверенно шагнул.

Дверь за мной тут же захлопнулась, под противоположной стеной этой небольшой уютной и очень богатой комнаты три прелестные девушки, все бледные и дрожащие от ужаса, но у той, что чуть впереди, в руке длинный и очень острый нож.

Она быстро поднесла его к горлу и прокричала отчаянным голосом:

— Не приближайтесь! Мы убьем себя, но не дадимся в руки насильников!

Я поспешно отступил на шаг, упершись спиной в косяк двери, выставил перед собой ладони в согнутых руках.

— Леди... тихо-тихо... успокойтесь... Я не собираюсь причинять вам зло...

Она выкрикнула:

— Тогда зачем вы явились?

— Идет война, — пояснил я. — Военные против военных, гражданские лица почти как бы и не страдают... А сюда я зашел, чтобы убедиться, что здесь нет вооруженных мужчин.

Она крикнула:

— Здесь их нет! Только три беззащитные девушки!

— Хорошо-хорошо, — сказал я поспешно, — сейчас я уйду. Останется сэр Артур, вы ему доверяете?

Она смерила меня недружелюбным взглядом.

— Он был в охране первого этажа. Если он жив, то он враг.

— Он явился вам помочь, — заверил я. — Итак, я удаляюсь. Вы можете убрать кинжалы. А можете и не убирать.

Я нащупал дверь и осторожно вышел. В коридоре дожидается Зигфрид с кучкой воинов, а зычный голос Сулливана доносится уже чуть ли не с чердака, когда он только и успел, бык, а бегаёт, как трепетная лань, по лестницам.

— Поставить охрану, — велел я. — Никого не впускать... кроме этого сэра Артура. И не выпускать, соответственно.

Зигфрид спросил в нетерпении:

— Кто там?

Я отмахнулся.

— Женщины. Похоже, король в самом деле успел удрать потайными ходами.

— А женщин почему не?

Я пожал плечами.

— Возможно, в их кринолинах не полазишь в под-земельям да по крутым лестницам. Насколько я знаю, принцессам шлейф полагается всего на десять дюймов короче, чем у королевы? В общем, бди! Я, скорее всего, распожусь в этом дворце.

Он дернулся, запротестовал горячо:

— Здесь враги!.. Если даже всех до единого перебить, и тогда смертельно опасно!

— Мне надо утвердиться в глазах общественности, — объяснил я. — А лучше не придумано способа, чем захватить дворец короля и спать в его постели.

— Общественность уже перебили!

— В глазах недоперебитой общественности, — уточнил я. — Не всех же мы?.. Уцелевшие пусть знают, ничего не изменилось, король во дворце и спит в своей постели. Своей! Только зовут его иначе.

— Тогда отыскать и его любовниц?

— Можно, — разрешил я. — Преемственность власти так преемственность! Чего не сделаешь для утверждения демократии и гуманных принципов абсолютизма.

— Все-таки я должен здесь все проверить, — сказал он, — и перепроверить!

— Пусть это делает Скарлет, — посоветовал я. — Она, как все женщины, изощреннее в мелочах. А мы с тобой слишком просты, простодушны и доверчивы. В этом похожи на собак, а женщины, увы, кошки.

Глава 13

Я вышел на балкон, в темной ночи город освещен багровым заревом пожаров. Черный дым угадывается только по исчезающим звездам, издали доносится конское ржание, треск горящего дерева и женские крики, ну вот всегда так, не могут молча, им нужно обязательно, чтобы все соседи слышали, что она не сама, а ее против ее воли, а то потом начнут придумывать всякое...

Судя по огням на башнях, все под полным контролем. Поблизости нет крупных объединений войск Мунтвига, слишком нерасчетливо все силы двинул на завоевание богатого и развращенного Юга, а обильные снегопады начнутся раньше, чем подойдут армии для спасения города.

За спиной прозвучали торопливые шаги, я не стал оборачиваться, узнал Зигфрида, как по походке, так и по запаху и сопению.

— Все отлично! — сказал он бодро. — До утра можно и соснуть пару часов, чтобы голова была свежая.

— У меня никогда не тухнет, — заверил я. — Что лыбишься?

Его лицо оставалось озабоченным, но ответил довольным голосом:

— Отыскал!

— Кого? — спросил я.

— Конкубину!

— Блин, — сказал я с досадой. — Я думал, что-то ценное...

Он сказал оскорбленно:

— Ваше высочество!.. Да это даже лучше, чем привести самого короля!

— Ну, — сказал я, — это как посмотреть... Впрочем, где она?

— Дождается в соседней комнате.

— Под стражей?

— Ну... на всякий случай.

Я махнул рукой.

— Веди. В мою комнату. Ту, которая королевская.

— В кабинет?

Я посмотрел на него с подозрением.

— Конкубину?

Он застыдился и торопливо исчез, а я еще несколько минут смотрел на притихший и подавленный город, объятый страхом и унынием. В Сакранте слишком уж все уверились, что победоносные армии великого императора преодолевают последние препятствия на далеком Юге. Никто не был готов к малейшему сопротивлению, а мы оказались еще как готовы действовать жестоко и решительно, пресекая малейшее сопротивление, как по пути к Сакранту, так и в самом Генгаузгузе.

И потому сейчас город не просто в нашей власти, а в абсолютной власти.

Я перевел дыхание, узел в груди начал постепенно распускаться. Еще раз обведя взглядом панораму города, я отправился искать покои короля Леопольда.

Зал огромен и неуютен, а камин не камин, а целая комнатка, где полыхают пурпурным пламенем стволы деревьев. Пахнуло теплым воздухом, мне невольно за-

хотелось шагнуть к огню, спасаясь от промозглости и сырости, но в зале в двух шагах от стола уже стоит в ожидании со склоненной головой молодая женщина.

Ее наброшенный на плечи плащ спереди скреплен золотой застежкой, оставляя соблазнительный треугольник на груди, где нежная белая кожа начинает вспучиваться двумя прекрасными холмиками.

Я подошел к ней и, взяв за подбородок, поднял ее личико. Молодая, сочная, кровь с молоком, чистое ясное лицо, пухлые щечки с нежнейшим румянцем, большие глаза навывкате, что придает особое очарование и плюсик к сексуальности, низкий вырез платья, где крупная грудь с нежнейшей кожей почти-почти открыта, достаточно тонка в поясе...

Я окинул ее с головы до ног внимательным взглядом. Она трусливо смотрела на меня и время от времени приседала, растопыривая в стороны обеими руками платье.

— У короля Леопольда, — заметил я, — неплохой вкус. Мне тоже нравятся товаристые... в смысле, чтоб было за что подержаться. В общем, леди...

Она проговорила тоненьким голоском:

— Леди Ялисса...

— Леди Ялисса, — повторил я. — Раздевайтесь и лезьте под одеяло. Я сейчас досмотрю трофейные бумаги, а тоже возьмю. А вы мне продемонстрируете, как и чем ублажали короля. Надеюсь, покойного, хотя кто знает... Мне нужно же знать его особенности управления государством?

Отвернувшись, я продолжал быстро просматривать бумаги, а конкубина торопливо раздевалась, шурша многочисленными юбками, потом я услышал шелест одеяла и легкий скрип ложа.

Я в самом деле наскоро посмотрел бумаги, которые король не успел захватить с собой, но одновременно думал и об этой красотке под одеялом.

Женятся короли по официальной необходимости, чаще всего их обручают с будущей женой еще в детстве, и уже не важно, если у нее морда ящиком, лишь бы в приданом были богатые земли и связи с другими королевскими домами. Зато конкубину можно выбрать, как говорится, по зову сердца, потому отыскивают в самом деле самую-самую по внешности, и черт с этой никому не нужной в постели знатностью.

Возможно, леди Ялисса из достаточно знатной семьи, к примеру, дочь барона, однако короли не женятся на дочерях баронов, как бы этого тем и другим ни хотелось, однако женщины хитры, а мужчины изобретательны...

Я разделся и лег, чувствуя, как натрудился за последние дни изматывающих маршей. Ялисса тут же принялась гладить и легонько разминать мои уставшие мышцы, я с наслаждением закрыл глаза и отдался в ее руки.

Ялисса в самом деле знает все о королевских делах и планах, что неудивительно, ни для кого не секрет, что конкубины нередко правили королевствами, подменяя самих королей, и Ялисса исключением не оказалась.

Разговорившись, она честно сообщила о тех высоких должностях, на которые назначила своих ближайших родственников, о титулах, полученных ими благодаря ее стараниям, а когда я повернул разговор в другое русло, так же подробно рассказывала о рудниках, о разведении тонкорунных овец, о двухстах водяных мельницах, которые поставили по ее настоянию, что облегчило труд и позволило выпускать больше сукна, не говоря уже о том, что мельницы еще и мелят муку...

— Слушай, — сказал я пораженно, — а ты что... умная?

Она ответила застенчиво:

— Я получила прекраснейшее образование и воспитание, ваше высочество...

— Ага, — сказал я, — ну тогда все чуточку понятнее...

Обычно конкубины, как гласят умные труды хронистов, являлись изящным инструментом, с помощью которого могущественные лорды не просто оказывали на королей влияние, а попросту руководили ими, что бывало чаще всего королевству на пользу.

Возможно, Ялисса как раз из таких...

— А теперь, — велел я, — давай рассказывай, кто из высших сановников не успел сбежать, кто из них может пригодиться... нет, ты чеши-чеши!.. Оба чеши и рассказывай, мне мыслить не мешает, для головы не так уж и много крови требуется... Чем раньше восстановим работу дворца, всех служб и прочее — тем лучше. Я не хотел бы везде ставить своих людей, они прежде всего полководцы...

Рассвет застал огромный город, охваченный отчаянием, заваленный трупами и пустыми улицами, по которым с грохотом сапог двигаются отряды ратников да иногда проносятся всадники тяжелой конницы.

Еще ночью с прибытием ратников Макса сопротивление в городе резко пошло на убыль. Дисциплинированные воины моментально подавили сопротивление в арсеналах, помогли удержать захваченный рыцарским отрядом замок, а затем уже методично зачищали все улицы и площади.

Хмурое утро со слабым и почти зимним солнцем осветило охваченный страхом город, где горожане забаррикадировались в домах, опустили ставни и наблюдают за происходящим через щели между досками.

Трупов на улицах не так уж и много, да вообще ожесточенное и достаточно организованное сопротивление оказали только в замке, а так с нами по городу дрались разрозненные группки людей, у них не было шансов против длинных копий, из-за которых их в упор расстреливали из луков и арбалетов.

Я вышел на балкон спальни, зевая и потягиваясь, посмотрел на город. Во многих местах еще поднимается дым, но уже не такой уж и торжествующий, как ночью, все-таки горожане всю ночь гасили огонь. Думаю, больше всего гасили наши, а горожане, осмелев, помогали.

Сейчас только рассмотрел, что в центре площади, через которую вчера промчались вихрем, высится огромный памятник мужику в старинных доспехах и с молотом в руке. Молот мне показался знакомым.

Шаркая меховыми башмаками и кутаясь в толстый халат, подошла сзади Ялисса.

— Мой господин...

Я кивнул в сторону памятника.

— Это король Леопольд?

Она застенчиво усмехнулась, покачала головой.

— Во всем королевстве запрещено ставить памятники кому-либо, кроме как эргпринцу Руперту.

— Ого, — сказал я. — А чего так?

Она пояснила нежным, почти детским голосом:

— Чтоб никто не смел приближаться к нему славой. Это он вывел, как гласят древние хроники, группу людей из пещер после последнего посещения нас Маркусом...

— За это стоит, — согласился я. — Ладно, пойдем завтракать, а то замерзнешь здесь.

После завтрака я, раздавая по дороге указания, поднялся на самую высокую башню на городской стене и осматривал как город, так и то, что за городом. Как

только выпадет снег, никакие военные действия вести будет нельзя. Вообще воюют только летом, дождавшись, когда кончится зима и весна с ее распутицей и грязью.

Установив сторожайшую охрану по периметру всех стен и отправив наблюдателей на башни, Альбрехт примчался веселый и довольный, напомнивший того отважного барона, что пришел ко мне на помощь с Митчеллом в Армландии.

— Город наш!..

— Как и весь мир, — ответил я и, наткнувшись на непонимающий взгляд, пояснил: — Только он об этом еще не знает.

Он сказал возбужденно:

— Но как получилось, как получилось! Мне все время казалось, что вот-вот сорвется. Мы молодцы?

— Это не столько наша заслуга, — сказал я с беспристрастностью благородного человека, — как небрежность противника. Нужно быть бдительнее...

— Нам?

— Кому же еще? А они пусть будут... демократично беспечными, политкорректными и доверчивыми. Я люблю доверчивых. А вы?

— Я сам доверчивый, — ответил он.

— Не подлизывайтесь, — сказал я строго. — Знаю вашу доверчивость...

Над стеной поднялось утреннее солнце, розовые лучи озарили крыши домов и верхушки деревьев.

Альбрехт повел рукой.

— По этой улице, что идет от ворот, можно доехать до главной рыночной площади, ее и расположили неподалеку... или она сама так расположилась, в общем, всем удобно, как прибывшим торговать из сел и других городов, так и самим генгаузцам. А если выехать вон с того конца, то за теми домами с красными крышами... ви-

дите?.. дорога поведет в центр города, там ратуша, магистрат, собор, а также дома самых богатых горожан...

— Дворцы, — уточнил я.

— Дворцы, — согласился он, — хотя по меркам, скажем, сен-маринцев, это все-таки просто большие и богатые дома. До дворцов им еще расти и расти.

— Не хвастайтесь, — сказал я невесело. — Сен-Мари для нас потерян, и это как открытая рана. Здесь не видели настоящей роскоши Юга, потому это дворцы. Здесь дворцы. Где разместились рыцари Мидля и Сулливана?

— В замке, — ответил он, — там просторно. Хозяин дрался храбро и погиб вместе с сыновьями и родней, там что, наши заняли все этажи, а еще там два просторных корпуса выстроены специально для знатных гостей, там можно жить годами.

Я повернулся к городу спиной, подождет, вперил взгляд в группу ярких всадников, что идут красивым галопом со стороны леса.

— Это кто там скачет к городу?.. Никак принц Сандорин?

— С принцессой Аскланделлой, — добавил он ехидно. — Будет пенять, что держали его вдали от схватки.

— У него было задание, — сказал я, зябко передернув печами. — Он и сейчас его выполняет.

Он посмотрел на меня то ли с иронией, то ли с сочувствием.

— Вам надо бы встретить.

— А надо? — спросил я сердито.

— Сандорина необязательно, — ответил он серьезно, — хотя и желательно, он же будущий король Вендовера... если вы не против, конечно... Это я так шучу, шучу!.. а вот принцессу Аскланделлу встретить более чем желательно. Даже, не побоюсь сказать это гру-

бое в отношении вас слово, обязательно, хоть вы и необязательный как бы человек.

Я буркнул:

— Вроде бы я всех приучил к мысли, какая я бесчувственная скотина. В смысле, никакого этикета, коню и собаке внимания уделяю больше... Неужели от меня еще чего-то ждут?

Он ответил с лицемерным вздохом:

— Увы, ваше высочество. Полагают, что вы не безнадежны.

— А чтоб их...

— Придется соответствовать.

Я скривился и пошел по каменным ступенькам со стены. Внизу бдит Зигфрид, его верного оруженосца не видно, но явно где-то рядом, они обычно не расстаются надолго, множество вооруженного народа, наиболее знатные рыцари тут же поспешили мне навстречу, готовые составить свиту.

Ворота распахнули, с той стороны к ним красиво приближается под победоносными знаменами моей грозной армии отряд могучих рыцарей в прекрасных доспехах из Вестготии, которых местные здесь не видели и потому вытаращили глаза зачарованно, как на существ из прекрасной сказки.

Впереди под большим красным знаменем с моим гербом принц Сандорин, красивый и весьма изысканный, а рядом с ним само совершенство людской породы — принцесса Аскланделла.

Принц снова под стать моему знамени, весь в красном с головы до ног, даже попона под седлом ярко-красная, как и уздечка, выглядит элитным бойцом, а принцесса в платье золотого цвета и с ниспадающим с плеч плащом золотого цвета, края которого скреплены на груди массивной золотой брошью.

Она вся в золоте, начиная от золотой короны на пышной прическе и заканчивая изящными золотыми сапожками с россыпью мелких рубинов, даже ее лошадь выступает красиво и гордо, словно тоже не простая, а, видите ли, императорская.

Я вышел навстречу, они остановили коней. Принц Сандорин торопливо покинул седло, а принцесса перевела равнодушный взгляд на меня и даже чуть прищурила прекрасные глаза, будто старается рассмотреть нечто мелкое и незначительное.

Принц, вместо того чтобы подойти к своей спутнице и помочь ей спуститься на землю, на что я надеялся, красиво и церемонно преклонил колени передо мной.

— Ваше высочество!

— Принц, — ответил я с тоской и, сделав ему знак подняться, подошел к лошади принцессы.

Аскланделла продолжала смотреть на меня равнодушно, лошадь и то повернула голову и přátельски дохнула мне в ухо теплым воздухом, дескать, привет, человек.

— Ваше высочество, — произнес я, — ах да, простите... ваше императорское высочество!

Я взялся за стремя, чтобы держаться тверже, и преклонил колени, выставив его как ступеньку скамеечки.

Аскланделла, не меняя выражения лица, опустила ногу в сапожке. Я задержал дыхание, в прошлый раз чуть не передавила мне какую-то важную жилку своим острым каблуком, Аскланделла и сейчас очень внимательно следит за моим лицом, я увидел на нем острое сожаление, что не может наступить мне на что-то намного более важное и болезненное, и, наверное, потому сейчас не получилось, хотя явно старалась, вижу по глазам.

Ее ладонь должна была опереться о мою склоненную голову, однако то ли побрезговала слишком плотным контактом, хотя и в перчатках, то ли просто у меня

голова такая скользкая, как у тюленя, но я услышал, как она тихонько охнула и покачнулась.

Я орел, еще какой орел, в том смысле, что ума не больше, чем у этой гордой птицы, одни инстинкты: подхватил ее моментально, хотя по уму можно и нужно было бы ей, такой всей золотой и бриллиантовой, позволить брякнуться на землю, превращенную копытами множества коней и сапог в смачную вязкую грязь, я ж не виноват, что у императора дочь такая... неустойчивая.

Никто не успел не то что мамнуть, даже глазом схлопнуть, а я уже держу, как дурак, на руках, даже к груди прижал, ну это, чтоб рычаг уменьшить, мы в таких случаях никогда не знаем, сколько придется держать, если, конечно, не прешь, задержав от натуги дыхание, от входной двери к расстеленной постели.

Глава 14

Ее лицо все так же ничего не выражает, абсолютно ничего, ни возмущения, ни удивления, ни недовольства, просто лежит, нет, сидит в моих руках весьма удобно и даже умело, надо сказать, словно ее так всю жизнь на руках носят, обхватила мою шею руками, ну это подается как испуг, хотя, если судить по ее надменной морде...

Наконец я опомнился и хотел было поставить ее нижними конечностями на землю, но сам в этой хлюпающей грязи по щиколотку и, стиснув челюсти, процедил:

— С вашего позволения, принцесса, я вас вот туды... на камешки...

Она проговорила безмятежно:

— Позволяю, принц.

Я понес ее по грязи от ворот в глубь города, рыцари стальной стеной окружили меня со всех сторон, в окнах мелькают бледные лица насмерть перепуганных горожан, словно я несу это золотистое чудо на жертвенный камень.

Как назло, после дождя, ночных заморозков и дневной оттепели, улицы покрыты грязью, пусть неглубокой, но все же грязь есть грязь...

Я скосил глаза на ее чуть порозовевшее лицо, не шевелится, держится крепко, перенесла часть своего веса на мои плечи, глаза полуприкрыты веками с длинными загнутыми и пушистыми ресницами.

— Могу поставить вас, — сказал я, — разве что на крыльцо какого-то дома, там чисто, но как-то глупо.

Она произнесла тихо и насмешливо:

— Вы даже понимаете, что это глупо?

— Тогда отнесу в замок, — сказал я зло, — а чего вам вздумалось слезать с коней так рано?

Она осведомилась:

— А разве не вы загородили дорогу?

— Я дорогу не загораживал, — возразил я автоматически, — сбоку стоял, могли бы переть дальше.

— А это не было бы умалением вашего достоинства?

Я искривил губы.

— Можно подумать, вас это заботит.

— Конечно, — ответила она убежденно. — Меня учили с колыбели, что авторитет королей нужно поддерживать, а не ронять. Любых королей.

— Ну-ну, — сказал я с недоверием. — А как по вашим императорским меркам будет оценено вот это действие, когда вы едете на мне, как на лошади?

— Лошади? — переспросила она. — Вообще-то я могла бы подобрать сравнение и с другим животным, более точное... По нашим меркам все сказали бы, что вам оказана великая честь.

Я охнул, даже остановился.

— Честь? Я вас сейчас брошу прямо здесь!

Она моментально прижалась плотнее. Я чувствовал, как там, на моем загравке, ее пальцы сомкнулись в замок.

— Вы посмеете?

Я заверил:

— Вы меня еще не знаете!

— Наслышана, — ответила она чуточку другим голосом. — Если вы так устали, но боитесь признаться, что вот-вот упадете, то передайте меня, скажем, принцу Сандорину. Он донесет.

Я рыкнул зло:

— Еще чего!

— А что вам мешает?

— Уронит, — отрезал я. — Он же не знает, что императорские дочери весят больше королевских! Примерно вдвое.

— Наглец!

— Это я преуменьшил, — признался я со вздохом. — Что же у вас такое тяжелое... гм... я бы не сказал, что ноги... судя по всему, они хоть и длинные, но вроде бы не особенно и не толстые...

Она прошипела в ухо:

— Прекратите!

— Что вас задело?

— Я лучше упаду в грязь, — сказала злым шепотом, — чем позволю такие слова!

— А без позволения, — ответил я, — можно? На Юге люди дикие, невежественные, лохматые... что-то еще, забыл. А я у них — вождь.

Рыцари держатся на расстоянии, я с принцессой на руках иду в центре широкого круга, нас не слышат, видят только, как оба слегка как бы улыбаемся, но не слишком, оба при исполнении, оба должностные лица, оба не просто так, а олицетворяем, сейчас даже не могу

сказать, что именно, в голове сумятица, но что-то важное олицетворяем точно, хоть и оба разное, а то и вовсе противоположное. Но противоположности, как говорят, иногда вот так, как бы плотно, но это больше с виду, а на самом деле... никто и не знает, темна вода в облацех.

Так вот, хлюпая по грязи, я дошел до замка, так уже высыпали навстречу мои рыцари во главе с Мидлем.

У него глаза полезли на лоб, но спохватился и вместе с остальными преклонил колени.

Я опустил Аскланделлу ногами на твердое, там сухо и чисто, сказал бодрым голосом:

— Герцог, рад вас видеть!.. Принимайте принца Сандорина и его подопечную... звать ее Аскладелла, вот она... ну, вы ее уже как-то видели. Разместите их высочеств в подходящих покоях... а я спешу, понимаете ли, весьма спешу!

Зайчик шел за нами, весьма удивленный, потому я просто поставил ногу в стремя и поднялся в седло.

Мидль поклонился принцессе.

— Ваше высочество...

Подъехал и спешился принц Сандорин, бросил в мою сторону укоризненный взгляд, но поспешил за Аскладеллой, Мидль церемонно подхватил ее под локоток и повел показывать апартаменты.

Зигфрид произнес за моей спиной негромко:

— Ваше высочество...

Я оглянулся, ко мне с осторожностью приближаются двое из местных, осанистый мужчина, одетый в меховую шубу поверх кафтана, под которым видны еще одежды, и второй, явно помощник, одет поскромнее, держится понезаметнее.

Осанистый с достоинством поклонился.

— Слушаю? — сказал я вежливо.

— Городской старшина Рэджил Роденберри, — назвался он. — Ваше высочество, город наш огромен...

— Это я заметил, — прервал я. — Вы хотите восстановить все коммунальные и прочие службы?

— Да, — сказал он с благодарностью. — Спасибо за понимание! Я готовился к долгим уговорам, а вы так вот сразу...

— Опыт, — ответил я скромно. — Дорогой Рэджил, вы кажетесь мне деловым и разумным человеком, так что надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество. Восстанавливайте все в полном объеме! Опирайтесь и на воинов моей армии, я дам соответствующие распоряжения. Нам всем не жаждет утонуть в дерьме или остаться голодными. Если городская стража разбежалась, поможем на первых порах патрулировать улицы и площади, не допуская грабежей и мародерства. А то, знаете ли, свои же начнут под шумок, а все будут кивать на захватчиков.

Он сдержанно улыбнулся.

— Ваше высочество, с благодарностью примем любую помощь. Город должен жить. Спасибо, не смею больше отнимать ваше драгоценное внимание.

Я отпустил его кивком, а сам, все еще слегка рассерженный после общения с Аскланделлой, хоть и непонятно за что, полез на стены, прошелся, придиричиво инспектируя, толстые и высокие, хорошо, это значит, никакой таран или камни из требушетов не пробьют, с лестницами тоже будет непросто, хотя возможно...

Я подозревал Альбрехта.

— Дорогой друг, вам придется поработать и как бы строителем. По внешнему краю стены нужно вбить между камнями железные прутья, улавливаете?

Он кивнул.

— А дальше...

— Как вы уже догадались, — сказал я с одобрением, — на них укрепить такие же, но продольные с

приклепанными кверху по всей длине металлическими наконечниками копий!

Он сдержанно улыбнулся, сообразив только сейчас, что я задумал и для чего, и явно спрашивая себя с огорчением, как это никто не догадался такое сделать раньше.

Я помалкивал, что мне тоже не приходило в голову, слишком заморожен классическими картинками крепостных стен, к которым с внешней стороны приставляют длинные лестницы, перелезают по ним на стены и там дерутся со стражниками.

А вот так взобраться и повиснуть на колючей проволоке... ну, пусть не колючей и не проволоке, но все же это достаточно надежно, даже надежнее проволоки, так как выдержит вес тела и даже всадит острые стальные острия в сочленения между доспехами.

Во всяком случае, задержит там надолго, а такого зависшего в беспомощности можно и зарубить и расстрелять издали.

— Удивительно простое решение, — проговорил он с тщательно задавливаемым восторгом. — Вы гений войны, ваше высочество!

— Я гений строительства, — сердито возразил я. — Да только все никак не даете взяться и попетропервствовать... Ну, это такой термин для гения строительства флота и прорубывателя. А также городов на болотах. Кстати, а что там было в том обозе, что мы героически спасли от людей Мидля?

— В основном, — ответил он, — продовольствие, а также всевозможные драгоценности из окрестных дворцов, их спешили доставить под защиту стен. Руководил, кстати, граф Сильверберг, как вы уже знаете, а он близкий друг Мунтвига и его родственник по какой-то линии.

— Ага, — ответил я понимающе, — потому нам там и обрадовались в городе, сразу ворота открыли.

— Жалеете, что никаких особых сокровищ?

Я покачал головой.

— Знаете, граф... сейчас меня больше радуют эти сундуки с золотыми монетами, которыми могу заплатить жалованье армии.

Он слез со стены вслед за мной, я поднялся в седло Зайчика, а Бобик вдруг взвизгнул и ринулся в приоткрытые ворота. Через минуту он вернулся, а за ним ворвался на взмыленном и храпящем коне сэр Норберт, а за ним двое всадников из его элитной разведки.

Я насторожился, мог бы и прислать гонца, но если сам, то дело серьезное, а Норберт соскочил на ходу, подбежал и ухватился за стремя моего коня.

— Ваше высочество, — крикнул он запыхавшимся голосом, — простите, я был не прав!.. А вы... вы заглядываете далеко вперед!

— Ну, — пробормотал все еще настороженно, — я такой, а как же. Еще бы, это же я, а кто-то как бы. А что стряслось?

Он выпалил, все еще держась за стремя:

— Сдался город Зондерсхаузен, за ним сдалась крепость Шварцбург, а когда мой передовой отряд подошел к Обергершафту, там сразу вывесили белый флаг и распахнули ворота!..

— Гм, — сказал я, — ну это... как бы... ожидаемо. Это же мы...

Он отпустил стремя, отступил на шаг и сказал с великим почтением:

— Вы все-таки политик, сэр Ричард! Показательным разрушением Вифли вы так потрясли всех в Эбберте, что города и крепости сдаются без боя, едва только увидят хоть один из наших конных разъездов.

Я пробормотал:

— Дык... эта... Говорят же, удачливому и черт детей в коляске... колыбельке колышет!

Он спросил с интересом:

— А у вас детей много?

— Типун вам, — сказал я рассерженно, — не надо во мне это чувство вины, не надо!.. Господь велел плодиться и размножаться, а сам мало того что не объяснил разницы, но и не обеспечил подзаконными актами на-счет как, когда, с кем, в какое время и при каких погод-ных условиях.

Он кивнул.

— Не думаю, что вам это мешает. С вашего разреше-ния я послал конные отряды далеко вперед, пусть при-нимают сдачу городов и крепостей.

— Действуйте, — ответил я. — Пусть все думают, что мы только и думаем, как бы наклонить Эбберт и взять в плен короля Харбиндера!

Альбрехт сказал медленно, с расстановкой и таким многозначительным голосом, что все поневоле прислу-шались:

— А у меня есть предположение, что как только ве-сти о разрушении Вифли, что посмело вызвать ваш гнев, достигнут Сакранта, то и здесь, возможно, только возможно...

Норберт поплевал через плечо и перекрестился.

— Тыфу-тыфу, — сказал он, — только бы не сглазить.

Я вздохнул.

— Не будем загадывать. А то размечаешься на всю варезку, а тебя тут же молотом между ушей со всего размаху хрясь!.. Оборачиваешься в изумлении, где это стучат, а тебя снова хряс-с-с-сь!.. Дорогой друг, идите отдыхайте, помогите подготовиться встретить армию Клементя. Думаю, он понимает, что Эбберт нам нева-жен. Если сломить Мунтвига, Эбберт сам сломится.

Норберт кивнул, поклонился и отбыл.

Альбрехт поинтересовался:

— Вы сейчас куда?

— В королевские покои, — сообщил я. — Я с неким... советником, скажем так, намечаю кого где поставить, чтобы вся государственная машина снова заработала. Да и послов скоро придется принимать. Если не сегодня, то завтра точно.

Он переспросил задумчиво:

— С советником?.. Похоже, хороший советник, если вы ему настолько доверяете. Кстати, ваше высочество, мне кажется вы избегали женитьбы очень мудро и правильно...

— Спасибо, — буркнул я.

— Потому что, — продолжал он невозмутимо, — как-то предвидели, что у вас будет этот шанс.

Я спросил недовольно:

— Вы о чем, граф?.. А то у меня разные предположения. А я человек такой предположистый, такое могу напредполагать, что и на голову не налезет.

Он хмыкнул.

— Непонятно? Вы мудро и дальновидно... пусть произвольно!.. не женились ради этого случая. Принцесса Аскланделла, — это не дочь одного из королей, это... дочь императора!

Я посмотрел на него с растущим подозрением.

— Да на что вы намекиваете, дорогой граф?

— Я никогда не понимал дураков, — ответил он размеренным голосом, — которые женятся... по любви. У тех, кто женится ради титула и земель, есть хотя бы разумный повод!

— Знаете, граф, — сказал я строже, — что-то вы не то говорите.

— Почему? — спросил он. — Когда-то нужно и остановиться. Нет, я не имею в виду завоевания или путь к

славе, но... Аскланделла может быть невестой Ричарда точно так же, как и Мунтвига!

Я поморщился.

— Граф, Мунтвиг — император. А я даже не король.

Он улыбнулся.

— Хватит, принц. Хватит, а?.. Мы же все понимаем. Другие стремятся к короне, еще не представляя ее тяжести. Я уже не мальчик, повидал многое, потому, да, мне это зримо. Удивительно, что и вы, мой лорд, это понимаете. И догадываетесь, что лучше всего корону взять, когда она... как говорится, созреет. Или поспеет.

— Корона?

— Да, корона тоже, как яблоко, может оказаться рано сорванной.

Я пробормотал:

— Мне всегда будет казаться, что если она и созреет, то я... нет. Знаете, граф, вернемся в королевский дворец, а там займемся важными делами. Город мы взяли, но надо еще удержать. Все-таки мы забрались в самую глубинку земель неприятеля.

Глава 15

В большом зале слуги торопливо заставляют частоколом толстых свечей массивные люстры, похожие на тележные колеса из благородной меди, зажигают, а другие торопливо тянут за толстые веревки, поднимая эти светильники к потолку.

Прекрасно, эти службы уже работают. Слуги понимают, их не тронут, все нуждаются в обслуживающем персонале, без них здесь вся жизнь замрет.

На уровне второго этажа зал изнутри украшен балконом во всю длину, там прохаживаются часовые, два светильника в противоположных концах четко высве-

чивают их фигуры, здесь это привычно, но я сразу отметил, что таким образом они представляют из себя прекрасные мишени...

И хотя вроде бы здесь пока никто в них не должен целиться, однако же так расслабляться не должно, надо напомнить...

Альбрехт сказал тихонько:

— А вон там трон короля Леопольда! Ваше высочество, на нем нужно посидеть.

— Сам знаю, — буркнул я. — Уже кое-что знаю о преемственности власти. Ночью перенял...

Он двинулся сзади, зал достаточно длинный и, что удивительно, уже появились первые придворные, пока еще, судя по их виду, самые ничтожные, зато рискованные, вдруг да удастся перехватить большой куш...

Мне поспешно кланяются, я улыбался рассеянно, иногда кому-то кивал, но больше присматривался, стараясь сразу угадать, кто из них заслуживает петли, а кто пряника.

Справа от трона группа музыкантов — их тоже не тронут! — играет нечто игриво-веселое, нехитрая такая мелодия, словно крупные кузнечики пиликают на своих крылышках зубчатыми ножками, очень крупные кузнечики, тоже все в зеленом, только стяжки осталось им нацепить.

Я так же неторопливо опустился на трон, помолчал, поглядывая на всех спокойными глазами. Альбрехт встал рядом, несколько наших рыцарей поспешили занять места с другой стороны.

— Ваше высочество, — поинтересовался он, — может быть... пир? В честь победы?

Я покачал головой.

— Пир можно, но лучше в честь примирения.

— А-а-а, — сказал он понимающе, — побежденные примиряются со своей участью? Да, это прекрасно, ваше высочество!

Я сказал со вздохом:

— Можете начинать хоть сейчас. Что-то у меня ноги не идут. Или настолько кресло понравилось?..

В зал бегом внесли несколько столов, сразу начали таскать на них посуду, двое проворных слуг торопливо подали на широком подносе голову гигантского кабана, она выглядит торжествующе с торчаще-загнутыми ушами и приоткрытой в ухмылке пастью. Даже черные дырочки в носу смотрятся задорно и весело, аромат бьет во все стороны одуряющий, рот сразу наполняется сладкой слюной...

Пока остальные заносили и расставляли по столам снедь, Альбрехт посерьезнел и сказал тихонько:

— Выше высочество, мне почему-то кажется, что принцесса Аскланделла не так уж и жаждет избавиться от нашего общества.

Я сказал язвительно:

— Раз уж вам что-то кажется, то вы точно можете сказать, почему вам это кажется!

— Ваше высочество, — ответил он со скромностью во взгляде и чуть было ножкой не подвигал по каменным плитам пола, — у меня только предположения.

— Ну-ну?

— Она должна была, — произнес он тихо, — ухватиться за вашу идею отправить ее, как вы изящно выражаетесь, взад к отцу. Но не ухватилась. Хоть вы пообещали... понимаю, сгоряча, отправить с нею половину армии для охраны.

Я покрутил головой.

— Граф, вы меня пугаете.

— Ага, — сказал он злорадно, — дошло?

— Вы хотите сказать, — проговорил я с надеждой, — что ей так обрыдло там у себя в императорском дворце, что она радуется возможности застрять здесь, будто тут ей раскатикулы?

— Я имел в виду не это, — ответил он терпеливо, — хотя и ваша нелепая точка зрения имеет право на кое-какое жалкое существование...

— Ну спасибо...

— Но только право, — продолжил он, — мы же добрые? Даже милосердные, потому и ваша точка зрения вполне может существовать... где-то на обочине. На самом же деле принцессе восхотелось стать женой могущественного правителя, под поступью которого дрожит земля.

— Потому что обрыдло быть дочерью, — напомнил я уязвленно, — и потенциальной невестой. Женой — да! Императриссой.

— Потому был выбран Мунтвиг, — сказал он. — Не глядя, как и делается в династических браках. Ибо есть только два императора: Вильгельм и Мунтвиг. Отец и некий молодой амбициозный вождь... Но тут она попадает в невольный плен к нам и узнает с изумлением, что этот хваленый император ничего не может поделывать со всего лишь принцем! Принцем Ричардом. Более того, этот удивительный принц не только остановил армии Мунтвига на дальних границах... скажем скромно, своей неназванной империи, но и сам вторгся в его земли! А сейчас даже захватил его стольный город!

Я вздохнул, посмотрел по сторонам. Привлеченные слухом о предстоящем пире, в зал стянулись герцоги Сулливан и Мидль, явился Норберт и притащил с собой упирающегося Макса, чуть позже прибыл разбурмачившийся после бурной скачки принц Сандорин.

Все они собрались вокруг трона, где я восседаю, Сулливан сразу же прогудел:

— Я со своими людьми помог городской страже схватить Черного Ястреба, это местный разбойник, что наводил ужас на весь город!.. Хотел было зарубить сразу, потом подумал, что надо и народу показать, дескать, мы его охраняем...

Я сказал горячо:

— Герцог, вы просто чудо!.. И правильный политик. Население должно видеть, что мы защищаем его. Поэтому нужно казнить разбойника прилюдно! На городской площади. Заранее объявив народу.

Сулливан довольно заулыбался.

— Вот и я то же самое подумал!.. А вы не дурак, ваше высочество. А как его казним? Повесим? Отрубим голову? Утопим?

Альбрехт запротестовал:

— Только не утопим!.. Это что же, с камнем на шее в воду и — ничё? Даже не увидим?.. Нет, это не зрелищно, потеряется нравственно-воспитательное значение. Мы ж казним не столько для него, ему уже все равно, а для других?.. Чтоб видели: такое делать нельзя!

— Нельзя забывать и нравственно-развлекательное значение, — добавил тихо и печально Мидль. — Народу нужны хлеб и зрелища. Прилюдная казнь на городской площади — это всегда праздник! Потому нужно обставлять с наибольшей театральностью, чтобы все собравшиеся получили максимум удовольствия. Ну, там, костюм палача должен быть чист, опрятен и с оборочками, колпак на голове обязательно красный, так красивше...

— И вообще, — поддержал Альбрехт, — палач в данном случае олицетворяет власть, закон, потому должен быть рослым и мускулистым, без изъянов, чтоб не давать почву намекам... Значит, будем вешать? Это в самом деле интереснее. В толпе половина бьются об заклад: сломается шея сразу при падении или повешенный будет долго трепыхаться, пока веревка его удушит

окончательно. Бывает, что и два-три часа вот так в судорогах бьется...

Сулливан сказал категорически:

— Это много! Четверть часа — и публика уже устает. Однообразие всегда надоедает. Разве что за это время еще несколько таких же повесить...

— Все зависит от палача, — сказал Мидль.

— Высоты помоста, — возразил Сулливан.

— А если палач накинет на шею слишком толстую веревку? — парировал Альбрехт. — Нет, здесь очень важна и ее толщина, и высота помоста. Я бы вообще запретил эти новомодные штучки с откидывающимся люком под петлей. Когда преступник падает туда, шея часто в самом деле ломается, и народ справедливо негодует. Лучше уж по старинке, когда палач сам вздергивает, натягивая веревку, и преступник поднимается вверх под восторженные крики благодарного народа!

— Я помню, — сказал Норберт мечтательно, — когда вешали вот так мясника из Вонючего Плеса... Палачу пришлось звать добровольцев из народа, а то не мог сам поднять на петле такую тушу!

— Это когда столько набежало, — спросил Альбрехт, — что обвалился помост, а мясник в суматохе сбежал?.. Помню-помню... Нет, ваше высочество, повешение, конечно, зрелищно, особенно когда преступник все же достает носками башмаков земли и скребет по ней... однако недостает самого важного элемента...

— Какого? — спросил Мидль с грустью.

— Крови! — выпалил Альбрехт кровожадно, и лица у всех посветлели, словно на них пал чистый незамутненный свет солнца. — Разбрызгивающаяся кровь... это так зрелищно!.. Один красивый удар остро заточенного топора — голова изящно скатывается с плахи. Палач театрально поднимает ее за волосы и показывает в муску-

листой длани ликующему народу, обходя помост со всех четырех сторон. Какой довольный рев поднимается! Как возрастает любовь и преданность к вашему высочеству! Как народ счастлив...

Я видел, что остальные задумались, отсечение головы в самом деле красочнее, минус только один — длится недолго, в то время как повешением можно наслаждаться несколько минут, когда преступник хрипит, выпучивая глаза и багровея, дергается, старается достать ногами земли.

Но слушал я молча, а когда споры зашли в тупик, предложил:

— А что, если провести статистическое исследование?

Все усталились на меня; Альбрехт спросил с подозрением:

— Ваше высочество... а это что?

— Спросить у самого народа, — объяснил я. — И посмотреть, сколько будет за повешение, сколько за отсечение головы. В конце концов, это ведь все для народа делается, для его блага и счастья, так что правильнее будет ему и решать!

Он пробормотал с сомнением:

— Советоваться с простолюдинами?

— А почему нет? — спросил я. — Нам это ничего не стоит, а народ будет счастлив и горд, что лорд у них же и спрашивает, вешать их или рубить головы. И везде слава пойдет, что злые пришельцы с Юга не такие уж и злые, а благосклонны к простому народу, учитывают их пожелания. А это значит, и работать будут добросовестнее! Я им иду навстречу, они идут тоже.

Альбрехт подумал, сказал деловым тоном:

— А публичные казни нужно устраивать в те недели, когда нет ярмарки или в город еще не прибыли бродя-

чие артисты. Два зрелища в одну неделю — это перебор, нужно дозировать. Раз в неделю либо артисты дают представление, либо на площади кого-то казнят...

— Верно, — сказал я, — мы должны показать местному населению новые стандарты правильного демократического поведения и даже мышления. Безусловно, если у народа будет свобода выбора: пойти в собор или на городскую площадь, где ожидается казнь, то и самые набожные побегут смотреть реалити-шоу... Я имею в виду экзекуцию. Потому мы должны обеспечить эти зрелища с достаточной частотой, чтобы благодарное население начало испытывать к нам симпатии, как учитывающим их насущные пожелания, стремления к свободе и достойным развлечениям.

Альбрехт посмотрел на меня очень внимательно.

— Ваше высочество... а если разбойников не хватит?

Я ответил кротко:

— Демократизация общества подразумевает истребление местной знати, у нас своей хватает, а истребление дворян простой народ примет одобрительно.

— С восторгом, — поправил Норберт. — Народ любит, когда дворян вешают.

— Или рубят им головы, — добавил Сулливан сварливо. — Так даже интереснее...

— Спорно, — возразил Норберт. — Когда вешают, интереснее.

— Это если веревка не ломает сразу шею, — уточнил Сулливан. — А вот при рубке голов разбрызгивание крови обеспечено всегда! А если шея особенно толстая, то приходится рубить два или три раза!

— Раз в год нужно будет казнить кого-то из знатных, — предложил Альбрехт. — Это будет особый праздник для народа.

— Можно даже дважды, — поддержал Сулливан. — Четырежды уже перебор, ценность и значимость мероприятия снизится, а вот дважды — в яблочко!

Я слушал-слушал, наконец поднялся и сказал растроганно:

— Друзья мои, я просто счастлив! Столы уже накрыли, сейчас начнем пир, но сперва хочу сказать очень важное, пока не был за жирной пищей... Вы, мои военачальники, сейчас занимаетесь важнейшим государственным делом, а не только отважно и с безумно выпученными глазами водите в свирепый бой войска. Вы незаметно для себя переросли из вояк в политиков, радеющих о нуждах простого народа!

Альбрехт довольно кивнул, только Сулливан спросил ошарашенно:

— Ваше высочество?

Я пояснил:

— В этой плодотворной дискуссии я вижу ростки демократических преобразований, отвечающих чаяниям народа, вашу заботу о нравственно-воспитательной роли зрелищ, а в тщательнейшем сравнении рубить или вешать — желание соответствовать ожиданиям населения в организации реалити-шоу. Мы ведь избраны... пока не ими, а Господом, править народом и вести его к светлому будущему тоталитарной демократии и воинствующему гуманизму!

Никто ничего не понял, но, когда говорят так вдохновенно, нужно улыбаться во весь рот, хлопать и кричать «Браво!».

Я с улыбкой на государственном лице выслушал аплодисменты и крики.

— Я люблю вас, — сказал я растроганно, — вот так, учитывая запросы и чаяния народа, мы построим Царство Небесное!.. А сейчас — все за стол!

Глава 16

Мы пировали шумно и весело, музыканты с бледными лицами и застывшими улыбками стараются играть громче, кто-то из наших пустился в пляс, я уже начал подумывать, что пора покинуть пир, когда подошел один из разведчиков Норберта, они временно исполняют роль как стражи, так и слуг.

— Ваше высочество, — шепнул он, — я хотел погнать прочь, но вы велели отрывать вас от любого пира, если вдруг какое дело...

Я быстро поднялся.

— И сейчас велю. Кто там?

— Всего лишь городской старшина.

— Бургомистр, — сказал я строго, — это не всего лишь! Постепенно ему перейдут все властные полномочия, понял? А мы будем только пить, жрать и баб щупать. Ты что, против?

Он сказал испуганно:

— Что вы, ваше высочество! Как можно быть против? Да плюньте такому в глаза бесстыжие!

Городской старшина Рэджил Роденберри ждал за дверью зала, поспешно поклонился.

— Простите, ваше высочество, — сказал он виновато, — я не думал, что оторву вас от пира...

— От пира всегда можно, — сказал я величественно, — и даже нужно! Это от работы отрывать нельзя. Слушаю вас, господин Роденберри.

Он сказал с заметной неловкостью в голосе и движениях:

— Ваше высочество...

— Что, — спросил я с готовностью, — какие-то проблемы? Выкладывайте, поможем.

Он произнес тихим и нерешительным голосом:

— Ваше высочество... для укрепления доверия к вам лично и вашей армии наш городской совет после долгих споров желает вручить вам корону эрбпринца... Да не покажется это чересчур скромным, ваше высочество, но у нас в королевстве нет и не может быть ничего выше этого титула со времен великого эрбпринца Руперта.

Я спросил с интересом:

— Значит, я буду вторым эрбпринцем за всю историю королевства?

— Можно даже сказать, — уточнил он, — первым. Все-таки эрбпринцем великий наш предок Руперт стал еще в тех землях, что были до прибытия Маркуса... В истории даже не сохранилось их названий... Ваше высочество, это нужно для того, чтобы крестьяне поверили нам... и вам тоже, и начали возить в город зерно, муку, мясо...

— Мне нравится ваш деловой подход, — сказал я с одобрением. — И ваша деловая хватка. Распорядитесь, чтобы подготовили коронавание как можно быстрее, скромнее и без всяких сложностей. Нам и самим нужен бесперебойный подвоз товаров, а не всякие там церемонии, верно?

Он поклонился, не скрывая огромного облегчения.

— Спасибо, ваше высочество!

Я вернулся в зал, там сразу провозгласили тост за возвращение сюзерена к своим верным соратникам, все радостно заорали, уже достаточно хмельные, потянулись друг к другу через стол с налитыми доверху кубками, а я с довольным видом человека, которому все удастся, сел за стол.

Альбрехт начал рассказывать, как быстро королевский дворец наполняется народом, есть и вельможи высокого ранга, а я заметил, как в зал снова проскользнул разведчик и пробирается вдоль стены ко мне.

— Неужели снова дело, — пробормотал я, — как мне везет...

Разведчик приблизился тихонько, шепнул:

— Ваше высочество, там прибыл гонец...

— Давай его сюда, — велел я.

Он переспросил с неуверенностью:

— Но он... издалека!

Я встрепенулся.

— От Меганвэйла? Как здорово! Или Зигмунда Лихтенштейна, что отправился по нашим следам?.. Ладно, тащи скорее сюда!

Он исчез, а через минуту появился в дверном проеме вместе с человеком в темном плаще и с капюшоном, закрывающим верхнюю часть лица.

Я вскочил, задев стол.

— Стоп-стоп! Я лучше сам подойду.

Рыцари прекратили веселый гвалт и смотрели заинтересованно, как я быстро обогнул стол, приблизился к незнакомцу и увел его из зала.

Миновав два коридора, я выбрал уединенное место и сказал тихо:

— Дарси, давай без церемоний, раз уж нас никто не видит. Что пришел украсть?

Он ответил из положения полупоклона:

— Напротив, ваше высочество...

— Что-то принес? Давай!

Он покачал головой.

— Ладони у вас широкие, ваше высочество, загрести можете много, теперь и сам вижу. Но меня послали... как бы точнее сформулировать, оставить у вас то, что вам пока не принадлежит.

Холодок пробежал по мне с головы до ног. Я покачал головой и сказал торопливо:

— Нет-нет, Дарси! Это не дело. Я не могу брать, я же не казнокрад. Я только даю, ранг у меня такой. Потому даже не заикайся о том, о чем хочешь заикнуться.

Он вздохнул, сказал несчастным голосом:

— Я бы не заикнулся, еще в прошлый раз все понял! Но Его Императорское Величество изволили предложить к рассмотрению вариант, который мог бы вас заинтересовать... при наличии доброй воли и определенных обстоятельств.

Я сказал с настороженностью:

— Здесь прозвучали несколько успокаивающие слова: «к рассмотрению», «вариант» и «который мог бы». А еще особенно насчет доброй воли и определенных обстоятельств. Я бы добавил обязательность вхождения Козла, это такой знак Зодиака, в Деву... Не улыбайся, я не имею в виду, что я козел, просто астрология — как бы точная наука в определенных обстоятельствах! Когда нужно, я признаю даже ее.

— Значит, — проговорил он, — при определенных обстоятельствах вы готовы рассмотреть этот вариант?

— При очень определенных, — ответил я нервно. — Настолько, что я даже не знаю... Туда входит и выживание после Багровой Звезды, о которой почему-то я один помню!..

Он подумал, кивнул.

— Значит, я могу сообщить Его Императорскому Величеству Вильгельму Блистательному, что вы очарованы принцессой Аскланделлой... тихо-тихо, ваше высочество! Это просто комплимент и вас ни к чему не обязывает!

— Точно? — спросил я нервно.

— Точно-точно, — заверил он. — Вы очарованы, но в данное время вы проводите важнейшую военную кампанию и потому не можете обсуждать ничего, что выходит за рамки предстоящих сражений.

— Хорошо сказано, — одобрил я. — Хотите ко мне в советники?.. И чем вас там держат, не понимаю! Не патриотизмом же, его еще не придумали. В общем, наговорите сладких слов, чтоб и его императорское величество не обидеть, и чтоб мне больше не совали в руки чересчур хрупкий в обращении...

Он воскликнул в панике:

— Ваше высочество! Принцесса у нас совсем не хрупкая. Скорее, напротив...

— Дорогой, — поправил я себя. — Слишком дорогой товар, я хотел сказать. Такие женщины только Мунтвигу по карману! А мне, как Ваньке Морозову, чего-нибудь попроще. Ну там простые королевские дочки вполне... А императорские... нет, слишком высоко! Даже безумно.

— Уничтожение паче гордыни, — произнес он. — Судя по вашим военным успехам, вы вполне можете потягаться с Мунтвигом за руку великолепной Аскланделлы.

— А мы и тягаемся, — сообщил я. — Вы даже не представляете, как тягаемся! Постоянно письмами обмениваемся на ее счет.

Он сказал живо:

— И как?

— Пока ничья, — сообщил я. — Но оба рассчитываем на победу. Может быть, даже с разгромным счетом.

— Хорошо, — сказал он, — бумагу какую-то составлять будем?

— Ни за что, — отрезал я.

Он поклонился.

— Осторожность — черта политика. А на словах я передам его Императорскому Величеству Вильгельму, что вы весьма заинтересовались принцессой. Это ни к чему не обязывает, зато дает возможность плодотворного разговора. Даже на другие темы.

Он удалился; я некоторое время хмуро смотрел ему в спину, в темя долбит ревнивая мысль, как же передвигается, что за технология, хуже или лучше моей, а ноги привычно понесли обратно.

Рыцари подняли довольный рев, я вскинул руки, как победитель, и опустил в свое кресло.

Альбрехт наклонился к моему уху.

— Это тот... который от императора Вильгельма?

Я буркнул:

— Да. Но он уже отбыл.

— Не сторговались? — спросил он понимающе.

Я покачал головой. Сулливан прислушался, спросил мощным гроыхающим голосом и за столом сразу начали прислушиваться:

— Насчет приданого? Что Вильгельм дает за нею?

Я стиснул челюсти и прошипел зло:

— Что за?.. Никто ни на ком не женится! А если и женится, то не я. У меня такого и в планах нет.

Альбрехт сказал печально:

— У нас тоже не было в планах сюда тащиться. Но... пришлось. Кстати, можно и с Мунтвига еще что-то содрать. Все-таки забираем с его рук эту драгоценность, от которой он не знает, как избавиться.

— Он мог бы уступить нам половину Сакранта, — предположил Норберт деловито. — Или хотя бы пару богатых провинций, где протекают судоходные реки. Я бы, пожалуй, занялся там водоплавающей торговлей, всегда она меня странно привлекала...

Сулливан сказал задумчиво:

— А если император предложит в приданое какие-то земли далеко в его северных владениях? Мы просто не знаем, вдруг там сокровищ больше?

— Надо сперва съездить, — рассудительно сказал Мидль. — Посмотреть, оценить... Нельзя брать, не глядя. Это жену так можно, они все одинаковые, а на

земли и всякое имущество нужно сперва поглядеть, а то такое всучат...

Он взглянул на меня, темного, как грозовая туча, крикнул и сконфуженно умолк, зато Норберт проговорил размеренно:

— Давайте не забывать о главной цели. Вильгельм — император. Я рискну предположить, у него с десяток королевств, все уходят на северо-запад или на север. Он может быть как полезным союзником, так и грозным врагом. Понятно, воевать против двух императоров у нас кишка тонка. Потому нужно любой ценой...

Я не успел возразить, Сулливан прогрохотал недовольно:

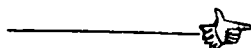
— Не нравятся мне такие речи, как «любой ценой». Хотя, конечно, с этим императором лучше подружиться.

— С любым императором дружить лучше, чем не дружить, — мудро сказал Альбрехт. — И здесь, как мне кажется, ваш вождь должен поступить правильно. Как он обычно и поступает. Заполучить такого могучего союзника ценой всего лишь женитьбы!.. Думаю, сэръ Ричард должен, как государственный человек, поступиться личными амбициями и в интересах дела попросить у императора руки принцессы Аскланделлы!

За столом довольно зашумели, по лицам вижу, уже прикидывают все выгоды от такого союза, а их масса, получить их проще простого: всего лишь женить своего сюзерена. Даже и спрашивать не нужно, тот всегда поступает как политик и везде находит выгоду.

Я помолчал, сейчас возражать глупо, не поймут, вон как глаза горят, как у мышей возле кувшина со сметаной.

— Знаете ли, умники, — сказал я сухо. — Женитьба на высоком уровне — процесс долгий. Это не сельская свадьба Джона и Мэри, чьи дома рядом. Сперва долго и занудно договариваются об условиях... Тихо-тихо, я

о другом. О Маркусе! Он обрушит всю ярость на землю раньше, чем мы поженимся, цикады вы мои беспечные... Вот о чем надо думать!

Альбрехт спросил несвойственным ему легкомысленным тоном:

— А после Маркуса?

— После Маркуса, — буркнул я, думая с тоской о всем о другом, земная цивилизация будет уничтожена, а из зарывшихся в пещеры наверх выберется один из тысячи. — После Маркуса хоть черт с рогами. Да, женюсь на Аскланделле, если вам так хочется услышать. А теперь еще по чаще вина и... все за работу!

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	148
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	281

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ЭРБПРИНЦ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *Н. Гайдукова*

ООО «Издательство «ЭКСМО»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 көңсе.

Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 15.02.2013.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 33 000 экз.) Заказ № 5704.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-63221-3

9 785699 632213 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.

Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-63221-3

9 785699 632213 >

Фич@ру

Длинные Руки —
эроплаги

